

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Суриков Кирилл Андреевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ В ЭПОХУ РЕФОРМ XIX в.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том I

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Шлыков Павел Вячеславович

Москва – 2025

Содержание

Том I

Содержание	2
Введение	4
Глава I. Эволюция организации османской армии в эпоху реформ: основное направление	38
1.1 Победоносное войско Мухаммада: первый опыт модернизации	38
1.2 Формирование и развитие новых вооружённых сил	74
1.2.1 Эволюция устройства регулярных войск Османской империи	74
1.2.2 Развитие резервных войск	122
1.2.3. Вспомогательные и иррегулярные войска Османской империи .	139
1.3 Командно-административная структура сухопутных вооруженных сил Османской империи	148
1.4 Военская обязанность в Османской империи: законодательная база и общественное восприятие	163
Выводы главы I	181
Глава II. Трансформация системы подготовки офицерского корпуса и технического обеспечения армии Османской империи	186
2.1 Эволюция устройства османского военного образования	186
2.1.1 Особенности формирования офицерского корпуса на начальных этапах создания реформированной османской армии	186
2.1.2 Деятельность Военной академии Османской империи	198
2.1.3 Высшее инженерное училище Османской империи	215
2.1.4 Высшее медицинское училище Османской империи	225
2.1.5 Реформы начального и среднего образования	239

2.1.6 Вклад иностранных офицеров в развитие османской военной машины	251
2.2 Реформы военного производства и перевооружение новой османской армии	277
2.2.1 Реформы основных военно-промышленных центров Османской империи	279
2.2.1.1 Имперский арсенал	279
2.2.1.2 Оружейная мастерская	285
2.2.1.3 Пороховая мастерская и швейная фабрика	295
2.2.2 Основные образцы вооружения османской армии и динамика их импорта	300
Выводы главы II	318

Том II

Содержание	2
Глава III. Боевая эффективность реформированной османской армии на примере основных вооружённых конфликтов XIX в.	3
3.1 Русско-турецкая война 1828-1829 гг.	3
3.2 Крымская война (1853-1856 гг.)	24
3.3 Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	48
Выводы главы III	93
Заключение	98
Список источников и литературы	113

Введение

Актуальность исследования. XIX столетие полностью изменило облик османской армии. Она прошла через масштабные реформы, превратившие её из традиционного войска *капыкулу* в вооружённые силы, выстроенные по образцу современных им армий Европы. Преобразования были комплексными и затрагивали все сферы жизни армии, включая подготовку кадров, войсковую организацию и техническое оснащение. В рамках реформ были кардинально изменены устройство армейских подразделений и механизмы управления ими, появились военные образовательные институты, сформировавшие новый офицерский корпус османской армии, военная промышленность Османской империи прошла через несколько циклов модернизации, включавшей в себя полную перестройку имевшихся производственных центров. Тем не менее всеобъемлющая трансформация, через которую проходили османские вооруженные силы в течение XIX в., до сих пор не получила широкого и объективного освещения в отечественной и зарубежной историографии. В большинстве работ процессы, происходившие в османской армии, рассматривались сквозь призму концепции глубокого упадка Порты и всех её институтов, хотя имеющиеся данные говорят об обратном. Противоречия, возникающие при сопоставлении идей упадка и трансформации, остаются недостаточно глубоко исследованными и эксплицированными в современной научной литературе. При этом в подавляющем большинстве зарубежных работ трансформация османской военной машины рассматривается либо частично, либо в контексте общей истории Османской империи, что не позволяет учесть всех необходимых деталей и подробностей. Данное исследование нацелено на проведение комплексного анализа развития османской армии XIX в., а также стремится показать, что военная машина Порты претерпевала процессы именно трансформационного характера, имевшие как позитивные, так и негативные последствия для всего османского государства.

Необходимо подчеркнуть, что предпосылки этих масштабных перемен и осознание их необходимости сформировались гораздо раньше: идеи и попытки

подвергнуть османскую армию кардинальной перестройке и переформировать её по западному образцу возникали с конца XVIII в. Особенно показательным в этом плане является период правления султана Селима III¹, осознававшего проблему крайне низкой боеспособности янычарского войска и решившего развивать новые формирования параллельно. Однако его реформы (*Низам-ы джедид*) встретили сильное сопротивление как со стороны самих янычар, так и покровительствовавших им *улама* (представителей исламского духовенства). В конечном итоге отказ от подавления их выступлений и проведения силовой политики в дальнейшем стоил ему жизни, а начатые им военные преобразования были остановлены.

Возобновить их удалось лишь преемнику Селима III, Махмуду II², вынужденному выжидать благоприятного момента для их продолжения в течение 18 лет. «Счастлиное событие» (осм. واقعه خيريه / тур. *Vaka-i Hayriye*), означавшее подавление янычарского восстания, вспыхнувшего в 1826 г., а также последовавшее за этим полное уничтожение всех их подразделений, ознаменовало собой начало новой главы в истории османских вооруженных сил. В их рядах стали появляться новые воинские части, сперва созданные с опорой на планы султана Селима III, а затем уже сформированные под руководством иностранных инструкторов и военных деятелей. Процесс модернизации шёл медленно, сперва новые полки существовали параллельно со старыми боевыми единицами, однако с течением времени новая организация распространилась на всю османскую армию.

Военные реформы были комплексными и затрагивали все сферы жизни армии. В ходе преобразований войска прошли через полное переустройство своей структуры, вводились новые организационные принципы. Армия также претерпела несколько циклов перевооружения, полного обновления своего арсенала, не ограниченного одной только заменой старого оружия на новое. Были также созданы ключевые военные промышленные центры, где власти стремились наладить собственное производство различных типов вооружения. Кроме того, предпринятые реформы также положили начало истории османского высшего военного

¹ Годы правления: 1789-1807.

² Годы правления: 1808-1839.

образования, поскольку были созданы основные учебные заведения, готовившие офицеров для новой армии. Некоторые из созданных в XIX в. учреждений продолжают свою историю вплоть до настоящего времени.

При этом необходимо подчеркнуть, что столь масштабные преобразования не могли быть проведены одномоментно. Нововведения в армии осуществлялись постепенно и нередко охватывали периоды правления нескольких султанов, а не одного правителя. Так, например, первоначальный импульс к модернизации военной машины Османской империи придали султаны Махмуд II и Абдулмеджид I³. Именно при них завершилась история традиционных османских войск, они же заложили основы, на которых впоследствии продолжилось становление новой армии. Эти султаны создали базу для дальнейшего развития новых армейских организационных стандартов, деятельности иностранных военных миссий, они начали проводить первые мероприятия по перевооружению подразделений. Они заложили в том числе фундамент для дальнейшего развития османского, а затем и республиканского офицерского корпуса, основав Военную академию, Высшее инженерное и Медицинское училища.

Колоссальное влияние на последующий ход трансформации оказал султан Абдулазиз⁴. Приняв османскую военную машину с уже сформированным потенциалом для дальнейшей модернизации, он, воспользовавшись отсутствием масштабных военных конфликтов с внешними силами, приступил к корректировке и расширению преобразований, начатых его преемниками. При нём османские вооружённые силы вновь претерпели масштабные организационные изменения, а введённые султаном обновлённые принципы устройства воинских подразделений завершили процесс реформирования армейской структуры, придав ей законченный вид, в котором она просуществовала вплоть до начала Первой мировой войны. Султан Абдулазиз также нарастил темпы перевооружения армии, при нём все рода войск – пехота, кавалерия и артиллерия – полностью обновили свой арсенал и стали оснащаться по последнему слову техники. Наконец, одной из важнейших его заслуг

³ Годы правления: 1839-1861.

⁴ Годы правления: 1861-1876.

следует считать формирование основ, на которых началось развиваться начальное и среднее общее образование в османском обществе. Его деятельность способствовала созданию в империи сети государственных учебных заведений, чьи ученики впоследствии получали высшее военное образование. Многие из них достигали значительных высот на службе, а отдельные воспитанники, например, Военной академии принимали судьбоносные решения для всего государства.

На трансформацию военной машины Османской империи оказывали влияние не только пожелания отдельных султанов, но и то, как она показывала себя в деле. В течение XIX в. новая османская армия задействовалась не только в подавлении внутренних конфликтов, она также трижды с момента своего основания воевала против Российской империи. Ход событий и результаты русско-турецких войн 1828-1829 гг. и 1877-1878 гг., а также Крымской войны 1853-1856 гг. являются важными практическими критериями, по которым можно судить о степени успешности, либо же о провале проводимых реформ.

Скруплёзное изучение военных преобразований, осуществляемых в периоды правления султанов Махмуда II, Абдулмеджида I и Абдулазиза является ключом к пониманию динамики развития османской армии в XIX в. в частности и логики военной истории поздней Османской империи в целом. Именно на это время пришлось становление и боевое крещение нового османского войска, в конце этого периода оно достигло законченной формы, а кульминацией его стало столкновение с Россией в войне 1877-1878 гг., ставшей проверкой на прочность для всей османской военной машины.

Фактическое отсутствие комплексных исследований трансформации османской военной машины XIX в. стало существенным, но не единственным фактором, сформировавшим актуальность исследования. Она обусловлена в том числе наличием практического измерения. Деконструкция логики развития и модернизации османских вооружённых сил позволяет глубже изучить проблему адаптации армейских структур к различного рода изменениям и требованиям времени, актуальную в наши дни. Преобразования османской армии стали наглядным примером ответа государства на внешние и внутренние вызовы в сфере обороны в специфических

условиях. От османских султанов требовалось в сжатые сроки осуществить революционные по своей сути реформы: закрепить новые системообразующие принципы для всех элементов управления вооружёнными силами, перейти на качественно иные стандарты подготовки армейских кадров, а также внедрить обширный пласт новых технологий. Осуществление всех необходимых изменений дополнительно осложнялось несколькими масштабными военными конфликтами, в которых Османская империя принимала участие. Исследование подходов османских султанов к проведению преобразований военной машины, распределение их по этапам и выявление среди них наиболее важных и первостепенных позволяет подробнее изучить механизмы, работающие в ситуации, когда военная система нуждается в широком спектре обновлений и параллельном поддержании своего бесперебойного функционирования.

В данной работе проведен многофакторный анализ всех сфер жизни османских сухопутных вооруженных сил – от организационных принципов и устройства командных центров до системы военного образования и конструктивного развития принимавшихся на вооружение образцов, а также политического и экономического влияния мер по модернизации военных структур.

Объектом исследования являются сухопутные вооруженные силы Османской империи в эпоху реформ XIX в. (1826-1878 гг.). **Предмет исследования** – системная трансформация османской военной машины в рамках масштабных преобразований в рассматриваемый период, затронувших сферу войсковой организации и подготовки армейских кадров, а также техническое обеспечение воинских подразделений.

Цель работы: определить специфику трансформации сухопутных вооружённых сил Османской империи в континууме преобразований XIX в., а также выявить динамику развития всех ключевых систем османской военной машины, призванных обеспечивать её стабильное функционирование как в мирное, так и в военное время.

Необходимость составления общей картины процесса трансформации османской военной машины в эпоху реформ XIX в. и выявления его основных тенденций

не позволили сосредоточиться на каком-либо одном из этапов модернизации. Напротив, потребовалось охватить большую часть столетия, в течение которого осуществлялись наиболее активные военные преобразования, определив тем самым **хронологические рамки исследования** – с 1826 г., когда была основана новая армия, по 1878 г., когда реформы придали османским силам завершённый вид, а сами они подверглись проверке на прочность в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач, которые можно сформулировать следующим образом:

- Проследить общую динамику изменений облика вооружённых сил Османской империи в ходе военных преобразований, выявить их причины, стратегические цели и основные препятствия при их осуществлении, а также установить, носили ли они стагнационный или модернизационный характер.
- Определить специфику реформ организационного устройства османской армии, выявить достоинства и ограничения её структурной модели на разных стадиях формирования и развития модернизированных османских вооружённых сил.
- Выявить особенности развития сферы технического оснащения османской армии, включая процесс перевооружения османских подразделений на разных этапах преобразований, состояние военной промышленности Османской империи и изменения, которым она подверглась в ходе реформ, а также общий уровень технического развития, на котором находилась османская военная машина относительно государств Европы.
- Раскрыть особенности системы подготовки кадров для модернизируемой османской армии, включая проблему формирования нового офицерского корпуса, конструирование обновлённой системы военного образования, а также деятельность иностранных специалистов в османской армии и их влияние на ход военных реформ.
- Определить характер результатов военной модернизации и выявить, какие из намеченных целей реформ были достигнуты, на примере анализа боевой

эффективности османской армии в крупнейших вооруженных конфликтах XIX в.: русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Крымской войне 1853–1856 гг. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Научная новизна данной работы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в исследовании сформирован новый взгляд на проблему трансформации османской армии сквозь призму исторического, институционального и военно-технического развития, что позволило представить наиболее полную динамическую картину становления новых вооруженных сил Османской империи. Во-вторых, в работе введён в научный оборот широкий перечень османских источников, ранее не переводимых на другие языки, включая современный турецкий. В-третьих, в рамках настоящего исследования был проведен критический анализ некоторых известных публикаций, результаты которого позволили выявить те из них, что потребовали ревизии ввиду своей стереотипности, а также корректировки предоставляемых ими данных с учетом опоры на источники, не представленные в имеющихся современных работах. Рассмотрение технического развития османских вооруженных сил потребовало провести не только детальный анализ конструкций различных систем вооружения, но и определить динамику развития османской военной промышленности, что послужило важным дополнением к исследованию. В публикациях российских, турецких и западных ученых подобный углубленный структурный анализ отсутствует.

Теоретическая и практическая значимость работы обуславливается тем, что материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по военной истории Османской империи, а также дальнейших исследований, посвященных трансформации государственных институтов как Османской империи, так и ранней Турецкой Республики.

Одной из ключевых **методологических** опор исследования стала теория модернизации. Развитие новой османской военной машины является достаточно наглядным её примером. Преобразования вооружённых сил Османской империи были обусловлены исторически, их предпосылками стали многочисленные военные поражения Порты в конфликтах XVIII – начала XIX в. При этом реформы во многом имели догоняющий характер: в условиях стагнации традиционных

воинских институтов османские султаны осознавали необходимость осуществления коренных изменений в данной области, а образцом для будущих преобразований стали армии государств Европы, с которыми османы сталкивались на полях сражений. Однако необходимо подчеркнуть, что османская модернизация имела свою специфику. Свойственный ей демонтаж традиционных институтов и последующая их замена новыми вестернизированными структурами в случае османских вооружённых сил осуществлялись главным образом из прагматических соображений. Вестернизация и следование пути Запада не являлись магистральными задачами трансформации военной организации Османской империи, основной её целью стало обретение способности защитить государство перед лицом усиливавшихся европейских армий. В такой ситуации заимствование у потенциальных оппонентов тех структур и принципов, которые были признаны османами более эффективными, обретало черты вынужденной необходимости.

Теория модернизации была дополнена основными концепциями, существующими в современной османистике. При этом необходимо отметить, что существующие подходы к изучению истории Османской империи разнятся. Некоторые учёные, к примеру, Б. Льюис, А. Леви и А. Палмер, придерживались концепции «османского упадка»⁵, в соответствии с которой после второй осады Вены в 1683 г. начался процесс глубокого кризиса и деградации государственной системы Османской империи, завершившийся её коллапсом в ходе Первой мировой войны. Согласно такой концепции, османская армия XIX в. также находилась в состоянии упадка и не могла преодолеть нарастающие в ней кризисные процессы.

Другие исследователи отвергают такую концепцию, вместо идеи упадка делая акцент на идее трансформации государственных институтов Османской империи⁶. К числу таких учёных относятся, к примеру, М. Уйар, Э. Эрикссон, Ф.

⁵ Lewis B. Some Reflections on the Decline of the Ottoman Empire // *Studia Islamica*. 1958. № 9. P. 21–39; Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteen Century // *Middle Eastern Studies*. 1982. Vol. 18. № 3. P. 227–249; Palmer A. *The Decline and Fall of the Ottoman Empire*. New York, 1994.

⁶ Uyar M., Erickson E.J. *A Military History of the Ottomans*. Santa-Barbara, 2009; Çalışır M.F. Decline of a “Myth”: Perspectives on the Ottoman “Decline” // *The History School*. 2011. № IX. P. 37–60;

Чалышыр, Л. Пирс. Они отметили слабые места концепции упадка, в число которых входит протяжённость этого процесса, превышающая сроки жизни некоторых других государств, а также способность Османского государства защищать свои территории и сохранять контроль над ними, трансформируя при необходимости свою политическую систему. Такая концепция также не в состоянии объяснить лёгкость, с которой османы оправлялись от военных поражений и реорганизовывали свои вооружённые силы. Подобные проблемы они объясняли протекавшим в Османской империи процессом трансформации, в ходе которого она стремилась адаптироваться к меняющейся действительности, принимала меры для соответствия требованиям времени и таким образом сумела остаться важным актором на международной арене.

Наконец, некоторые специалисты по военной истории Османской империи, например, А. Габор⁷, подвергают критике в том числе и новую парадигму трансформации и модернизации имперской государственной системы. Они отмечают, что нагляднее всего процесс трансформации можно было наблюдать в социально-политической и экономической плоскостях, однако такая концепция всё же не даёт удовлетворительного объяснения кризисным явлениям в военной сфере, проявившим себя в виде ряда военных поражений, понесённых османами в войнах с Россией в конце XVIII – XIX в.

Настоящее исследование выполнено с опорой на более нейтральную концепцию трансформации Османского государства. Тем не менее, при его проведении были учтены замечания современных историков в адрес этой объяснительной модели. Используемая методология направлена в том числе на устранение имеющихся лакун и изъянов, в первую очередь тех, что касаются подходов к трансформации османской военной машины.

Важнейшими компонентами методологической базы диссертационной работы стали принцип историзма и системный подход, позволившие рассмотреть

Peirce L. Changing Perceptions of the Ottoman Empire: The Early Centuries // *Mediterranean Historical Review*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 6–28.

⁷ Gábor A. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500-1800 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 2. P. 281–319.

предмет исследования комплексно и в динамике. Общенаучными методами, использованными в диссертации, стали анализ и синтез. Стоит отметить, что рассматриваемая проблематика, а также поставленные цели и задачи потребовали применения различных специально-исторических методов и их комбинации друг с другом. В качестве одного из основных используемых методов следует выделить историко-генетический, позволивший раскрыть функции и изменения османской военной машины в процессе её трансформации во времени, а также выявить причинно-следственные связи, обуславливавшие траекторию её развития. Историко-сравнительный метод применялся при сравнении структуры, организации и общего состояния османских вооружённых сил на разных этапах их развития, что позволило определить глубину и степень успешности преобразований, которым они подвергались. Историко-системный метод применялся с целью представить османские вооружённые силы как комплексную структуру, с одной стороны, состоявшую из ряда меньших систем (к примеру, регулярных, резервных и иррегулярных войск, офицерского корпуса, военно-промышленной системы), но с другой стороны, являвшуюся частью более широкой структуры Османского государства в целом, способной влиять на другие образующие её системы, например, на образовательную. Следует отметить и структурно-диахронный анализ, использование которого обусловлено необходимостью определения динамики развития как отдельных органов османской армии, так и османских вооружённых сил в виде целостной системы. Наконец, применялись методы селекции, структуризации и концептуализации материалов, направленные на создание цельного, последовательного и внутренне согласованного научного исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Системный кризис традиционных войск *капыкулу* поставил перед султанами задачу создания новых, современных и организованных регулярных войск, построенных на европейский манер. Этот процесс протекал в два этапа: первым (1826–1839 гг.) стало формирование основ новой военной машины, её организационных принципов и учреждение новых военных институтов; вторым (1839–

1878 гг.) – развитие созданной системы, внедрение её новых элементов и переустройство прежних.

- 2) Ключевыми сферами трансформации османской военной организации в XIX в. стали:
- a) общевойсковая организация;
 - b) система подготовки военных кадров высшей квалификации;
 - c) материально-техническое обеспечение вооруженных сил.

В сфере организации был проведён ряд последовательных реформ, результатами которых стало существенное изменение структурного облика новой османской армии. Вестернизированная армия получила новые подразделения и иерархию, а также была снабжена новой законодательной базой и получила новый командно-административный аппарат.

В сфере образования были созданы системообразующие высшие военные учебные заведения, впоследствии прошедшие через серию реформ, затронувших также начальный и средний уровни образования. Османская империя получила возможность пополнять офицерский корпус хорошо образованными специалистами.

В сфере технического оснащения был предпринят ряд попыток по созданию собственной оружейной промышленности, а затем было проведено полное перевооружение всех родов войск новейшими образцами западного огнестрельного оружия.

- 3) Трансформация военной организации Османской империи являлась длительным и комплексным процессом, магистральной целью которого стала глубокая модернизация османских вооружённых сил на основе армий Европы. Серия масштабных преобразований привела к качественным и прогрессивным изменениям во всех основных сферах, где проводились реформы. Это позволяет опровергнуть утверждения ряда современных исследователей о том, что османская военная машина в рассматриваемый период находилась в состоянии упадка и стагнации.

- 4) Модернизация вооруженных сил имела противоречивые последствия. Каждое новое преобразование, с одной стороны, устраняло прежние изъяны военной машины, но с другой стороны, несмотря на позитивные следствия, приводило к появлению новых недостатков, требовавших доработки. В организационной и образовательной сферах ресурсоёмкость проводимых реформ оборачивалась ослаблением защиты Османской империи, либо же замедляла дальнейший процесс модернизации. Реформы в технической сфере, несмотря на достижение поставленных целей, ослабили военно-политический суверенитет государства.
- 5) Русско-турецкая война 1828-1829 гг., Крымская война 1853-1856 гг. и русско-турецкая война 1877-1878 гг. продемонстрировали основные изъяны военных преобразований османских султанов на различных этапах становления новой имперской армии. Своеобразной чертой, подведшей итоги длительного процесса трансформации вооруженных сил, стала война 1877-1878 гг. Поражение Османской империи в ней свидетельствовало о недостаточной глубине проводимых реформ, их запоздалом и во многих аспектах паллиативном характере. Большая часть проведённых преобразований имели значительный потенциал лишь в долгосрочной перспективе и не могли дать немедленный результат, требовавшийся султанам накануне войн. Военные поражения Османской империи показали, что несмотря на модернизационные процессы в армии, темпы её трансформации были недостаточно высокими, а магистральная цель реформаторов – создание армии, способной на равных соперничать с войсками стран Европы – так и не была достигнута.

Источниковая база исследования. При написании данной работы были задействованы разноплановые источники на османском, французском, английском, польском и русском языках. Типологически их можно разделить на три группы. **Первую группу** составляют архивные материалы на русском языке, проанализированные в рамках работы в Архиве внешней политики Российской империи, а также османские документы, изученные в ходе работы в Государственном архиве Турецкой Республики в Стамбуле. **Вторая группа** включает в себя материалы на османском языке. Среди таковых имеются труды османских историков XIX в.,

мемуары османских военных деятелей и специальная литературы по военному искусству и оружейному делу, авторами которой являлись преподаватели османской Военной академии. Часть этой литературы использовалась в учебном процессе в данном заведении. **Третья группа** состоит из европейских материалов, главным образом трудов французских, английских, польских и австрийских историков, филологов и государственных деятелей XIX в.

В ходе работы в Архиве внешней политики Российской империи были использованы материалы фонда № 180 (Посольство в Константинополе), распределенные по различным делам, исходя из датировок собранных в них данных⁸. В соответствии с императорским секретным циркулярным предписанием от 15 января 1860 г. под № 38, все российские дипломаты, находившиеся на территории Османской империи, были обязаны собирать все доступные сведения об османских вооруженных силах и каждый месяц отправлять их в Санкт-Петербург. Сбором сведений, как правило, занимались специальные военные осведомители, передававшие информацию в российские консульства в провинциях Османской империи и посольство в Стамбуле. Данные сводились в ведомости, имевшие вид обычных текстовых записей или таблиц. В такие таблицы вносилась информация о численности османских войск в определенных регионах, их составе и распределении по населенным пунктам провинции, о которой собирались сведения.

Осведомители стремились собрать максимально детальную информацию об османских армейских подразделениях. Зачастую это им удавалось, благодаря чему материал в таблицах мог быть лучше структурирован. Например, в ряде донесений были конкретизированы типы войск, о которых собирались сведения: линейная пехота, стрелковые батальоны, кавалерия, артиллерия (также делившаяся на пешую, конную, горную и крепостную), инженерные войска, жандармы, иррегулярные формирования. Также при возможности осведомители старались установить, к какому из армейских корпусов относилось то или иное подразделение. В ряде донесений отмечается номер корпуса, полка или батальона. В отдельную графу

⁸ АВПРИ. Ф. Оп. 517/2. Д. 4367, Д. 4368, Д. 4369, Д. 4370.

выводились данные о численности личного состава батальона, причем подсчитывалось не только количество людей, но и лошадей, если таковые имелись в подразделении. Кроме того, в большинстве донесений имелась специальная графа для примечаний, куда помещались дополнительные сведения, к примеру, о вооружении бойцов. Могло быть указано, что часть контингентов была вооружена нарезными казнозарядными ружьями, а другая часть – более старым дульнозарядным оружием. В этой же графе размещались в том числе сведения о состоянии личного состава. Например, в некоторых регионах Османской империи порой случались локальные вспышки холеры, поражавшие войсковые лагеря. Такие сведения также документировались и вписывались в соответствующее поле.

В таких донесениях имелись сведения и обо всех перемещениях войск, их передислокации в другие населенные пункты, сообщалась информация об их организованности, либо же, напротив, чрезмерной растянутости по обширной территории. Фиксировалось также всё, что касалось процессов перевооружения, поставок боеприпасов и нового оружия, их качества, способы транспортировки и логистические цепочки. В депеши заносились в том числе даты проведения войсковых учений, их ход и результаты.

Данные архивные материалы представляют большую важность для всей работы. Содержащиеся в них сведения в буквальном смысле отражали жизнь османской армии на местах и дают исследователю возможность взглянуть на османскую военную машину практически изнутри. Благодаря им стало возможным делать выводы об уровне подготовки различных подразделений, темпах перевооружения, территориальном расположении, укомплектованности. Таким образом, они демонстрировали степень интенсивности реформ вооруженных сил, проводимых османскими султанами.

Важнейшим дополнением источниковой базы работы стали не только российские архивные материалы, но и османские, доступ к которым был получен в ходе работы в Государственном архиве Турецкой Республики в Стамбуле. Структурным подразделением данного учреждения является Государственный османский архив, в который входит собрание документов ключевых государственных

учреждений Османской империи. Так, при написании работы были задействованы материалы фондов ведомства великого везира (Bab-ı Ali) и Высшего совета юридических постановлений (Meclis-i Vala-yı Ahkam-ı Adliye), использованы документы османского Министерства иностранных дел (Hariciye Nezareti), которые поделены на несколько категорий и составлены на османском, французском и английском языках⁹. В числе таковых можно выделить материалы, составляющие фонд внутренней канцелярии, департамента переводов и переписки между служащими Министерства. Следует подчеркнуть, что материалы османских архивов имеют особую значимость ввиду того, что ранее они практически не вводились в научный оборот в отечественной историографии. Наибольшую важность при этом представляют фонды Министерства иностранных дел Османской империи, поскольку в них содержится переписка между Стамбулом и послами Порты в различных государствах Европы и Америки, включая посольства в Петербурге и Вашингтоне. Эти сведения использовались при написании разделов, посвященных закупкам османами западного вооружения для своей армии, а обмен информацией для их осуществления велся по дипломатическим каналам. Документы ведомства великого везира задействовались при работе над разделами, посвященными анализу механизмов проведения рекрутских наборов в османскую армию.

Группа источников на османском языке состоит из ряда материалов, ранее не вводившихся в научный оборот¹⁰. Одним из важных источников, использованных в работе, является труд военного министра Османской империи, генерального

⁹ DABOA (Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi). F. Sadaret Mektubi Kalemî'nin Meclis-i Vala Evrakı (далее – A.}MKT.MVL). D. 126 G. 49; DABOA. F. Hariciye Nezareti İdare (далее – HR.İD). D. 1150. G.51; DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G.75; DABOA. F. HR.İD. D.1164. G 23; DABOA. F. Hariciye Nezareti Siyasi Tahrirâtı (далее – HR.SYS). D.1049; DABOA. F. Hariciye Nezareti Tahrirâtı (далее – HR.TH.). D.14 G. 42; DABOA. F. Hariciye Nezareti Tercüme Odası (далее – HR.TO). D.115. G. 90.

¹⁰ Şevket M. Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İstanbul, 1907; Tahsin H. Rehber-i Fenn-i Esliha. İstanbul, 1909; Muhtar A. Külliyyât-ı fenn-i esliha. İstanbul, 1889; Esad M. Mirât-ı Mühendishâne-i Berrî-i Hümayûn. İstanbul, 1895; Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. İstanbul, 1893; Tahsin R. Mirât-ı Mekteb-i Tıbbiyye. Birinci kitap. Dersaâdet, 1910; Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur esferinden 1828-1829 Türkiye-Rusya seferi ve Edirne muahedesi. Ankara, 1928; Fevzi. 1853-1856 Türk-Rus Harbi ve Kırım Seferi. İstanbul, 1927; Rifat-pâşâ M.S. Rusya Muhârebesi Târihi. İstanbul, 1858; Fuad A. Musavver 1877-1878 Osmanlı-Rus seferi. İstanbul, 1907; Hulusî M. 1877-78 Osmanlı-Rus seferi. Avrupa cihetindeki harekât. İstanbul, 1908.

инспектора 1-й, 2-й и 3-й армий Махмуда Шевкет-паши «Организация и обмундирование османской армии. История османской армии от её создания до наших дней», изданный в Стамбуле типографией Военной академии в 1907 г. На момент написания Махмуд Шевкет находился в чине генерала и являлся губернатором Косово. Двухтомная работа посвящена общему описанию армии Османской империи и затрагивает период с XIV по XIX вв., и именно во втором томе автор сфокусировался на преобразованиях XIX в. Работа ценна тем, что в ней детально изложены принципы организации османской армии и показана история их развития, а также наглядно продемонстрирована иерархия подразделений и званий, чего не наблюдается в других источниках.

Кроме того, в работе задействован труд османского журналиста, члена Особой организации и человека, первым открывшего огонь по греческим войскам, высадившимся в Измире, Хасана Тахсина «Руководство по оружейному искусству», изданный в Стамбуле Военной академией в 1902 г. Автор имел военное образование, а его труд представляет собой справочник, в котором перечислено всё оружие, принятое в османской армии в 1860-е и 1900-е гг. В него включён обширный перечень, в который входит холодное оружие, ручное стрелковое оружие и артиллерийские вооружения. Справочное издание отличается высокой степенью детализации, предоставляя исчерпывающие технические характеристики для каждой описанной оружейной системы. Объяснены принципы работы различных механизмов (например, затворного), приведены характеристики прицельных приспособлений, калибр используемых патронов и их компоненты (например, тип пороха). Данный источник позволил составить детальное представление об арсенале османской армии, применявшемся во второй половине XIX в.

Работа Хасана Тахсина была дополнена другим источником информации об османском вооружении. Был использован труд *мюшира* (командира корпуса) османской армии, губернатора Йемена и великого везира Ахмеда Мухтар-паши «Сборник оружейного искусства», изданный в Стамбуле в 1889 г. Эта работа являлась учебником для османских офицеров. В ней содержатся крайне подробные сведения обо всех типах вооружения. Этот источник отличается от других тем, что в

нём автором проведён сравнительный анализ османского и прусского вооружения. Кроме того, в нём приведены не только характеристики оружия и принципы работы его механизмов, но также подробно описаны и методы его производства, то есть эта работа содержит больше специальной технической информации. Тем не менее она в большей степени сфокусирована на периоде 1870-х – 1880-х гг., а сравнительный анализ османского оружия осуществлён именно с прусским вооружением, поскольку с начала правления Абдулхамида II немецкие оружейные фирмы приобрели определяющее влияние на османскую военную машину.

Задействован также ряд источников, посвященных сфере военного образования в Османской империи. Два из них написаны майором османской армии, преподавателем Военной академии Мехмедом Эсадом, это «История Высшего инженерного училища» и «История Военной академии», изданные в Стамбуле в 1895 г. и 1906 г. соответственно. Автором третьего источника является майор османской армии, врач больницы Гюмюшсую Рыза Тахсин. Его работа – «История Высшего медицинского училища», вышедшая в свет в Стамбуле в 1910 г. Эти труды содержат сведения об истории трёх важнейших высших учебных заведений Османской империи, готовивших в первую очередь военных специалистов. Их использование позволило проследить перемены в сфере образования от момента основания ключевых военных училищ до окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Источники позволяют узнать об учебных планах, поездках воспитанников заведений в страны Европы для дополнительного обучения. Крайне важным является и то, что авторы постарались собрать всю доступную информацию о выпускниках учебных заведений, включая их численность за каждый год, специальность и воинские звания с момента основания каждого из училищ. Многие сведения уже были утрачены на момент написания данных работ (архивы учебных заведений пострадали из-за пожара), однако часть информации, касающейся периода правления султана Махмуда II все же сохранилась, а материалы, собранные при Абдулмеджиде I и Абдулазизе уцелели в полном объёме, что позволило отследить динамику численности выпускников и оценить уровень развития либо регресса учебного заведения.

Отдельную важность в корпусе османских источников представляет группа работ, посвященных русско-турецким войнам XIX в. В их числе стоит отметить работу Ахмеда Мухтара «Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и Адрианопольский мир», опубликованную в Анкаре в 1928 г., труд майора Февзи «Русско-турецкая война 1853-1856 гг. и поход на Крым», изданную в Стамбуле в 1927 г., работу генерала Рифат-паши «История войны с Россией», опубликованную в Стамбуле в 1858 г., труд Али Фуада «Русско-турецкая война 1877-1878 гг. с иллюстрациями», изданный в Стамбуле в 1907 г., книгу Мехмеда Хулуси «Русско-турецкая война 1877-1878 гг. Положение дел на Европейском фронте», опубликованную в Стамбуле в 1908 г. Все эти произведения, написанные высшими офицерами армии Османской империи, содержат крайне важные сведения о состоянии и численности армий сторон конфликтов, в них также детально освещается ход событий на различных фронтах войн. Использование работ османских военных деятелей позволяет сделать вывод о боевой эффективности османской армии на разных этапах ее становления, а также о ходе реформ.

Кроме того, использованы выпуски османской газеты «Таквим-и Векаи» («Календарь событий») за период с 1831 по 1845 гг.¹¹, в которых до общественности доводились последние решения правительства по различным вопросам, в том числе и военного характера. В номерах публиковались законодательные акты о создании новых подразделений в османской армии, печаталась информация, касавшаяся рекрутских наборов в войска. С того момента, как эта процедура получила официальный свод правил и законов, все сведения о ней выходили на страницах данного издания.

Группа европейских источников также включает в себя разноплановые материалы¹². Среди них есть труд французского юриста и дипломата Эдуарда Энгельгардта «Турция и Танзимат, или же история реформ в Османской империи с 1826

¹¹ Takvîm-i Vekâî'. 1831. Defa 1; 1832. Defa 21; 1834. Defa 80; 1835. Defa 87, 92; 1843. Defa 258; 1845. Defa 289.

¹² Engelhardt É. La Turquie et le Tanzimat. Paris, 1882; Girard A. Le fusil Chassepot, son emploi comme arme de jet, comme arme de main. Paris, 1872; Ubicini M.A. Aperçu économique et statistique sur la principauté de Serbie // Journal des Économistes. Numéro du 15 décembre 1866. Paris, 1867.

г. до наших дней», изданная в Париже в 1882 г. Работа также важна, поскольку в ходе анализа предпринимавшихся в рамках Танзимата реформ, автор не обходит стороной и военную сферу жизни Османского государства.

К группе европейских источников относится также публикация лейтенанта 91-го линейного батальона французской армии А. Жирара, изданная в Париже в 1872 г. под названием «Ружьё Шаспо», посвященная винтовке, которая состояла на вооружении османской армии в определенный исторический период. Исследование включает сведения о технических характеристиках и конструктивных особенностях этого стрелкового образца, расширяя тем самым информационную базу существующих источников по данной тематике.

Важным дополнением к исследованию стала работа французского историка и публициста Жана-Анри-Абдолонима Убичини «Краткое экономическое и статистическое обозрение княжества Сербского», изданная в Париже в 1867 г. В ней автор уделил внимание состоянию областей Османской империи, находившихся на особом положении, и исследовал в том числе и организацию местных войск. Использование этого труда позволило лучше представить, как продвигались реформы, проводимые султаном Абдулазизом, в различных регионах империи.

Значительную часть группы европейских источников составили произведения на английском языке, написанные главным образом британскими и американскими военными деятелями, дипломатами и путешественниками¹³. К числу таких относится, например, работа шотландского путешественника Чарльза МакФарлэна «Константинополь в 1828 г.», изданная в Лондоне в 1829 г., труд британской писательницы и путешественницы Джулии Пардо «Город султана и домашние обычаи турок в 1836 г.», изданный в Лондоне в 1837 г., книга Фрэнсиса Родона Чесни «Русско-турецкие кампании 1828 и 1829 гг. и текущее положение дел на Востоке», изданная в Нью-Йорке в 1854 г., труд американского политика и дипломата Эдварда Джоя Морриса «Турецкая империя, религия, обычаи и традиции

¹³ Mac Farlane C. Constantinople in 1828. London, 1829; Pardoe J. The City of the Sultan and Domestic Manners of the Turks, in 1836. Vol. II. London, 1837; Chesney R.A. The Russo-Turkish Campaigns of 1828 and 1829 with a View of the Present State of Affairs in the East. New York, 1854; Morris E.J. The Turkish Empire, embracing the religion, manners and customs of the people. Philadelphia, 1855.

её народа», изданный в Филадельфии в 1855 г. Все эти работы содержат сведения о повседневной жизни Османской империи в самых разных её аспектах, в том числе и военном. Британские и американские путешественники в ходе своих визитов в империю обращали внимание на состояние и устройство её войск, некоторые из них также могли наблюдать работу османских оружейных заводов, что дополнило картину происходящего в области османской военной промышленности.

Задействованы также весьма важные источники на польском языке¹⁴. Все они посвящены личности Михала Чайковского, перешедшего на османскую службу и основавшего в османской армии так называемый Полк султанских казаков. Наиболее подробная информация о его жизненном пути представлена в работе Франчишека Равиты-Гавроньского «Михал Чайковский (Садык-паша), его жизнь, военная и литературная деятельность», изданной в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Важными являются также сохранившиеся письма Михала Чайковского, дополняющие сведения о его пути в османской армии. Они были собраны Ядвигой Худжиковской и опубликованы под названием «Неизвестные письма Михала Чайковского – Садык-паши и Людвики Щнядецкой в собраниях Национального музея в Кельце» в 1980 г.

Наконец, при написании работы использовались источники на русском языке¹⁵. В их числе следует выделить работу Модеста Ивановича Богдановича «Восточная война 1853-1856 годов», изданная в Санкт-Петербурге в 1876 г., перевод с немецкого на русский язык писем Карла Гельмута фон Мольтке, изданный в Петербурге в 1877 г., а также различные сборники материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. К числу наиболее полезных следует отнести «Материалы для

¹⁴ Rawita-Gawroński F. Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka / Życiorysy sławnych polaków. № 14. Petersburg, 1901; Chudzikowska J. Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach. 1980. № 11. P. 211–232.

¹⁵ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Т. 1. СПб., 1876; Письма о событиях и приключениях в Турции Гельмута Мольтке, капитана Генерального штаба, ныне генерал-фельдмаршала. СПб., 1877; Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 1. СПб., 1904; Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. Журнал военных действий IX армейского корпуса. СПб., 1898; Выпуск 32. Переправа у Зимницы, утверждение на правом берегу Дуная и Западный фронт. СПб., 1902.

описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре», изданные в Петербурге в 1904 г., а также выпуски «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове», из которых «Журнал действий IX армейского корпуса» был опубликован в Петербурге в 1898 г., а «Переправа у Зимницы, утверждение на правом берегу Дуная и Западный фронт» – в Петербурге в 1902 г. Таким образом, большая часть русских источников задействовалась при работе над разделами диссертации, посвященными русско-турецким войнам.

Подходы к изучению проблемы трансформации османской военной машины в современной историографии. Вооруженные силы являлись неотъемлемой частью истории Османской империи. По этой причине на их организацию обращали внимание российские, турецкие и западные исследователи-востоковеды. В этой связи следует выделить некоторые работы отечественных авторов¹⁶, например, труд А.Ф. Миллера «Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в.», изданный в Москве в 1947 г., книгу М.С. Мейера «Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса», опубликованную в Москве в 1991 г., четырёхтомную работу А.Д. Новичева «История Турции», изданную в Ленинграде в период с 1968 по 1978 г., совместный труд И.Е. Петросян и Ю.А. Петросяна «Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.)», изданный в Москве в 1993 г., а также работу С.М. Иванова «Османская империя в мировой экономической системе», опубликованную в Санкт-Петербурге в 2005 г. В этих работах весьма подробно рассматриваются события политической и экономической истории Османской империи, уделяется внимание и роли армии в них. Однако во всех данных работах эти события анализируются в первую очередь сквозь призму общей османской истории, а военные реформы и их влияние на жизнь государства предстают лишь в виде одного из аспектов исследования, к тому же, не являющегося основным и, как следствие, не раскрытого достаточно широко.

¹⁶ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М., 1947; Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991; Новичев А.Д. История Турции. Т. 1-4. Ленинград, 1968-1978; Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы. М., 1993; Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. СПб., 2005.

Тем не менее в данном списке следует отдельно отметить работу С.М. Иванова. Несмотря на то, что этот труд не сфокусирован непосредственно на преобразованиях в вооруженных силах Османской империи, он всё же позволяет сформировать представление об экономической ситуации в государстве в ходе реформ. Этот аспект важен, поскольку благодаря ему рельефнее очерчиваются не только выгоды от таких мероприятий, но и ущерб, который они нанесли государственной казне и, следовательно, экономическому и политическому суверенитету империи.

Для написания разделов, посвященных структурам вооруженных сил, их вооружению и развитию военной мысли, использовалась специальная литература¹⁷. К этой группе можно отнести, к примеру, работу Б. Богдановича «Холодное оружие Османской империи и Албании», изданную в Москве в 2011 г., труд В.Н. Дворянинова «Боевые патроны стрелкового оружия», опубликованный в Москве в 2015 г., книгу В.Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие», изданную в Санкт-Петербурге в 2005 г. Следует отметить также работы В.Г. Федорова «Эволюция стрелкового оружия» и «История винтовки», изданные в Москве в 1938 и 1940 гг. соответственно. Задействовалась также литература, анализирующая развитие военной науки, например, труд А.А. Свечина «Эволюция военного искусства», опубликованная в Москве в 1928 г. Эти исследования важны в первую очередь тем, что в них проанализировано техническое развитие военной отрасли Европы и США, весьма подробно изучены и подвергнуты критике процессы внедрения различного рода технических новшеств, касавшихся как масштабных конструктивных изменений стрелкового оружия (например, перехода от ружей, заряжавшихся с дула к казнозарядным винтовкам), так и более специфических новшеств в производстве боеприпасов к нему – к примеру, изобретения бумажного патрона для винтовок и последующей его замены патронами с металлическими гильзами. Большая часть исследований данной группы не посвящена непосредственно военной истории Османской империи. Однако главная их ценность состоит в том, что они позволяют

¹⁷ Богданович Б. Холодное оружие Османской империи и Албании. М., 2011; Дворянинов В.Н. Боевые патроны стрелкового оружия. Климовск, 2015; Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 2005; Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. М., 1938; Фёдоров В.Г. История винтовки. М., 1940; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 1928.

понять динамику развития военно-технической мысли XIX в., а также выделить те технические свойства новых типов вооружения, которыми не располагала османская армия, и ради которых османские султаны проводили масштабные процессы перевооружения войск западным оружием.

Важным дополнением стали работы отечественных исследователей, посвященные русско-турецким войнам¹⁸. К этой группе стоит отнести труд Н.И. Беляева «Русско-турецкая война 1877-1878 гг.», переизданную в Москве в 2019 г., а также работу под редакцией И.И. Ростунова, посвященную той же войне и изданную в 1977 г. С одной стороны, ряд утверждений, выдвигаемых в них, нуждается в ревизии и корректировке, но с другой стороны, они позволяют сформировать представление о состоянии исследований русско-турецких конфликтов в отечественной историографии. Преимуществом данных работ является то, что они достаточно подробно формируют событийную картину русско-турецких войн с российской стороны – как в сфере её общевоинской организации, так и внутри офицерского корпуса её армии, а также в аспектах технического обеспечения и подготовки личного состава. Однако основным недостатком этих исследований является то, что устройство вооруженных сил османской стороны и процессы, в них происходившие, рассмотрены крайне поверхностно, что создало некий дисбаланс, при котором действия Российской империи выделены весьма рельефно и детально, однако действия османов остались не проясненными.

Среди работ зарубежных авторов¹⁹ следует отметить труд В. Аксан «Османь (1700-1923)», изданный в Нью Йорке в 2022 г., работу Д. Катерта «Османская империя, 1700-1922», опубликованную в Нью-Йорке в 2005 г., ставшую классической работой С. Шоу «История Османской империи и современной Турции», изданную в Нью-Йорке в 2002 г., третий том «Кембриджской истории Турции» под редакцией С.Н. Фароки, изданный в Кембридже в 2006 г., а также труд Э.З. Карала

¹⁸ Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 2019; Русско-турецкая война 1877-1878 / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977.

¹⁹ Aksan V. The Ottomans. New York, 2022; Quataert D. The Ottoman Empire. New York, 2005; Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. New York, 2002; The Cambridge History of Turkey. Vol. 3. / ed. by Faroqhi S.N. Cambridge, 2006; Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. Ankara, 2007.

«Османская история», опубликованный в Анкаре в 2007 г. Данная группа западных исследований, несмотря на методологические отличия от соответствующей группы отечественных работ, имеет и ряд схожих с ней черт. Главная из них заключается в том, что эти труды сфокусированы на длительных периодах османской истории, при этом их авторы стремились объять значительно более широкий круг проблем, не ограничиваясь только военной историей Османской империи. Несмотря на преимущества такого подхода, позволившего получить представление о политических, социальных и экономических процессах, развивавшихся в Османской империи, ряд проблем, присущих сугубо военной системе османского государства, оказался смещён на второй план, и, как следствие, проанализирован достаточно поверхностно.

Тем не менее зарубежная историография богата в том числе и специальными работами, посвященными военной истории Османской империи²⁰. Среди них наиболее яркими и полными являются: исследование М. Уйара и Э.Д. Эриксона «Военная история османов», изданное в Санта-Барбаре в 2009 г., работа У. Хэйла «Турецкая политика и армия», опубликованная в Падстоу в 1994 г., труд Ю. Карадаша «Модернизация и стагнация в османской армии», изданный в Стамбуле в 2016 г., масштабное исследование, выполненное офицерами турецкого Генерального штаба «История турецких вооруженных сил» и изданное в Анкаре в 1978 г. Также важно упомянуть работу У. Унала «Османская сухопутная армия в период правления султана Абдулазиза», изданную в Анкаре в 2016 г.

Данная группа исследований имеет особую важность, обусловленную в первую очередь тем, что входящие в неё работы сфокусированы на развитии военной машины Османской империи. Подобная специфика значительно менее выражена в работах отечественных исследователей, и труды турецких и западных авторов позволили сформировать более полную картину развития османских вооруженных сил. Тем не менее и в их подходах обнаружился ряд слабых мест. М. Уйар

²⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit; Hale W. Turkish Politics and the Military. Padstow, 1994; Karadaş Y. Osmanlı Ordusunda Modernizasyon ve Demodernizasyon. İstanbul, 2016; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. Ankara, 1978; Ünal U. Sultan Abdülaziz devri Osmanlı kara ordusu. Ankara, 2016.

и Э. Эрикссон стремились продемонстрировать динамику развития османской армии на всём протяжении османской истории, с XIV по начало XX вв., результатом чего стал достаточно поверхностный анализ процессов в османских вооруженных силах XIX в. Например, становлению военно-образовательной системы Османской империи уделено лишь несколько страниц, события Крымской войны 1853-1856 гг. изложены фрагментарно и оказались перемешаны с содержанием военных реформ султана Абдулмеджида I, а стремительному развитию западной военно-конструкторской мысли XIX в. и её влиянию на османские вооруженные силы было выделено лишь несколько абзацев. В свою очередь, исследование Ю. Карадаша основано на широком круге западных источников и литературы, что зачастую является нетипичным для турецких работ. Однако существенным изъяном этого труда является достаточно скромная османская источниковая база, представленная главным образом переведенными на современный турецкий язык мемуарами политических деятелей поздней Османской империи. Совместный труд офицеров турецкого Генерального Штаба позволяет почерпнуть информацию о ходе османских военных преобразований, а также содержит значительное число статистических данных, касающихся численности османской армии на различных этапах её становления и материально-технического обеспечения османских войск. Тем не менее поскольку исследование было составлено для других военных специалистов, его материал изложен в крайне сжатой, а порой и фрагментарной форме. Аналитическая составляющая в нем проявлена достаточно слабо, что является ключевым изъяном работы.

Задействован также широкий спектр исследований, посвященных реформам в Османской империи XIX в., в том числе и различным военным преобразованиям²¹. Здесь следует отметить статью М. Хаджысалихоглу «Набор в османскую армию», опубликованную в 2007 г., статью Т. Хайнцельманна «Изменения в политике рекрутирования в османскую армию в 1839-1856 гг.», изданную в 2011 г.,

²¹ Hacısalıhoğlu M. Inclusion and Exclusion: Conscription in the Ottoman Empire // *Journal of Modern European History*. 2007. Vol. 5. № 2. P. 264–286; Heinzelmann T. Changing recruiting strategies in the Ottoman army, 1839-1856. // *The Crimean War* / ed. by Jerzy W. Borejsza. Warszawa, 2011. P. 19–38; Köksal Y. *The Ottoman Empire in the Tanzimat Era*. NY, 2019; Levy A. *The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army* // *International Journal of Middle East Studies*. 1971. Vol. 2. № 1. P. 21–39.

работу Й. Кёксала «Османская империя в эпоху Танзимата», опубликованную в Нью-Йорке в 2019 г., статью А. Леви «Офицерский корпус в новой османской армии султана Махмуда II», опубликованную в 1971 г.

Кроме того, использовалась литература, посвященная вооружению османской армии²². К ней можно отнести статью У. Ахтермайера «Сага о винтовке Пибоди-Мартини», изданную в 1979 г., работу Д. Беннетта «Айналы Мартини: первая современная винтовка османской армии», опубликованную в 2018 г., а также статью Р. Трэнка «Промедление под Плевной: Винчестеры и Пибоди-Мартини в русско-турецкой войне», опубликованную в 1997 г. На эту тему писали и турецкие исследователи. Так, можно выделить работу С. Сойлуэра «Создавая имперский арсенал: роль европейских специалистов в османском производстве огнестрельного оружия», изданную в 2018 г., и статью М. Беширли «Немецкое оружие в османской армии эпохи Абдул-Хамида II», изданную в 2004 г.

Другую группу образует литература, посвященная не столько самому оружию османской армии, сколько влиянию мероприятий по его закупке и производству на экономику Османской империи²³. В ней можно выделить, например, статью С. Шоу «Османские расходы и бюджеты в конце XIX – начале XX вв.», опубликованную в 1978 г., статью Б. Четина «Развитие военных технологий в Османской империи», изданную в 2002 г., статью Э. Каракоча и А.С. Мете «Влияние закупок огнестрельного оружия на финансовую структуру Османской империи в период военной модернизации (1853-1908)», опубликованную в 2020 г., а также работу А.

²² Achtermeier W.O. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // *Man at Arms*. 1979. Vol. 1. № 2. P. 12–21; Bennett J. The “Aynalı Martini”: The Ottoman Army’s First Modern Rifle // *Anatolica*. 2018. № XLIV. P. 229–255; Trenk R.T. The Plevna Delay: Winchesters and Peabody-Martini in the Russo-Turkish War // *Man at Arms*. 1997. Vol. 19. № 4; Soyuler S. Tüfenkhane-i Âmiri’yi Mamur Kılmak: Osmanlı Tüfek İmalatında Avrupalı Uzmanların Rolü // *Osmanlı Araştırmaları*. 2018. № LII. P. 267–309; Beşirli M. II. Abdülhamid Döneminde Osmanlı Ordusunda Alman Silahları // *Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2004. Vol. 16. № 1. P. 121–139.

²³ Shaw S.J. Ottoman Expenditures and Budgets in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *International Journal of Middle East Studies*. 1978. Vol. 9. № 3. P. 373–378; Çetin B. Osmanlı İmparatorluğu’nda Askerî Teknolojilerin Takibi // *Türkler*. C. 13. Ankara, 2002. S. 812–821; Karakoç E., Mete A.S. The Effects of the Firearm Purchasings on the Ottoman Financial Structure during the Military Modernization // *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2020. № 49. P. 293–312; Köktaş A.M., Gölçek A.G. Endüstri Devrimi ve Osmanlı İmparatorluğu: Askeri Fabrikalaşma Örneği // *Ömer Halisdemir Üniversitesi İİBF Dergisi*. 2016. Vol. 9. № 4. P. 95–105.

Кёкташа и А. Гельчека «Индустриальная эпоха и Османская империя: пример индустриализации военной отрасли», изданную в 2016 г.

В отдельную группу можно выделить работы, анализирующие русско-турецкие войны²⁴. К ней можно отнести, например, работу В.Э. Аллена и П. Муратоффа «Сражения на Кавказе. История войн на турецко-кавказской границе, 1828-1921», изданную в 1951 г., труд М. Кокса и Д. Лентона «Основы Крымской войны. Организация и униформа», изданный в 1988 г., исследование В. Таки «Турецкие войны России. Царская армия и балканские народы в XIX в.», опубликованное в Торонто в 2024 г., статью Ю. Байыла «Снабжение османской армии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.», изданную в 2013 г., статью Т. Озджана «Санитарные проблемы в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.», опубликованную в 2010 г., а также работу Х. Шахина «Подразделения башибозуков в сражениях на Кавказском фронте Крымской войны 1853-1856 гг.», изданную в 2013 г.

Для написания разделов, посвященных деятельности иностранных офицеров в османской армии, задействовались специальная литература на польском и черногорском языках²⁵. В этой группе можно отметить статью А. Адровича «Мустафа Джелалеттин-паша», опубликованную в 2018 г., работу Х. Худжо «Польские генералы в обороне крепости Карс в ходе Крымской войны», изданную в 2011 г., статью К. Карбовника «Польские вооруженные формирования в османской армии в ходе Крымской войны», изданную в 2012 г., работу П. Скалубы «Попытки создания

²⁴ Allen W.E., Muratoff P. *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border*. Cambridge, 1953; Cox M., Lenton J. *Crimean War Basics*. Leeds, 1988; Taki V. *Russia's Turkish Wars*. Toronto, 2024; Bayıl Y. 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı'nda Osmanlı Ordusunun İkmal ve İaşesi // *History Studies*. 2013. Vol. 5. № 1. P. 17–38; Özcan T. 1828-1829 Osmanlı-Rus Savaşı Sırasında Yaşanan Sağlık Sorunları // *History Studies*. 2010. Vol. 2/3. P. 257–231; Şahin H. Kırım Harbi'nde Doğu Anadolu Cephesi'nde cereyan eden muharebelerde başı-bozuk birlikleri // *A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 2013. № 49. P. 343–358.

²⁵ Adrović A. Mustafa Dželalettin Paša // *MATICA Časopis Matice crnogorske*. 2018. № 73. P. 115–144; Chudzio H. Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // *Studia z historii społeczno-gospodarczej*. 2011. T. 9. P. 153–172; Karbownik K. Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2012. Vol. 13. № 64. S. 215–233; Skałuba P. Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysockiego w latach 1853-1855 // *Bezpieczeństwo*. 2010. № 3-4. P. 211–218; Zlatanov A. Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. Vol. LIII. № 2. P. 111–130.

вооруженного формирования в Турции под командованием генерала Юзефа Высоцкого в 1853-1855 гг.», опубликованную в 2010 г., а также работу А. Златанова «Неопубликованные воспоминания о Михале Чайковском – Садык-паше», изданную в 2019 г.

Анализ содержания групп работ, посвященных преобразованиям отдельных систем османской военной машины, развитию её технического уровня и попыткам прийти к равному положению с армиями государств Европы, военной экономике Османской империи, изучению действий османской армии в различных конфликтах XIX в., а также деятельности иностранцев на османской службе, позволяет прийти к выводу об общем состоянии корпуса современных исследований османских вооруженных сил и выявить основную его проблему, сохраняющуюся вплоть до настоящего времени. Существует значительное число работ отечественных, турецких и западных историков и востоковедов, в которых проанализированы процессы, протекавшие в отдельных сферах жизни османской армии. Например, статья А. Леви позволила составить весьма детальное представление о динамике развития офицерского корпуса османской армии в 1826-1839 гг., работа С. Сойлуэра раскрыла некоторые обстоятельства внедрения технических новшеств в османские воинские подразделения, а статья Ю. Байыла продемонстрировала, с какими проблемами пришлось столкнуться османам в попытках обеспечить бесперебойное снабжение своих войск в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что автор практически любого из данных исследований фокусировался на одной, достаточно узкой и специфической проблеме конкретного аспекта функционирования османской военной машины. При этом общий контекст происходившего в османских вооруженных силах XIX в. давался лишь в самых общих чертах, а проводимый анализ оказывался, с одной стороны, весьма подробным в рамках поднимаемой проблемы, но с другой стороны, изолированным от прочих сфер жизни османской армии. В результате исследования технического развития войск оказывались не связанными со становлением военно-образовательной системы, а в работах по османскому офицерскому корпусу оказывались вынесенными за скобки проблемы развития армейской

организации, хотя все эти темы неразрывно связаны друг с другом. Таким образом, проблема нехватки комплексных исследований, посвященных развитию вооружённых сил Османской империи XIX в. и затрагивающих все ключевые области, в которых происходили модернизационные процессы, по-прежнему сохраняется.

Вместе с тем, это не означает полного отсутствия работ, основанных на комплексном подходе к изучению османской военной истории. К подобного рода исследованиям относятся труды М. Уйара и Э. Эриксона, а также В. Аксан и Ю. Карадаша. Однако в случае с работами данной группы проблема носит прямо противоположный характер: если исследования, посвященные отдельным проблемам османской армии, оказываются изолированными от общего развития других армейских институтов XIX в., то работы, в которых османская военная история анализируется сквозь призму комплексного, системного подхода, в подавляющем большинстве сконцентрированы на широких временных периодах длительностью в несколько веков. Несмотря на то, что такой подход позволяет составить представление о военной истории Османской империи в различных исторических эпохах, в его рамках едва ли возможно проанализировать период модернизации османских войск XIX в. таким образом, чтобы существенная часть важных подробностей не отошла на второй план. По этой причине проблема трансформации военной организации Османской империи в исследованиях, основанных на таком подходе, раскрыта не полностью, они содержат лишь наиболее общие сведения по данной проблематике. Вместе с тем военные преобразования XIX в. стали поворотным моментом в истории не только поздней Османской империи, но и ранней Турецкой Республики, чья армия поначалу опиралась на результаты реформ османских султанов. Они заслуживают скрупулезного и детального анализа во всех ключевых аспектах жизни османских вооружённых сил, однако работ, в которых османская военная история изучается под таким углом, крайне мало.

Помимо этого, обращает на себя внимание то, что большинство современных исследований посвящено периоду правления султанов Махмуда II (правил в 1808-1839 гг.), Абдулмеджида I (правил в 1839-1861 гг.) и Абдулхамида II (правил в 1876-1909 гг.). Однако развитию османских вооружённых сил при султанах

Абдулазизе уделено значительно меньше внимания. На эту тему имеется лишь работа У. Унала, однако его исследование также не формирует комплексного представления о состоянии вооруженных сил в данный период, например, проблемы технической модернизации и перевооружения в нем рассмотрены весьма поверхностно, не были указаны даже модели оружия, применявшиеся османами. В остальных работах периода 1861-1876 гг. уделено незаслуженно мало внимания ввиду того, что в это время Османская империя не вела крупных войн с другими государствами, современная историография рассматривает его, как некий промежуток между Крымской войной и русско-турецкой войной 1877-1878 гг. Однако в этот период произошли крайне важные сдвиги в трансформации османской военной машины, и для понимания логики её развития они должны быть подвергнуты тщательному анализу.

Наконец, дальнейший анализ работы У. Унала позволил обнаружить другую проблему, за редким исключением присущую исследованиям как турецких, так и западных авторов. Она связана с обеспеченностью современных работ османскими источниками. Подавляющее большинство западных авторов использует лишь те османские документы, что уже были переведены на современный турецкий язык. Безусловно, они могут существенно дополнить содержание исследования, однако круг доступных османских источников не ограничивается лишь теми из них, что были переведены. Стремление использовать в основном транслитерированные материалы приводит к тому, что объёмный корпус источников на османском языке не вводится в научный оборот, что значительно обедняет источниковую базу современных исследований. Это актуально в том числе и для большей части турецких исследователей. Для многих турецких исследований характерна в том числе опора преимущественно на турецкую научную литературу. Это, в свою очередь, приводит к дисбалансу источниковой и историографической основы их трудов, поскольку нехватка западных источников и литературы оборачивается достаточно односторонним взглядом на проблему развития османских вооруженных сил.

Данная работа стремится заполнить существующие лакуны, имеющиеся в исследованиях современных авторов, предоставить комплексный и обновленный

взгляд на проблему трансформации османской армии, освещая ее под иным углом и учитывая достижения и неудачи как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность выводов обусловлена проведением исследования на основе широкого и репрезентативного круга научной литературы и источников, немалая часть которых впервые вводится в научный оборот, а также критическим осмыслением содержащихся в них сведений. Промежуточные результаты исследования легли в основу докладов на ежегодной международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов (2022, 2023, 2024 гг., МГУ имени М.В. Ломоносова), международном научном Конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (2023, 2025 гг., Восточный факультет СПбГУ), а также ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения» (2022, 2023, 2024, 2025 гг., МГУ имени М.В. Ломоносова).

Отдельные положения диссертационного исследования изложены в шести статьях, опубликованных в научных изданиях. Все они вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3 Положения о присуждении учёных степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Суриков К.А. Ружья, деньги и судебные тяжбы: проблемы перевооружения армии Османской империи в 1870–1880-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2025. – Т. 16. – Выпуск 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840034839-1-1/>. EDN: LZFCQW. Импакт-фактор 0,242 (SJR). 1,31 п.л. DOI: 10.18254/S207987840034839-1.
2. Суриков К. А. Балканский фронт в русско-турецких войнах XIX в.: взгляд с османской стороны // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 12. Часть I. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840033598-6-1/>. EDN: GOKSWY. Импакт-фактор 0,242 (SJR). 1,45 п.л. DOI: 10.18254/S207987840033598-6.
3. Суриков К.А. «Свои среди чужих, чужие среди своих»: польские офицеры на службе в армии Османской империи в 1840–1870-х годах // Новая и новейшая

история. – 2024. – № 6. – С. 126–138. EDN: TJNDFT. Импакт-фактор 0,536 (SJR). 1,2 п.л. DOI: 10.31857/S0130386424060108.

4. Суриков К.А. Переправа российских войск через Дунай в ходе войны 1877–1878 гг.: взгляд с османского берега // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840028570-6-1/>. EDN: LZERXB. Импакт-фактор 0,242 (SJR). 1,5 п.л. DOI: 10.18254/S207987840028570-6.
5. Суриков К.А. Самый долгий век османского оружия: трансформация технического обеспечения сухопутной армии Османской империи в ходе модернизации XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/>. EDN: TOJSBZ. Импакт-фактор 0,242 (SJR). 1,2 п.л. DOI: 10.18254/S207987840028953-7.
6. Суриков К.А. Заложники технического прогресса: надежды и разочарования догоняющего развития военной промышленности в Османской империи XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2023. – Т. 67. – № 2. – С. 92–98. EDN: EIOWXU. Импакт-фактор 0,247 (РИНЦ). 0,3 п.л. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-2-8.

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы. **Первая глава** «Эволюция организации османской армии в эпоху реформ: основное направление», состоящая из пяти параграфов, посвящена развитию структуры обновлённых вооружённых сил Османской империи на различных этапах её становления в 1826–1878 гг. В первом параграфе анализируется начальный этап строительства современной османской армии при султани Махмуде II (правил в 1808–1839 гг.), на котором она претерпела первые реформы и получила основу для последующего развития. В целях структурированного изложения материала второй параграф разделен на три подраздела и посвящён дальнейшим преобразованиям обновлённой армии, выполненным с опорой на первоначальные достижения султана Махмуда II. В подразделах второго параграфа последовательно

проанализированы организационные реформы регулярных войск Османской империи, армейского резерва, а также иррегулярных формирований, прикрепленных к османской армии. В третьем параграфе рассматривается эволюция командно-административных структур реформированной военной машины, анализируется становление и развитие важнейших армейских институтов, обеспечивавших стабильное функционирование и слаженную работу имевшихся подразделений. В четвертом параграфе изучается функционирование механизма пополнения личного состава османской армии, исследуется формирование законодательной базы, регламентировавшей набор в войска, а также восприятие новых законов различными слоями населения Османской империи. Пятый параграф содержит выводы и итоги анализа, проведенного в рамках первой главы исследования.

Вторая глава «Трансформация системы подготовки офицерского корпуса и технического обеспечения армии Османской империи» состоит из трех параграфов, она посвящена развитию новой вестернизированной системы военного образования, внедрявшейся в османские войска в рамках проводимых преобразований, а также попыткам выстроить в османском государстве полноценную оружейную промышленность и перевооружить регулярные и резервные подразделения наиболее современным оружием. Первые два параграфа главы разделены на подразделы. Первый параграф посвящен развитию ключевых высших военных учебных заведений, внедрению новых стандартов подготовки армейских кадров, а также последующим углубленным реформам начального и среднего образования. Во втором параграфе анализируется динамика развития османской военной промышленности. Параграф также разделен на подразделы, в которых последовательно изучаются реформы ключевых производственных центров Османской империи – Имперского арсенала, Оружейной и Пороховой мастерских, а также швейных фабрик Стамбула. В заключительном подразделе исследована динамика импорта европейского и американского вооружения после того, как от дальнейших преобразований в сфере военного производства было решено отказаться. Третий параграф содержит результаты анализа, проведенного в рамках второй главы исследования.

Третья глава «Боевая эффективность реформированной османской армии на примере основных вооруженных конфликтов XIX в.», состоящая из четырёх параграфов, посвящена тому, насколько успешно или неудачно османская армия проявляла себя в условиях боевых действий против внешнего неприятеля. Это послужило практическим критерием, опираясь на который стало возможно сделать выводы о характере результатов преобразований османской военной машины XIX в. В первом параграфе главы анализируется организация, состав и эффективность действий османской армии в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг., в которую она вступила на начальных этапах своего существования, будучи неготовой к полномасштабным боевым действиям. Во втором параграфе проанализированы действия османской армии в ходе Крымской войны 1853-1856 гг., к которой она подошла уже более подготовленной после прошлого поражения. Несмотря на это, результаты данного конфликта имели противоречивые последствия для османской стороны. В третьем параграфе изучены состав, уровень подготовки и технического обеспечения, а также эффективность действий османской армии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Османская империя вступила в неё, располагая достаточно организованными и хорошо оснащенными войсками, но при этом не устранив проблемы функционирования офицерского корпуса, что обернулось тяжелыми последствиями для османского государства. Четвертый параграф содержит результаты анализа и выводы третьей главы. В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования.

Глава I. Эволюция организации османской армии в эпоху реформ: основное направление

1.1 Победоносное войско Мухаммада: первый опыт модернизации

К началу XIX в. необходимость реформ всей османской военной машины стала очевидной для султана и его окружения. Тем не менее все попытки осуществить преобразования наталкивались на ожесточённое сопротивление янычар, готовых пойти в том числе на свержение и убийство неугодных им падишахов и саванников, как это произошло с Селимом III в 1807 г. Махмуд II, усвоив уроки прошлого, долгое время готовился к проведению реформ. В результате последний янычарский бунт, начавшийся 15 июня 1826 г., был подавлен войсками под командованием Аги Хусейн-паши, а янычарский корпус – расформирован²⁶.

Спустя три дня после его уничтожения было создано новое войско, что положило начало развитию османских вооружённых сил, построенных по западной модели – Победоносное войско Мухаммада (осм. *عساكر منصوره محمدیه* / тур. *Asakir-i Mansure-i Muhammediye*). Образование новой армии также потребовало создания нового командно-административного аппарата для неё. Высшей командной должностью в новых войсках стал *сераскер* (осм. *سر عسكر* / тур. *serasker*)²⁷. Первым человеком, занявшим этот пост, стал Ага Хусейн-паша, отличившийся при подавлении янычарского восстания. Чтобы снизить нагрузку на институт *сераскерата* и позволить командующему сосредоточиться непосредственно на управлении войсками, основные административные функции были переданы специально созданному Министерству Победоносного войска²⁸.

Тем не менее нельзя сказать, что эти реформы проводились гладко. В первую очередь следует обратить внимание на обстановку, в которой они осуществлялись. Ведь это не был плавный переход от одной войсковой структуры к другой.

²⁶ The Cambridge History of Turkey. Vol. 3. P. 130.

²⁷ Şevket M. Osmânî teşkilât. S. 7.

²⁸ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 190.

Напротив, Османской империи пришлось формировать новые вооружённые силы оперативно, в условиях крушения старой организации. Это не только дополнительно усложняло ход преобразований, но и оставляло государство фактически без необходимой защиты, поскольку наиболее боеспособная часть её армии была расформирована, а её административные структуры были уничтожены. Начавший набор солдат для новой армии Ага Хусейн-паша был вынужден проводить его в шатре у мечети Сулеймание, поскольку других помещений не было – казармы оказались уничтожены при подавлении янычарского бунта. Новобранцы же после поступления на службу проводили дни в воинской подготовке, а по ночам распускались по домам, поскольку новые казармы не успевали построить до заступления на службу²⁹. На первых порах им не хватало даже униформы, и чтобы подчеркнуть свой статус военнослужащих, им приходилось повязывать специальную ткань на голову³⁰.

Положение дел усложнялось также и тем, что численность нового войска стремительно увеличивалась. С одной стороны, это было плюсом для вооружённых сил, но с другой стороны, это затрудняло строгий отбор новобранцев. Среди них периодически попадались бывшие янычары, стремившиеся, оказавшись в новой армии, изменить ситуацию в свою пользу. Однако их довольно быстро вычисляли, часть из них отправляли в ссылку, а других казнили через расстрел или повешение³¹.

Таким образом, невзирая на трудности, реформы продолжались. Наконец, в пятницу, 7 июля 1826 г. по Григорианскому календарю, либо 2 дня (аль-Джума) месяца Зу-ль-Хиджа 1241 г. по Хиджре, был опубликован закон, утвердивший создание нового войска³². Основным положениям данного законодательного акта следует уделить отдельное внимание.

²⁹ Çoban A.H. Ahmet Cevat Paşa'nın Târih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbi') adlı eserinin transkripsiyonlu metni. Yüksek lisans tezi. Afyonkarahisar, 2009. S. 28.

³⁰ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 190.

³¹ Ibid.

³² Новичев А.Д. История Турции. Т. 2. Новое время. Часть первая (1792-1839). Ленинград, 1968. С. 148.

Документ состоял из восьми частей, каждая из которых касалась определённого аспекта функционирования нового войска. В первой части описаны причины упразднения янычарского корпуса и создания Победоносного войска Мухаммада. Во второй части излагались организации, численности, административного аппарата и обязанностей формирования. В третьей части был определен ежедневный процесс обучения и выполнения намаза. В четвертой части приводился порядок выплаты жалования, выдачи униформы и прочих необходимых вещей и оборудования. Пятая часть была посвящена порядку продвижения военнотружашего по служебной лестнице в новой части армии. Шестая часть разъясняла правила предоставления отпусков для возвращения в родные места и осуществления хаджа. В седьмой части описывалась процедура ухода в отставку с воинской службы и выхода на пенсию. В восьмой, завершающей части, были изложены критерии для приёма на службу в Победоносное войско Мухаммеда³³.

Примечательно, что во вводной части *кануннаме*, несмотря на предшествующий его выходу разгром янычарского корпуса, признавалась его значимость для государственного строительства. Подчёркивалась роль янычар в территориальном расширении Османской империи, но также отмечалось, что с течением времени корпус утратил свою былую силу, перестал одерживать победы в завоевательных походах, а меры, направленные на восстановление порядка в нём, оказались безрезультатными. По этой причине янычарский корпус расформировали, а вместо него создали Победоносное войско Мухаммеда³⁴.

Вторая часть документа устанавливала организационные принципы нового войска. В соответствии с законодательным актом, изначальная численность формирования устанавливалась в 12 тыс. человек³⁵. Они, в свою очередь, были разделены на 8 *тертибов* (осм. ترتیب / тур. tertip) – отделений, являвшихся, по сути, аналогами полков³⁶. Их названиями являлись порядковые номера с первого по

³³ Keleş H. Asâkir-i Mansûre-i Muhammediyye Kânûnnâmesi. // Kastamonu Eğitim Dergisi. 2006. Vol. 14 (1). S. 229.

³⁴ Ibid. P. 230.

³⁵ Çadırcı M. Anadolu'da Redif Askeri Teşkilâtının kuruluşu. // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1963. Vol. 8 (14). S. 65.

³⁶ Şevket M. Osmânî teşkilât. S. 7.

восьмой. Численность одного *тертиба* составляла 1526 человек³⁷. Каждый *тертиб* делился на 12-16 более мелких подразделений, называвшихся *сафами* (осм. صف / тур. saf)³⁸. Численность одного *сафа* составляла около 100 человек. Это подразделение можно охарактеризовать как аналог роты. Также каждый *тертиб* разделялся на крылья (осм. قول / тур. kol): правое и левое, каждое из которых состояло приблизительно из 6-8 *сафов*³⁹. Эти отделения напоминали собой батальоны. Каждый *саф*, в свою очередь, делился на 10 мелких отделений по 10 человек в каждом⁴⁰. Организацию войска можно представить в виде следующего рисунка:

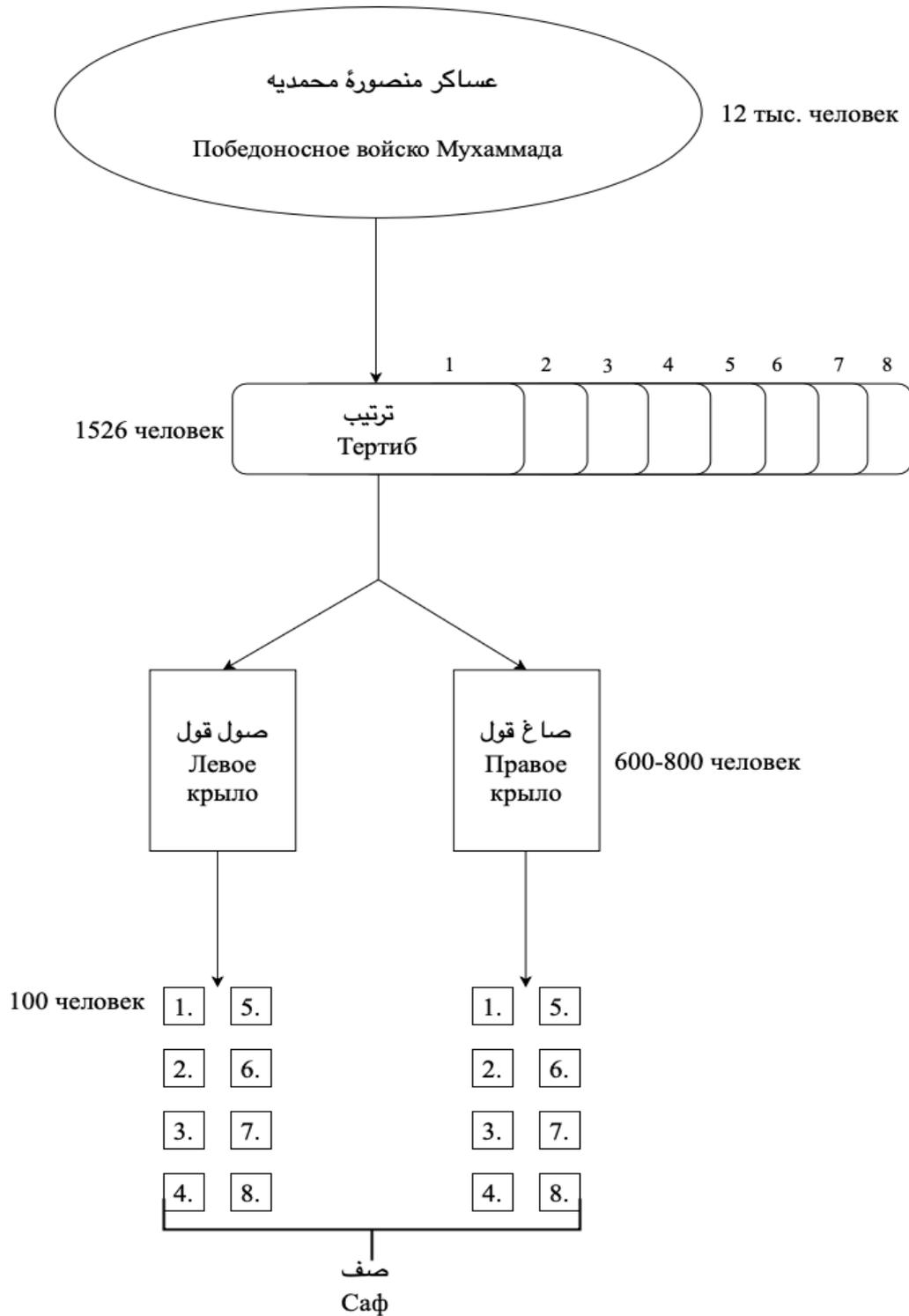
³⁷ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 7.

³⁸ Keleş H. Op. cit. S. 231; Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 7.

³⁹ Keleş H. Op. cit. S. 231.

⁴⁰ Ibid.

Рисунок 1. Реконструкция организации Победоносного войска Мухаммада в 1826-1829 гг. Схема составлена по данным: Şevket M. Osmânlı teşkilât; Keleş H. Op. cit.; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi.

Та же часть документа вводила и иерархию чинов в новом войске, дополнявшую схему войсковой организации, отраженной на «Рисунке 1». Главнокомандующим являлся *сераскер*, однако за ним следовал титул *баш бинбаш* (осм. باش بکباشی / тур. baş binbaşı), которому подчинялись командиры всех восьми *тертибов*. Этими

командирами являлись *бинбаши* (осм. *بکباشی* / тур. *binbaşı*). За ними шли командиры крыльев, правого – *ага-и йемин* (осм. *آغای یمین* / тур. *ağa-i yemin*) и левого – *ага-и йесар* (осм. *آغای یسار* / тур. *ağa-i yesar*). Им подчинялись командиры *сафов* – *юзбаши* (осм. *یوزباشی* / тур. *yüzbaşı*). В свою очередь, им подчинялись командиры десятков – *онбаши* (осм. *اونباشی* / тур. *onbaşı*)⁴¹.

Поскольку в Победоносном войске не предусматривалось отдельного артиллерийского корпуса, в каждом *сафе* имелись артиллерийские орудия, а к каждому *тертибу* были причислены также командиры их расчётов – *топчубаши* (осм. *طوپچی باشی* / тур. *topçubaşı*). Также к командирскому составу *сафов* относились двое лейтенантов (осм. *یوزباشی ملازمی* / тур. *yüzbaşı mülazımı*), один знаменосец (осм. *سناقدار* / тур. *sancaktar*) и один сержант (осм. *چاوش* / тур. *çavuş*)⁴². Кроме того, в каждом крыле, помимо его командира, имелись также командиры отдельных подразделений, ответственных за перевозку орудий и боеприпасов, командиры оружейных, командиры военных оркестров, а также врач и полевой хирург⁴³.

Победоносное войско Мухаммада располагалось в разных частях Стамбула. Два *тертиба*, то есть 3056 человек, несли службу в центре Стамбула, в районе здания *сераскерата*, где выполняли полицейские функции. Остальные шесть *тертибов* располагались в районах Давутпаша и Ускюдар. *Тертибы*, располагавшиеся в Ускюдаре, задействовались при охране азиатской стороны Босфора от Фенербахчеси до крепости Фенер. *Тертибы* в Давутпаше привлекались для охраны европейской стороны Босфора. *Бинбаши* этих подразделений не находились постоянно в одном месте, а попеременно дислоцировались в разных казармах и крепостях. Размещение *тертибов* происходило в рамках ротации, так что каждый из них по очереди перемещался по разным частям столицы империи⁴⁴.

Что касается жалования и материального обеспечения военнослужащих нового войска, ежемесячно им выплачивалась сумма за 30 дней из расчёта 6 акче на один день, т.е. 180 акче. Военнослужащим в чине ниже *бинбаши* выдавался один

⁴¹ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 7.

⁴² Ibid.

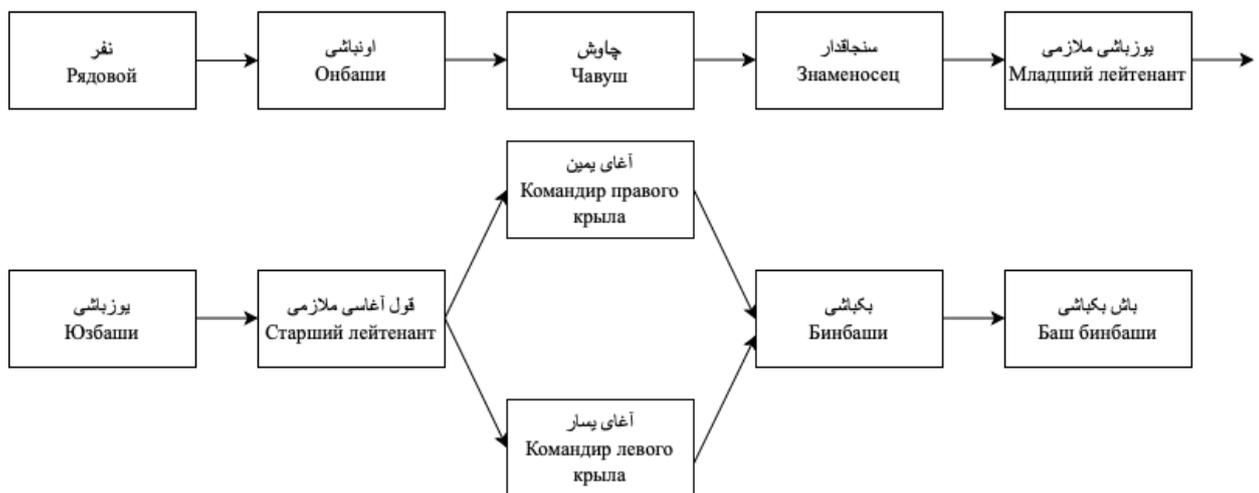
⁴³ Keleş H. Op. cit. P. 228.

⁴⁴ Ibid.

комплект униформы сроком на год. Оружие они также получали один раз и, в случае поломки оно либо ремонтировалось, либо заменялось на новое. *Бинбаши* и офицеры выше званием получали обмундирование один раз при своем заступлении на должность, однако дальнейшее его обновление и замена производились уже из их жалования. По утрам военным выдавались хлеб и похлёбка, рисовая или чечевичная, по вечерам похлёбка и мясо, а по пятницам и понедельникам – рис и булгур⁴⁵.

Продвижение по служебной лестнице в новой армии проходило по следующей схеме:

Рисунок 2. Реконструкция иерархии чинов в Победоносной армии Мухаммеда в 1828-1829 гг. Схема составлена по данным: Şevket M. Osmânlı teşkilât; Keleş H. Op. cit.; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi.

В армии также был предусмотрен отпуск на побывку. Раз в год один из пяти солдат получал право вернуться в родные места сроком на 6 месяцев, если его малая родина находилась недалеко от Стамбула, либо на 8 месяцев, если ему предстояла длинная дорога. Разрешение выдавалось *баш бинбашы*, старшему званию согласно схеме, изображенной на «Рисунке 2» и администрировавшему отпуску всех военнослужащих младших званий. Выданное разрешение затем подписывалось писарем армии. В случае, если военнослужащий не возвращался в распоряжение

⁴⁵ Keleş H. Op. cit. P. 228.

войска по истечении срока отпуска, ему грозило наказание. Если он возвращался вовремя, то его расходы на дорогу компенсировались из войсковой казны⁴⁶.

Согласно положению об уходе в отставку или выходе на пенсию, покинуть войско мог человек, прослуживший не менее 12 лет. В случае, если он планировал сменить род деятельности, создать семью, либо же ухаживать за кем-либо из родных в отсутствие других родственников, он уходил в отставку, лишаясь своего поста и жалования. Если же военный оставался в войске, то, в случае его болезни или достижения преклонного возраста, не оговоренного в *кануннаме*, ему продолжали выплачивать половину жалования. Если он достойно проявлял себя в ходе службы, то выплачивались две трети жалования.

Отбор для службы в войске проводился среди мужчин в возрасте от 15 до 30 лет. Принималось во внимание их физическое состояние и здоровье. Если мужчина был крепким и здоровым, то его могли принять на службу даже в том случае, если он был старше положенного. При этом точные правила отбора рекрутов и процедура призыва никак не регламентировались⁴⁷.

Подобное состояние организации нового войска, несмотря на её кажущуюся стройность и завершённость, отражает глубокий кризис, в котором находилось военное дело Османской империи после того, как его центральную составляющую – янычаров – уничтожили, но не создали равноценной замены.

По задумке Махмуда II «Победоносное войско Мухаммада» должно было ввести в вооружённых силах Османской империи прусские организационные принципы. В соответствии с ними, регулярную армию должны были дополнить резервные территориальные войска, в Европе известные под названием «ландвер»⁴⁸. В самой Пруссии этот род войск был создан в ходе Наполеоновских войн. Причиной этого стало продолжение набора рекрутов даже после укомплектования всей регулярной армии. Продолжавшие прибывать призывники стали основой нового резерва, сперва выполняя функции территориальной обороны, оснащённой и

⁴⁶ Keleş H. Op. cit. P. 229.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ АВПРИ. Ф.180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 12.

подготовленной хуже регулярных подразделений. Однако со временем им удалось сравняться с ними по уровню профессионализма. В войске имелось разделение на тех, кто отслужил ранее в регулярной армии и тех, кто пропустил этот этап. Также были предусмотрены манёвры и учения с частями постоянных войск⁴⁹. Османский султан считал, что в результате преобразований именно к этой системе должна была прийти османская армия. Однако кризисное состояние османского военного строительства заключалось в невозможности реализации такого замысла. Султан и его советники размышляли о конечных целях реформ, однако не имели необходимых средств и стратегии в области конкретных шагов для их достижения. В итоге Победоносное войско Мухаммада оказалось весьма близкой копией войска *низамы джедид*, созданного Селимом III⁵⁰. Безусловно, результаты его реформ существенно устарели и не могли соответствовать военным стандартам, развивавшимся после наполеоновской эпохи. Таким образом, изначально нацеленное на модернизацию мероприятие превратилось в процесс погружения в прошлое. Однако Махмуд II был вынужден воспользоваться старыми наработками Селима III, и причинами этого обстоятельства стал ряд проблем, с которыми столкнулись реформаторы.

Говоря о препятствиях на пути к реализации падишахом своих новаторских амбиций в военной сфере, следует в первую очередь отметить финансовые трудности. На период правления Махмуда II пришёлся сильнейший всплеск инфляции в Османской империи, и это не могло не оказывать влияния на ход преобразований, особенно военных, для проведения которых требовалось привлекать иностранных специалистов, закупать новую технику и оборудование, обеспечивать новую армию⁵¹.

Другая существенная проблема была комплексной: Махмуду II, как и другим реформаторам, недоставало дальновидности в вопросе структурного облика будущих вооружённых сил⁵², и ситуация усугублялась рядом факторов. Во-первых,

⁴⁹ Свечин А.А. Указ. соч. С. 172-181.

⁵⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 131.

⁵¹ Aksan V. Op. cit. P. 158.

⁵² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 130.

трансформация происходила фактически молниеносно, и высокие темпы требовали быстрого принятия решений. Во-вторых, Махмуд II выступал резко против использования иностранных советников и инструкторов в своей армии, в отличие от правителя Египта Мухаммада Али. Именно египетские офицеры заинтересовали османского падишаха в начале реформ 1826 г., и он приказал выслать ему 12 военных в качестве инструкторов, на что Мухаммад Али ответил отказом⁵³. В качестве причины он сослался на то, что его офицеры не являлись достаточно подготовленными, чтобы действовать в качестве столь необходимых советников⁵⁴. При этом рассчитывать на помощь со стороны какого-нибудь европейского государства Османская империя не могла, поскольку после жестокого подавления восстания в Греции отношения с Великими державами были весьма натянутыми⁵⁵. Кроме того, Махмуд II не выплачивал иностранцам на службе в османской армии такого жалования, как египетский правитель, причём, вероятно, не из-за нехватки средств, а по причине отсутствия желания. Например, французский полковник Севе, служа в египетской армии, получал 17,5 тыс. курушей в месяц от Мухаммада Али. В то же время ветеран наполеоновской армии Геяр, служивший в османской армии, получал всего лишь 1200 курушей в месяц, что при этом являлось не самым низким жалованием⁵⁶. Кроме того, османский султан предпочитал нанимать на службу в основном лиц низших чинов, сержантов или даже рядовых, неискушенных в военной науке. Отсутствие столь необходимых квалифицированных кадров привело к тому, что на первых порах основу Победоносного войска Мухаммада составили немногочисленные перебежчики из Европы и уцелевшие военнослужащие бывшего войска *низам-ы джедид*⁵⁷.

Проблемой, унаследованной новой османской армией от войск *капыкулу*, стал фаворитизм. Несмотря на то, что новой войсковой организацией и бюрократическим аппаратом подразумевалось назначение офицеров на различные должности

⁵³ Aksan V. Op. cit. P. 158.

⁵⁴ Çoban A.H. Op. cit. P. 68.

⁵⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 131.

⁵⁶ Aksan V. Op. cit. P. 159.

⁵⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 131.

в соответствии с принципами меритократии, на практике таковыми продолжили оказываться лишь лица, лояльные и приближённые к султану⁵⁸. Это выражалось также и в том, что все высшие и низшие командирские чины довольно быстро оказались заполнены различными сановниками и их протеже. Безусловно, каждая из этих групп имела свои собственные интересы и использовала своё новое положение для их достижения⁵⁹. Тем не менее среди этих людей необходимо выделить Намык-пашу. В 1834 г. этот реформатор основал высшее учебное заведение для османских офицеров – Военную академию (осм.: *مكتب علوم حربيه* / тур.: *Mekteb-i Ulum-u Harbiye*)⁶⁰. К 1839 г. из Академии выпустилось около 400 офицеров. Расписание и набор дисциплин установились к 1836 г., основными среди них являлись арабский и французский языки, история, арифметика и строевая подготовка. Также осуществляли свою деятельность школы морского и наземного инженерного дела и медицинская школа, основанная в 1827 г. Тем не менее конкурирование военных друг с другом, фракционность оставались нормой для османской армии, что во многом стало причиной её поражения в борьбе с силами Мухаммада Али в Анатолии⁶¹.

Важно обратить внимание и на то, какое положение в военной структуре империи было отведено Победоносному войску Мухаммада в *кануннаме* о его создании. В тексте закона отмечалось, что оно было создано из-за дисфункциональности именно янычарского корпуса, а не войск *капыкулу* в целом⁶². О замене всей их системы новым войском в документе не шло речи. Таким образом, на первых порах Победоносное войско Мухаммада по своей сути являлось лишь одним из *очагов капыкулу*. Остальные *очаги* продолжали существование и конечно же сохраняли свои собственные интересы. Правительство колебалось при проведении дальнейших реформ, поскольку требовалось ликвидировать корпуса, проявившие лояльность и участвовавшие в подавлении янычарского бунта, в частности, корпус

⁵⁸ Aksan V. Op. cit. P. 159.

⁵⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 132.

⁶⁰ Aksan V. Op. cit. P. 159.

⁶¹ Ibid. P. 160.

⁶² Keleş H. Op. cit. P. 230.

артиллеристов⁶³. Однако оно осознавало, что сохранение корпусов являлось лишь временной мерой. Демонтаж старых структур проходил постепенно.

Следующим этапом стало уничтожение традиционного *очага* гвардейцев-*бо-станджи*. Корпус в течение длительного времени не проходил полноценную военную подготовку и имел проблемы со снабжением, поэтому его было решено заменить совершенно новым гвардейским полком, выстроенным с нуля в августе 1826 г. Впервые в истории султанская гвардия получила исключительно военные полномочия и не была вынуждена заниматься хозяйственными делами во дворце, что требовалось от старого корпуса. Для нового полка были отобраны лучшие из числа членов старой гвардии и наиболее отличившиеся молодые рекруты. Численность нового армейского подразделения поначалу была небольшой, но к 1835 г. гвардия разрослась до 11 тыс. человек, превратившись в подобие ещё одной небольшой армии. Она была полностью независима от всех других армейских структур, имела собственную командно-штабную организацию и подчинялась лично султану. Создавая такое подразделение, падишах стремился соблюсти баланс сил, оставив элитные отделения под своим контролем, чтобы не ощущать угрозы со стороны остальной армии. Однако этот поступок весьма негативно сказался на боеспособности османских войск. Султанская гвардия редко принимала участие в боях на отдаленных театрах военных действий. В то же время, это были наиболее подготовленные армейские части, и их отсутствие на полях сражений, безусловно, ограничивало силы османов.

Что касается подготовленности армейских частей в целом, а не только гвардейских, то в этой области наиболее острой являлась проблема подготовки рядового состава. Если офицерские должности довольно быстро оказались замещены различного рода сановниками и чиновниками, то рядовой состав в большинстве своём был представлен массой безработных людей, проживавших в Стамбуле и решивших попытать счастья на воинской службе. С одной стороны, быстрый приток рекрутов позволил властям быстро достичь поставленной цели по численности

⁶³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 131.

войска – 12 тыс. человек. С другой стороны, готовить таких новобранцев требовалось с нуля. К удивлению современников этих реформ из числа иностранцев, на начальных этапах строительства новой армии совершенно не был учтён опыт эпохи наполеоновских войн – весь контингент Победоносного войска Мухаммада проходил подготовку по стандартам конца XVIII в. С учётом качества рекрутов, привить даже простейшие азы военного дела в такой обстановке оказывалось практически невозможным. К тому же сказывалось отсутствие централизованной системы обучения и подготовки кадров. В результате содержание тренировочных программ оказалось в полном ведении исключительно командиров *тертибов*, которых в этом аспекте никто не контролировал. При этом программа в каждом *тертибе* была своя и могла кардинально отличаться от тренировок в соседнем подразделении. Вдобавок, командиры новых частей видели способ продемонстрировать эффективность выучки вверенных им подразделений не в ходе стрельб или учений, а в отработке войсковых построений, впечатлявших внешне, но не представлявших какой-либо военной ценности⁶⁴.

Примечательно, что первоначальные мероприятия по созданию нового войска проводились только в Стамбуле, имперской столице. При этом оно должно было, по сути, являться новой регулярной армией, следовательно, одних лишь столичных контингентов было недостаточно для завершения реформы. Таким образом, возникла необходимость распространить эти мероприятия на другие регионы Османской империи. Именно это стало очередным препятствием на пути реформаторов. Формирование новых частей за пределами столицы оказалось крайне сложной задачей⁶⁵.

Причиной этого во многом стало общее недоверие населения, особенно провинциального, к происходившим в империи переменам и преобразованиям на европейский манер. Однако это положение дел дополнительно усугублялось опасениями, касавшимися сроков военной службы и процедур набора в армию. Несмотря на то, что власти подчёркивали временный характер воинской службы,

⁶⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 132.

⁶⁵ Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 25.

большинство людей воспринимали её как повинность на всю оставшуюся жизнь. В этой связи стоит подчеркнуть, что служба хоть и не была пожизненной, но всё же занимала весьма длительный период жизни мужчины, не менее 12 лет. Кроме того, проблемой было фактическое отсутствие какого-либо законодательного акта, регулировавшего правила отбора на службу. Отсутствие чётких критериев усугубляло чувство недоверия и неуверенности, распространявшееся среди граждан и в то же время развязывало руки местным чиновникам в вопросе призыва мужчин на службу⁶⁶.

Это обстоятельство играло на руку центральной власти, стремившейся ускорить формирование провинциальных подразделений Победоносного войска Мухаммада. Для этого она начала награждать землей и денежными средствами губернаторов тех провинций, где набор в войско проходил успешно и выполнял все поставленные из Стамбула условия. В результате в Западной Анатолии необходимое число рекрутов было даже превышено, однако достичь этого удалось главным образом посредством насильной отправки рекрутов в новую армию, что также не добавляло доверия новым структурам со стороны населения провинций⁶⁷. В то же время набор в новое войско не был сбалансирован по регионам империи. Его темпы были существенно ниже в районе Восточной Анатолии и Сирии, а также в Боснии, Сербии и Македонии. Ирак и Аравийский полуостров вовсе не были затронуты реформами и продолжали жить по прежним порядкам⁶⁸. В этой связи отдельно следует выделить Боснию. Расформирование янычарского корпуса и создание вестернизированного войска встретило в ней весьма сильное сопротивление, не раз выливавшееся в восстания, для подавления которых требовалось привлечение армейских сил. Обстановка в регионе была дестабилизирована, а организация в нём каких-либо местных подразделений новой армии оказалась невозможной. Эта проблема была решена лишь в 1860-е гг. султаном Абдулазизом. До этого периода данный район не только не вносил вклад в строительство османской военной машины,

⁶⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 132.

⁶⁷ Çoban A.H. Op. cit. P. 42.

⁶⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 132.

но и вынуждал султана тратить силы и средства на поддержание относительно спокойной обстановки⁶⁹.

Очередным этапом модернизации османской армии стала попытка реформирования имперской кавалерии. В этом вопросе османская администрация проявила гибкость. Понимая, что у неё не имелось ресурсов, чтобы наравне с пехотными частями содержать и кавалерийские, она решила сперва создать отдельный кавалерийский полк, получивший название Силистрийского по месту его формирования. Специфика полка заключалась в том, что он состоял из представителей кочевых этнических групп. Это было удобно для властей, поскольку их не нужно было снабжать верховыми животными и обучать с нуля – у них имелись и лошади, и опыт. Примечательно, что в состав полка вошли не только представители мусульманских этнических групп – татары и туркоманы, но и христиане, образовавшие османские казачьи подразделения. Полк был создан 16 ноября 1826 г. Он был разделен на два крыла, одно состояло из татар, а второе из туркоманов и казаков общей численностью в 1323 человека⁷⁰.

Безусловно, один кавалерийский полк не мог решить все проблемы этого рода войск в вооруженных силах Османской империи. Спустя год после создания Победоносного войска Мухаммада власти предприняли попытку сформировать регулярный кавалерийский корпус. Однако проблемой стало то, что в его основу реформаторы неизменно пытались заложить принципы устройства традиционных кавалерийских войск, юрюков и сипахи. В то же время ещё султан Селим III убедился в дисфункциональности таких формирований в XIX в. Таким образом, империя, основанная кочевниками, в конце концов оказалась фактически без собственной кавалерии. Модернизированные полки были крайне немногочисленны и располагались в основном в Стамбуле и его окрестностях. Регулярный кавалерийский корпус не мог удовлетворить все потребности военной машины, поэтому империя

⁶⁹ Ünal U. Sultan Abdülaziz döneminde Bosna Nizâmiye alayları (1861-1876). // TTK Belleten. 2017. Vol. 81 (290). S. 228.

⁷⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 132.

была вынуждена опираться на кочевые племена и добровольцев, чьи боевые качества были весьма сомнительны⁷¹.

Таким образом, за несколько месяцев османам удалось сформировать новое войско в Стамбуле и привести в относительный порядок его организационную структуру. Во многом при этом применялся метод проб и ошибок, как, например, в случае с регулярной кавалерией. В условиях, когда оптимальное решение требовалось найти как можно скорее, данный метод означал большие потери времени и ресурсов. Кроме того, сразу же после создания новых частей в столице, власти перешли к формированию провинциальных контингентов, где столкнулись с новыми сложностями. Одной из таковых стала потребность в квалифицированных офицерских кадрах, способных тренировать бойцов местных подразделений. В этой обстановке реформаторы не нашли никакого иного выхода, кроме как отправлять и без того крайне малочисленных офицеров из Стамбула в провинции. Из-за того что численность войска была увеличена быстро, а количество офицеров только сокращалось, к 1827 г. Победоносное войско Мухаммада фактически оказалось в состоянии хаоса⁷².

В этой ситуации на свет вышла фигура адмирала Мехмеда Хюсрев-паши. Первоначально этот военный деятель имел чрезвычайно консервативные убеждения и выступал против преобразований в европейском духе. Однако, являясь в то же время прагматиком и оппортунистом, он понял, что для усиления своего влияния и завоевания расположения султана ему наоборот требовалось проявить себя в качестве реформатора. Поэтому сразу же после начала формирования нового войска Хюсрев-паша начал набирать в свое подчинение военных экспертов, переводчиков и молодых специалистов. Затем под его контролем прошел обучение батальон морской пехоты, на этот раз в соответствии с военными стандартами наполеоновской эпохи и с привлечением французских инструкторов. Однако о существовании такого батальона адмирал никому не рассказывал. Его переводчики собирали и переводили различную военно-теоретическую литературу и уставы европейских

⁷¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 133.

⁷² Ibid. P. 134.

армий, а спустя год подготовки Хюсрев-паша смог провести учения своего батальона. Они приятно удивили султана, потребовавшего повсеместно ввести тренировочную систему, представленную Хюсрев-пашой, ставшим к тому моменту *сераскером*⁷³. Она получила название *хюсреви*, и вскоре все подразделения Победоносного войска Мухаммада претерпели существенные изменения.

В 1827 г. был принят законодательный акт, менявший организационную структуру и командную цепь новых подразделений. Деление на *тертибы* было упразднено, взамен него были введены принятые в европейских армиях полки – *алаи* (осм. *آلای* / тур. *alay*). Также были расформированы и *сафы*, которые заменили роты – *бёллюки* (осм. *بلوک* / тур. *bölük*). При этом число рот в одном полку осталось идентичным числу *сафов* в одном *тертибе* – 8 штук. Также было добавлено новое организационное звено между полком и ротой, ранее отсутствовавшее, это батальон – *табур* (осм. *طابور* / тур. *tabur*). Каждый полк теперь делился на три батальона⁷⁴.

Что касается иерархии чинов, то в ней был упразднён титул *баш бинбаши*, заменённый званием полковника – *миралая* (осм. *میرآلای* / тур. *miralay*). Также в составе полка появилось новое лицо, подполковник – *каймакам* (осм. *قائمقام* / тур. *kaumakam*). Титул *бинбаши* сохранился и стал соответствовать европейскому майору. Сохранились в том числе и командиры правого и левого крыльев, однако их функционал оказался неясен, а Махмуд Шевкет и Ахмед Джевад в своих работах его не уточняли. Эти звания были встроены в структуру батальонов, которыми командовали майоры-*бинбаши*. Однако в уставе Победоносного войска Мухаммада, изданном в 1830 г., всё же уточнены общие обязанности этих чинов. Они занимались внутренними делами подразделений, выполняли роль бухгалтеров и инспекторов, принимали участие в тренировках личного состава подразделений, отчитываясь раз в неделю (по пятницам) вышестоящим чинам, как правило, майорам или подполковникам⁷⁵. В случае их отсутствия замещать их могли лейтенанты, либо майоры⁷⁶.

⁷³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 134.

⁷⁴ Şevket M. Osmânî teşkîlât. S. 7.

⁷⁵ Kânunnâme-i Asâkir-i Mansûre-i Muhammedîyye. İstanbul, 1830. S. 27.

⁷⁶ Ibid. P. 28.

Однако в целом данные чины с уверенностью можно считать атавизмами янычарского корпуса⁷⁷. В составе батальонов также появились знаменосцы и писари. Сохранились и *юзбаши*, ставшие аналогами европейских капитанов, командовавших ротами. Под командование капитана также были подведены два лейтенанта, один старший сержант – *баши чавуш* (осм. باش چاوش / тур. baş çavuş), четверо сержантов и один младший сержант – *бёлюк эмини* (осм. بلوك امينى / тур. bölük emini)⁷⁸.

Отдельного внимания заслуживают нововведения в среде высшего командного состава. Поскольку к моменту начала организационных преобразований численность войска уже значительно возросла, было решено увеличить число командиров подразделений для улучшения контроля над ними. Для этого, например, был введён титул бригадного генерала – *мирлива* (осм. ميرلوا / тур. mirliva). Логично предположить, что появление нового командира означало также и создание вверенных ему подразделений – бригад, однако ни в уставе войска, ни в работе Махмуда Шевкет-паши таких преобразований не отмечено. Указано лишь то, что бригадные генералы назначались командирами двух полков, что, по всей видимости, не означало их объединения в новое организационное звено⁷⁹. Ахмед Джевад отметил, что занимавший эту должность должен был командовать всеми частями Победоносного войска Мухаммада, однако позднее этот функционал отошёл маршалу, точные же обязанности бригадных генералов на данном этапе организации османской военной машины остались неизвестными⁸⁰. Это обстоятельство затрудняет реконструкцию организационной структуры Победоносного войска Мухаммада после проведения в нём реформ.

Кроме того, преобразования закрепили разделение войска на две отдельные, фактически независимые друг от друга части: гвардейскую – *хасса* (осм. خاصه / тур. hassa), расположенную на европейской стороне Стамбула, и регулярную – *мансуре* (осм. منصوره / тур. mansûre), расположенную в Ускюдаре. Каждая из этих частей находилась под командованием генерала – *ферика* (осм. فريق / тур. ferik). Лишь

⁷⁷ Karadaş Y. Op. cit. P. 117.

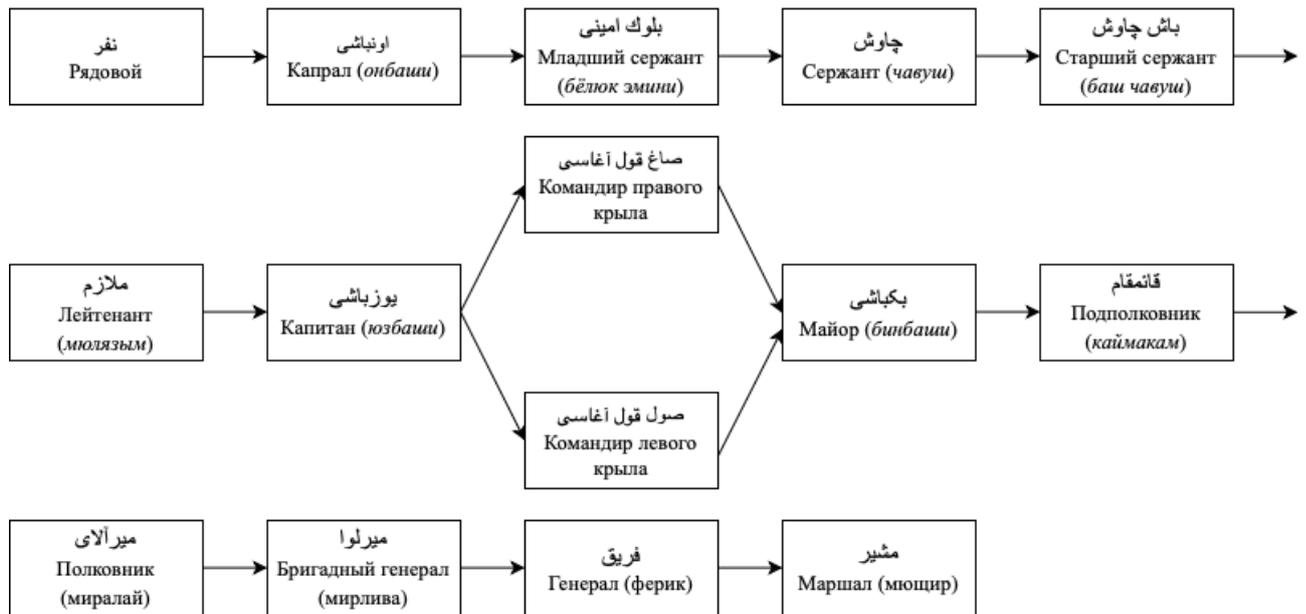
⁷⁸ Şevket M. Osmânî teşkîlât. S. 8.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Çoban A.H. Op. cit. P. 63.

спустя несколько лет, в 1832 г. была предпринята попытка объединить части войска, подчинив двух генералов маршалу – *мюширу* (осм. مشير / тур. müşir)⁸¹. После этого командная цепь Победоносного войска Мухаммада стала выглядеть следующим образом:

Рисунок 3. Реконструкция иерархии чинов в Победоносном войске Мухаммада в 1829-1832 гг. Схема составлена по данным: Şevket M. Osmânlı teşkilât; Kânunnâme-i Asâkir-i ..., Çoban A.H. Op. cit.

«Рисунок 3» демонстрирует, что командная структура Победоносного войска Мухаммада была расширена и стала в большей степени соответствовать организации европейских армий. В то же время в ней выделялись рудименты войска *низамы джедид*, к числу которых можно отнести, например, командиров правого и левого крыльев. Следовательно, несмотря на то, что практика использования устаревших наработок предшественников отходила в прошлое, её влияние на османскую военную машину всё ещё было заметно. При этом несмотря на то, что преобразования были начаты в 1827 г., первые полноценные полки нового строя были сформированы к 1829 г., а завершился этот процесс к концу 1831 г.⁸² Об относительном завершении реорганизации всей сухопутной армии Османской империи и устранении бывших *очагов капыкулу* становится возможным говорить к 1834 г., когда

⁸¹ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 8.

⁸² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 134.

очаги артиллеристов и гренадёров были переформатированы в подразделения регулярного войска под командованием маршала артиллерии – *топхане мюшири* (осм. *طوپخانه مشیری* / тур. *tophane müşiri*)⁸³.

В целом, реформаторам удалось перевести организацию османских сухопутных войск «на европейские рельсы», хоть и не без ряда проблем. Они были связаны с затягиванием преобразований, применением метода проб и ошибок. *Капыкулу* не ушли в прошлое одномоментно, их демонтаж оказался весьма протяженным во времени. Включить артиллерийский корпус в структуру новой армии удалось лишь спустя несколько лет. Наладить работу вестернизированных кавалерийских войск не получилось, за исключением нескольких полков в Стамбуле. Однако в этот промежуток времени – 1826-1832 гг. – на передний план вышла проблема, не терявшая своей релевантности на всем протяжении существования европеизированной османской армии – это её офицерский корпус, которого проводимые реформы практически не коснулись.

На момент формирования нового войска в империи имелось всего лишь одно учебное заведение, готовившее по-европейски образованных офицеров – созданное Селимом III в 1796 г. Высшее инженерное училище (осм. *مهندسخانه بری همایون* / тур. *Mühendishâne-i Berrî-i Humâyuîn*)⁸⁴. Главным недостатком этого заведения являлось то, что, несмотря на высокий уровень предоставляемого образования, в год оно могло выпустить едва ли около десятка офицеров⁸⁵. При этом в батальонах нового войска имелось не так много людей, умевших читать и писать, а о знакомстве даже с базовым уровнем европейской военной науки и вовсе не приходилось говорить⁸⁶. Меры по улучшению данной ситуации стали приниматься с 1828 г., когда была переведена с итальянского языка на османский книга по военной науке, изданная в количестве 1 тыс. экземпляров, распределённых между офицерами различных уровней⁸⁷. По своему типу это были учебники по построению войск, которому

⁸³ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 9.

⁸⁴ Esad M. Mirât-ı Mühendishâne. S. 11.

⁸⁵ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 9.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Çoban A.H. Op. cit. P. 69.

должны были обучать солдат офицеры⁸⁸. Главным образом в такой литературе описывались основные построения рот в составе батальона, к ним прилагались схемы и описания передвижений, требовавшихся от каждой роты. Ярким примером такого учебника является книга «Обучение батальона», изданная в 1831 г. В ней описаны построения в походный и боевой порядки, приведены инструкции для рот, к примеру, объяснены траектории движения крайних рот при построении батальона в линию⁸⁹.

⁸⁸ Çoban A.H. Op. cit. P. 69.

⁸⁹ Tabûr talimi. 1831. S. 15.

Рисунок 4. Пример иллюстрации к построению из книги «Обучение батальона» 1831 г.

С 1831 г. такие учебники, как изображенный на «Рисунке 4», составлялись на основе французской военной литературы, их изучение и применение излагаемой в них информации контролировалось султаном, периодически проводившим учебные парады, в ходе которых построения отрабатывались⁹⁰. С одной стороны, это устраняло элементы донаполеоновской эпохи в османской армии и ликвидировало её теоретическое отставание от стран Европы. С другой стороны, в течение длительного времени это был единственный тип военной литературы, распространявшийся среди офицеров, следовательно, они получали лишь весьма ограниченные компетенции в военной науке.

К концу правления султана Махмуда II новая османская армия насчитывала, по данным Махмуда Шевкета, 118400 человек. Их составляли гвардейские войска, численностью 12 тыс. человек (2 дивизии); 74 тыс. солдат регулярной армией (37 полков, каждый численностью 2 тыс. человек); 15 тыс. регулярных кавалеристов (15 полков численностью 1200 человек); 4800 артиллеристов (4 полка

⁹⁰ Çoban A.H. Op. cit. P. 70.

численностью 1000 человек); 4800 гренадёров (4 полка численностью 1200 человек); 4800 сапёров (4 полка численностью 1200 человек); 3000 военных инженеров⁹¹. Гвардия располагалась исключительно в Стамбуле, но регулярные пешие и кавалерийские войска, помимо столицы, содержались также и в «важных с военной точки зрения регионах Османского государства»⁹², хотя Шевкет их не перечисляет. Артиллеристы и сапёры также располагались в Стамбуле, но могли быть отправлены в другие районы по необходимости⁹³.

Особенностью сложившейся военной структуры являлось отсутствие адекватного территориального деления между различными частями османской армии. Понятие районов, важных с военной точки зрения, можно охарактеризовать как весьма растяжимое, к тому же источник умалчивает о перечне таких регионов. Все остальные подразделения при этом располагались только в столице, что таким образом существенно снижало оборонительные способности других областей, особенно пограничных. Положение усугублялось тем, что гвардейские части не могли быть выведены из Стамбула, что не позволяло в случае необходимости ввести в бой наиболее подготовленные войска, если только атака предполагаемого противника не была направлена на столицу империи.

Другой особенностью преобразований стали условия, в которых они проводились. Едва сформировавшаяся новая османская армия оказалась практически сразу же вовлечена сначала в русско-турецкую войну 1828-1829 гг., а затем в два столкновения с Египтом в 1831-1833 гг. и в 1839-1841 гг. В период этих кризисных для военных реформ моментов ход преобразований замедлялся, но не останавливался полностью. В то же время данные конфликты не могли не сказаться на положении Османской империи, столкнувшейся с новыми вызовами, главными из которых стали нехватка людей и финансовые проблемы. Дефицит кадров был вызван необходимостью дополнительного усиления армейских частей в Анатолии, где действия египетской армии существенно сократили перечень районов, в которых

⁹¹ Şevket M. Osmanlı teşkilât. S. 12.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

можно было проводить рекрутские наборы. Кроме того, безусловно, сказывались потери в войне с Россией. Финансовые трудности проистекали из мероприятий по расширению и укреплению османской военной машины. Введение чрезвычайных налогов, конфискация земель и имущества провинившихся сановников, не могли принести казне достаточно средств. В то же время, расходы на армию стремительно росли. Если в 1834-1835 гг. на поддержание её боеспособности уходило 2 млн курушей ежемесячно, то к 1841 г. затраты на обеспечение контингентов только в Стамбуле, где их численность составляла около 40 тыс. человек, составляли 69 285 826 курушей ежегодно. Кроме них по всей империи было рассредоточено 65093 солдата, на обеспечение которых уходило ещё 88 357 237 курушей⁹⁴. Ежегодные доходы османского государства в данный период составляли приблизительно 500 млн тонн серебра⁹⁵, либо же примерно 300-800 млн курушей⁹⁶. Совокупные расходы на армию без учёта вооружения и вещевого снабжения (например, палатками) оценивались Высшим судебным советом в 197 383 000 курушей, что составляло примерно половину бюджета государства.

Реформаторы осознавали, что в такой обстановке все их усилия должны были быть направлены на максимальное сокращение расходов, а также на решение кадровых проблем. Одним из способов достижения поставленных целей, по их замыслу, должно было стать создание резервных войск.

Указ об их формировании под официальным названием «Резерв Победоносного войска Мухаммада» (осм. رديف عساكر منصوره محمديه / тур. Redîf-i Asâkir-i Mansûre-i Muhammedîyye) был опубликован в 80-м номере газеты «Календарь событий» (осм. تقويم وقايع / тур. Takvîm-i Vekâî'), вышедшем приблизительно 25 августа 1834 г. Согласно документу, целью создания нового рода войск являлась необходимость поддерживать регулярные формирования, а также обеспечить порядок в имперских провинциях и в случае начала боевых действий ускорить сбор воинских

⁹⁴ Aksan V. Op. cit. P. 174.

⁹⁵ Karaman K.K., Pamuk Ş. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500-1914 // The Journal of Economic History. September 2010. Vol. 70. №. 3. P. 621.

⁹⁶ Aksan V. Op. cit. P. 174.

подразделений⁹⁷. В документе признавалось, что набор в регулярную армию тяжким бременем ложился на плечи жителей провинциальных регионов, и новая более гибкая система создавалась с целью облегчения этого бремени⁹⁸. Резервные войска должны были содержать в себе те же рода, что и регулярные, то есть, предусматривалось создание не только пеших, но и конных, а также артиллерийских подразделений.

Заслуживает внимания то, на какой образец ориентировался султан при создании новых резервных войск. Так, русские военные осведомители указывали на то, что основой османского *редифа* послужил немецкий *ландвер* – народная милиция, собиравшаяся из мужчин, не проходивших службу в регулярной армии⁹⁹. Она разделялась на два призыва, из которых первый в обязательном порядке проходил учения совместно с регулярными войсками, а второй занимался тыловой службой. По численности *ландвер* практически дублировал действующую армию и в случае мобилизации мог существенно усилить её¹⁰⁰. Связь между *редифом* и деятельностью прусских советников, в частности, Карла фон Мольтке, отмечается в том числе и в османских источниках. Например, в работе Махмуда Шевкет-паши утверждается, что резервные войска были созданы в соответствии с проектом, который султану передал Мольтке¹⁰¹. На прямую связь между *ландвером* и *редифом* указывают также и современные исследователи, к примеру, Вирджиния Аксан¹⁰². Влияние немецкого военного советника Карла Гельмута фон Мольтке на создание *редифа* отмечают и авторы «Кембриджской истории Турции»¹⁰³. Однако некоторые турецкие ученые, такие как Юджель Карадаш, подвергают сомнению утверждение о том, что *редиф* был создан на основе *ландвера*. Карадаш считает, что хоть *ландвер* и был образован в ходе Наполеоновских войн, свою эффективность он продемонстрировал только после военных реформ Мольтке, предпринятых в 1860-х гг. До

⁹⁷ Takvim. 1834. Defa 80. S. 3.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ АВПРИ. Фонд 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 21.

¹⁰⁰ Свечин А.А. Указ. соч. С. 179.

¹⁰¹ Şevket M. Osmânî teşkilât. S. 14.

¹⁰² Aksan V. Op. cit. P. 175.

¹⁰³ The Cambridge History of Turkey. Vol. 3. P. 106.

этого момента, к примеру, в Польше в 1831 г., он, по мнению автора, не выделялся боевыми качествами и в таком виде не мог быть образцом для османов¹⁰⁴. Турецкий исследователь дополняет свою точку зрения ещё и тем, что Мольтке прибыл в Османскую империю в 1835 г., а *реди́ф* был создан в 1834 г., то есть, за год до его прибытия, и поэтому резервные войска являлись плодом именно османской военной мысли¹⁰⁵. Впрочем, следует отметить, что Карл фон Мольтке помогал султану Махмуду II в реформировании армии в период с 1833 по 1839 гг. и имел возможность доложить ему о существовании *ландвера*¹⁰⁶. Кроме того, маловероятно, что османские султаны не были осведомлены о наличии такой системы, ведь прусские военные советники содействовали строительству новой военной машины ещё в период формирования войск «Нового порядка» при султанине Селиме III¹⁰⁷. Исследователи Месут Уяр и Эдвард Эрикссон допускают, что прусский *ландвер* мог стать прообразом *реди́фа*, но отмечают, что османский вариант резервных войск имел существенные отличия от прусского¹⁰⁸. Однако они никак не описывают эти различия между двумя системами. Наконец, турецкие офицеры-составители «Истории турецких вооружённых сил» прямо указывают на то, что именно прусские резервные войска послужили моделью для османского *реди́фа*¹⁰⁹. В целом же, несмотря на наличие иных точек зрения, версию об организации османских резервных войск на манер прусской системы, дополнявшей регулярные войска, можно считать основной и преобладающей в современных исследованиях.

В мирное время служащие *реди́фа* могли заниматься земледелием и ремёслами, посещая лишь обязательные еженедельные тренировки и сборы, проводившиеся раз в полгода¹¹⁰. Однако в военное время они могли быть мобилизованы. В ходе учебных сборов, либо при переходе в состояние войны государство выплачивало бойцам резерва такое же жалование, как и солдатам регулярных войск. Часть

¹⁰⁴ Karadaş Y. Op. cit. P. 151.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ The Cambridge History of Turkey. Vol. 3. P. 106.

¹⁰⁷ Богданович Б. Указ. соч. С. 16.

¹⁰⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 154.

¹⁰⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 195.

¹¹⁰ Takvim. 1834. Defa 80. S. 3.

этого жалованья они продолжали получать и в мирное время. Военная униформа носилась служащими резерва также только на сборах или на войне, однако феску – отличительный знак, демонстрировавший статуса бойца – необходимо было носить постоянно, в том числе и в мирное время¹¹¹. Какого-либо территориального деления поначалу введено не было: каждый *санджак* и *каза* должны были набрать резервный батальон, состоявший из четырёх рот и насчитывавший вместе с офицерским составом 1426 человек¹¹². В случае, если в *санджаке* проживало недостаточное количество населения, в рамках набора он мог объединяться с другими малонаселенными областями, либо присоединяться к более крупным¹¹³, что таким образом формировало прообразы военных округов.

Набору в резервные роты, который осуществлялся методом жеребьёвки, подлежали здоровые мужчины в возрасте от 23 до 32 лет¹¹⁴. При этом никаких уточнений в правила набора внесено не было, как и не был разработан полноценный механизм призыва рекрутов в регулярные и резервные формирования. Однако лица из числа местной знати в случае содействия при организации резервных подразделений могли получить в них офицерские должности, что широко практиковалось¹¹⁵. В целом, выполнение проекта по созданию резервных войск практически полностью было возложено на плечи местных элит, поскольку именно они занимались призывными мероприятиями, сбором налогов (*редиф* должен был содержаться за счёт провинциальных бюджетов, а не имперской казны), административными делами – всё это считалось содействием, и за это знать получала рычаги влияния на офицерский состав¹¹⁶. По закону, утверждение кандидата на должность офицера происходило путём голосования, для проведения которого требовалось согласие из Стамбула, на бумаге такая мера должна была обеспечить невмешательство офицеров в административные дела регионов. Тем не менее допускалось совмещение гражданских административных и военных офицерских обязанностей,

¹¹¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 154.

¹¹² T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 196.

¹¹³ Takvim. 1834. Defa 80. S. 3.

¹¹⁴ Çadırcı M. Op. cit. P. 67.

¹¹⁵ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 196.

¹¹⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 154.

если лицу, заступающему на должность, удавалось выполнять их в равной степени качественно. Для такого совмещения также требовалось номинальное согласие губернаторов-вали¹¹⁷. Проект формирования *редифа* 1834 г. таким образом демонстрировал ослабление централизации армейского управления.

Очевидной проблемой новой системы стало практически полное незнание новоиспеченными офицерами основ военной науки. Однако в усвоении рядовыми *редифа* современного западного военного дела уровень образования командиров играл первостепенную роль. Попыткой решения этой проблемы стало введение практики отправки новых офицеров в Стамбул для прохождения короткого обучения в специальных центрах при регулярных войсках, а также проведение обязательных офицерских сборов два раза в год. Кроме того, после создания резервных войск офицеры действующей армии, отправляясь в отпуск в родные места, стали обязаны принимать участие в обучении местных сил *редифа*¹¹⁸.

Ввиду прямой заинтересованности местных властей в создании резервных батальонов, указания султана стали исполняться с особым рвением. Первые подразделения *редифа* были сформированы в районах Центральной и Западной Анатолии, в Анкаре, Чанкыры, Карахисар-ы Сахиб, Коджаэли и Болу¹¹⁹. В двух последних *санджаках* батальоны были собраны и укомплектованы всего за 17 дней, за что *мухассыл* Ахмет Февзи-паша удостоился благодарности султана¹²⁰.

В числе первых регионов, где были сформированы резервные войска, находится также и город Анталья, являвшийся в 1834 г. частью *санджака* Теке. Это объяснилось необходимостью укрепления безопасности всего района, сильно пострадавшего во время восстания Текелиоглу 1812-1814 гг., а также сдавшегося без боя силам Мухаммада Али в ходе османо-египетского конфликта 1831-1833 гг. из-за отсутствия достаточного количества войск. Указ о формировании резервных войск в Стамбуле, изданный в июле 1834 г., был доведён до *мухассыла* Осман-паши уже к августу. Одной из функций региональной администрации стало проведение

¹¹⁷ Çadırcı M. Op. cit. P. 67.

¹¹⁸ Takvim. 1835. Defa 87. S. 1.

¹¹⁹ Aksan V. Op. cit. P. 175.

¹²⁰ Takvim. 1835. Defa 87. S. 3.

переписей населения с целью определения количества мужчин, годных к службе. Таким путём было установлено, что в Анталье не было достаточно людей для формирования батальона, и она была объединена с городом Бурдуром и его окрестностями, а Осман-паша стал формировать резерв совместно с воеводой Бурдура Ахметом Азми-беем. Согласно подсчётам, в Анталье проживало 29759 мужчин-мусульман, годных к службе, в Бурдуре – 27587 человек. Для формирования батальона численностью 1426 человек от каждой тысячи мужчин необходимо было отобрать 25 призывников. Таким образом, 744 человека от Антальи и 682 человека от Бурдура вместе составили требовавшийся резервный батальон, создание которого было завершено к сентябрю 1834 г.¹²¹ При этом сбор призывников происходил не только в городах, но и на их окрестных территориях, а количество набираемых рекрутов зависело от численности населения конкретного населенного пункта. Это можно выразить в форме таблицы.

Таблица 1. Распределение количества призывников в резервные войска санджака Теке по населенным пунктам. Источник: Dinç G. Op. cit. P. 199.

Тип и название населенного пункта	Определенное переписью количество рекрутов, подлежащих набору
<i>Каза</i> Анталья	224
<i>Каза</i> Эльмалы	131
<i>Каза</i> Каш	100
<i>Каза</i> Калкан	45
<i>Каза</i> Финике	41
<i>Каза</i> Игдир	30
<i>Каза</i> Кардыч	15
<i>Каза</i> Кызылкая	25
<i>Каза</i> Буджак	34
<i>Каза</i> Миллю	35
Караоз	10
<i>Каза</i> Серик	27
Бешконак	15
<i>Нахийе</i> Хас	4
Деревня Кара Велилер	2
Деревня Иставроз	2
Деревня Хисар Чандыры	2
Деревня Ярбаш Чандыры	2
Деревня Чит Дибби	1
Всего	745

¹²¹ Dinç G. Antalya Redif Taburu'nun Kuruluşu ve İşleyişi // XVIII. Türk Tarih Kongresi. C. 6. Ankara, 2018. S. 199.

Регион Бурдура был существенно меньше по площади. Из 682 рекрутов 210 человек было набрано непосредственно в городе Бурдур, 225 – в *каза* Караагач-и Гельхисар, 108 – в *каза* Гельхисар-ы Хамид, 33 – в *каза* Кемер-и Хамид, 41 – в *каза* Сироз и Тефенни, 65 – в *каза* Ирле и Явидже¹²². Формирование батальона Анталы и Бурдура, снабженное подробными сведениями о численности призывников от каждого населенного пункта, отраженными в «Таблице 1», можно считать одним из достаточно редких примеров того, как все мероприятия проходили успешно и в строгом соответствии с планом. В других регионах создание подразделений задерживалось, либо не удавалось набрать требуемое количество людей, однако Османпаше и Ахмету Азми-бею удалось выполнить приказ султана без помех и недочетов. Спустя год, в 1835 г. при данном батальоне появилось артиллерийское подразделение, состоявшее из 25 человек, которых отправляли в Стамбул для прохождения обучения обслуживанию и использованию артиллерийских орудий при Имперском арсенале¹²³. В 1837 г. к вернувшимся в свои города артиллеристам из Стамбула было прислано четыре орудия с инструкторами и 24 тягловых животных. В том же году были сформированы и кавалерийские подразделения.

В таком ключе, постепенно и с переменным успехом шло формирование подразделений *редифа* по всей империи. К концу 1837 г. в различных регионах страны было сформировано более 90 резервных батальонов¹²⁴.

Очевидно, что столь стремительный рост численности новых армейских подразделений не мог обойтись без различного рода проблем. Одной из главных трудностей, к которой привело быстрое исполнение приказа султана, стала критическая нехватка командного состава и инструкторов для резервных войск. Имеющихся специалистов, припасов и оборудования едва хватало для покрытия потребностей регулярной армии, а финансовое положение Османской империи не позволяло резко нарастить объёмы производства или закупок необходимого из-за рубежа. Гражданские служащие, занявшие офицерские должности в *редифе*, также не

¹²² Dinç G. Op. cit. P. 200.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Aksan V. Op. cit. P. 175.

могли обучать резерв в соответствии с актуальными требованиями военной науки. Независимые друг от друга резервные батальоны не имели единой программы обучения, ввиду чего контролировать уровень их подготовки было невозможно¹²⁵.

Другой проблемой стала финансовая политика местных властей, задействованных в организации резерва. В соответствии с изначальным замыслом, расходы *редифа* должны были покрываться не из государственной казны, а регионами, где располагались подразделения. Для этого был создан специальный «фонд» под названием «Казна резерва Победоносного войска» (Redif-i Mansure Hazinesi). Через него закупались материалы для пошива обмундирования, выделялись средства для приобретения прочих необходимых припасов. К примеру, именно через эту казну Осман-паше удалось покрыть расходы на закупку мундиров для бойцов *редифа* Анталы, составившие 44 тыс. курушей. Позднее в ходе своей поездки в Стамбул ему удалось договориться о выделении ещё 30 тыс. курушей для закупки обмундирования и 18 тыс. курушей для закупки ткани, предназначавшейся для его пошива¹²⁶. Для пополнения казны резервных войск каждый регион, где дислоцировались их части, должен был перечислять в неё часть своего дохода. При этом большая часть собранных средств уходила на закупку всех видов вооружения, униформы, ткани. Тем не менее, имелась еще одна обязательная статья расходов – жалование для бойцов. Большое количество трат вскоре вынудило власти ввести новые налоги, что ухудшило финансовое положение населения. Количество средств, собранных после введения налогов в некоторых регионах, можно отразить в виде таблицы.

Таблица 2. Сумма налоговых поступлений в санджаке Теке 9 ноября 1834 г. Источник: Dinç G. Op. cit. P. 202.

Название населенного пункта (каза)	Сумма налоговых поступлений (в курушах)
Анталья	10205
Эльмалы	9355
Каш	8930
Калкан	4500
Финике	4500
Игдир и <i>нахийе</i> Кардыч	4421

¹²⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 155.

¹²⁶ Dinç G. Op. cit. P. 201.

Кызылкая	3100
Гермиги и <i>нахийе</i> Буджак, Миллю, Караоз	7382
Карахисар-ы Серик и <i>нахийе</i> Бешконак	5107
Кочевники Муртана	2000
Кочевники Гебиз	1750
Кочевники Каракоюнлу	1250
Всего	62500

Таблица 3. Сумма налоговых поступлений в санджаке Бурдур 9 ноября 1834 г. Источник: Dinc G. Op. cit. P. 202

Название населенного пункта (каза)	Сумма налоговых поступлений (в курушах)
Бурдур	6750
Караагач и Гельхисар	9500
Гельхисар-ы Хамид	4500
Кемер-и Хамид	1200
Сироз и Тефенни	1300
Ирле и Явидже	1750
Всего	25000

«Таблица 2» и «Таблица 3» демонстрируют, что с населения двух объединённых *санджаков*, помимо уже имевшихся на тот момент налогов, было дополнительно собрано ещё 87,5 тыс. курушей. Кроме введения новых налогов проблемой стало и нецелевое использование средств административными функционерами, увидевшими в таком устройстве инструмент личного обогащения. Вместо того чтобы добавить к налогам минимальную сумму, требовавшуюся для казны, местные власти увеличивали налоговые взносы в два-три раза. В реестры военных расходов, которые заполнялись офицерами *редифа* и должны были каждые полгода отсылаться в Стамбул, вписывались произвольные суммы под названием средств для покрытия трат батальонов, впоследствии взимавшиеся в виде налогов¹²⁷. После этого центральные власти попытались прекратить налоговый произвол на местах, ограничив расходы резервных частей суммой в 20 тыс. курушей в год. Однако даже после этого чиновники на местах хитростью смогли сохранить свои незаконные

¹²⁷ Çadırcı M. Op. cit. P. 70.

доходы: чтобы не достигать потолка расходов за год, они существенно сократили объёмы средств и припасов, выдаваемых военнослужащим, а в конце года в реестрах указывали, что израсходовали все 20 тыс. курушей, после чего взимали эту сумму в виде налогов и присваивали себе её остаток¹²⁸.

Султан Махмуд II, следивший за развитием *редифа*, осознал, что в своём изначальном виде организация, управление которой было поручено местным властям, не могла эффективно функционировать. По этой причине с целью решения накопившихся проблем на заседании Государственного совета 2 сентября 1836 г. был издан указ о перестройке резервных войск. В разработке нового проекта вновь принял активное участие Мехмед Хюсрев-паша, воспользовавшийся в том числе и наработками Гельмута фон Мольтке, который в это время находился в Османской империи в качестве военного советника¹²⁹. Согласно новому плану, *редиф* из множества независимых друг от друга батальонов, разбросанных по городам османского государства, превращался в структуру, разделённую на несколько крупных военных центров, которые контролировали вверенные им округа со множеством различных населённых пунктов.

Эти округа назывались *мюширлики* (*müşirlik*), они составлялись из нескольких *санджаков*, ранее друг с другом не объединявшихся. В числе первых был создан *мюширлик* Хюдавендигяр, в который вошли: город Бурса, *санджаки* Коджаэли, Болу, Кареси, Эскишехир, Кютахья и Карахисар-ы Сахиб. Возглавил округ *мюшир* Ахмед Февзи-паша. За ним последовало создание *мюширлика* Конья, состоявшего из *санджаков* Конья, Акшехир, Бейшехир, Ичель, Аксарай, Теке и Хамид под управлением *мюшира* Хаджи Али-паши. *Мюширлик* Анкара состоял из *санджаков* Анкара, Чанкыры, Кастамону, Вираншехир (Сафранболу) и Чорум, во главе округа встал Иззет-паша. *Мюширлик* Айдын объединил *санджаки* Айдын, Сарухан, Сыгла и Ментеше, во главе встал *мухассыл* Якуб-паша. *Мюширлик* Эрзерум был образован из *санджаков* Эрзерум, Ван, Баязет, *элетов* Чылдыр и Карс, *мюшир* – Эсад-паша. *Мюширлик* Эдирне был сформирован из *санджаков* Чирмен,

¹²⁸ Çadırcı M. Op. cit. P. 70.

¹²⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 155.

Янболу, Нахийе-и Янболу, Кызанлык-ы Чырпан, Старая и Новая Загора, Филибе (Пловдив), Пазарджык. Возглавил округ Мустафа Нури-паша. *Санджаки* Кайсери, Бозок и Кыршехир, а также воеводство Йени Иль остались независимыми областями под управлением генералов, назначавшихся из Стамбула¹³⁰.

Данное нововведение следует отдельно подчеркнуть, поскольку все лица, занимавшие должности *мюширов*, являлись приближёнными султана, и формирование новых округов, а также утверждение генералов на должностях в независимых областях должно было происходить только с их ведома и одобрения.

Преобразования *редифа* дополнялись отправкой большого числа офицеров регулярных войск в провинции для обучения военнотружущих резерва. Кроме того, два раза в год резервные войска должны были проходить сборы в Стамбуле или центре военного округа. Также был введён принцип ротации, в соответствии с которым на эти сборы отправлялись не батальоны целиком, а их роты в порядке очереди, что позволяло, с одной стороны, продолжать обучение солдат, а с другой стороны, наносило меньший ущерб сельскохозяйственным работам¹³¹. Важным стало и изменение организации этого типа войск. Согласно указу 1836 г. она дублировала структуру действующей армии, были введены более крупные тактические звенья: полки, бригады, дивизии и корпуса¹³².

Таким образом, данный указ привёл к коренным переменам в османском *редифе*. Важным следствием преобразований стал переход контроля над резервными войсками от провинциальной знати военным. Назначенные султаном из Стамбула генералы стали занимать и армейские, и административные должности, оттесняя от управления местных чиновников. Например, создавший батальоны *редифа* в Анталье Осман-паша и в Бурдуре Ахмед Февзи-паша, были смещены со своих должностей в 1837 г. Осман-паша был назначен *шейх-уль-харамом*, а его должность перешла к генералу из Коньи Неджиб-паше. Вскоре последний занял и позицию Ахмеда Февзи-паши¹³³. Необходимость поддержки из столицы для лиц,

¹³⁰ Çadırcı M. Op. cit. P. 71.

¹³¹ Dinç G. Op. cit. P. 204.

¹³² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 155.

¹³³ Dinç G. Op. cit. P. 206.

претендующих на руководящие посты, блокировала доступ к рычагам управления неугодным султану личностям. Все финансовые вопросы, сбор налогов и снабжение казны резервного войска было передано в исключительное ведение *мюширов*. Кажущееся ослабление централизации, которое можно было наблюдать на начальных этапах формирования *редифа*, обернулось лишь ещё большим её усилением. В то же время представители местных элит не утратили мест в резервных войсках окончательно, они имели возможность занимать более низкие должности, что порождало угрозу внутренних конфликтов в будущем. Особую значимость носили и структурные изменения. *Редиф*, образованный в 1834 г., по сути являлся беспорядочной массой батальонов, разбросанных по тем населённым пунктам (или их группам) Османской империи, которые могли выставить требовавшееся количество людей. После 1836 г. организационная составляющая резервных войск обрела более стройный и упорядоченный вид, что облегчало контроль над ними, а также взаимодействие частей друг с другом. Период правления султана Махмуда II с уверенностью можно назвать самым сложным в истории новой османской армии. Он выделяется, с одной стороны, множеством трудностей, которые пришлось преодолеть на пути создания боеспособной военной машины и, с другой стороны, масштабностью реформаторских мероприятий, инициированных падишахом и его приближёнными.

За это время по указу султана был уничтожен мятежный янычарский корпус, а вместо него создано Победоносное войско Мухаммада. Постепенно оно заменило собой в том числе и те корпуса *капыкулу*, которые не были расформированы одновременно с янычарами. Тем не менее, по причине отсутствия в Османской империи квалифицированных специалистов в области современной на тот момент военной науки, Махмуд II был вынужден положить в основу организации Победоносного войска наработки своего предшественника Селима III. Очевидно, что такая армия не отвечала требованиям времени и не могла соперничать с войсками европейских государств. Поэтому спустя год после своего основания Победоносное войско Мухаммада прошло первую реорганизацию, в ходе которой были введены современные западные тактические звенья и иерархия званий.

Темпы проведения военных реформ были существенно снижены по причине двух войн, в которые оказалась втянута Османская империя при султанах Махмуде II – с Россией в 1828-1829 гг. и с египетским пашой Мухаммадом Али в 1831-1833 гг. Едва сформированные и не до конца укомплектованные османские армейские части оказались неспособны эффективно противодействовать своим оппонентам в этих конфликтах. Однако преобразования продолжились, и уже в 1834 г. регулярная армия была дополнена резервом, созданным по прусскому образцу. Он должен был снизить нагрузку на государственную казну, а также укрепить позиции новой османской армии в регионах. В том же году в структуре регулярных войск было завершено формирование восьми дивизий и независимых контингентов. Дополненную структуру можно представить в виде таблицы.

Таблица 4. Структура регулярных сил Османской империи в 1834 г. Составлено по данным: Т.С. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi; Şevket M. Osmânlı teşkîlât.

Дивизии	Номера полков	Число батальонов	Численность личного состава
Хайдарпаша	1,2	7	6225
Хайреттин-паша	1	3	2514
Неджиб-паша	1,2	8	4421
Искендер-паша	1,2	8	2768
Али-паша	1	4	2794
Садуллах-паша	1,2	8	4247
Халит-паша	1,2	8	2761
Давут-паша	1,2	8	4125
Отдельный 6-й полк	6	4	1737
Отдельный 20-й полк	20	4	3161
Кавалерийские полки Джура-паши	1,2	–	1400
Инженерный батальон	–	1	233
Всего	18	63	36386

Однако не вся османская действующая армия была организована в дивизии, подобно распределению, отраженному в «Таблице 4». Они составляли лишь её часть, вместе со всеми подразделениями к 1839 г. османская армия насчитывала 118400 человек. По штату, вместе с резервными частями в случае войны османские силы могли составить примерно 250 тыс. человек. Помимо воинских контингентов султан Махмуд II создал также и склады оружия. Так, например, кроме того, что уже стояло на вооружении, на стамбульских складах хранилось 277400 ружей, 490819 сабель, 38 тыс. копий, 5540 артиллерийских орудий. Ружья были снабжены

кремневыми замками, заряжались с дула, приблизительно треть от всех артиллерийских орудий была заказана в Пруссии, либо же сконструирована по прусской системе¹³⁴.

Таким образом, следует отметить, что султан Махмуд II заложил основы обновленной османской военной машины. Армия, первый импульс развитию которой придала деятельность падишаха, просуществовала вплоть до краха Османской империи в 1918 г. Но её фундамент был заложен не одномоментно, он выстраивался в течение длительного времени, методом проб и ошибок, реформаторы сталкивались со множеством трудностей и нюансов. Примером может служить факт того, что и регулярные, и резервные войска практически сразу же после своего появления претерпели существенные изменения. Регулярная армия была перестроена по европейской модели, а в *редифе* появилось территориальное деление и армейская иерархия подразделений. Султан также создал новый командно-административный аппарат и положил начало развитию военно-учебной системы Османской империи, учредив Военную академию и Высшее медицинское училище. Безусловно, все части весьма сложного механизма османской военной машины претерпели множество значимых изменений, осуществлённых преемниками Махмуда II. Однако его заслуга заключается именно в том, что он открыл новую эпоху в военной истории Османской империи.

1.2 Формирование и развитие новых вооружённых сил

1.2.1 Эволюция устройства регулярных войск Османской империи

В период с 1836 по 1843 гг. сухопутная армия Османской империи не претерпевала каких-либо значительных изменений. Последним подразделением,

¹³⁴ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 12.

прошедшим через существенные преобразования, стал *редиф*, после чего султан Махмуд II завершил масштабные военные реформы. Его преемник Абдулмеджид I, чье правление началось с издания Гюльханейского хатт-и шерифа, ознаменовавшего первый этап всеобъемлющих реформ эпохи Танзимата, не сразу приступил к структурным изменениям армии. В первые годы Танзимата регулярная армия по-прежнему представляла из себя массу батальонов, сконцентрированных главным образом в Стамбуле, а *редиф* функционировал в соответствии с указами 1836 г., постепенно увеличивая свою численность и медленно повышая общий уровень подготовки военнoслужаших резерва. Все сухопутные силы Османской империи также носили прежнее название «Победоносного войска Мухаммада».

Первые реформы, коснувшиеся организации сухопутной армии, стартовали в 1843 г. под руководством нового *сераскера* Хасана Рыза-паши (1809-1877). В качестве образцов, на которые ориентировались при проведении реформ султан и *сераскер*, выступили армии Франции и Пруссии¹³⁵. Масштабы и значимость этих преобразований для османской военной машины столь велики, что их без преувеличения можно считать началом современной эпохи в османских войсках. Армия периода правления Махмуда II имела в своей организации некоторые рудименты предшествующей эпохи, особенно на ранних этапах своего становления, однако реорганизация под руководством Рыза-паши открыла совершенно новую главу в истории османской армии. Основы, заложенные в этот период, просуществовали до начала XX в. Они претерпевали дальнейшие изменения, но не столь глубокие, чтобы преобразить армию до неузнаваемости.

Главной целью реформ было усиление и распространение контроля над контингентами регулярных войск, равно как и их системы, на территорию всей империи¹³⁶. Вооруженные силы были разделены на три части: регулярные подразделения, резервные и вспомогательные силы, к последним относились в том числе и иррегулярные войска¹³⁷. Наименование «Победоносное войско Мухаммада» было

¹³⁵ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 201.

¹³⁶ Aksan V. Op. cit. P. 193.

¹³⁷ Karal E.Z. Osmanlı Tarihi, C. 6. S. 162.

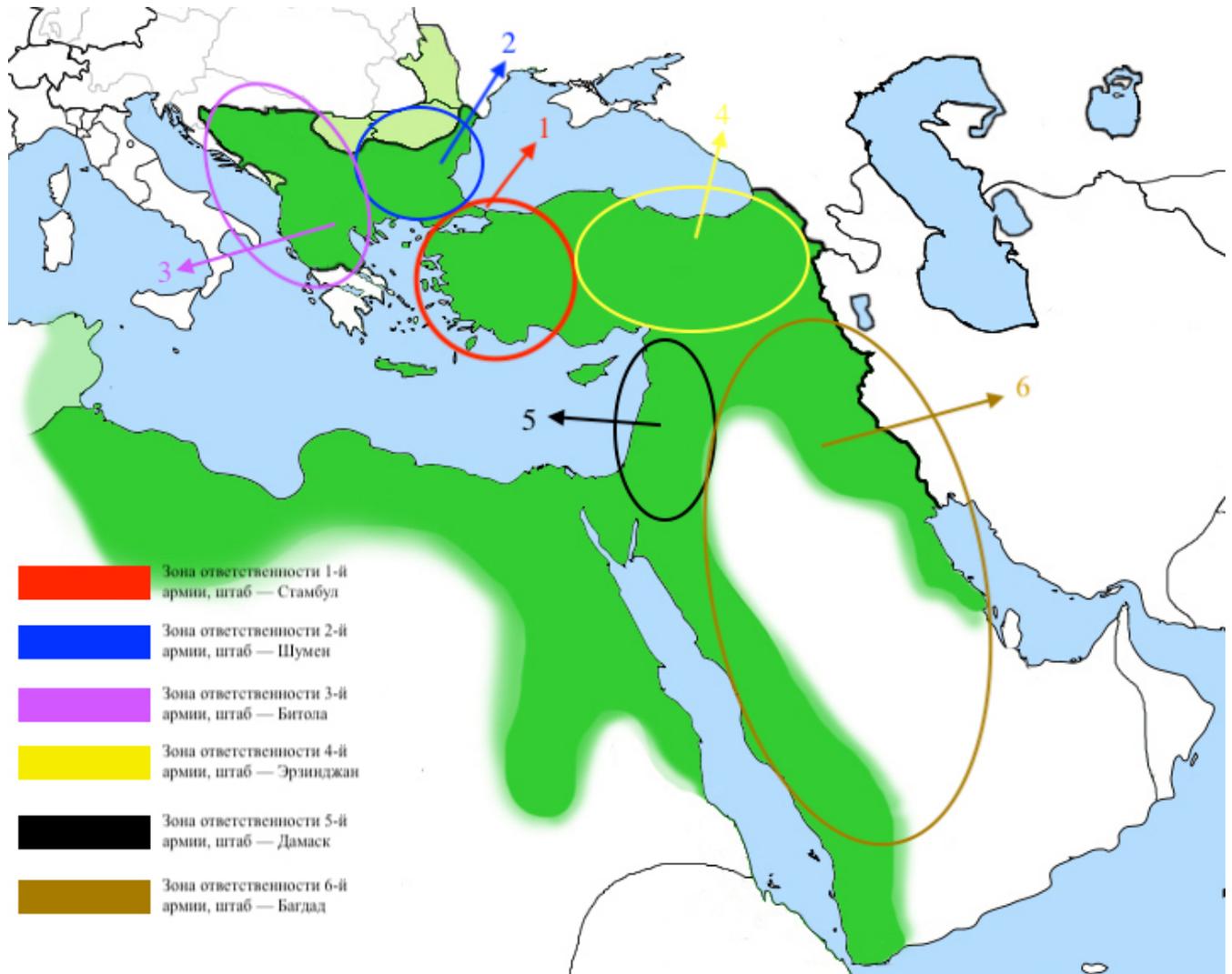
упразднено, и вместо него стали использоваться другие названия для каждой из трёх частей. Постоянная армия (осм. *عساكر موظفه* / тур. *Asâkir-i Muvazzaf*) получила официальное название «Регулярных войск», также известных как *низам* (осм. *عساكر نظاميه شاهانه* / тур. *Asâkir-i Nizâmiyye-i Şâhâne*). Самым важным аспектом реформ стало разделение регулярных сил на пять полевых армий, расположенных в различных крупных городах империи, что решило проблему с их сконцентрированностью в Стамбуле. Первая армия – Гвардейская (осм. *خاصه اردسو* / тур. *Hâssa Ordusu*), располагалась в европейской части Стамбула. Вторая армия – Стамбульская (осм. *درسعادت اردسو* / тур. *Der-i Saâdet Ordusu*), находилась в Ускюдаре, что в азиатской части Стамбула. Третья армия – Румелийская (осм. *روم ايلي اردسو* / тур. *Rûm İli Ordusu*), дислоцировалась в городе Манастыр (совр. Битола, Македония). Четвёртая армия – Анатолийская (осм. *اناطولى اردسو* / тур. *Anadolu Ordusu*), расположилась в городе Харпут (совр. Элязыг, Турция). Пятая армия – Аравийская (осм. *عربستان اردسو* / тур. *Arabistân Ordusu*), размещалась в Дамаске¹³⁸.

Османские регулярные силы сохраняли такое устройство до 1848 г., когда вышел новый указ, более детально регламентировавший территориальное расположение и организацию действующей армии. Главной особенностью этого пакета реформ стало формирование новой, Шестой армии – Багдадской (осм. *بغداد اردسو* / тур. *Bağdâd Ordusu*). Вторая армия была выведена из Стамбула и передислоцировалась в Шумен. Кроме того, указом вводилось разделение территории империи на военные округа, армейские подразделения стали располагаться не только в крупных городах, но и на территории вилайетов, центрами которых они являлись. В городах же стали размещаться только гарнизоны и штабы армий. Главой военного округа каждой армии являлся *мюшир*, командовавший не только регулярными, но и резервными силами региона, что унифицировало контроль над войсками и устраняло достаточно громоздкую командную систему *редифа*, существовавшую параллельно *низаму*. Исключением являлся Стамбул, расквартированной в нём Первой

¹³⁸ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 14.

армией командовал не *мюшир*, а *сераскер*. Примерное расположение военных округов можно представить на карте.

Рисунок 5. Приблизительное расположение военных округов и их штабов в Османской империи по итогам преобразований 1848 г. Составлено по данным: Şevket M. Osmânlı teşkilât; Aksan V. Op. cit.; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi; Uyar M., Erickson E.J. Op. cit.

В соответствии с положениями указа 1848 г., Первая армия имела штаб в Стамбуле, а её округом являлась столица империи и Западная Анатолия, как отражено на «Рисунке 5». Штаб Второй армии переместился в Шумен, её округом стал бассейн Дуная (территории современных Болгарии и Румынии). Третья армия сохранила штаб в Битоле, её округом стали Македония и Босния и Герцеговина. Штаб Четвертой армии был перемещён в Эрзинджан, округом являлась Восточная Анатолия. Пятая армия, как и прежде, имела штаб в Дамаске, округом стали вилайеты Шам и Алеппо. Шестая армия получила штаб в Багдаде, её округом стали

территории Ирака и Аравийского полуострова¹³⁹. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что из системы распределения регулярных сил по военным округам оказались полностью исключены османские владения в Африке. Египетские воинские контингенты общей численностью в 18 тыс. человек были прикреплены к силам 5-й армии, в остальном же на территории Северной Африки имелись только иррегулярные войска и силы, обслуживаемые местной администрацией¹⁴⁰.

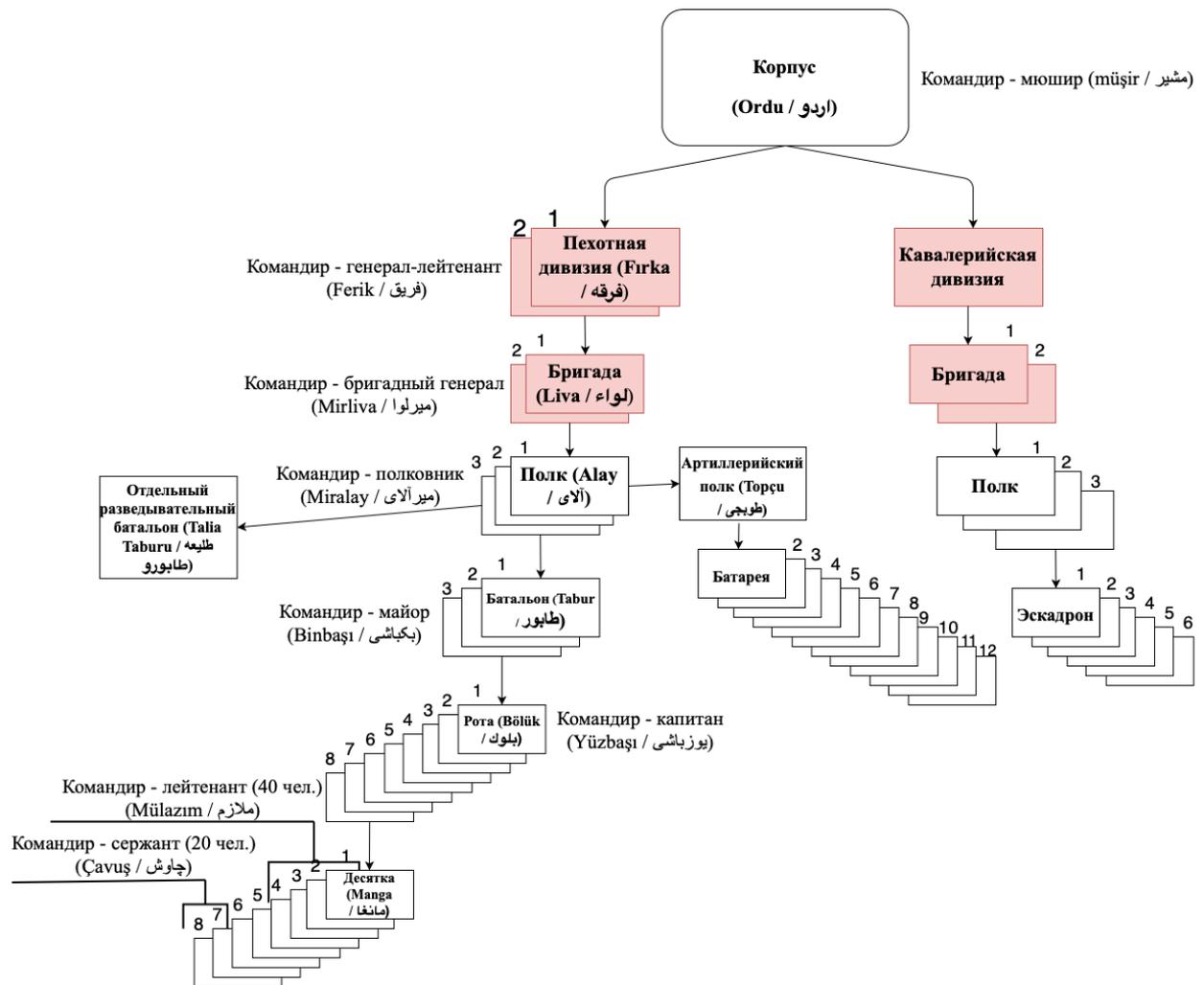
Указ 1848 г. закрепил также и общее организационное устройство регулярной армии Османской империи. Его можно представить в виде схемы.

Рисунок 6. Реконструкция штатной организации регулярных войск Османской империи на примере сухопутных подразделений. Схема составлена по данным: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2.

¹³⁹ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 14.; Aksan V. Op. cit. P. 194.

¹⁴⁰ Aksan V. Op. cit. P. 194.

Д. 4370. Л. 13-36; Şevket M. Osmânlı teşkîlât; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi.

Необходимо подчеркнуть, что штатная организация, отображенная на «Рисунке б,» не соблюдалась строго. Устройство разных армий варьировалось в рамках данной структуры в зависимости от численности личного состава. Например, Стамбульская армия в целом соответствовала штатному устройству, тогда как в Шуменской, Анатолийской и Дамасской армиях не хватало одного пехотного полка, разведывательного батальона и одного кавалерийского полка. Битольская армия, напротив, располагала большими кавалерийскими подразделениями, ввиду чего в ней имелись дополнительные казачьи и драгунские полки¹⁴¹. Багдадская армия, в отличие остальных, имела в своём составе четыре пехотных и всего лишь два кавалерийских полка.

¹⁴¹ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 14.

Также следует обратить внимание на крупные тактические звенья уровня бригады и дивизии, выделенные красным цветом в схеме. Важнейший османский источник, в котором описывается эволюция организации военной машины – труд Махмуда Шевкет-паши «Организация и обмундирование османской армии» – ничего не говорит о подразделениях подобного уровня. Впервые в этой работе они упоминаются только при анализе реформ 1880 г. Однако о существовании этих частей в более ранний период писали российские военные осведомители, чьи показания сохранились в материалах фондов Архива внешней политики Российской империи. Согласно их данным, дивизии и бригады в османской армии носили скорее формальный характер, поскольку должны были собираться только в рамках военных кампаний. В мирное время они расформировывались, и войска могли беспрепятственно «перемешиваться» на уровне полков и батальонов. Разумеется, такая практика делала практически невозможным сбор хотя бы одной полной бригады и вынуждала создавать в случае необходимости сводные подразделения¹⁴². Таким образом, существенная часть штатной организационной структуры османских регулярных войск, введённой в 1843 г., существовала только на бумаге. Фактическое устройство армии оказывалось более запутанным и могло затруднить управление воинскими контингентами.

Другой особенностью преобразований 1843 г. стало введение спецификации армейских подразделений на уровне полков и батальонов. Наиболее наглядным примером можно считать формирование разведывательных батальонов, закреплённых практически за каждым пехотным полком, но не входивших в его состав. Однако этим разграничение функций подразделений не ограничилось. Особый интерес представляет разделение пехотных полков в рамках бригады. Так, первые два полка стали называться полками *зуавов* (осм. زخاف / тур. *zuaf*). Весьма вероятно, что этот структурный элемент был заимствован у французской армии, где *зуавами* называли подразделения, состоявшие из рекрутов, набранных в Алжире. Изначально они должны были происходить из одного племени, предположительно,

¹⁴² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 35.

кабилов. Среди них проводился набор в том числе и в османские войска, однако не имеется упоминаний о том, что у османов *зуавами* назывались подразделения, целиком состоявшие из них¹⁴³. Можно предположить, что данная терминология использовалась в османской армии для разделения пехоты на стрелковую и линейную, при котором полки *зуавов* выполняли роль застрельщиков, а остальные контингенты (например, третий полк в бригаде) (осм. صف پیاده / тур. saf piyâde) действовали в сомкнутом строю¹⁴⁴.

Разделение коснулось и кавалерийских подразделений. Один кавалерийский полк состоял из шести эскадронов, из которых первые два назывались «*филинталы*» (осм. فلنطه لو / тур. filintalı). Термин обозначал всадников, вооружённых короткими ружьями с кремнёвыми замками. Конструктивное устройство оружия стало названием использовавших его подразделений, поскольку оно происходило от слова «*филинта*» (осм. فلنطه / тур. filinta), которое, в свою очередь, является прямым заимствованием английского слова «flintlock», обозначавшего кремнёвый замок, применявшийся в османском оружии. Остальные четыре эскадрона назывались «*мызраклы*» (осм. مزراقلى / тур. mızrâklı), что означало «вооружённые копьями», и эти эскадроны также получили свое название от используемого оружия¹⁴⁵.

Артиллерийские полки, чьи подразделения также претерпели изменения, состояли из 12 батарей каждый. Из них 11 батарей являлись полевой артиллерией, каждая из них имела шесть полевых орудий. Одна батарея являлась горной и была вооружена четырьмя горными орудиями. Соответственно, по штату в османском артиллерийском полку должно было быть 70 артиллерийских орудий¹⁴⁶.

Кроме того, в рамках структурных реформ были созданы отдельные воинские формирования, подконтрольные Имперскому арсеналу – Топхане (осм. طوپخانه عامره / тур. Tôphâne-i Âmire). К их числу относился отдельный артиллерийский полк, получивший наименование резервного, а также два инженерных полка по два

¹⁴³ Jules G. L’Afrique du Nord – description, histoire, armée, populations, administration et colonisation. Paris, 1861. P. 98.

¹⁴⁴ Военная энциклопедия в 18 томах. / под ред. Новицкого В.Ф. Т. 14 (Круковский – Линта). СПб., 1914. С. 636.

¹⁴⁵ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 15.

¹⁴⁶ Ibid.

батальона каждый, и один так называемый промышленный полк (осм. صنایع آلائی / тур. sanâyi alâyi), по всей видимости, определённым образом задействованный на производстве¹⁴⁷. Вероятно, эти контингенты использовались для охраны Проливов и предприятий, управлявшихся Арсеналом, поскольку инженерные полки были расположены в крепостях у пролива Дарданеллы, а «промышленный» полк – в крепостях около Босфора. Остальные формирования были распределены по крепостям в других регионах империи, вместе они насчитывали около четырёх полков крепостной артиллерии. Кроме того, за каждым полком, независимо от рода войск, был закреплён военный оркестр численностью 80 человек¹⁴⁸.

Нововведения коснулись не только структуры армейских подразделений, но и командной цепи всех родов войск. Так, за каждым полком был закреплён писарь, ранее эта должность в войсках официально не закреплялась. Кроме того, среди чинов пехотных войск появилась должность младшего лейтенанта (осм. ملازم ثانى / тур. mülâzım-ı sâni). В кавалерийские войска было добавлено две должности – младшего лейтенанта, аналогичного пехотному, и старшего лейтенанта (осм. ملازم اول / тур. mülâzım-ı evvel). В артиллерийские войска были добавлены такие же должности, а также дополнительная – лейтенант «третьего ранга» (осм. ملازم ثالث / тур. mülâzım-ı sâlis)¹⁴⁹. По всей видимости, лейтенант третьего ранга стал самой младшей

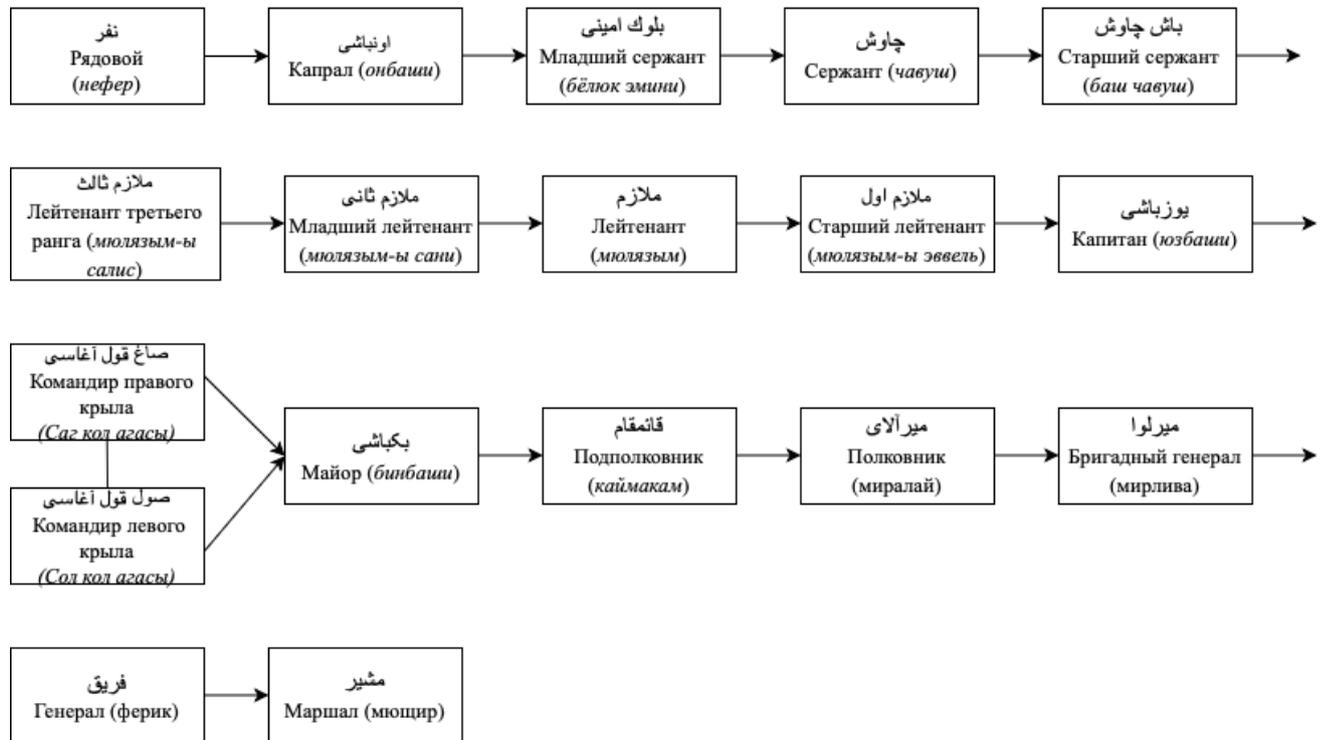
¹⁴⁷ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 15.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid.

офицерской должностью в османской армии. С учётом новых звеньев командной цепи, её схема могла выглядеть следующим образом:

Рисунок 7. Реконструкция иерархии чинов в регулярных войсках Османской империи в 1843-1869 гг. Схема составлена по данным: Şevket M. *Osmânlı teşkilât*; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. *Türk silahlı kuvvetleri tarihi*; Uyar M., Erickson E.J. *Op. cit.*

«Рисунок 7» демонстрирует, как постепенно командная цепь сухопутных сил Османской империи усложнялась и дополнялась новыми званиями. Заметно, что структурные преобразования 1843 г. в этой области были направлены на увеличение численности и расширение возможностей младшего командного состава по контролю над вверенными контингентами.

Помимо организации различных аспектов организации сухопутной армии, реформы 1843 г. изменили в том числе и сроки прохождения службы. Был официально закреплён механизм призыва в *низам* по жребью, в соответствии с которым лица, обязанные пройти службу в регулярной армии, проводили в ней пять лет. По окончании службы они переводились в *редиф*, где обязаны были провести ещё семь лет, после чего им позволялось демобилизоваться и выйти в запас. Общий срок службы для мужчины, призванного в регулярную армию, таким образом, составлял 12 лет. Лица, не служившие в регулярной армии, зачислялись сразу в резерв и

должны были участвовать во всех сборах и тренировках¹⁵⁰. Это было сделано, чтобы насытить *редиф* более опытными солдатами, прошедшими службу в действующей армии и снизить число солдат, не имевших необходимого уровня военно-профессиональной подготовки¹⁵¹.

Утверждение сроков службы в действующей армии и резерве завершило преобразования, начатые в 1843 г. Главным их результатом стало разделение страны на военные округа, также реформы придали войсковой структуре более строгий вид, повысили степень её централизации, положили конец существованию параллельных друг другу командных аппаратов. В целом, они улучшили условия, в которых существовала армия. Благодаря этим реформам османская военная машина стала более целостной, кроме того, в ней значительно увеличилось число элементов, позаимствованных у современных на тот момент армий Запада. К моменту завершения преобразований в действующей османской армии имелось:

- 36 пехотных полков;
- 36 разведывательных батальонов;
- 26 кавалерийских полков;
- 7 полевых артиллерийских полков;
- 4 крепостных артиллерийских полка;
- 2 инженерных полка;
- 1 промышленный полк¹⁵².

Общая численность данных подразделений составляла приблизительно от 123¹⁵³ до 150¹⁵⁴, а по другим данным даже до 200 тыс. человек¹⁵⁵, то есть, каждая региональная армия состояла приблизительно из 30 тыс. человек. Эти цифры касаются только регулярной османской армии, кроме неё имелось также примерно 120 батальонов *редифа*, насчитывавших около 90 тыс. человек¹⁵⁶. Таким образом,

¹⁵⁰ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 16.

¹⁵¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 159.

¹⁵² Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 18.

¹⁵³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

¹⁵⁴ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 18.

¹⁵⁵ Aksan V. Op. cit. P. 195.

¹⁵⁶ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 19.

общая численность османской армии вместе с резервными войсками составляла примерно 240 тыс. человек. Кроме того, существовал план постепенного наращивания численности регулярных войск до 400 тыс. человек в течение нескольких лет, исходя из расчётов ежегодного пополнения армии контингентом численностью около 30 тыс. новобранцев¹⁵⁷. По подсчётам современных исследователей, накануне Крымской войны численность османских сил была ещё выше: с учетом иррегулярных и добровольческих контингентов из Египта, Ливии и Туниса она достигала 480 тыс. человек¹⁵⁸. Однако при этом следует делать поправку на выучку и боевые навыки таких бойцов.

В целом же, султан Абдулмеджид I начал выстраивать армию, одна часть которой (*редиф*) в случае войны должна была задержать противника, а другая (*низам*) – прибыть на фронт и нанести ему поражение. *Низам*, таким образом, становился своеобразным «отрядом быстрого реагирования». Несмотря на рассредоточение по военным регионам, его можно было оперативно собрать и отправить к наиболее тяжелым участкам театра военных действий¹⁵⁹. Тем не менее, этот замысел не прошел проверку Крымской войной, продемонстрировавшей нежизнеспособность такого устройства армии.

Реформы 1843 г. завершили формирование «фасада» османской военной машины, они отрегулировали и закрепили общие положения, в соответствии с которыми она должна была быть устроена и выполнять возложенные на неё функции. Однако нельзя сказать, что преобразования решили все основные проблемы, имевшиеся в османских вооружённых силах. После разрешения организационных проблем на первый план вышли проблемы иного характера. Главной среди них стало отсутствие достаточно подготовленных офицеров в войсках всех родов. В особенности это касалось штабных кадров и старших офицеров – число прошедших специальную подготовку среди них было наименьшим¹⁶⁰. Другой проблемой стало фактическое отсутствие логистической сети. Эти недостатки ярко проявились в

¹⁵⁷ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 203.

¹⁵⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

¹⁵⁹ Ibid. P. 159.

¹⁶⁰ Ibid. P. 160.

ходе Крымской войны, когда основные силы как на Балканском, так и на Кавказском фронтах были объединены не в соответствии со структурой полевых армий, а вокруг нескольких наиболее компетентных командиров¹⁶¹.

Следствием нехватки достаточно квалифицированных офицеров стал крайне низкий уровень подготовки рядового состава. Большинство солдат, набранных из крестьян, не знали азов военной науки, не имели представления о дисциплине, правилах гигиены, армейском режиме жизни. Кроме того, офицерского корпуса едва хватало на то, чтобы управлять *низамом*, из-за чего *редиф* оказывался практически полностью лишен командного состава. Это, в свою очередь, крайне негативно сказывалось на тренировочном процессе *редифа*. Он так и не был упорядочен, оставался хаотичным и случайным, а порой вовсе отсутствовал.

Кроме того, со временем стала сказываться разница в уровне подготовки различных соединений. Так, в зонах ответственности Румелийской и Анатолийской армий различного рода беспорядки и восстания, требовавшие привлечения сил армии, происходили чаще, чем в других регионах империи, соответственно, образованных и обученных военнослужащих здесь было больше. При этом совершенно иная ситуация наблюдалась в Сирии и Ираке, где не только солдаты, но и офицеры, как старшие, так и младшие, нередко не имели никакого военного образования. Положение усугублялось языковым барьером между офицерами тюркского происхождения и арабоязычными рядовыми, поскольку не каждый командир владел арабским языком¹⁶².

Крымская война стала «лакмусовой бумагой» в отношении многих этих недостатков османской военной машины ещё на этапе планирования действий на обоих фронтах. Попытка решить все проблемы, объединив подразделения вокруг выдающихся командиров, обернулась дисбалансом сил на разных фронтах, игнорированием технических, логистических и структурных уязвимостей османской армии. Например, командующий Балканским фронтом Омер Лютфи-паша получил в свое распоряжение наиболее подготовленные, элитные османские части, в его

¹⁶¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

¹⁶² Ibid.

регионе была более развита дорожная сеть, он находился ближе к столице, его снабжала основная часть военных предприятий, также расположенных на территории Балкан. При этом поставленные перед ним задачи носили оборонительный характер и не подразумевали ведения активных наступательных действий. В то же время командир Кавказского фронта Абдулкерим Надир-паша, от которого требовалось провести наступление на русские войска, получил под свое командование силы, на две трети состоявшие из иррегулярных войск башибозуков и добровольцев от кочевых и горных племён. Его положение усугублялось практически полным отсутствием дорог на вверенной ему территории, а также нежеланием отдельных корпусов и генералов подчиняться ему. Так, командир армии в Батуме заявил, что мог получать приказы исключительно от султана¹⁶³.

Существенная разница в региональной инфраструктуре и степени подготовки войск под командованием каждого из генералов оказала значительное влияние на исход боевых действий на Балканском и Кавказском фронтах. Омер-паша мог осуществлять активные оборонительные действия, наносить внезапные удары, рассеивавшие силы русской армии на Дунае, выучка его подразделений позволяла ему проводить более сложные манёвры. В конце концов, ему удалось удержать вверенные ему территории до отхода русских с Балкан. В свою очередь, силы Абдулкерим-паши терпели одно поражение за другим, все попытки проведения маневров, требовавших от солдат знания военной науки (к примеру, сковывание неприятеля боем и атака его с флангов дополнительными силами) оканчивались неудачей и бегством башибозуков. Череда провальных операций на Кавказе привела к практически полному уничтожению Карского армейского корпуса и капитуляции Карса в ноябре 1855 г. От тотального разгрома всех сил в регионе, после которого русской армии открывался путь в Анатолию, османов удержали только действия британской и французской армий на территории Крыма¹⁶⁴.

Безусловно, часть итогов Крымской войны была позитивной для османской армии. Действия на Балканском фронте позволили османам впервые более чем за

¹⁶³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

¹⁶⁴ Ibid. P. 170.

столетие нанести ряд чувствительных поражений русской армии. При рассмотрении результатов преобразований, начатых султаном Махмудом II и продолженных Абдулмеджидом I, становится очевидно, что османская армия совершила ощутимый прогресс по сравнению с тем, чем она являлась в 1826-1829 гг. Её структура и механизмы управления улучшились, а уровень подготовки офицеров вырос.

Однако такие выводы справедливы только в том случае, если анализировать результаты реформ в ретроспективе. На деле же Крымская война показала, что османская армия едва ли могла соперничать с армиями России и Европы. Ей не хватало технологической и финансовой базы, ввиду чего уже на второй год войны пришлось брать крупные займы. Чрезвычайные военные налоги и мобилизация *редифа* ухудшили экономическое положение в том числе тех провинций, где ситуация сохраняла определенную стабильность. Серьёзным недостатком было и плохое состояние дорожной сети в империи, недостаточно налаженное снабжение приводило к тому, что войска бросали свои склады вместе со всем содержимым. Офицерский корпус также проявил себя неэффективно, несмотря на общее повышение уровня подготовки. Командиры не могли реализовать потенциал своих подчинённых, многие офицеры саботировали приказы сверху или действовали отдельно от остальных сил. Широко распространённый в офицерской среде фаворитизм и конкуренция препятствовали адекватному координированию действий войск на различных участках фронта.

Одним из ключевых изъянов османской военной машины стало в том числе её отставание от России и Запада в военно-теоретической и практической подготовке, что было особенно актуально для Кавказского фронта. Согласно замечаниям российских военных советников, в том числе тех, кто лично принимал участие в сражениях против османов на данном фронте, османская армия вступила в войну в том состоянии, которому её обучили французские инструкторы 1830-х гг. Её соединения поддерживали сомкнутый строй и формирования, совершенно устаревшие на момент начала войны. По всей Европе уже распространилось применение стрелковых цепей и действия в рассыпном строю, что практиковалось в том числе и русскими войсками на Кавказе. Османы же никак не могли отойти от применения

сомкнутого строя, разрыв которого обращал их в смятение, а порой и в бегство. И, хотя были вложены немалые средства в техническое оснащение, «...в Анатолии превосходно вооружённые османские батальоны, придерживавшиеся сомкнутого строя, разлетались под ударами холодного оружия»¹⁶⁵. Война таким образом продемонстрировала, что султанам предстояло проделать большую работу, чтобы вывести свою армию на уровень, примерно сопоставимый с европейским. Наличие нового оружия, общей организационной структуры и нескольких образованных генералов не являлось рецептом победы, и преобразования необходимо было продолжать.

Работа над модернизацией османской армии после Крымской войны и анализ её сильных и слабых сторон легли на плечи султана Абдулазиза. Однако в течение первой половины его правления (1861-1869 гг.) организация вооружённых сил не претерпела никаких изменений, а иерархия подразделений осталась практически идентичной прошлой вплоть до реформ Абдулхамида II. Разделение на военные округа осталось неизменным, главным тактическим звеном армии являлся батальон, подразделения следующих уровней существовали номинально и должны были собираться лишь в случае войны¹⁶⁶. Армейский корпус, как и прежде, делился на две дивизии, пехотную, состоявшую из трёх пехотных полков и трёх разведывательных батальонов при них (12 батальонов в пехотной дивизии), и кавалерийскую, состоявшую из трёх полков (12 батальонов в кавалерийской дивизии). Дивизии делились на две бригады, бригады на полки, полки на батальоны, а батальоны на роты и эскадроны. Последние, в свою очередь, делились на десятки. Четыре десятка образовывали взвод под командованием младшего лейтенанта, а двумя десятками командовал сержант. В целом же, по штату один батальон должен был состоять примерно из 805 человек, а полк – из 2535-3250 человек¹⁶⁷.

¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 37.

¹⁶⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 39.

¹⁶⁷ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 44.

Достаточно точные сведения о составе османских подразделений сохранились в материалах военных советников из Российской империи. Согласно их показаниям, в пехотной роте линейного и разведывательного батальона имелось:

- 3 офицера;
- 96 строевых солдат;
- 3 нестроевых солдата;
- 4 лошади¹⁶⁸.

Под нестроевыми при этом подразумевались те военнослужащие, которые были задействованы в каких-либо хозяйственно-административных работах, не занятые непосредственно служебными делами. К числу таковых относились, например, фельдшеры, обозные, писари. В штабе батальона имелось:

- 3 офицера;
- 4 чиновника;
- 6 строевых солдат¹⁶⁹.

Всего в батальоне, состоявшем из восьми рот, таким образом, числилось:

- 27 офицеров;
- 4 чиновника;
- 774 строевых бойца из нижних чинов;
- 24 нестроевых солдата;
- 32 лошади;
- Всего – 829 человек¹⁷⁰.

В штабе следующего тактического звена – в полку, имелось:

- 4 офицера;
- 7 чиновников;
- 31 строевой боец.

Всего в пехотном полку из трёх батальонов вместе со штабом числилось:

- 85 офицеров;

¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 40.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 41.

- 19 чиновников;
- 2353 строевых бойца;
- 72 нестроевых солдата;
- 96 лошадей;
- Всего – 2529 человек¹⁷¹.

Осведомителями были собраны сведения и о составах кавалерийских соединений.

В одном эскадроне линейного кавалерийского полка числилось:

- 5 офицеров;
- 143 строевых бойца;
- 4 нестроевых;
- 143 лошади;
- Всего – 152 человека.

Несколько иная численность личного состава была в других кавалерийских подразделениях, например, в казачьем эскадроне состояло:

- 6 офицеров;
- 100 строевых солдат;
- 6 нестроевых;
- 100 лошадей;
- Всего – 112 человек.

В штабе кавалерийского полка находилось:

- 8 офицеров;
- 11 чиновников;
- 27 строевых бойца;
- 10 нестроевых;
- 40 лошадей.

В кавалерийском полку, состоявшем из шести эскадронов, вместе со штабом числилось:

- 38 офицеров;

¹⁷¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 41.

- 11 чиновников;
- 885 строевых бойцов;
- 34 нестроевых солдата;
- 898 лошадей;
- Всего – 968 человек.

Численность османского казачьего полка была примерно в два раза меньшей:

- 32 офицера;
- 11 чиновников;
- 427 строевых бойцов;
- 10 нестроевых солдат;
- 440 лошадей;
- Всего – 484 человека¹⁷².

Кроме того, султан Абдулазиз внёс изменения в структуру кавалерийских войск. В 1863 г. он дополнил существовавшие на тот момент специализированные подразделения другими. В рамках эскадронов сохранилось деление на *филинталы* и *мызраклы*, однако в бригадах и дивизиях первые кавалерийские полки получили название *сипахи* (осм. سپاهی / тур. sipâhi), вторые полки стали драгунскими (осм. دراغون / тур. dragon), а третьи – гусарскими (осм. هوسار / тур. hüsar). Четвёртые кавалерийские полки также сохранили название *мызраклы*¹⁷³. В 1866 г. небольшие структурные изменения коснулись в том числе и артиллерийских войск. Так, было введено деление артиллерийского полка на пять батальонов, то есть, сформировалось промежуточное звено между полком и батареей. Было введено в том числе и деление артиллерии на пешую и конную. Первый артиллерийский батальон в каждом полку стал конным, а остальные четыре – пешими. Конный артиллерийский батальон состоял из трёх эскадронов, в которых числилось 402 человека и 439 животных (лошадей и тягловых). Из этих трёх эскадронов первый имел на вооружении исключительно нарезные орудия, в то время как второй и третий

¹⁷² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 41.

¹⁷³ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 15.

располагали только гладкоствольными пушками. Пехотные артиллерийские батальоны состояли из двух рот, в которых числилось 268 человек и 199 животных. Каждая первая рота второго, третьего и четвертого батальонов была вооружена нарезными орудиями, вторые роты имели облегчённые гладкоствольные орудия, как у кавалерийских подразделений. Каждый пятый пехотный батальон также обязательно вооружался нарезными орудиями¹⁷⁴. Кроме пяти батальонов при артиллерийских полках числились отдельные горные батареи, состоявшие из 89 человек и 18 животных, тоже вооружённые нарезными орудиями. В артиллерийском полку в целом числилось 1687 военнослужащих, 1195 тягловых животных и лошадей, 42 нарезных орудия, 30 гладкоствольных пушек (всего 72 орудия), 66 подвод с боеприпасами, 12 ящиков с боеприпасами для горных батарей¹⁷⁵.

Согласно российским данным, в полевой пехотной артиллерийской батарее, состоявшей из шести орудий, числилось:

- 4 офицера;
- 110 строевых солдат;
- 7 нестроевых;
- 114 лошадей;
- Всего – 121 человек.

Конная батарея имела такое же расписание, однако число лошадей было большим – 171. Штаб артиллерийского батальона имел:

- 3 офицера;
- 4 чиновника.

Штаб полка насчитывал:

- 6 офицеров;
- 5 чиновников;
- 4 строевых солдат;
- 7 нестроевых;

¹⁷⁴ Т.С. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 205.

¹⁷⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 48.

- 4 лошади.

В регулярном артиллерийском полку, таким образом, состояло примерно 1558 человек. Полки крепостной и береговой артиллерии при этом были крупнее, состояли из 4 батальонов, 12 рот и насчитывали 2040 человек. Артиллерийский полк, закреплённый за Имперским арсеналом, несмотря на структуру, походившую на крепостные полки – 4 батальона, 16 рот – был меньше и насчитывал 1250 человек¹⁷⁶.

При этом все указанные цифры и структуры являлись исключительно штатными, а их соответствие или несоответствие фактическому устройству и расположению османских войск нуждается в дополнительном подтверждении. С этой целью необходимо проанализировать информацию, собранную российскими военными осведомителями и чиновниками. Эти данные имеют чрезвычайную важность, поскольку обнаруживают существенные расхождения между штатной и фактической организацией османских войск. Благодаря информации, которую удалось собрать российским разведчикам, становится возможным сравнение того, какой организация османской армия должна была быть и какой она была в действительности. Согласно указаниям, содержащимся в секретном циркулярном предписании №38, которое было издано 15 января 1864 г.¹⁷⁷, осведомители, работники посольств, консульств, должны были собрать насколько возможно полные сведения о фактическом состоянии организации и численности османской армии. Результатом их работы стали информационные сводки, касавшиеся принадлежности воинских контингентов к одной из армий, их численности, расположения, вооружения и общего состояния. Эти сведения можно организовать в таблицу.

Таблица 5. Распределение османских войск по военным округам, их численность, вооружение, степень укомплектованности и состояние личного состава в 1865-1874 гг. Составлено по данным: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4367. Л. 9-21; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4368. Л. 6-18; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4369. Л. 11-25; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 18-44; Ünal U. Sultan Abdülaziz devri; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi.

Номер армии, командование	Расположение, время сбора информации, численность	Дополнительная информация (при наличии)
---------------------------	---	---

¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 42.

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4367. Л. 8.

Первая армия	Российские осведомители не передали сведений, касавшихся численности и расположения подразделений Первой (Гвардейской) армии.	
<p>Вторая армия; Командующий – Абди-паша, с апреля 1866 г. – Омер-паша; начальник штаба – Омер-паша, с ноября 1865 г. – Ариф-паша; штаб-квартира – Шумна.</p>	<p>Видин <i>1865 г.</i> 2 пехотных батальона; 6 кавалерийских эскадронов; Артиллерия: 6 полевых орудий пехотных подразделений; 6 полевых орудий конных подразделений; Общая численность войск – около 2500 человек. <i>Апрель 1866 г.</i> 1 батальон полка зуавов (400 человек); 1 линейный пехотный батальон (400 человек); 6 кавалерийских эскадронов по 400 человек каждый (2400 человек); 1 инженерная рота (21 человек); Крепостная артиллерия (60 человек); Жандармы (около 1300 человек); Всего – 4581 человек. <i>Апрель 1867 г.</i> 1 пехотный батальон (400 человек); 2 батальона <i>редифа</i> (около 1400 человек); Артиллерия: 6 пеших, 6 конных орудий (около 200 человек); Всего – 2 тыс. человек.</p>	<p>Российский консул находился под подозрением османских властей и собрал лишь ограниченные сведения. Начальник штаба Омер-паша являлся бывшим русским офицером из числа мусульман, перешедших на османскую сторону в ходе Крымской войны. В мае 1865 г. он прибыл в Видин и заявил о своем желании перестроить местные войска на русский манер. В апреле 1866 г. мюшир Омер-паша предпринял попытку реорганизовать подразделения жандармов на манер европейской военной полиции, сочтя их негодными к службе. С августа 1866 г. начался призыв <i>редифа</i>, набрано 2 батальона численностью около 1 тыс. человек. В том же месяце началась вспышка холеры, часть батальонов была распущена. В том же месяце большая часть кавалерии ушла в Софию, численность видинских контингентов вернулась к прежнему значению около 2500 человек.</p>
	<p>Санджак Филиппополь (Пловдив) <i>1865 г.</i> Регулярные войска отсутствовали; Жандармы: 1-й и 2-й батальоны, 106 кавалеристов, 444 пехотинца; Всего – 550 человек. <i>Ноябрь 1865 г.</i> 1-й кавалерийский полк: 400 человек, прибыли из Софии; Всего – 950 человек. <i>Апрель 1866 г.</i></p>	<p>В конце августа 1865 г. в регионе проводился призыв на воинскую службу. Кавказские переселенцы были освобождены от него, но многие из них, в основном из татар, пошли в подставные рекруты. 29 апреля 1866 г. был получен приказ собрать <i>редиф</i>. Его численность составила 825 человек, он был отправлен в Видин. В декабре 1873 г. военнo-служащие <i>редифа</i> получили</p>

	<p>1-й кавалерийский полк: 4 эскадрона (около 400 человек); Всего – около 400 человек. <i>Декабрь 1872 г.</i></p> <p>2 эскадрона конницы (около 250 человек); Всего – около 250 человек.</p>	<p>новые скорострельные винтовки, ожидалось перевооружение жандармов.</p>
	<p>Руцук <i>Ноябрь 1865 г.</i></p> <p>Войска в городе отсутствовали. <i>Март 1866 г.</i></p> <p>Общая численность войск в городе – около 31 тыс. человек. <i>Апрель 1866 г.</i></p> <p>Ожидалось прибытие 2 батальонов полка <i>зуавов</i>; 30 апреля прибыло 300 артиллеристов. <i>Апрель 1873 г.</i></p> <p>4 полка кавалерии (около 300-400 человек); Пехота: около 18 тыс. человек. <i>Февраль 1874 г.</i></p> <p>Контингенты 2-й армии насчитывали не более 12 тыс. человек при штатной норме 26 тыс. человек.</p>	<p>Ожидалось прибытие пехотных стрелковых батальонов и полевой артиллерии.</p> <p>Весной 1866 г. <i>мюшир</i> Абди-паша начал сбор соединений <i>редифа</i> общей численностью 40 тыс. человек.</p> <p>К 1873 г. кавалерия была вооружена карабинами, однако эскадроны страдали от критической нехватки людей. Большая часть пехоты получила нарезные казнозарядные ружья.</p> <p>В 1874 г. нехватку людей попытались устранить сборами <i>редифа</i>. Сперва призывался 1-й класс, если вместе с ним корпус не насчитывал 26 тыс. человек, то призывался следующий класс. В рамках <i>редифа</i> разделение на пехоту, кавалерию и артиллерию было номинальным, поскольку не имелось ни лошадей, ни пушек, и все бойцы проходили только пехотную подготовку. К февралю 1874 г. солдаты не получали жалование уже 9 месяцев. Батальоны насчитывали не более 340-600 человек при штатной численности 800 человек.</p>
	<p>Варна <i>Сентябрь 1866 г.</i></p> <p>1 полк <i>зуавов</i>: 2-й, 3-й, 4-й батальоны: 750 стрелков, 750 артиллеристов, 1500 человек пехоты; Всего – 3 тыс. человек.</p>	<p>Варна – важный логистический узел. С апреля по июнь 1866 г. через город из Стамбула в Шумну прошло около 7 тыс. солдат, включая рекрутов из Анатолии. Летом 1866 г. проводился сбор <i>редифа</i>, часть его</p>

		также была отправлена в Шумну.
<p>Третья армия; команду- ющий – Абди-паша, позднее в 1865 г. – Из- маил-паша; начальник штаба – Али-паша, с 1866 г. – Селим-паша; штаб-квартира – Ма- настир.</p>	<p>Санджак Сараево <i>Апрель 1865 г.</i> 1 боснийский батальон (около 1 тыс. человек); 5-й стрелковый батальон: 4 роты (около 300 человек); Конная артиллерия: 6 пушек (120 человек); Саперы из Чанаккале (170 че- ловек); 4 стрелковые роты (303 чело- века); Пехотная артиллерия: 4 пушки (156 солдат); Башибозуки (500 человек); Всего – 2549 человек. <i>Декабрь 1865 г.</i> 1 боснийский батальон (732 человека); Саперы (147 человек); Кавалерия (22 человека); 1 артиллерийская батарея (12 пушек, 230 человек); Всего – 1131 человек. <i>Апрель 1866 г.</i> 1 боснийский батальон (613 человек); Саперы (121 человек); Артиллерия: 1 конная батарея, 6 полевых орудий и 2 горных (182 человека); Всего – 916 человек.</p>	
	<p>Санджак Зворник <i>Апрель 1865 г.</i> 1-й пехотный полк, 2-й бата- льон: 4 роты (293 человека); 2-й кавалерийский полк: 4 эс- кадрона (534 человека) Пехотная артиллерия: 4 пушки (84 человека); Конная артиллерия: 6 пушек (120 человек); 2-й кавалерийский полк: 2 эс- кадрона (в Градачаце) (217 че- ловек); Конная артиллерия (в Града- чаце): 2 пушки (32 человека) Всего – 1280 человек. <i>Апрель 1866 г.</i></p>	

	<p>4 пехотных стрелковых роты (301 человек); Артиллерия: 2 орудия (29 человек); Всего – 330 человек.</p>	
	<p>Санджак Банялука <i>Апрель 1865 г.</i> 4-й пехотный полк: 3 батальона (561 человек); 4-й кавалерийский полк: 4 эскадрона (460 человек); Пехотная артиллерия: 8 пушек (152 человека); Всего – 1173 человека. <i>Апрель 1866 г.</i> 1 пехотная артиллерийская батарея, 8 орудий (140 человек); Всего – 140 человек.</p>	
	<p>Санджак Бихач <i>Апрель 1865 г.</i> Гвардейская (Стамбульская) армия: 1 батальон (427 человек); Пехотная артиллерия: 4 пушки (36 человек); Всего – 463 человека. <i>Апрель 1866 г.</i> 1 пехотный батальон (612 человек); 1 пехотная артиллерийская батарея, 8 орудий (139 человек); Всего – 751 человек.</p>	
	<p>Санджак Травник <i>Апрель 1865 г.</i> 1 боснийский батальон (900 человек); 5-й стрелковый батальон: 4 роты (около 300 человек); 4-й кавалерийский полк: 2 эскадрона (245 человек); Конная артиллерия: 8 пушек (125 человек); Пехотная артиллерия 4 пушки (64 человека); Всего – 1634 человека. <i>Апрель 1866 г.</i> 2 боснийских батальона (1517 человек); 3 кавалерийских эскадрона (345 человек); Артиллерия: 2 конных орудия (36 человек), 8 пехотных</p>	

	орудий (146 человек), 2 горных орудия (12 человек); Всего – 2056 человек.	
	<p style="text-align: center;">Сеница <i>1865 г.</i></p> <p>Пехота: 4 роты (316 человек); Пехотная артиллерия: 2 пушки (32 человека); Башибозуки (350 человек); Крепостные орудия: 18 пушек (180 человек); Всего – 878 человек. <i>Апрель 1866 г.</i></p> <p>2 пехотных батальона (1119 человек); 1 батальон из боснийцев и герцеговинцев (617 человек); Артиллерия: 12 пушек (149 человек); Башибозуки (250 человек); Всего – 2135 человек.</p>	
	<p style="text-align: center;">Нови-Пазар <i>Апрель 1865 г.</i></p> <p>Пехота: 1,5 батальона (1118 человек); Пехотная артиллерия: 6 пушек (120 человек); Башибозуки (500 человек); Всего – 1738 человек. <i>Декабрь 1865 г.</i></p> <p>1 пехотный батальон (619 человек); 1 артиллерийская батарея (10 пушек, 192 человека); Всего – 811 человек. <i>Апрель 1866 г.</i></p> <p>2 пехотных батальона (1319 человек); 1 артиллерийская батарея, 8 орудий (141 человек); Башибозуки (120 человек); Всего – 1580 человек.</p>	
	<p style="text-align: center;">Фоча <i>1865 г.</i></p> <p>1 стрелковый батальон (570 человек); Пехотная артиллерия: 3 пушки (42 человека); Сапёры (112 человек); Всего – 724 человека.</p>	
	<p style="text-align: center;">Герцеговина <i>1865 г.</i></p>	

	<p>1 стрелковый батальон (632 человека); Горная артиллерия: 5 пушек (28 человек) Всего – 660 человек.</p>	
	<p>Колашин <i>1865 г.</i> 2 стрелковых батальона (1105 человек); Пехотная артиллерия: 8 пушек (73 человека); Горная артиллерия: 4 пушки (28 человек); Башибозуки (800 человек); Всего – 2006 человек. <i>Апрель 1866 г.</i> 1 пехотный батальон (520 человек); Артиллерия: 6 полевых и 6 горных орудий (95 человек); Башибозуки (400 человек); Всего – 1015 человек.</p>	
	<p>Мостар <i>1865 г.</i> 1 герцеговинский батальон (691 человек); Саперы: 6 рот (450 человек); Артиллерия: 16 пушки (379 человек); 4-я (Анатолийская) армия: 3 батальона пехоты (около 2 тыс. человек); Всего – 3520 человек. <i>Апрель 1867 г.</i> 1 боснийский батальон (800 человек); 1 регулярный пехотный батальон (650 человек); Артиллерия: 5 полевых нарезных орудий, 5 горных орудий (около 121 человека); Всего – 1571 человек.</p>	
	<p>Столац <i>1865 г.</i> 1 пехотный батальон (496 человек); Артиллерия: 3 пушки (54 человека); Всего – 550 человек.</p>	
	<p>Гацко <i>1865 г.</i></p>	

	<p>2 пехотных батальона (936 человек); Артиллерия: 6 пушек (165 человек); Башибозуки (472 человека); Всего – 1573 человека. <i>Апрель 1867 г.</i></p> <p>1 пехотный батальон (700 человек); Всего – 700 человек.</p>	
	<p>Никшич <i>1865 г.</i></p> <p>1 пехотный батальон (490 человек); Полевая артиллерия: 4 пушки (112 человек); Башибозуки (320 человек); Всего – 922 человека. <i>Апрель 1867 г.</i></p> <p>2 пехотных батальона (1350 человек); Артиллерия: 6 орудий (около 121 человека); Всего – 1471 человек.</p>	
	<p>Требине <i>1865 г.</i></p> <p>1 пехотный батальон (417 человек); Артиллерия: 4 пушки (180 человек); Башибозуки (600 человек); Всего – 1197 человек. <i>Апрель 1867 г.</i></p> <p>2 пехотных батальона (1200 человек); 2 роты артиллеристов (около 242 человек); Всего – 1442 человека.</p>	
	<p>Салоники <i>1865 г.</i></p> <p>Пехота: 1400 человек; Кавалерия: 470 человек; Артиллерия: 2 полевых роты (100 человек); Крепостная артиллерия: 455 человек; Жандармы: 2 батальона (1600 человек), с августа 1865 г. 3120 человек; Всего – 5545 человек.</p>	<p>470 кавалеристов образовывали некомплектный кавалерийский полк, постепенно переводившийся в <i>редиф</i>. Артиллерийские роты также были некомплектны. Жандармы подчинялись губернатору Салоник, а не военным командирам.</p>
	<p>Янина <i>1865 г.</i></p>	<p>Летом 1866 г. получено предписание завербовать 10</p>

	<p>Разделение войск по родам не установлено. Общая численность – 5443 человека.</p> <p><i>Июнь 1866 г.</i></p> <p>3-й пехотный полк: 1 батальон (740 человек);</p> <p>2-й пехотный полк: 1 батальон (700 человек);</p> <p>1 кавалерийский эскадрон (60 человек);</p> <p>Общая численность регулярных войск – 2200 человек;</p> <p>2 батальона <i>редифа</i> (1600 человек);</p> <p>1 батальон <i>редифа</i> в окрестностях (826 человек);</p> <p>Жандармы: 1500 пеших, 328 конных, всего 1828 человек;</p> <p>Башибозуки (албанцы) (1 тыс. человек);</p> <p>Общая численность войск – 7954 человека.</p> <p><i>Сентябрь 1872 г.</i></p> <p>Линейная пехота: 6 батальонов (2490 человек);</p> <p>Кавалерия (505 человек);</p> <p>Всего – 2995 человек.</p>	<p>тыс. албанцев на службу в иррегулярных войсках.</p> <p>К сентябрю 1872 г. пехота была вооружена игольчатыми ружьями. В декабре 1872-январе 1873 гг. началось перевооружение, пехота получила британские казнозарядные винтовки.</p>
	<p>Скутари (Шкодер)</p> <p><i>1865 г.</i></p> <p>4 пехотных батальона. Общая численность войск неизвестна.</p> <p><i>Июль 1866 г.</i></p> <p>Регулярная пехота: 12 батальонов (около 7200 человек);</p> <p>Иррегулярные войска: 4 батальона (около 3200 человек);</p> <p>1 артиллерийский полк: 15 батарей (около 1815 человек);</p> <p>В Адриатическом море:</p> <p>Корабль «Косово» (90 орудий, 700 человек);</p> <p>Фрегат «Худа-верди» (38 орудий, 300 человек);</p> <p>Корвет «Мансур» (18 орудий, 124 человека);</p> <p>Корвет «Синоп» (17 пушек, 120 человек);</p> <p>Канонерка «Бейрут» (6 орудий, 80 человек);</p> <p>Транспортный парусный корвет (80 человек);</p> <p>Всего – 13619 человек.</p>	<p>Осведомитель указал на некомплектность войск. По штату в городе должно было располагаться шесть пехотных батальонов, но людей хватало лишь на четыре. Ожидалось поступление 20 артиллерийских орудий для полевых подразделений в 1865 г.</p> <p>К январю 1873 г. пехота получила скорострельные казнозарядные винтовки. К январю 1874 г. артиллеристы получили 40 стальных нарезных орудий. Жандармы имели на вооружении кремневые дульнозарядные ружья, кремневые пистолеты и ятаганы.</p>

	<p><i>Январь 1873 г.</i> Линейная пехота: 7 батальонов (около 4200 человек); 4 стрелковых батальона (около 2400 человек); Жандармы (800 человек); Всего – около 7400 человек.</p>	
	<p>Адрианополь (Эдирне) <i>1865 г.</i> 3-й кавалерийский полк (800 человек); Жандармы: 2 батальона, в каждом 400 пеших и 200 конных бойцов (1200 человек); Всего – 2000 человек.</p>	<p>В июне 1865 г. кавалерия покинула город.</p>
	<p>Вишеград <i>Апрель 1866 г.</i> 2 пехотных роты (131 человек); 1 артиллерийская батарея, 8 орудий (132 человека); Всего – 263 человека.</p>	
	<p>Васоевичи <i>Апрель 1866 г.</i> 1 пехотный батальон (520 человек); Артиллерия: 4 орудия (31 человек); Башибозуки (125 человек); Всего – 676 человек.</p>	
	<p>Биелина <i>Апрель 1866 г.</i> 1 пехотный стрелковый батальон (594 человека); 2 боснийских батальона (1230 человек); 8 кавалерийских эскадронов (908 человек); Артиллерия: 10 орудий пехотных (151 человек), 8 орудий конных (182 человека); Всего – 3065 человек.</p>	
	<p>Градацац <i>Апрель 1866 г.</i> 1 кавалерийский эскадрон (117 человек); 1 конное артиллерийское орудие (22 человека); Всего – 139 человек.</p>	
	<p>Дуга <i>Апрель 1867 г.</i></p>	

	2 пехотных батальона (1400 человек); Всего – 1400 человек.	
Четвертая армия; Командующий – Дервиш-паша; начальник штаба – Азни-паша; штаб-квартира – Эрзинджан.	Эрзерум <i>1865 г.</i> Линейные пехотные батальоны по 500 человек; Кавалерия (точная численность неизвестна); Общая численность войск – около 18 тыс. человек. <i>Апрель 1867 г.</i> Численность войск в городе по штату – 6460 человек, фактическая численность – 4885 человек. <i>1871 г.</i> 1-й пехотный линейный полк: 1-й батальон (200 человек), 2-й батальон (800 человек) (1 тыс. человек); 2-й пехотный линейный полк: 2-й батальон (513 человек); 2-й пехотный полк: 2-й батальон (370 человек); 3-й пехотный линейный полк: 1-й батальон (500 человек); 4-й пехотный линейный полк: 1-й батальон (800 человек), 3-й батальон (100 человек); 6-й пехотный линейный полк: 3-й батальон (205 человек); 1 стрелковый батальон (367 человек); Кавалерия: 987 человек; Артиллерия: 146 бронзовых орудий, 69 медных (1418 человек); Инженеры (4300 человек); Резервные войска: 15 батальонов (3200 человек); Жандармы (910 человек); Всего – 14670 человек.	Отмечена критическая некомплектность войск 4-й армии, в батальонах в среднем числилось 500 человек вместо 800. Штатная численность армии должна была достигать 35 тыс. человек, в то время как фактическая была на 17 тыс. человек ниже. Также около 8 тыс. военнослужащих 4-й армии были распределены в другие армейские корпуса (в 1865 г.). В 1871 г. батальоны 1-го, 3-го полков и стрелки имели на вооружении игольчатые ружья; батальоны 1-го, 2-го и 4-го полков – капсюльные; батальоны 2-го и 6-го полков – французские ружья Шаспо; жандармы – старые кремневые ружья; кавалерия сочетала все указанные системы. В январе 1873 г. начали распространяться слухи о войне с Россией, прибыло 600 вьюков с ядрами и порохом, принято на вооружение 4 новых артиллерийских орудия. Османские офицеры начали учить русский язык. В феврале 1873 г. прибыло ещё 6 новых стальных орудий. Осведомитель подчеркнул, что ранее османы не концентрировали в Эрзеруме столь большого количества воинских подразделений и вооружения.
Пятая армия Командующий – Хасан-паша; с ноября 1865 командующий – Янин-паша (бельгиец Шварценберг)	Дамаск <i>1865</i> 6 пехотных стрелковых батальонов по 350 человек каждый (всего 2100 человек); 3-й линейный кавалерийский полк: 4 эскадрона по 400 человек (всего 1600 человек);	3 пехотных батальона находились за пределами города. Кавалерия рассеяна между Дамаском и Басрой.

	<p>2-й полевой артиллерийский полк: 3 батареи (1500 человек); 1-й жандармский полк: 1 батальон (350 человек), 1 эскадрон (350 человек), 2 эскадрона по 700 человек (всего 2100 человек). Всего – 7300 человек.</p>	
	<p style="text-align: center;">Бейрут <i>Апрель 1865 г.</i></p> <p>2-й полк зуавов: 3 батальона по 400 человек (1200 человек); 5-й линейный пехотный полк: 3 батальона по 400 человек (1200 человек); 2-й полк зуавов 2-й (Шуменской) армии: 2-й и 3-й батальоны (800 человек); Кавалерия (120 человек); Жандармы (120 человек); Всего – 3440 человек.</p> <p style="text-align: center;"><i>Ноябрь 1865 г.</i></p> <p>3 линейных пехотных батальона по 600 человек (1800 человек); 2 пехотных батальона 2-й армии по 350 человек (700 человек); Кавалерия: 300 человек; Артиллерия: 25 человек; Всего – 2825 человек.</p> <p style="text-align: center;"><i>Сентябрь 1872 г.</i></p> <p>Линейная пехота (700 человек); Стрелки (500 человек); Кавалерия: точная численность регулярных подразделений неизвестна; Польские драгуны (350 человек); Всего – около 1550 человек.</p>	<p>Полк <i>зуавов</i> вооружён нарезными ружьями. В июле 1865 г. в регионе началась вспышка холеры, из-за чего часть войск была передислоцирована в горные районы на расстоянии от города. В 1872 г. пехота была укомплектована дульнозарядными ружьями. Кавалерия, включавшая регулярные подразделения, польских драгун и конных жандармов, получила винтовки системы Винчестера. <i>Редиф</i> был собран на месяц, с 27 августа по 27 сентября 1872 г., после чего распущен, начался сбор батальонов другого региона.</p>
<p style="text-align: center;">Шестая армия</p>	<p>Российские осведомители не передали сведений, касавшихся численности и расположения подразделений Шестой (Багдадской) армии.</p>	

Материал, изложенный в «Таблице 5», может показаться дискретным. Однако информация сгруппирована в соответствии с территориальной принадлежностью анализируемых населенных пунктов к одному из шести существовавших на тот момент военных округов. Кроме того, материал имеет большое значение не

только для выяснения того, как были распределены воинские контингенты внутри империи, но и для определения фактического состояния организации османской военной машины.

Очевидно, что российским военным осведомителям не удалось собрать сведения обо всех корпусах армии Османской империи. По каким-то причинам советники не передали никакой информации о состоянии подразделений Гвардейской армии, за исключением небольших формирований, прикрепленных к другим армиям (например, к Румелийской в *санджаке* Бихач). Кроме того, среди донесений осведомителей не содержится никаких сведений о частях Багдадской армии. Можно предположить, что информация о подразделениях в Стамбуле была достаточно эффективно защищена османами, а на территории округа Шестой армии либо еще не было завершено формирование полноценных воинских контингентов, либо не имелось агентурной сети.

Однако имеющиеся данные демонстрируют, что наилучшим образом был исследован округ Третьей армии. Для подтверждения этого утверждения можно проанализировать, из каких населенных пунктов поступила информация о расположенных в них войсках в разные годы для разных армий. Это также можно представить в виде таблицы.

Таблица 6. Распределение населённых пунктов, о которых имелись военные сведения, по годам и территориальным округам.

Номер армии	Год, количество населённых пунктов, из которых поступила информация о войсках						
	1865	1866	1867	1871	1872	1873	1874
Вторая (Шуменская)	3	4	1	0	1	1	1
Третья (Румелийская)	20	14	5	0	1	1	0
Четвёртая (Анатолийская)	1	0	1	1	0	1	0
Пятая (Аравийская)	5	0	0	0	1	1	0
Всего	29	18	7	1	3	4	1

«Таблица б» показывает, что Румелийская армия действительно была наиболее исследованным армейским корпусом, а российские военные осведомители явно располагали весьма обширной агентурой на территориях современных Боснии и

Герцеговины, Албании, Черногории, Сербии и Греции. В то же время, о некоторых армиях удалось получить сведения только из одного города, к примеру, о состоянии Анатолийской армии можно было судить, полагаясь на донесения лишь из Эрзерума. Кроме того, заметно, как после 1865 г. поток информации о состоянии войск начал сокращаться. После проведения реформ 1869 г., а также начала перевооружения, сбора резервных войск и обнаружения военных приготовлений передача военных сведений была практически полностью прекращена.

Помимо этого, можно также составить представление о численности континентов различных армий, о которых имелась информация. Однако к таким подсчётам следует подходить с осторожностью. Очевидно, что осведомители не могли предоставить информацию обо всех без исключения населенных пунктах, где располагались войска. Также маловероятно, что переданные ими цифры абсолютно точны. Поэтому репрезентативным стал подсчёт численности не армейских корпусов в целом, а определенных подразделений, располагавшихся в местах, где действовали военные осведомители.

Таблица 7. Общая численность воинских подразделений, распределенных по округам, о которых поступали военные сведения от осведомителей.

Номер армии	Год, общая численность (человек) армейских подразделений, о которых поступила информация						
	1865	1866	1867	1871	1872	1873	1874
Вторая (Шуменская)	3450	38981	2000	0	250	18000	12000
Третья (Румелийская)	36255	34639	6584	0	2995	7400	0
Четвёртая (Анатолийская)	18000	0	4885	14670	0	0	0
Пятая (Аравийская)	10740	0	0	0	1550	0	0
Всего	68445	73620	13469	14670	4795	25400	12000

Примечательно, что при сопоставлении данных «Таблицы 5», «Таблицы 6» и «Таблицы 7» не проявляется прямой корреляции между численностью войск и количеством проанализированных населенных пунктов. Безусловно, следует отметить, что если за определенный год никаких сведений не поступало, то не имелось и информации о численности подразделений. Однако в то же время большое количество исследованных населенных пунктов не означало, что дислоцированные в

них войска были более многочисленными, чем подразделения, расположенные на более компактной территории. Например, части Третьей армии, в 1865 г. распределенные по 20 населенным пунктам, численно уступали контингентам Второй армии, в 1866 г. распределенным по 4 пунктам. При этом часть данных не касалась количества бойцов и могла затрагивать вопросы их перемещения и снабжения. К примеру, в 1873 г. имелись сведения из Эрзерума и Бейрута (Четвертая и Пятая армии соответственно), однако они не содержали информацию о численности подразделений, следовательно, известное совокупное число бойцов за год оказывалось меньшим.

Другой вывод, следующий из представленного материала, заключается в том, что в распределении подразделений османской империи присутствовал явный дисбаланс. Если допустить, что общая численность войск составляла около 150 тыс. человек, то можно обнаружить, что, к примеру, в 1866 г. почти половина от этого числа была сосредоточена всего в двух армиях, Второй и Третьей. Это опровергает тезис известного османиста Вирджинии Аксан о том, что каждая из шести армий должна была насчитывать приблизительно 30 тыс. бойцов¹⁷⁸. С большой вероятностью одна часть территорий империи имела больше войск и была лучше защищена, чем другая. Это актуально, например, в отношении округов Второй и Третьей армий, то есть, Балкан и бассейна реки Дунай, где войск было больше, чем, к примеру, в арабских провинциях Османского государства.

Однако главным результатом анализа является обнаружение основной черты, присущей всем родам войск Османской империи – это расплывённость их подразделений побатальонно. Следует обратить внимание на то, что за все время наблюдений осведомители не установили наличие даже одного полка в полном составе. Войска любого типа, расположенные в любом городе из упоминаемых осведомителями, представляли собой набор батальонов из разных полков. Эта практика стала привычной для османской армии, а попытки искоренить её, введя разделение на округа и формирование более крупных подразделений, обернулась лишь тем,

¹⁷⁸ Aksan V. Op. cit. P. 195.

что при кажущемся отличии суть осталась прежней – каждая единица из этого «набора» получила номер полка, к которому она де-юре принадлежала, однако все эти подразделения продолжили свободно перемещаться друг с другом, а все попытки собрать крупные подразделения в полном составе либо оканчивались неудачей, либо занимали слишком много времени.

Эту черту стоит рассматривать в негативном ключе, если учитывать её масштабность, поскольку речь идет не о разбросе батальонов одного полка по территории округа его армии, а об их рассеянности по всей империи. Ярким примером являются батальоны полка *зуавов* Второй (Шуменской) армии, часть которых была расположена на территории своего округа, в Видине, а часть – в зоне ответственности Пятой (Аравийской) армии, в Бейруте, что на другом конце государства. Другим примером является батальон полка Первой (Гвардейской) армии, оказавшийся в *санджаке* Бихач, подконтрольном Третьей (Румелийской) армии. В Мостаре, также в зоне ответственности Третьей армии, оказалось три батальона Четвертой (Анатолийской) армии.

Стоит отдельно обратить внимание на то, что положение Четвертой армии наглядно демонстрировало отношение османского командования к штатной организации и территориальному распределению вооруженных сил. Помимо того, что она страдала от нехватки личного состава, 8 тыс. бойцов, числившихся в ней, были передислоцированы в другие регионы Османской империи, то есть, осведомители осветили только часть проблем этой армии. По всей видимости, к ней же относится и упоминание анатолийских рекрутов, в составе большой группировки войск, прошедших через Варну, подконтрольную Второй армии. Такое положение дел подтверждало замечания российских военных осведомителей о том, что в случае необходимости сбор даже одной дивизии становился крайне затруднительным. Стоит сказать, что с учетом степени рассеянности сил даже сбор полнокровного полка уже мог являться нетривиальной задачей. Сбор более крупных тактических единиц неминуемо вынуждал власти создавать сводные подразделения из всех контингентов, имевшихся под рукой, что дополнительно дробило армейскую структуру.

Следует обратить внимание на то, что не только штатные расположение и организация подразделений не совпадали с фактической ситуацией. Имелись достаточно существенные различия и в их численности. Бросалась в глаза и серьезная некомплектность многих из них. Заявленная по штату численность батальона в 800-825 человек на деле соблюдалась главным образом только на территории Боснии и Герцеговины, причем это справедливо лишь в отношении батальонов, собранных из местных жителей. Несмотря на то, что они де-юре являлись полноценной частью регулярной армии, де-факто они имели несколько иной статус. На территориях других военных округов численность одного батальона редко составляла половину от штатной, а некоторые подразделения скорее походили на одну-полторы роты. Например, 3-й пехотный батальон 4-го полка, располагавшегося в Эрзеруме, насчитывал около 100 человек. В целом же, численность этих подразделений колебалась в достаточно широком диапазоне от 200 до 600 человек, что всё равно было ниже штатной.

Можно обратить внимание и на конфигурацию войск на территории Османской империи в целом. Армия должна была вести постоянное наблюдение за границами с Российской империей и Персией в азиатской части страны. В 1866 г. часть войск была отправлена в Неджд и Йемен в качестве экспедиционного корпуса, а на территории Месопотамии необходимо было следить за поддержанием порядка среди арабского и курдского населения. Все эти факторы привели к тому, что основные силы османов оказались стянуты к пограничным регионам, а вся Анатолия от Эрзинджана до Измира осталась без регулярных войск. В целом, ни в одном из больших османских городов, за исключением тех, что располагались ближе к границе и являлись центрами военных округов, не имелось значительных сил. Лишь в Стамбуле располагались элитные армейские части численностью примерно 17 тыс. человек. Султан воспринимал их как своеобразный оперативный резерв, который мог быть отправлен в регионы, где накалилась обстановка¹⁷⁹.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 39.

Таблица, основанная на материалах российских военных осведомителей, продемонстрировала большую разницу между весьма стройной обновлённой штатной организацией османских сухопутных сил и реальным положением дел. С одной стороны, реформы, целью которых должно было стать упрощение контроля над армейскими подразделениями, были проведены. Важным достижением стала организация войск по округам. Кроме того, из таблицы становится заметно, что власти немалое внимание уделяли техническому состоянию войск. Сообщения осведомителей о повсеместном перевооружении османских контингентов новыми образцами западного оружия определённо подтверждают стремление султанов не отставать от европейских держав в технической области и готовность совершать большие закупки нового вооружения. Но, с другой стороны, османским силам по-прежнему недоставало упорядоченности, с этой точки зрения цель преобразований не была достигнута. Главными факторами, способными дестабилизировать военную машину, являлись раздробленность войск и их распыленность по большой территории. Перемешивание между собой подразделений различных полков, бригад и дивизий, создание сводных частей грозили увеличением времени мобилизации в случае необходимости, ухудшением маневренности и снижением уровня координации между разными частями армии. Так, российские данные могут выступать в качестве подтверждения тезиса современных учёных Месута Уяра и Эдварда Эриксона о том, что в области организации османам удалось создать фасад, во многом камуфлировавший ряд системных проблем военной машины¹⁸⁰.

На этом фоне выделялись боснийские контингенты: они присутствовали во многих городах округа Третьей армии, их численность в большинстве случаев не только соответствовала штатной, а порой даже превышала её. Первые реформы сухопутных сил никак не затронули территорию Боснии и Герцеговины. В этом регионе не было, по сути, никаких османских воинских контингентов, ни регулярных, ни резервных. Он закономерно превратился в очаг нестабильности, в нем начали орудовать различные банды, что вынудило султанов на постоянной основе

¹⁸⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

содержать в Боснии регулярные подразделения. Они должны были выполнять полицейские функции и поддерживать порядок, однако это превращало их из регулярных войск в жандармов, задействовать такие подразделения в боевых операциях было невозможно. Например, по состоянию на 3 сентября 1843 г. в Боснии уже восемь лет бессменно стоял регулярный кавалерийский полк, бойцы которого не участвовали ни в каких войнах и не отправлялись в увольнение¹⁸¹, а на следующий год в регион были направлены войска из другого конца государства – из округа Пятой армии.

Все попытки изменить положение дел и начать формировать подразделения из местных сталкивались с упорным их сопротивлением, нередко перераставшим в вооруженные стычки с дислоцированными в регионе регулярными войсками. Властям приходилось применять силу для набора рекрутов в Боснии и Герцеговине и Шкоudere – султан Абдулмеджид шесть раз направлял воинские контингенты для подавления беспорядков, причем дважды османские войска терпели поражение. Несмотря на то, что в итоге *сердар* Омер-паша смог подавить мятежи, султан не рискнул вводить обязательную службу в армии в Боснии и Герцеговине и ограничился введением добровольной¹⁸².

Ситуация не претерпевала изменений до начала правления султана Абдулазиза, решившего окончательно интегрировать эти территории в османскую государственную систему и военную машину. Причиной принятия такого решения стала в том числе ухудшавшаяся обстановка в регионе, где численность бандформирований достигала 10 тыс. человек на момент начала правления падишаха. Его целью было установление порядка, что снимало необходимость постоянного содержания в Боснии регулярных войск, а также начало проведения наборов в армию среди гражданского населения. В то же время, он понимал, что в случае дальнейшего применения силы для проведения обязательных наборов местное население продолжило бы сопротивляться, и обстановка так и оставалась бы нестабильной.

¹⁸¹ Ünal U. Sultan Abdülaziz döneminde Bosna nizâmiye alayları (1861-1876) // Türk Tarih Kurumu Belleten dergisi. Nisan 2017. Vol. 81 (290). S. 228.

¹⁸² Ibid.

Поэтому султан решил пойти по менее жёсткому пути и отправил в Боснию гражданского служащего Ахмеда Джевдет-пашу в качестве инспектора для проведения консультаций с местными жителями и поиска оптимального режима работы призывного механизма в регионе.

Инспектор сумел добиться успехов – ему удалось заручиться согласием местного населения на формирование в вилайете регулярных сил. Однако жители выдвинули собственные требования, которые властям пришлось принять. На территории Боснии и Герцеговины не должны были проводиться призывные мероприятия, поступление на службу в османскую армию должно было остаться исключительно добровольным. Офицерский состав новых регулярных подразделений должен был избираться из числа местных жителей, а не назначаться указом из столицы. Создаваемые силы должны были нести службу только на территории Боснии и Герцеговины, а на границе с Черногорией должны были быть созданы дополнительные отряды ополчения¹⁸³. По сути, это означало, что принятые к тому моменту законы о наборе в армию не действовали на территории Боснии, однако султан явно не был настроен на углубление конфликта и желал завершить период нестабильности, не применяя силу.

Формирование подразделений началось в 1864 г. План предусматривал создание двух полков *низама* по три батальона каждый, а затем еще 18 резервных батальонов, все контингенты находились под контролем Румелийской армии. На формирование первого полка ушел приблизительно год. К апрелю 1865 г. он был укомплектован тремя батальонами, состоявшими из 592, 557 и 451 человека соответственно. Командный состав всех уровней состоял из представителей местного населения¹⁸⁴. Второй боснийский полк был укомплектован менее чем за год, его формирование началось в апреле 1865 г. и закончилось к зиме. При создании этого подразделения власти несколько изменили структуру службы – время пребывания в составе регулярной армии было сокращено до трёх лет, однако служба в резерве

¹⁸³ Ünal U. Sultan Abdülaziz döneminde Bosna. S. 229.

¹⁸⁴ Ibid. P. 234.

увеличилась до 9 лет¹⁸⁵. Это правило было введено с расчетом на то, что местные охотнее пошли бы на службу, зная, что в скором времени смогут вернуться в родные места, также они меньше отвлекались от работ по своим хозяйствам. Соответственно, меньшее их число пожелало бы дезертировать. После создания регулярных подразделений началось формирование *редифа*, два полка которого были укомплектованы к 1869 г.

Необходимо подчеркнуть, что боснийские воинские контингенты де-юре считались полноценными частями османской регулярной армии. Однако очевидно, что их условия комплектования, срок службы и функционал отличались от всех остальных подразделений *низама*. Решение властей удовлетворить просьбу населения и ограничить районы несения службы территорией Боснии и Герцеговины закономерно привело к тому, что большую часть времени новые подразделения выполняли полицейские функции вместо тех, что отправлялись из других регионов. Таким образом, несмотря на свою официальную принадлежность к *низаму*, по своему функционалу боснийские полки больше походили на вспомогательные войска. Именно в эту категорию их отнесли российские военные осведомители, передававшие сведения о силах Третьей армии¹⁸⁶. Практически так же поступал и французский историк Абдолоним Убичини, подразумевавший под регулярной армией в регионе только подразделения, выделенные для поддержания порядка из разных армейских корпусов. Общая их численность составляла около 4 тыс. человек: 2 пехотных батальона, 2 эскадрона и 8 батарей (4 полевых 4 горных). Все боснийские контингенты он относил к жандармам, разделяя их на две категории: тех, кто мог быть мобилизован незамедлительно при первой необходимости, и тех, чья мобилизация могла занять несколько недель¹⁸⁷. Следует отметить, что российские данные оказались более точными, хотя Убичини верно описал функционал боснийских батальонов. Тем не менее, между подразделениями жандармов и местным *низамом*

¹⁸⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz döneminde Bosna. S. 319.

¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4367. Л. 17.

¹⁸⁷ Ubicini M.A. Aperçu économique. P. 14.

существовала разница, упоминаемая, несмотря на свой формальный характер, лишь в сводках российских осведомителей.

Таким образом, в течение 1860-х гг. османская армия представляла собой множество батальонов и сводных соединений, чья фактическая организация существенно отличалась от штатной. Она страдала от некомплекта подразделений и их рассеянности по огромной территории империи. Вместе с тем, её структура уже в большей степени походила на западную, а проводимые султанами преобразования практически полностью убрали из неё рудименты предшествующих эпох, в частности, *низам-ы джедид*. Однако этого было недостаточно – султан Абдулазиз считал, что численность вооружённых сил необходимо было увеличить, а существовавшие на тот момент структурные изъяны необходимо было устранить. С этой целью им был инициирован ряд реформ в 1869 г.

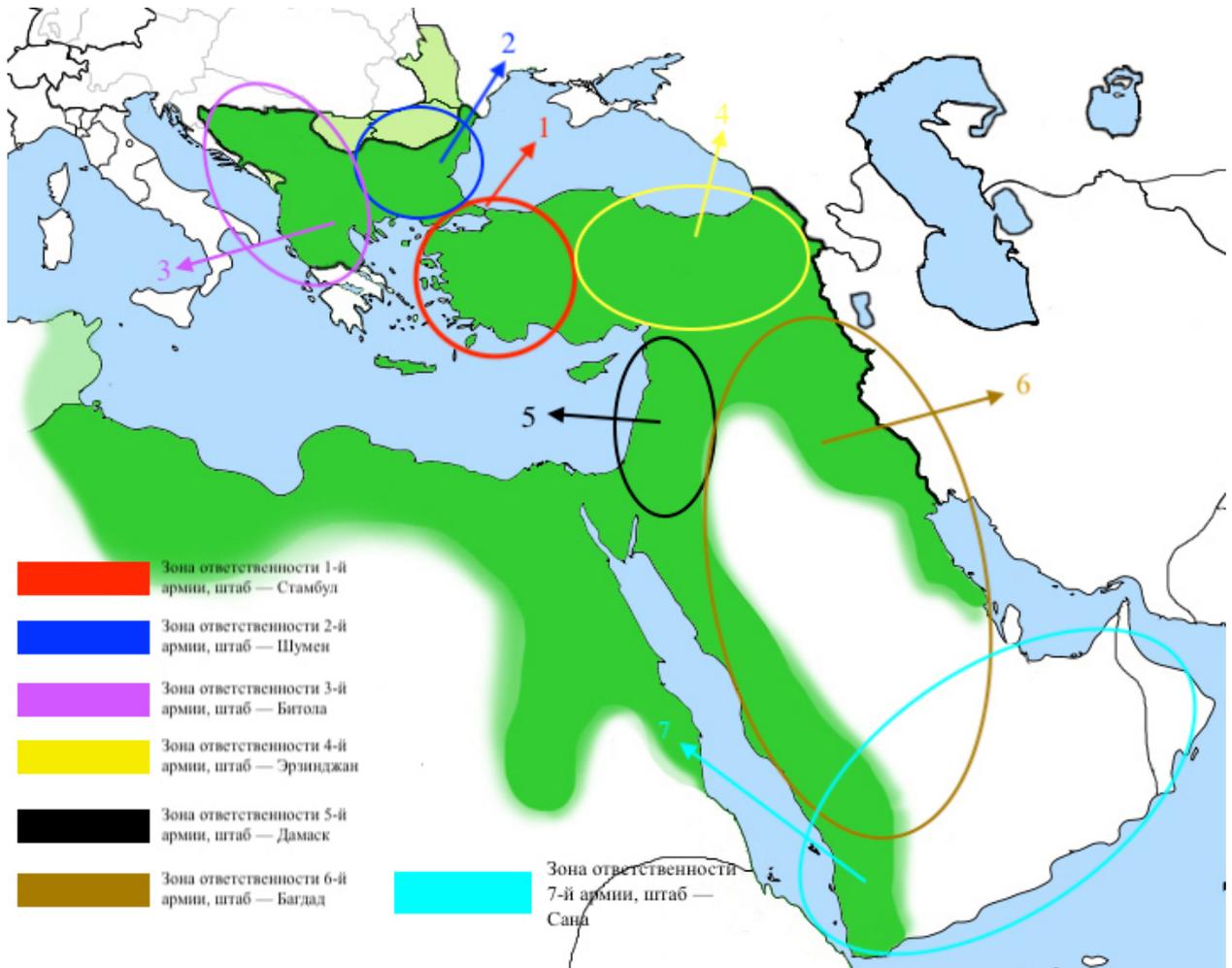
Султан Абдулазиз во многом вдохновлялся прусской военной машиной, продемонстрировавшей свою эффективность в ходе войны с Австрией. После прусско-австрийской войны волна реформ прокатилась по многим государствам Европы. Османская империя также не осталась в стороне¹⁸⁸. В то же время, Абдулазиз не был готов полностью отказаться от успехов реформ, начатых в 1843 г. По этой причине при разработке нового закона об устройстве вооружённых сил преследовалась цель не перестроить армию заново, а дополнить уже имевшуюся структуру полезными, на взгляд султана, нововведениями¹⁸⁹. Закон, вышедший в 1869 г., в очередной раз закрепил разделение сухопутных сил на три категории: регулярные, резервные и вспомогательные, среди которых резервные делились на две категории, что также не являлось новшеством. Однако значимой для регулярной части османской армии реформой стало формирование новой, Седьмой (Йеменской) армии (осм. *يمن اردسو* / тур. *Yemen ordusu*) со своим округом, центром которого стал город Сана. Новая армия состояла из пяти полков по три батальона каждый при пяти разведывательных батальонах, а также из одного артиллерийского полка на шесть

¹⁸⁸ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S.19.

¹⁸⁹ Ibid.

батарей¹⁹⁰. После её создания карта военных округов Османской империи приобрела приблизительно следующий вид:

Рисунок 8. Приблизительное расположение военных округов и их штабов в Османской империи по итогам преобразований 1869 г. Составлено по данным: Şevket M. Osmânlı teşkilât; Aksan V. Op. cit.; T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi; Uyar M., Erickson E.J. Op. cit.

На «Рисунке 8» обращает на себя внимание то, что с появлением Седьмой армии османские владения от Балкан до южной части Аравийского полуострова оказались под защитой различных группировок войск. Однако заметно также, что североафриканские владения по-прежнему не были включены в османскую военную архитектуру, по крайней мере на уровне регулярных войск.

Кроме того, незначительные структурные изменения коснулись Шестой (Багдадской) армии – число пехотных полков в ней было увеличено с четырех до пяти. Также утратила статус независимой гвардейской Первая армия. Её собственный

¹⁹⁰ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 20.

командно-административный аппарат, существовавший параллельно остальным семи корпусам и дополнительно усложнявший управление войсками, был расформирован, а статус гвардейских сохранило лишь несколько полков¹⁹¹. Наконец, во всех семи армиях были сформированы инженерные роты под командованием майора, или *колагасы*¹⁹².

Помимо этого, вновь были регламентированы сроки службы в различных категориях вооружённых сил. В регулярных войсках необходимо было отслужить четыре года действительной службы, после чего ещё два года в резерве регулярной армии. За этим следовал перевод в *редиф*, срок службы в котором был увеличен до 14 лет за счет введения новой категории вспомогательных войск¹⁹³. В остальном же комплекс реформ 1869 г. был направлен именно на резервные войска, в отношении регулярной армии существенных изменений (за исключением создания нового корпуса) не предпринималось. Заметно, что часть преобразований, коснувшаяся *низама*, была направлена не на разрешение различных структурных проблем, а на наращивание количественного состава вооружённых сил. После 1869 г. число бойцов действующей армии увеличилось до 173 тыс. человек, а действующего резерва – *ихтията* (осм. احتياط / тур. ihtiyât) – до 53 тыс. человек, при наличии ресурсов и людей это должно было дать Османской империи регулярные силы численностью в 226 тыс. человек. К этому добавлялся *редиф* (182 тыс. человек), а также вспомогательные войска из Египта и Туниса (19 тыс. человек) и бойцы от арабских племён (40 тыс. человек)¹⁹⁴. Теоретически, в случае необходимости это давало османам потенциал мобилизовать на войну 467 тыс. человек – это почти в два раза больше тех османских вооружённых сил, которые оставил после себя султан Махмуд II. Согласно подсчётам Махмуда Шевкет-паши, османская сухопутная армия вместе с *редифом* и созданным султаном Абдулазизом ополчением должна была иметь колоссальную численность в 702 400 человек¹⁹⁵.

¹⁹¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 179.

¹⁹² Şevket M. Osmânî teşkîlât. S. 20.

¹⁹³ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 207.

¹⁹⁴ Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 7: Islahat Fermanı Devri (1861-1876). Ankara, 2007. S. 188.

¹⁹⁵ Şevket M. Osmânî teşkîlât. S. 23.

Однако способность властей снабдить такие контингенты всем необходимым, обеспечить контроль над ними и координацию действий различных подразделений друг с другом была весьма сомнительной, что ярко продемонстрировала русско-турецкая война 1877-1878 гг. Османская военная машина подошла к ней именно в такой конфигурации. Труды современных турецких исследователей позволяют частично реконструировать структуру османских сухопутных сил накануне конфликта. Её можно представить в виде таблицы.

Таблица 8. Состав османских армейских корпусов накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Источник: Т.С. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. P. 208-211.

Армия	Состав
Первая (Стамбульская)	7 пехотных полков (21 батальон + 7 полковых оркестров); 7 разведывательных батальонов; 7 кавалерийских полков (35 эскадронов); 1 артиллерийский полк (5 батарей); 1 промышленный/инженерный полк; 2 гарнизонных полка из Чаталджи (8 батальонов); 1 пожарный полк (1 батальон); 1 вспомогательный кавалерийский полк из Чифтелер; 1 полк крепостной артиллерии (4 батареи); 2 гарнизонных полка (переданы от Арсенала); 1 Босфорский артиллерийский полк (5 батарей); 3 артиллерийских полка из Дарданелл; 2 артиллерийских полка на островах в Средиземном море; Подконтрольные армии крепости: Тузла, Синоп, Сакыз, Мидилли, Бозджаада, Истанкёй, Родос, Лefкоша, Ханья, Ресмо, Кандие, Траблусгарп, Бенгази.
Вторая (Шуменская)	6 пехотных полков (18 батальонов); 6 разведывательных батальонов; 4 кавалерийских полка; 1 артиллерийский полк (3 батальона); 1 Дунайский пограничный полк (3 батальона); 1 гарнизонный полк; Подконтрольные крепости: Варна, Руцук, Шумна, Видин, Силистрия, Ниш, Никополь.
Третья (Румелийская)	7 пехотных полков (21 батальон); 7 разведывательных батальонов; 4 кавалерийских полка; 1 артиллерийский полк (5 батальонов); 2 боснийских полка (6 батальонов); 1 Греческий пограничный полк (2 батальона); 1 Никшицкий пограничный полк; 1 пограничный полк (3 батальона); 1 Боснийский пограничный полк (4 батальона); 1 Шкодерский пограничный батальон;

	Подконтрольные крепости: Превеза, Баялука, Голос, Шкодер, Манастир, Босния, Мостар, Зворник, Подгорица, Сеница, Янина.
Четвертая (Анатолийская)	6 пехотных полков (18 батальонов); 6 разведывательных батальонов; 4 кавалерийских полка; 1 артиллерийский полк (5 батальонов); 1 инженерный полк; Подконтрольные крепости: Эрзерум, Карс, Трабзон, Батум, Ардаган.
Пятая (Аравийская)	6 пехотных полков (18 батальонов); 6 разведывательных батальонов; 4 кавалерийских полка; 1 артиллерийский полк (5 батальонов); Подконтрольные крепости: Акка, Сайда, Триполи, Иерусалим.
Шестая (Багдадская)	5 пехотных полков (15 батальонов); 5 разведывательных батальонов; 3 кавалерийских полка; 1 артиллерийский полк (4 батальона); 1 инженерный полк.
Седьмая (Йеменская)	5 пехотных полков (15 батальонов); 5 разведывательных батальонов; 1 легкий артиллерийский полк (2 батальона); 1 инженерный полк; Подконтрольные крепости: Мекка, Сана.

Данные «Таблицы 8» демонстрируют, что наиболее крупными контингентами располагали Стамбульская и Румелийская армии. Однако в отличие от российских осведомителей, турецкие исследователи не дают данных о количественном составе этих подразделений, они ограничиваются штатной структурой. При этом следует иметь в виду её существенное отличие от фактического, продемонстрированного в таблице на основе российских материалов. Кроме того, необходимо учитывать не только наличие организационных проблем в различных армейских корпусах, но и практику их применения. В ходе проведения структурных преобразований османские власти неоднократно сталкивались с различными восстаниями и внутренними волнениями. Например, реформам 1869 г. предшествовали восстания в Сербии (1862 г.), Герцеговине (1865 г.), Валахии (1866 г.), на Крите (1866-1868 гг.), а русско-турецкой войне – восстания в Черногории в 1875 г. и в Болгарии в 1876 г.¹⁹⁶ Практически каждое восстание необходимо было подавлять с

¹⁹⁶ The Turks. T. 4: Ottomans / editors: Celâl H., Cem O., Osman K. Ankara, 2002. P. 195.

привлечением армейских сил, и это обстоятельство привело к появлению метода их использования, весьма негативно сказывавшегося на организации подразделений.

Его суть заключалась в том, что в регионы с нестабильной обстановкой отправлялись не полностью укомплектованные батальоны или полки, собрать которые было крайне затруднительно, а сводные подразделения, в которые набирались бойцы из всех окрестных частей, вне зависимости от их штатной принадлежности к какой-либо тактической единице. Такие соединения получили название *мюфрезе* (осм. مفرزه / тур. müfreze), что буквально означало «независимое подразделение»¹⁹⁷. Оно создавалось на время, передавалось под командование одного командира, чье имя зачастую становилось его названием, иногда им становилась сама задача подразделения¹⁹⁸. По ходу транспортировки *мюфрезе* могли существенно увеличиваться, поскольку к ним присоединялись другие подразделения, встреченные на пути¹⁹⁹. Если власти считали задачи *мюфрезе* выполненными, то оно расформировывалось, однако нередко были случаи, когда в штатное расположение возвращалась только часть задействованных контингентов, а часть либо оставалась на местах, либо оказывалась включенной в состав уже другого *мюфрезе*²⁰⁰. Некоторые соединения, изначально создаваемые как временные, становились постоянными.

Эта практика имела целый ряд негативных последствий для османской военной машины. Они касались, с одной стороны, воинских подразделений, лишенных возможности продолжать обучение военному делу и неспособных прийти на подмогу частям в случае войны с внешним противником. Этот метод также вносил дополнительный беспорядок в структуру войск, многие батальоны оказывались растянуты по большой территории, порой забрасывались в округа других корпусов. Это превращало и без того крайне затруднительную задачу по сбору полноценного полка или бригады в совершенно невозможное мероприятие²⁰¹. С другой стороны,

¹⁹⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 181.

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ Nuri Y. Fırka-yı Islahiye Ordusunun Özellikleri ve Faaliyetleri // Akademik Bakış. 2012. Vol. 5 (10). S. 121.

²⁰⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 181.

²⁰¹ Ibid.

эта практика наносила вред также и карьерам командиров, нередко проводивших в *мюфрезе* больше времени, чем в действующей армии. Примером таких военачальников является проявивший себя в ходе осады Плевны в рамках русско-турецкой войны 1877-1878 гг. генерал Осман Нури-паша²⁰².

Таким образом, к началу крупного конфликта Османская империя не успела избавиться от всех структурных изъянов своей сухопутной армии. Тем не менее, несправедливо было бы утверждать, что османские подразделения находились в плачевном состоянии. За период с 1826 по 1878 гг. османская военная машина прошла весьма тернистый путь от достаточно компактного вооружённого формирования, основанного на устаревших принципах, которые предшествовали европеизации войск, до полноценной армии, опиравшейся на прусские, британские и французские организационные принципы. Подразделения получили ясную штатную организацию, иерархию и командную цепь. Одним из главных достижений для военной машины стало распределение сил по военным округам, что позволяло вооружённым силам контролировать максимально обширную территорию империи. Не все преобразования были реализованы до конца – штатное и фактическое устройство войск существенно отличались друг от друга, штатная организация во многом носила формальный характер, что продемонстрировали данные российских осведомителей, представленные в таблице. Крупные тактические звенья существовали главным образом на бумаге, а при необходимости власти не брезговали созданием сводных соединений из всех контингентов, находившихся под рукой. Тем не менее, османам удалось сформировать относительно боеспособное войско, чья численность становилась все больше с каждым новым этапом преобразований. Важным шагом стало также утверждение организации не только действующей армии, но и сухопутных сил в целом. В этой структуре неотъемлемой частью *низама* являлся *редиф*, более многочисленная часть войска, по замыслу реформаторов дополнявшая и поддерживавшая регулярные подразделения. Это формирование также

²⁰² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 182.

заслуживает подробного изучения, поскольку без него функционал османской военной машины оказался бы не исследован до конца.

1.2.2 Развитие резервных войск

Несмотря на то, что в соответствии с принципами организации османской военной машины *редиф* должен был, по сути, выполнять роль вспомогательных войск по отношению к регулярной армии, власти уделяли ему не меньше внимания, чем *низаму*, а порой даже и больше. Причиной этому было местное снабжение резервных войск, несколько облегчавшее давление на центральную казну. Такое финансовое регулирование деятельности вооруженных сил позволяло султанам увеличивать численность армии при максимальной экономии средств. Неудивительно, что после образования *редифа* и дополнительного упорядочения его деятельности в 1836 г. резервные батальоны начали быстро формироваться во всех крупных городах Османской империи. К концу 1830-х гг. по всему государству было сформировано:

- В городах Карахисар-ы Сахиб (Афьонкарахисар), Анкара, Кангыры (Чанкыры), Измир, Ментеше, Серез, Теке (Анталья), Чирмен, Силистрия, Кютахья, Кастамону – 11 батальонов *редифа* по 1426 человек каждый;
- В городах Хамители, Тырхала, Конья, Акшехир, Кыршехир, Аксарай, Бейшехир (Демиркёй), Виращехир, Кареси, Кайсери, Нигболу, Гюмюльджине, Айдын, Сарухан (Маниса), Ускюп (Скопье) – 15 батальонов по 1426 человек каждый, за исключением Тырхалы, где численность батальона составляла 1036 человек, и Бейшехира, где батальон насчитывал 519 человек;
- В городах Нигде, Мараш, Амасья, Сивас, Бозок, Худавендигяр (Бурса), Чорум, Малатья, Сиверек, Харпут (Элязыг), Арапкир, Неврекоп, Приштина,

София и Манастир – 15 батальонов, совокупная численность контингентов резервных войск превысила 53 тыс. человек²⁰³.

В *илях* Анкара, Бурса, Конья, Эрзерум, Айдын и Эдирне батальоны были объединены в резервные полки по три батальона в каждом. К 1838 г. в Анатолии было сформировано 33 полка *редифа*, а в европейской части Османской империи – пять полков. В том же году началась организация кавалерийских резервных полков, в санджаках Муш и Киги были созданы полки из 60 эскадронов, в Анкаре – из пяти эскадронов²⁰⁴.

Таким образом, формирование резервных войск шло в быстром темпе, однако изъяном складывавшейся системы была, с одной стороны, ее неупорядоченность – батальоны и полки не были интегрированы в структуру, общую с действующей армией, с другой – её громоздкость, поскольку *редиф* имел отдельное командование, не имевшее отношения к *низаму*. Это дополнительно усложняло управление войсками. На устранение данных изъянов были нацелены преобразования 1843 г.

Как и в случае с *низамом*, реформы закрепили статус *редифа* в составе сухопутных вооружённых сил Османской империи, регламентировали срок службы в этом типе войск, ограничив его семью годами, и распределили их подразделения по военным округам действующей армии. Каждая армия, таким образом, помимо собственной зоны ответственности и размещения своих контингентов получила в том числе контроль над местами формирования и дислокации резервных войск, закрепившихся за ней. Эта мера решила сразу две проблемы: *редиф* как беспорядочный набор местных воинских формирований перестал существовать, превратившись в более стройную организацию в составе регулярной армии, а его командно-административный аппарат, существовавший параллельно *низаму*, был переведен под полный контроль начальников военных округов. Ликвидация дублирующей системы управления устранила ряд искусственных трудностей в координации

²⁰³ Т.С. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 198.

²⁰⁴ Ibid.

различных подразделений друг с другом и упростила администрирование армии²⁰⁵. Кроме того, согласно дополнительному закону, принятому в 1846 г., число полков *редифа* в военных округах должно было соответствовать числу полков *низама* в каждом конкретном округе. Отличием являлось то, что регулярные полки состояли, как правило, из трех батальонов, а резервным было предписано иметь четыре батальона²⁰⁶. Также преобразования дополнительно закрепили обязанность военнослужащих после ухода из регулярной армии переводиться в *редиф*. Это означало, что резервные войска должны были состоять не только из мужчин, миновавших службу в *низама*, но и из подготовленных бойцов и ветеранов, получивших боевой опыт и готовых поделиться им с менее опытными сослуживцами²⁰⁷. После перехода в резерв они были обязаны раз в год принимать участие в сборах своих батальонов длительностью один месяц²⁰⁸.

В целом, формирование такой организации сухопутных сил доводило до логического завершения замысел по введению в армии прусской структуры, реализацию которого начал султан Махмуд II, и продолжили его преемники. *Редиф* превращался в более дешевого для османской казны, но при этом более многочисленного дублера регулярной армии.

В 1848 г. закон об армии был дополнен новым актом, закрепившим подразделения *редифа* за каждым из существовавших на тот момент военных округов. Кроме того, обязательным стало формирование в каждом из округов не только пехотных, но и нескольких кавалерийских, а также минимум одного артиллерийского резервного полка²⁰⁹. Распределение можно представить в виде списка.

- Резервные войска Первой армии дислоцировались в городах: Измит, Бурса, Измир, Айдын, Афьонкарахисар, Ыспарта. Помимо пехотных полков в Ыспарте, Бурсе и Айдыне также располагались по три

²⁰⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 159.

²⁰⁶ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 44.

²⁰⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 159.

²⁰⁸ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 203.

²⁰⁹ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S.17.

кавалерийских резервных полка, также в Ыспарте находился один артиллерийский полк *редифа*;

- Резервы Второй армии дислоцировались в городах: Эдирне, Болу, Анкара, Чорум, Конья и Кайсери. Также в Болу, Анкаре и Кайсери имелось три кавалерийских полка, в Чоруме и Эдирне – по одному артиллерийскому полку;
- Резервы Третьей армии дислоцировались в городах: Манастир, Салоники, Янина, Скопье, София и Шумна, они состояли только из пехотных полков;
- Резервы Четвертой армии дислоцировались в городах: Сивас, Токат, Харпут, Эрзерум, Диярбакыр, Карс. Как и *редиф* Третьей армии, эти контингенты состояли только из пехоты²¹⁰.

При этом обращает на себя внимание то, что формирование резервных войск шло быстро в первую очередь в наиболее близких к столице регионах империи. Кавалерийские и артиллерийские полки имелись только в округах Первой и Второй армий, несмотря на то что их создание подразумевалось при начальной организации резервов в 1834 г. Более отдаленные от Стамбула армии – Аравийская и Багдадская – по состоянию на 1848 г. резервов, по всей вероятности, вовсе не имели, либо находились только на начальных этапах формирования. Это свидетельствует о неравномерном проведении модернизационных мероприятий на территории Османского государства. Часть его регионов была вынуждена рассчитывать только на силы *низама* и иррегулярные формирования.

Весьма примечателен тот факт, что структура османской сухопутной армии в целом и *редифа* в частности не претерпела существенных изменений после Крымской войны, продемонстрировавшей её недостатки. Султан Абдулазиз в организационном аспекте решил продолжить прежний вектор преобразований, предусматривавший количественное увеличение османских вооружённых сил. Однако некоторые отклонения от изначального плана проведения реформ проявились уже спустя три года после его вступления на престол. Они заключались в том, что в 1864

²¹⁰ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 204.

г. было принято решение расформировать кавалерийские и артиллерийские полки *редифа* из-за проблем с их техническим обслуживанием²¹¹. После этой даты все резервные подразделения проходили исключительно пехотную подготовку, причем это касалось в том числе тех, кто до перевода в *редиф* служил в артиллерии или кавалерии *низама*.

Впрочем, даже нехватка подготовленных кадров, отсутствие налаженной системы снабжения и полноценной координации с регулярной армией не остановили Хусейна Авни-пашу, проводившего реформы 1869 г. под контролем султана Абдулазиза, от наращивания численности *редифа*. Одной из главных причин, по которой стремление к количественному усилению превалировало над необходимостью разрешения качественных проблем, являлось то обстоятельство, что преобразования 1869 г. по своей сути стали попыткой османских властей, с одной стороны, сохранить фундамент армии, который был выстроен после реформ 1843 г., с другой, не обойти стороной европейские военные новшества. В 1866 г. Пруссия одержала победу в войне с Австрией, и большую роль в этом сыграл *хемвер* – прусская народная милиция, созданная в качестве дополнения к резервным войскам. Прусский опыт заинтересовал многие европейские государства и впоследствии спровоцировал волну реформ западных армий²¹². Османская империя также обратила на него внимание, поскольку в её интересах было не отставать от европейской военной мысли, к тому же обслуживание резервных войск было менее затратным, чем регулярных²¹³. По этой причине преобразования 1869 г. были направлены в первую очередь на *редиф*, хотя и затрагивали в том числе *низам*. При этом следует различать резервные подразделения регулярной армии и резервные войска. Разграничение войсковых категорий, введенное в 1869 г., предписывало военным служащим спустя четыре года в *низама* перевестись в *ихтият* сроком на два года, но при этом они все равно считались бойцами регулярных войск. Части из них при этом позволялось вернуться на малую родину, где они должны были продолжать служить в *редифе*,

²¹¹ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S.18.

²¹² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 178.

²¹³ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 19.

однако большинство солдат воспринимало *ихтият* как формальность, никоим образом не сказывавшуюся на их действительной службе, которая продолжалась, таким образом, шесть лет²¹⁴.

Подразделения *редифа* при этом претерпели значимые структурные изменения. Теперь резерв стал делиться на две категории: первую – *мукаддем* (осм. مقدم / тур. mukaddem) и вторую – *тали* (осм. ثالى / тур. tali)²¹⁵. Срок службы в каждой категории составлял три года, следовательно, в *редифе* требовалось провести шесть лет после такого же срока в *низаме*. На первый взгляд, дополнительное упорядочение резервных войск кажется позитивной мерой. Однако проблема заключалась в том, что власти, введя их, разделили между собой мужчин, ранее служивших в *низаме* и тех, кто миновал регулярную армию и был сразу зачислен в резерв²¹⁶. Таким образом, получившие более полноценную военную подготовку бойцы оказались отделены от тех, кто её не получал. С одной стороны, это решение повысило боеготовность батальонов *редифа* первой категории. С другой стороны, эффективность подразделений второй категории снизилась, ведь обмен боевым опытом был нарушен. Кроме того, данную меру можно интерпретировать как демонстрацию осознания властями недостаточности подготовки батальонов *редифа*, после которого были предприняты попытки хотя бы собрать обученных бойцов в отдельные формирования²¹⁷. В целом же, такое разделение имело более деструктивный эффект для резервных войск, чем смешение в их подразделениях солдат с разным уровнем подготовки.

Раз в месяц *редиф* собирался побатальонно, закрепленные за подразделением бойцы должны были прибыть на место его дислокации и пройти обучение, длившееся, как правило, месяц. Например, солдаты стамбульских батальонов собирались у казарм Сулеймание при *сераскерате*, бойцы подразделения, находившегося прямо напротив, собирались в казармах Меджидие в районе Бейоглу, а солдаты батальонов Ускюдара собирались в казармах Кулели и Селимие. Детали их учебной

²¹⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 179.

²¹⁵ Şevket M. Osmânî teşkilât. S. 21.

²¹⁶ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 208.

²¹⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 180.

программы до конца неизвестны, однако установлено, что отработке боевых навыков уделялось минимум два часа по утрам, с 10 до 12 часов дня. В ходе подготовки основной упор делался на обучение владению оружием, типичным для пехотных подразделений. В течение всего периода сборов военнослужащие *редифа* получали жалование наравне с солдатами *низама*, а за вещевое снабжение отвечали специальные склады, имевшиеся при каждом батальоне. В столице и регионах сборы проводились, как правило, в мае. Целью их было освежение в памяти навыков, полученных в период службы в действующей армии для тех, кто в ней служил, и формирование начального представления о военной службе у тех, кто не попал в регулярные войска. Также в ходе сборов бойцов обучали обращению с новым оружием, например, с игольчатыми винтовками, сменившими дульнозарядные ружья. Неотъемлемой частью сборов были стрельбы, результаты которых (процент попаданий) оценивались индивидуально для каждого бойца²¹⁸.

Призыв на сборы осуществлялся по спискам, в которых должна была содержаться актуальная информация о лицах, ему подлежащих и тех, кто по различным причинам должен был быть от него освобожден. Любопытно, что в 1869-1874 гг. освобождение от сборов получали те, кто на время службы в *низаме* был распределён в инженерные полки при Арсенале. Привлекать к сборам при этом предприятия начали только в 1874 г.²¹⁹ Кроме того, несмотря на то, что подразделения *редифа* были интегрированы в систему военных округов *низама*, они получили собственную командную цепь, по своему устройству дублировавшую *низам*. Во главе каждой резервной бригады был поставлен генерал, имевший полномочия, практически идентичные командирам регулярной армии. При этом для боснийских резервных контингентов, несмотря на фактическую принадлежность к Третьей армии, было сформировано отдельное командование с собственным генералом во главе²²⁰.

Преобразования, нацеленные в первую очередь на количественное усиление *редифа*, позволили удвоить его численность, она возросла со 120 до 240

²¹⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 46.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid.

батальонов, или же до 192 тыс. человек по штату²²¹. К 1870 г. формирование резервных войск было завершено в большинстве регионов. Число, расположение и пункты набора подразделений *редифа* можно представить в виде таблицы.

Таблица 9. Численность резервных войск и места набора рекрутов для редифов по военным округам, 1870 г. Источник: Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 48.

Армия	Число резервных полков	Пункты набора солдат <i>редифа</i>
Первая Стамбульская	6	Измит, Карахисар, Эскишехир, Кютахья, Бурса, Балыкесир, Конья, Акшехир.
Вторая Шуменская	6	Шумна, Силистрия, Разград, Эдирне, Ислимие, Хаскёй, София, Ниш, Филиппополь, Лофча, Болу, Сафранболу, Кочхисар, Кастамону, Анкара, Чанкыры, Бейпазары, Чорум, Кыршехир, Йозгат, Ташкёпрю.
Третья Румелийская	6 (+2 Боснийских резервных полка)	Манастир, Охрид, Видин, Янина, Енишехир, Берат, Скопье, Бездин, Тирана, Приштина, Драма, Сироз, Гюмюльджине, Измир, Маниса, Тире, Кула, Айдын, Назилли, Милас, Мугла, Банялука, Зворник, Травник, Нови Пазар.
Четвертая Анатолийская	6	Харпут, Малатья, Эргани, Зиле, Токат, Ама-сья, Эрзерум, Эрзинджан, Арапгир, Карахисар, Карс, Олту, Батум, Ван, Диярбакыр, Лидже, Джизре, Маройя.
Пятая Аравийская	6	Дамаск, Хомс, Иерусалим, Наблус, Бейрут, Акка, Антакья, Лазикийе, Хама, Алеппо, Килис, Урфа, Мараш, Эльбистан.
Шестая Багдадская	1	Мосул, Хорасан, Багдад, Сулеймание, Равандуз, Киркук.

Следует обратить внимание на то, что, по сравнению с данными 1848 г., система *редифа*, отражённая на «Таблице 9», действительно шагнула вперед. К 1870 г. было завершено формирование резервных войск в Пятой и Шестой армиях, то есть, в отдалённых и проблемных с точки зрения организации арабских провинциях Османской империи. В 1848 г. они полностью отсутствовали. Организация *редифа* не распространялась только на Седьмую армию, что, впрочем, неудивительно, поскольку в 1870 г. её регулярные части ещё находились в процессе формирования. Кроме того, необходимо отметить, что военные округа *низама* и *редифа* частично отличались друг от друга. Если округа Четвертой, Пятой и Шестой армий

²²¹ Şevket M. Osmânlı teşkîlât. S. 21.

совпадали с зоной ответственности регулярных контингентов, то регионы Первой, Второй и Третьей армий имели пересечения между собой. Например, резервы Третьей армии пополнялись в том числе из Измира и Муглы, относящихся к региону Первой армии, а также из Видина, входящего в округ Второй армии. *Редиф* Второй армии набирался также в Анкаре, принадлежавшей округу Анатолийской армии, и Кастамону в регионе Стамбульской армии. Такой разброс пунктов набора и дислокации резервных войск повышал риск возникновения путаницы и сбоев в работе командно-административного аппарата.

Однако наиболее существенным нововведением среди реформ 1869 г. стало создание нового класса резервных войск – *мустахфиза* (осм. مستحفظه / тур. müstahfiz). *Мустахфиз*, согласно замыслу Абдулазиза, должен был стать османской версией прусского *хеймвера* (*heimwehr*), продемонстрировавшего эффективность в войне с Австрией. Время службы в нём составляло восемь лет, зачислиться в него были обязаны все военнослужащие по окончании сроков пребывания в *редифе*, вне зависимости от прохождения службы в *низаме*. Таким образом, общее время на службе для человека, начинавшего путь в регулярной армии, увеличилось с 12 лет до 20. Набору в *мустахфиз* подлежали мужчины в возрасте от 32 до 40 лет, причем в мирное время, согласно Махмуду Шевкет-паше, сборов не проводилось и командиров не назначалось. Формировать подразделения эти войска должны были только в состоянии войны, что подчеркивало отведённую им роль обычного территориального ополчения²²². Планировалось, что контингенты *мустахфиза* составят около 300 тыс. человек, а это, вместе с увеличенной численностью *редифа*, должно было позволить Османской империи в случае войны получить войска общей численностью около 700 тыс. человек²²³. Законодательная база для призыва в армию и распределения воинских подразделений была скорректирована таким образом, чтобы каждый регион мог собрать не менее двух батальонов *редифа* первого класса, двух батальонов второго класса и двух батальонов *мустахфиза*. Все эти нововведения демонстрируют, что основным намерением властей стало

²²² Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 21.

²²³ Ibid.

увеличение численности вооружённых сил. Проблемы с качеством их личного состава и его снабжением планировалось решить в средне- и долгосрочной перспективе²²⁴.

Тем не менее, следует признать чрезмерную амбициозность планов султана Абдулазиза. Османское государство на тот момент не имело ни демографического, ни экономического потенциала, чтобы содержать армию таких размеров, даже в течение ограниченного времени. Проблема квалифицированных кадров, способных обучать других, после увеличения численности только обострилась. Помимо этого, она дополнилась в том числе инфраструктурными проблемами, поскольку под увеличенные контингенты *редифа* и новые формирования *мустахфыза* требовалось больше новых складов, встала необходимость налаживания системы снабжения. Сам же *мустахфыз*, краеугольный камень преобразований 1869 г., оказался нежизнеспособным придатком резервных войск. Такое его положение является очевидным, поскольку Османская империя столкнулась с трудностями в отношении более квалифицированных кадров в тот момент, когда оказалась вынужденной расформировать кавалерийские и артиллерийские подразделения. Логично, что имея проблемы с одной из основных частей вооружённых сил, власти могли уделить ещё меньше внимания состоянию войск, по своим боевым качествам походивших скорее на жандармов. По этой причине естественным выглядит расформирование *мустахфыза* на начальных этапах подготовки Османской империи к войне с Россией в 1877-1878 гг., в ходе мобилизации. Эта часть войска просуществовала всего восемь лет, после чего её контингенты были присоединены к *редифу* в качестве третьей его категории²²⁵.

На этом фоне бросается в глаза тот факт, что проблемам, связанным с качеством организации, выучки и администрирования войск, в 1869 г. был уделен минимум внимания. В то же время, качественные изменения были необходимы. Одна из проблем крылась в устройстве османских военных округов резервных армий. По своему устройству они дублировали структуру округов *низама*, во главе каждого

²²⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 180.

²²⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 52.

из них стоял *мюшир*, подчинявшийся *сераскеру*. В целом, установленная командная система функционировала должным образом. Дело, однако, крылось в том, что теоретически на должности *мюшира* должен был находиться опытный военный служащий в чине генерала, получивший специальное высшее военное образование и прошедший все необходимые этапы армейской службы, причём в *низаме* это условие соблюдалось. Но совершенно иначе обстояли дела с *мюширами* округов *редифа*. Большая их часть вовсе не являлась военными, чаще всего это были гражданские чиновники, периодически вызывавшиеся на сборы, но при этом сохранявшие полномочия генералов даже в мирное время²²⁶. Такая ситуация была типичной для тех районов империи, где резервные войска были распределены не в самом начале реформ. В Анкаре, Айдыне, Эдирне, Бурсе, Конье и Эрзеруме командующими округами были назначены не армейские генералы, а губернаторы вилайетов, не имевшие никакого отношения к военной службе. Таким образом создавалась прослойка чиновников, объединявших в своем лице и гражданско-административные, и военные полномочия. Вместе с полномочиями увеличивалась и вероятность злоупотреблений ими, в первую очередь ради личного обогащения. Так, в различных регионах империи происходили случаи необоснованного повышения налогов, внезапно могли увеличиться сборы в местную казну резервных войск. Имелись случаи удержания большей части жалования рядовых солдат, чьи средства затем присваивались управляющим округом. Широко распространено было кумовство – губернаторы, получая вдобавок должности командиров округов *редифа*, незамедлительно назначали своих сыновей на должности офицеров резервных войск несмотря на то, что они могли не иметь никакой военной подготовки²²⁷. Такая практика усугубляла положение внутри *редифа*, где и помимо неё имелись существенные изъяны. Замещение командного состава некомпетентными гражданскими лицами лишало резервные войска способности к самостоятельным действиям и сводило на нет их боевые качества.

²²⁶ Karadaş Y. Op. cit. P. 154.

²²⁷ Ibid. P. 155.

Проблемы, связанные с командным составом, отнюдь не ограничились желанием некоторых губернаторов продвинуть своих родственников по служебной лестнице. Резервные войска страдали от критической нехватки образованного офицерского персонала, который предполагалось задействовать для обучения новобранцев, при заступлении на службу не имевших никаких представлений о военной науке. На уровне подготовки сказывалось отсутствие регулярных тренировок, проблемы усугублялись нехваткой оружия, боеприпасов, обмундирования, прочего оборудования, несмотря на отказ от содержания кавалерии и артиллерии. Одним из ключевых недостатков системы резервных войск являлось отсутствие учений, манёвров и любых форм взаимодействия *редифа* с *низамом*. Это важно, поскольку координация действий регулярной и резервной армий друг с другом стали рецептом победы Пруссии, чью модель впоследствии пытались повторить османы²²⁸. Практика же показала, что им удалось симитировать только форму, но не содержание. Сперва более опытные солдаты были отделены от новобранцев при организации *редифа* в две категории, а затем все бойцы этого типа войск оказались полностью обособлены от регулярной армии, что стало очередным фактором, сократившим их боеспособную часть²²⁹. Следует подчеркнуть, что большая часть этих проблем, за исключением тех, что касались *мустахфыза*, проявились в ходе Крымской войны. Следовательно, у османских властей имелось достаточно времени в запасе, чтобы их устранить, однако новый виток преобразований показал, что такие попытки не предпринимались.

Примечательно, что достижения и неудачи османской военной машины стали предметом пристального внимания со стороны российских военных деятелей. В их интересах было иметь представление об актуальном положении дел в османских вооружённых силах, и свои наблюдения они изложили в работе «Вооруженные силы Турции», изданной небольшим тиражом в 1876 г. и предназначавшейся, по всей видимости, для внутреннего использования русскими офицерами.

²²⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 179.

²²⁹ Ibid. P. 180.

В настоящее время работа является частью фонда «Посольство в Константинополе» Архива внешней политики Российской империи.

Русские офицеры, в отличие от большинства современных исследователей, справедливо отметили, что у Османской империи всё же имелись резервные войска, на которые можно было рассчитывать в случае начала военных действий. Однако это относилось только к резерву регулярной армии – *ихтияту*. По своей эффективности, выучке и организованности он существенно превосходил *редиф*. В самом *редифе* уровень подготовки был недостаточным для обучения новобранцев, все что можно было сделать – это помочь демобилизованным солдатам *низама* сохранить часть своих навыков. Структура *мустахфыза* же в действительности так и не была организована, впрочем, это фактически было невозможно. В сущности, третья категория резервных войск представляла собой совокупность граждан, способных держать оружие, либо же неорганизованный запас. Под это формирование даже не были созданы механизмы снабжения – новые склады создавались только для *редифа*²³⁰.

По мнению русских военных деятелей, причиной, по которой Османская империя стремилась увеличить число войск, не требовавших значительных финансовых вложений в мирное время, стало ухудшение её экономического положения. Это обстоятельство не могло не сказаться на бюджете военного министерства, под чьим контролем осуществлялись преобразования. Согласно финансовой документации, к 1869 г. бюджет данного ведомства был увеличен до 5,18 млн османских лир. Из них 4,4 млн лир предназначались для покрытия постоянных расходов и 780 тыс. лир на вынужденные дополнительные траты. Постоянные расходы складывались из необходимости выплачивать жалование, закупать продовольствие и снабжать всем необходимым снаряжением военнослужащих всех чинов, а также финансировать работу военных советов и учебных заведений²³¹. К ним прибавлялись траты на содержание *редифа* второго класса, 160 тыс. лир предназначались офицерскому корпусу и ещё 240 тыс. лир было отложено на ежегодные сборы 240

²³⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4370. Л. 47.

²³¹ Там же.

батальонов резервных войск²³². К вынужденным дополнительным тратам относились содержание всех остальных резервных войск и создание инфраструктуры для них: постройка складов, возведение лагерей, закупки и обслуживание вооружения. Всего они составляли около 650 тыс. лир. Остатки общей суммы, выделенной на дополнительные траты, планировалось употребить на переделку винтовок, имевшихся у бойцов редифа класса *тали*. Однако фактическая сумма в распоряжении военного министерства составила только 3 851 000 лир в 1870 г. (21 835 170 рублей 1873 г.) и 3 445 060 лир в 1871 г. (19 533 490 рублей 1873 г.)²³³. Разница между бюджетом, заявленным в документах и средствами, имевшимися в действительности, составила 1 734 940 лир. Очевидно, что при таком дефиците провести реформу полноценно и в соответствии с изначальным замыслом не представлялось возможным.

Расхождения между планами преобразований и реальным положением дел обнаружили в том числе на этапе наращивания численности резервных войск. С одной стороны, количественные оценки *редифа* русскими военными деятелями совпали с описанием османского генерала Махмуда Шевкет-паши, указавшего число 192 тыс. человек. Русские офицеры отмечали, что обе части *редифа* – и *мукаддем*, и *тали* – насчитывали по 96 тыс. человек, к ним прибавлялось еще 6 тыс. человек из резервных войск Боснии, что вместе давало цифру около 198 тыс. человек. В целом, она сообразуется с показаниями османов. Нюанс, однако, заключался в том, как эти резервы были задействованы. Поскольку обычно численность *низама* была ниже штатной, в случае необходимости ее нехватку компенсировали путем перевода в регулярную армию части резервных контингентов. Как правило это число составляло от 28 до 34 тыс. человек. Кроме того, часть резервистов использовалась в качестве сил охраны порядков в регионах, где для этих целей не хватало жандармов. В таком режиме обычно задействовалось приблизительно 33,8 тыс. человек. За вычетом этих бойцов в *редифе* оставалось около 130-136 тыс. человек. С одной стороны, это ниже численности, заявленной по штату. С другой стороны, она все равно превышала возможности османской военной машины по обслуживанию

²³² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4370. Л. 47.

²³³ Там же.

организованных подразделений резервных войск. Ресурсов хватало примерно на 120 батальонов *мукаддема* и 30 батальонов *тали*, что составляло около 129,6 тыс. человек. Таким образом, оставшиеся бойцы *редифа* образовывали излишек численностью от 7 до 13 тыс. человек. Османы не располагали силами ни для инкорпорирования их в существующие организованные части, ни для формирования из них каких-либо отдельных подразделений. Основной причиной этого была критическая нехватка квалифицированных кадров в целом и офицеров в частности. Для *низама* и *редифа* не хватало около 3 тыс. человек, при этом военные училища в совокупности могли выпустить не более ста обученных офицеров в год²³⁴.

При этом стоит отметить, что в составе *редифа* в 1869 г. номинально продолжали существовать кавалерийские и артиллерийские подразделения. Решение об их расформировании в 1864 г., упоминаемое Шевкет-пашой, по всей видимости, не было официальным. По штату эти контингенты должны были образовать 60 резервных кавалерийских эскадронов по 120 человек общей численностью примерно 7 тыс. человек и 6 артиллерийских полков численностью 3 тыс. человек. Фактически же для них не имелось ни кадров, ни вооружения, ни снабжения, и сборов с ними никогда не проводилось²³⁵. Однако даже в том случае, если на некоторых складах для них нашлись бы старые ружья и артиллерийские орудия, на первый план с необходимостью снова выходила проблема нехватки офицерских кадров. Без них из этих контингентов невозможно было создать самостоятельные боеспособные части.

Если допустить, что на фоне такой ситуации в вооруженных силах в *мустахфыз* попадала бы половина предназначавшихся для него рекрутов (25-27 тыс. человек), в нем могло накопиться 90-100 тыс. человек. Но если учесть, насколько страдали от нехватки кадров регулярные подразделения, то о направлении командного состава в эти войска не могло идти речи. Без него же *мустахфыз* мог выступать только как территориальное ополчение, либо неорганизованный запас для пополнения *редифа*. В самостоятельное войско он не мог быть организован.

²³⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4370. Л. 48.

²³⁵ Там же.

В целом же можно констатировать, что не только современные исследователи отнеслись к османским реформам 1869 г. с достаточно большой долей скепсиса, но и их современники из числа военных деятелей других государств. Обобщая результаты преобразований, можно заметить, что тренд на увеличение численности сухопутной армии осуществлялся за счет присоединения к регулярным организованным и обученным подразделениям большого числа недостаточно подготовленных и квалифицированных контингентов. С учётом критической нехватки командно-административного состава такая политика, вопреки расчетам султанов, не усиливала войска, а ослабляла их. Чем больше прирастала численность *редифа*, тем более компактным по отношению к нему оказывался *низам*. В ходе крайне редких совместных маневров этих типов войск последние оказывались вынуждены подстраиваться под менее организованные резервы.

Тот факт, что расширение *низам* и усиление его боевых качеств так и не стали главной целью реформ 1869 г., является прямым следствием сложившейся в Османской империи экономической ситуации. Дорогой в содержании, но надёжной в бою действующей армии власти предпочли более дешёвые резервные части, на которые можно было тратить меньше средств. Однако и навыки их были на несколько порядков ниже, чем у регулярных полков. Нарастающий дисбаланс в османской военной машине в пользу резервных частей проявился уже в ходе Крымской войны: в то время *низам* насчитывал 105 325 человек, а *редиф* – уже 103 827 человек²³⁶, то есть, вспомогательные подразделения по численности практически сравнялись с регулярными. Необходимо подчеркнуть, что в дальнейшем резервы стали только больше²³⁷. Причиной этого стала в том числе и небольшая численность действующей армии, некомплект подразделений которой был наглядно продемонстрирован российскими военными осведомителями. Из нехватки живой силы и средств для усиления *низам* проистекало увеличение *редифа*, куда призывалось больше людей для компенсации некомплекта регулярных войск. Следует отметить, что такая практика начала применяться широко, поскольку в 1866 г. было призвано

²³⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4370. Л. 48.

²³⁷ Там же.

44 резервных батальонов, а в 1868-1869 гг. – уже 80 батальонов²³⁸. В долгосрочной перспективе эти меры оказались более деструктивными для государства, чем повышенные траты на *низам*. Во-первых, попытки компенсировать нехватку живой силы в регулярной армии увеличенными наборами в *редиф* никак не могли решить проблему боевой эффективности. Во-вторых, они приводили к более масштабным негативным последствиям для социально-экономической сферы жизни. Учащавшиеся обязательные сборы батальонов *редифа* надолго отрывали от хозяйств трудоспособных мужчин в возрасте от 25 до 32 лет и лишали их свободы передвижения. Закономерным итогом такой практики стало резкое увеличение случаев дезертирства и уклонения от службы. В-третьих, ситуация усугублялась обширной площадью территорий, подконтрольных османскому султану. Размеры государства превращали его армию в контингенты мирного времени, и даже в случае внутренних волнений, не говоря о вторжении извне, их силы становилось недостаточно, и приходилось собирать резервные войска. В то же время *редиф* не годился для отражения серьезной внутренней или внешней угрозы по причине низкого уровня выучки военнослужащих и отсутствия адекватной системы снабжения.

Российские авторы XIX в. и современные зарубежные исследователи отмечали, что в 1869 г. сухопутная армия Османской империи претерпела структурные преобразования, значительная часть которых, с одной стороны, была успешной, но с другой стороны, была направлена не на тот фронт проблем, где усилия требовались в первую очередь. В наибольшей степени это актуально в случае *редифа*, не имевшего возможности взаимодействовать с регулярной армией и ресурсов для подготовки и снабжения собственных кадров. Безусловно, реформы дополнительно упорядочили распределение османских сил по военным округам, ввели новую категорию резервных войск и увеличили численность уже существующих контингентов. Однако преобразования не поспособствовали качественному улучшению османской армии, а также не сформировали в войсках такую среду, чтобы количественное их усиление в конце концов перешло в качественное. Даже

²³⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. № 4370. Л. 50.

собственно количественное усиление оказалось не столь существенным, каким оно должно было быть изначально. Проблема неукomплектованности подразделений регулярных войск так и не была решена. Между тем, проблемы именно качества османских подразделений являлись наиболее актуальными в данный период. Любой замысел по внедрению дополнительных воинских формирований, делению войск на разные категории и распределению их по округам в итоге упирался в проблему нехватки офицерских кадров, необходимых для обслуживания столь сложного и разветвленного организма, в который превратилась османская армия во второй половине XIX в.

Низам и *редиф* являлись самыми важными частями сухопутных вооруженных сил Османской империи, вместе они образовывали её основу. По этой причине преобразования любого типа, в них происходившие, имели первостепенную важность для обороноспособности государства. Однако структура османской армии не ограничивалась только этими формированиями. Она дополнялась более специфическими контингентами вспомогательных войск, создававшихся в различных регионах империи и бывших также весьма многочисленными. Они имели собственные задачи и организацию.

1.2.3. Вспомогательные и иррегулярные войска Османской империи

На протяжении всей своей истории османская армия не испытывала нехватки живой силы для создания иррегулярных подразделений. В ходе каждого конфликта, как внутреннего, так и внешнего находилось множество добровольцев, авантюристов, безработных, порой асоциальных элементов общества, готовых попытать счастья в бою. Такие формирования, как правило, не придерживались войсковой организации, не отличались качеством предоставляемого им оружия и снаряжения, их боевые качества были достаточно низкими, в прямом столкновении с регулярными силами противника они быстро и беспорядочно покидали поле боя.

Однако их содержание ничего не стоило имперской казне, а их способности осуществлять беспокоящие атаки, рейды в тылу противника, грабить обозы и при необходимости проводить карательные походы ценились османским командованием. По этим причинам иррегулярные контингенты при войсках Османской империи сохранялись до конца XIX в., несмотря на все их недостатки.

Примечательно, что только на завершающих этапах строительства новой османской армии была предпринята попытка организовать формирования, сущность которых, казалось бы, заключалась в их неорганизованности. В результате они сохранили это качество, однако были включены в более широкую категорию османских военных подразделений – вспомогательные войска (осм. مستحفظ قوتلر / тур. müstahfiz kuvvetler)²³⁹. В одном ряду с ними оказались и другие контингенты из определенных регионов империи, однако они не являлись неорганизованной массой сорвиголов: суть заключалась в специфике их формирования и формате участия в конфликтах. Также следует обратить внимание на то, что в турецкой и османской литературе в отношении вспомогательных сил использовался такой же термин, которым обозначали контингенты *мустахфыза*, однако при анализе структуры и функционала данных формирований их следует различать: *мустахфыз*, являвшийся частью резервных войск, не имел отношения к категории вспомогательных сил.

На этапах становления реформированной османской армии (1826-1843 гг.) попыток объединения вспомогательных и иррегулярных войск в какую-либо категорию не предпринималось. Впервые в качестве отдельной структуры в составе османских вооруженных сил эти контингенты появились лишь в 1843 г., когда было окончательно закреплено разделение войск на регулярные, резервные и, собственно, вспомогательные. Они представляли собой войска конкретных *эялетов*, которые отправлялись на помощь *низаму* и *редифу* в военное время. В число регионов, обязанных поддержать основную армию, входили Сербия (её войска составляли 20 тыс. человек), Албания (30 тыс. человек), Египет (40 тыс. человек),

²³⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 204.

Триполи и Тунис (10 тыс. человек)²⁴⁰. Примечательно, что некоторые османские военные деятели, например, Махмуд Шевкет-паша, относили к вспомогательным войскам также и контингенты, сформированные в Боснии и Герцеговине (около 30 тыс. человек), несмотря на то что они де-юре считались частью *низама*²⁴¹. Однако стоит отметить, что на момент распределения османских сил по разным категориям в 1843 г. регулярные батальоны в этом регионе ещё не были созданы, ввиду чего размещение боснийских подразделений среди вспомогательных войск выглядело более очевидным. В то же время, несмотря на формирование регулярных войск в Боснии при султанине Абдулазизе, нет свидетельств того, что они изменили свой статус и стали считаться полноценной частью *низама* де-факто, а не только на бумаге. Таким образом, воинские формирования на территории Боснии и Герцеговины имели специфический статус и могли быть отнесены как к регулярным, так и к вспомогательным войскам. Общая численность региональных организованных подразделений, относящихся к вспомогательным войскам, составляла 100-110 тыс. человек²⁴².

Другой достаточно большой по численности частью вспомогательных сил Османской империи являлись *башибозуки* (осм. باشى بوزوق / тур. başıbozuk). Именно эти подразделения образовывали иррегулярный компонент османских войск. *Башибозуками* становились преимущественно добровольцы из числа мусульманского населения Албании и регионов в среднем течении Дуная, к ним также относили части жандармов. Они собирались исключительно в военное время, а численность их составляла, как правило, около 60-61,5 тыс. человек²⁴³. Они не имели никаких военных навыков и были вынуждены самостоятельно находить себе все снаряжение, их снабжение со стороны государства не было предусмотрено. Существование большого числа *башибозуков* было обусловлено их дешевизной, однако русско-турецкая война 1877-1878 гг. наглядно продемонстрировала их боевую

²⁴⁰ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S.15.

²⁴¹ Ibid.

²⁴² Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 49.

²⁴³ Şahin H. Op. cit. P. 345.

непригодность, после чего их подразделения, скорее походившие на рудимент османской армии прошлых эпох, стали постепенно сокращаться и расформировываться²⁴⁴.

Однако до этого момента они активно принимали участие не только в конфликтах с внешними противниками, но и в качестве сил охраны порядка. По всей видимости, привлечение иррегулярных формирований к такой деятельности было обусловлено нехваткой людей. Очевидно, что подобные контингенты не подходили для такой роли. В регионах, где они исполняли обязанности милиции, немедленно начинали возникать случаи вымогательства у местного населения денег и имущества. Жителям приходилось откупаться от башибозуков взятками и подарками. Правительство пыталось ограничить произвол, издавая указы о недопустимости давления на местных с целью личного обогащения, однако нельзя сказать, что такие мероприятия были успешны²⁴⁵.

Следует отметить, что в аспекте охраны правопорядка деятельность *башибозуков* во многом пересекалась с функционалом жандармов. Более того, достаточно часто термины «*башибозук*» и «*жандарм*» имели одинаковое значение и обозначали одних и тех же лиц²⁴⁶. Однако на законодательном уровне эти формирования отличались друг от друга. В качестве отдельного подразделения, прямыми обязанностями которого был контроль за соблюдением законов и порядком, жандармерия (осм. ضبطیه / тур. *zaptiye*) была учреждена на начальном этапе реформ эпохи Танзимата в 1839 г. В этом османские власти следовали примеру государств Европы, где также имелись подобные структуры²⁴⁷. Преобразования подразумевали создание жандармских инспекторов и участков в каждом *эялете* или *санджаке* империи, подконтрольных *вали* региона. Первоначально планировалось использовать в качестве жандармов местных военнослужащих *редифа*, однако в дальнейшем от этой идеи отказались, а в жандармы стали зачислять местное население, занятое на охране стратегически важных объектов (мостов, горных перевалов и т.д.). Такой

²⁴⁴ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 50.

²⁴⁵ Şahin H. Op. cit. P. 345.

²⁴⁶ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 248.

²⁴⁷ Ibid. P. 247.

порядок был принят в 1846 г.²⁴⁸, однако о введении полноценного устава, регулировавшего деятельность жандармов и устанавливавшего четкую организацию этих формирований, можно говорить только в контексте реформ 1869 г.

Поскольку жандармерия являлась вооружённой организацией, она была переведена под контроль военных органов, во главе которых стоял *сераскерат*. Переход под управление военными ведомствами привел к немедленной реорганизации жандармерии: повсеместно была введена структура армейских подразделений, то есть, деление на взводы, роты, батальоны и полки. Впоследствии был усилен централизованный контроль над командным составом жандармов, с 1874 г. все офицеры этих подразделений стали назначаться исключительно указами из столицы, где функционировало особое ведомство, жандармский инспекторат²⁴⁹. Преобразования 1869 г. также закрепили обновлённую структуру жандармерии статьями устава.

- Статья 1: в каждом регионе местным властям предписывалось содержать не менее одного конного и пехотного жандармского полка;
- Статья 2: каждый жандармский полк делился на батальоны, роты, взводы и отделения;
- Статья 3: жандармский батальон состоял минимум из двух, максимум из десяти рот; рота состояла минимум из пяти, максимум из десяти отделений;
- Статья 4: кавалерийское жандармское отделение состояло минимум из четырех человек, пехотное – из восьми человек и двух младших офицеров;
- Статья 6: максимальная численность взводов и отделений для кавалерии – 60 человек, для пехоты – 100 человек. В каждом *санджаке* должно было находиться не менее одного жандармского батальона, в каждой *каза* обязательной была дислокация как минимум одного жандармского взвода;
- Статья 8: срок службы в жандармерии составлял два года;
- Статья 9: заступить на службу в жандармерии могли здоровые мужчины в возрасте от 20 до 50 лет.

²⁴⁸ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 248.

²⁴⁹ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 53.

В целом же, устав жандармерии являлся весьма объёмным документом и к 1870 г. уже насчитывал 101 статью²⁵⁰.

По своему функционалу жандармы являлись не только милицией, но и спасателями. Они должны были поддерживать порядок, расследовать преступления, бороться с последствиями стихийных бедствий и пожарами. В провинциях с нестабильной обстановкой дополнительно создавались специальные жандармские участки. Такие были образованы, например, в Белграде, где имелась отдельная жандармская префектура и контингент из 120 человек²⁵¹. На подобных территориях подразделения жандармов были более многочисленными и, помимо своих обычных обязанностей, служили также усилением для армейских частей²⁵².

Однако, как правило, несмотря на количественное усиление в некоторых *вилаетах* (например, в апреле 1866 г. у Видина было дислоцировано 1600 жандармов), эти контингенты были рассеяны по значительному числу более мелких населенных пунктов. Кроме того, даже некоторые османские военные деятели сомневались в способности жандармов исполнять свои обязанности, в особенности оказать действенную помощь армейским подразделениям. Как отмечал командир Пятой армии Омер-паша, типичным вооружением жандармов являлись устаревшие и вышедшие из употребления в регулярной армии ружья, а какую-либо военную подготовку они не проходили²⁵³.

Примечательно, что русские военные осведомители сохранили сведения, подкрепляющие заявления современных турецких исследователей о том, что функционал, поведение, а порой и состав жандармов и подразделений *башибозуков* в некоторых случаях совпадали. Такие совпадения чаще всего обнаруживались в области превышения полномочий жандармов или грабежей *башибозуками* местного населения. Заключались они обычно в захвате чужого имущества или изъятии продовольствия и прочих припасов²⁵⁴. Так, один из осведомителей осветил ситуацию

²⁵⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 57.

²⁵¹ Ubcini M.A. Apeçu économique. P. 7.

²⁵² Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 58.

²⁵³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4368. Л. 18.

²⁵⁴ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 60.

в Салониках после подавления восстания в 1867 г. Согласно его наблюдениям, после мероприятий по восстановлению порядка положение в регионе ухудшилось. Основной проблемой стали слишком высокие налоги, от которых в равной степени страдало как христианское, так и мусульманское население²⁵⁵. «Неправды и отсутствие суда, насилие и безнаказанность царствуют повсюду; заставляют жителей работать для войска на границе Греции. Все, кто не платит подати, заключаются в тюрьму. Войска считают местность завоеванной и дают жителям это понять. Об этом знают власти, но не стараются пресечь злоупотребления. Башибузуки занимаются разбоем»²⁵⁶. Данные замечания демонстрируют, что решение передать иррегулярным и вспомогательным силам установление порядка в регионах с нестабильной обстановкой, по сути, означало продолжение карательных мер в отношении местного населения. Такие методы, с одной стороны, помогали подавлять беспорядки, но с другой, они не устраняли их причины и приносили лишь временный результат.

Наконец, вспомогательные силы Османской империи дополнялись самой компактной их частью – личной охраной султана. По всей видимости, функционал этих подразделений во многом был церемониальным, но формировались они из опытных бойцов. По своей сути эта охрана была возрожденной в 1864 г. султанской гвардией, которую ранее расформировали в 1687-1688 гг. В тот период она состояла из янычар, однако обновленная гвардия была сформирована из бойцов регулярных войск. Это подразделение было немногочисленным, оно состояло из пяти полурот пехоты и четырёх кавалерийских эскадронов. Полуроты состояли из 48 рядовых и 8 офицеров, по специализации одна была артиллерийской, две – пехотными стрелковыми, две – пехотными линейными. Численность пехотных подразделений составляла 240 человек, кавалерийских – не более 100 человек, каждый эскадрон насчитывал 25 человек и пять офицеров, первый эскадрон был артиллерийским²⁵⁷.

²⁵⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4369. Л. 26.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 52.

В султанскую гвардию попадали бойцы, каким-либо образом отличившиеся в ходе службы. Это могли быть мужчины-добровольцы и те, кто, не пытаясь уклониться от призыва, вовремя явился на сборные пункты, иногда в гвардию попадали бойцы, не имевшие никаких дисциплинарных взысканий и добросовестно исполнявшие свои обязанности, а также те, кто, получив право на демобилизацию, решил остаться в войсках. Из всех этих категорий выше всего ценились именно добровольцы, а из добровольцев наиболее ценными были грамотные, умевшие читать и писать. Выше них котировались лишь те, кто успел принять участие в боевых действиях и проявил отвагу в бою²⁵⁸. Таким образом, в целом, это были весьма престижные формирования, в которых могли служить лишь те бойцы, которые имели выдающиеся качества на фоне всех остальных.

Очевидно, что османские вспомогательные войска были неоднородными по своему составу, они состояли из разных подразделений, формируемых в разных частях государства. Тем не менее они не были способны существенным образом изменить расстановку сил в османской армии. Нельзя сказать, что по своему потенциалу они были равны хотя бы *редифу*, поскольку их снабжению и обучению уделялось еще меньше внимания, чем резервным войскам, на что обращали внимание османские высшие офицеры. В мирное время эти подразделения не собирались, не проводили маневров и учений. Чаще всего их обязанности ограничивались поддержанием порядка или подавлением внутренних волнений, со всеми последствиями для регионов, где они вспыхивали. Как и оказавшийся неудачной задумкой *мустахфыз*, вспомогательные силы могли выступать лишь в качестве территориального ополчения. Они могли попытаться задержать противника до прибытия сил регулярной армии, но изменить ситуацию радикальным образом им было не под силу.

Другой проблемой вспомогательных войск стало недоверие к ним со стороны высшего командного состава. Значительная часть этих формирований создавалась в регионах, где преобладало христианское население, чьи восстания регулярно сотрясали империю. Соответственно, многие османские генералы видели в

²⁵⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 53.

добровольцах оттуда потенциально дестабилизирующий элемент в вооруженных силах, склонный к дезертирству и переходу на сторону неприятеля. Воспользоваться североафриканскими подразделениями в ходе войны также было достаточно затруднительно в силу слишком большого расстояния от мест их сбора до предполагаемого театра военных действий, которым с наибольшей вероятностью мог быть Дунайский или Кавказский регионы. Вопрос участия в военных конфликтах контингентов из Египта, организованных и обученных, также был неоднозначным. Во многом он зависел от отношений между Египтом и правительством в Стамбуле, причем напряженность между ними имелаась, и нельзя было говорить о немедленном присоединении египетской армии к османской²⁵⁹. Наконец, ожидать от иррегулярных подразделений эффективности на уровне обученного войска не приходилось.

Формирование вспомогательных войск также не приблизило Османскую империю к численности армии в 700 тыс. человек, которой она стремилась достичь²⁶⁰. В случае начала вооруженного конфликта с другим государством османы по-прежнему могли выставить порядка 200-367 тыс. человек. Вооруженные силы, способные вести боевые действия с определенной долей эффективности, по-прежнему ограничивались *низамом* и *редифом*. Остальные контингенты могли служить только в качестве запаса различной степени организованности.

Создание обновленной военной машины Османской империи не ограничилось одним формированием новой организационной структуры. Весьма многочисленной османской армии, сочетавшей в себе множество подразделений с различной специализацией, требовался продуманный механизм управления. Без налаживания координации между разными военными ведомствами и войсками вооруженные силы не могли действовать как единый организм. В то же время большая часть структур, существовавших на момент уничтожения старой армии и формирования новой, была устаревшей и нуждалась во всеобъемлющих реформах. Так, вместе с

²⁵⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 205.

²⁶⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 27.

новыми подразделениями рождался и новый командно-административный аппарат.

1.3 Командно-административная структура сухопутных вооруженных сил Османской империи

Наряду с масштабными реформами организации османской армии, проводившимися как на этапе формирования, так и дальнейшего развития обновленных вооруженных сил, не меньшую важность имели преобразования, касавшиеся структуры управления новыми войсками. Без создания качественной и соответствовавшей требованиям времени административной системы Стамбулу было не под силу удерживать контроль над армией и продолжать ее реформировать. От чиновников, занимавших должности в органах этой системы, зависело полноценное функционирование всей военной машины, контроль за модернизационными мероприятиями и координация действий различных военных ведомств. Основы данной системы были заложены незамедлительно после уничтожения янычарского корпуса в 1826 г.

Ключевым элементом, вокруг которого в дальнейшем стала складываться командно-административная система османской армии, стал институт *сераскерата* и личность *сераскера*. Эта должность была создана в 1826 г. как альтернатива титулу главнокомандующего, которым ранее являлся янычарский *ага*. Первоначально функционал *сераскера* был полностью идентичен обязанностям *аги*: это было лицо, контролировавшее все военные структуры, главной из которых являлся надзорный орган по делам сухопутной армии²⁶¹. Подотчётен *сераскер* был только султану.

Такое положение дел продолжалось девять лет, до 1835 г., когда был создан Генеральный штаб, управление которым было передано *сераскеру*, а также было

²⁶¹ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. P. 63.

закреплено разделение властей. Некоторые современные авторы, в частности, Вирджиния Аксан, считают, что в 1835 г. ветви власти в Османской империи были реорганизованы, и положение командующего войсками стало более определенным. Власть делилась на военную, юридическую и бюрократическую, следовательно, *сераскер* занял равное положение с великим везиром и *шейхульисламом*, что привело к ослаблению позиций везира, ранее имевшего полномочия замещать султана во всех аспектах принятия решений²⁶². Таким образом, теоретически формировались три независимых друг от друга центра власти, каждый из которых мог препятствовать чрезмерному усилению двух других.

На деле же, однако, этот принцип не работал, чему служит пример Кечеджизаде Мехмет-паши, занимавшего пост сераскера в 1863-1866 гг. и параллельно совмещавшего его с должностью великого везира, что предоставляло ему чрезвычайно широкие полномочия²⁶³. В период с 1835 г. по 1843 г. функционал сераскера не претерпевал изменений, однако в 1842 г. при Мустафе Нури-паше эта должность по неопределенным причинам была ликвидирована, а следующий главнокомандующий Решит-паша получил титул маршала Победоносного войска. Вероятно, это было связано с разделением командных систем на общеармейскую и гвардейскую, существовавшим в тот момент времени, однако в сентябре 1843 г., когда было завершено слияние этих аппаратов, должность сераскера была восстановлена, и её занял Хасан Рыза-паша²⁶⁴.

Данные преобразования также превратили *сераскерат* в бюрократический центр османской армии. Это ведомство сохраняло данные о численности войск во всех армейских корпусах, жаловании военнослужащих всех званий и об их порядке продвижения по служебной лестнице. Данные собирались в специальные журналы-*сиджли*, на основе которых продолжалась выплата жалования. С ними сверялись при расчете сумм, подлежащих выплате, поскольку в них содержались данные о численности личного состава подразделений. Для сохранения актуальности этих

²⁶² Aksan V. Op. cit. P. 172.

²⁶³ Köprülü O.F. Fuad Paşa, Keçecizade. // TDV İslâm Ansiklopedisi. C. 13. İstanbul, 2009. S. 548.

²⁶⁴ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 64.

сведений существовало правило для командиров военных округов отсылать в столицу обновленные ведомости. С этой целью каждый день заполнялись ведомости личного состава на уровне батальонов, затем они передавались старшим офицерам в полки, затем в штабы округов и, наконец, в конце каждого месяца отправлялись в Стамбул. Только округа Багдад, Хиджаз и Триполи имели право на отсроченную отправку ведомостей, им давалось два дополнительных месяца ввиду большого расстояния от их центров до столицы²⁶⁵. Соответственно, если командиры подразделений по каким-то причинам не высылали ведомости, то их бойцы не получали жалование, и Военный совет направлял им предписание о необходимости своевременного предоставления этих сведений. Например, весной 1865 г. задержки с отправкой ведомостей возникли в Четвертой, Пятой и Шестой армиях²⁶⁶. Впрочем, нельзя сказать, что подобные меры отличались действенностью. Несколько позднее ситуация сложилась таким образом, что по состоянию на зиму 1874 г. контингенты Второй армии, расположенные в Рущуке, не получали никаких положенных им выплат уже девять месяцев, ввиду чего их пришлось держать в казармах фактически в заключении во избежание начала беспорядков²⁶⁷.

Кроме сведений о личном составе ведомство *сераскера* фиксировало и сохраняло информацию о других аспектах жизни войска. К таковым относились, например, результаты различных проверок и инспекций, вся военная бухгалтерия и ежедневные записи о любого рода происшествиях в армейских подразделениях. Кроме того, с 1847 г. под полный личный контроль *сераскера* были переведены все артиллерийские подразделения, их техническое состояние и обслуживание, пехотой и кавалерией занималось отдельное ведомство²⁶⁸. Помимо этого, под контролем *сераскерата* находились все подразделения жандармов²⁶⁹.

В остальном же полномочия *сераскера* были весьма широкими. Необходимо подчеркнуть, что только султан и данное лицо имели право регулировать

²⁶⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 67.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 51.

²⁶⁸ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 16.

²⁶⁹ Çelik Y. Serasker. // TDV İslâm Ansiklopedisi. C. 36. İstanbul, 2009. S. 548.

организацию всей османской армии на фундаментальном уровне. После решения султана разделить войска на отдельные армии и округа именно *сераскерт* претворял этот замысел в жизнь и контролировал его исполнение. К примеру, в рамках реформ 1869 г. лишение Стамбульской армии статуса гвардейской, распределение вооруженных сил по корпусам и закрепление их организационных принципов были осуществлены *сераскером* Хусейном Авни-пашой²⁷⁰. Кроме того, одной из важных функций этого ведомства являлось отслеживание нововведений в области военной науки, главным образом европейской. С 1864 г. от *сераскерата* стали отправлять некоторых османских офицеров в различные государства Европы с целью ознакомления, фиксирования и вероятного последующего внедрения в османской армии как военно-теоретических, так и технических новшеств, возникавших на Западе. Несколько позднее под контроль *сераскера* была поставлена и область военной картографии. Картографический фонд размещался в Генеральном штабе, однако состояние и ведение карт и схем различных регионов империи полностью находилось в ведении *сераскерата*²⁷¹. Помимо этого, *сераскер* имел определяющее влияние на техническое оснащение османской армии. Например, после повторного назначения Хусейна Авни-паши на этот пост в 1869 г. общие расходы военного министерства выросли с 307 млн 800 тыс. курушей до 385 млн 100 тыс. курушей за два года²⁷². В них входило двукратное увеличение заказов артиллерийских орудий на фабрике Круппа²⁷³, а также расширение номенклатуры огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, заказывавшихся Османской империей у США. Наконец, *сераскер* также отвечал за состояние казарм и всех прочих строений, относящихся к вооруженным силам, на нём лежала обязанность обеспечивать своевременный их ремонт и обслуживание, он должен был контролировать ход этих работ²⁷⁴.

Примечательно, что несмотря на то что бюрократическим центром армии *сераскерт* стал в 1843 г., приведение собираемых и сохраняемых им данных к

²⁷⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 68.

²⁷¹ Ibid. P. 69.

²⁷² Shaw S.J. Ottoman Expenditures. P. 376.

²⁷³ Karakoç E., Mete A.S. Op. cit. P. 303.

²⁷⁴ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 68.

единому стандарту было осуществлено лишь спустя 27 лет, в 1870 г. При Авни-паше имевшиеся сведения были каталогизированы, а новые должны были вноситься в соответствии с установленным сводом правил, насчитывавшим 38 пунктов. Значительная их часть касалась данных, предоставляемых военнослужащими о себе. Например, появилось правило, по которому каждый солдат *низама* должен был указать свое имя, имя отца и деда, дату рождения, округ рождения, включая *санджак*, *казалык*, населенный пункт (к примеру, деревню), улицу и номер дома. Обязательным стало также указание даты отправки в войска, номера корпуса, батальона и роты, за которыми боец был закреплен, а также имя командира и число человек в его подразделении²⁷⁵.

Сераскерат являлся высшим административным органом всей османской военной машины. Главнокомандующий войсками был обязан подчиняться только приказам султана, имел право вносить изменения в структуру армии на любых её уровнях, отвечал за уровень военной науки и все материальное снабжение сухопутных вооружённых сил, включая оружие, обмундирование, состояние военных строений. Ведомство главнокомандующего являлось также хранилищем наиболее полных сведений обо всех аспектах армейской жизни, оно собирало информацию обо всех происшествиях, в его ведении находились финансовые вопросы, через него осуществлялось повышение по службе или разжалование. Очевидно, что столь широкие полномочия необходимо было каким-либо образом ограничить, с одной стороны, чтобы создать меньше условий для возможного злоупотребления ими, и с другой стороны, для того чтобы несколько облегчить работу аппарата *сераскерата*. С этой целью был создан надзорный и консультативный орган, следивший за тем, как главнокомандующий исполнял свои обязанности. Этим органом являлся Высший военный совет (осм. دار شورا عسكرى / тур. Dâr-ı Şûrâ-yı Askeri).

Данный орган был создан в 1836 г. по указу султана Махмуда II. Он существовал не параллельно *сераскерату*, но являлся его структурной частью. В то же время, прямой его обязанностью было наблюдение и контроль над деятельностью

²⁷⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 69.

этого ведомства. В 1843 г. Высший военный совет был расширен, его структура была дополнена тремя новыми отделениями: отделом личных дел, отделом снабжения и финансовым отделением. Первоначально Совет состоял из 15 членов, секретаря и председателя. В состав Совета обязательно входил один гражданский служащий и один муфтий, представлявший духовенство. Все остальные члены являлись высшими офицерами османской армии. Среди обязанностей Высшего военного совета было регулирование армейской законодательной базы, уставов и войскового обучения. Как и весь *сераскерат*, Совет должен был быть в курсе нововведений в европейских армиях, их структурах и административных аппаратах. Однако вместо того чтобы отправлять закрепленных за Советом офицеров на стажировки в Европу, было принято решение создать при этом органе специальный переводческий отдел²⁷⁶.

Одной из главных обязанностей Совета являлось осуществление платежей при закупках всех необходимых для армии припасов: вооружения, оборудования, комплектов униформы. Командиры корпусов могли подать обращение в данный орган, обозначив нехватку определенных припасов, после чего Советом начинались поиски предприятия или поставщика, способного удовлетворить дефицит какого-либо оборудования или продукта²⁷⁷. Совет также контролировал качество поступающих в войска припасов, имел право проводить тендеры и выбирать подрядчиков, выплаты которым также осуществлялись через него. Кроме того, Совет собирал обращения военнослужащих касательно делопроизводства, получения жалования. Все решения и заключения, выносимые Советом, в обязательном порядке передавались сераскеру, а из его ведомства поступали также великому везиру²⁷⁸.

Следует отметить, что обращения к Совету не являлись обычной бюрократической формальностью. Они могли оказать влияние на положение военнослужащих. Например, в 1846 г. солдаты, расквартированные в Бейруте и его окрестностях, обратились за помощью в данный орган в связи с финансовыми трудностями

²⁷⁶ Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 6. S. 120.

²⁷⁷ Aksu C. Dâr-ı Şûrâ-yı Askeri (Kuruluşundan 1876 yılına kadar). Yüksek lisans tezi. Ankara, 2004. S. 79.

²⁷⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 70.

и плохими условиями размещения. Их обращение было принято, члены Совета вынесли решение направить военным дополнительными денежными средствами и построить в Бейруте здание под дополнительные казармы. Свое решение они передали Высшему юридическому совету, откуда оно поступило лично падишаху, одобрявшему предлагаемые меры, после чего были начаты все необходимые работы²⁷⁹.

Высший военный совет также должен был отслеживать меры, направленные на поддержание здоровья военнослужащих. С этой целью в 1866 г. по приказу сераскера была создана особая комиссия, состоявшая из высших офицеров и медиков. Каждые несколько месяцев, как правило, в зависимости от сезона она проверяла то, насколько удовлетворительно обеспечивалась чистота казарм, в каких условиях солдаты принимали пищу, как они заботились о своем здоровье. По результатам проверок комиссия предлагала либо новые меры, либо корректировку уже имеющихся, все это происходило в формате обсуждений на заседаниях Совета. Их итоги отправлялись *сераскеру*, который затем получал от Совета отчеты о приведении этих мер в исполнение²⁸⁰.

Количество членов Совета не было строго фиксированным. Обязательным было лишь наличие в его составе председателя и гражданских служащих наряду с военными. Председатель Высшего военного совета избирался голосованием всех его членов, после чего его должен был утвердить на посту султан, однако в этом вопросе также имело вес и мнение сераскера²⁸¹. Председатель регулировал функционирование Совета, формировал повестку дня к каждому его заседанию. Как правило на этом посту оказывался доверенный высший офицер, способный улаживать сложные вопросы финансового, военно-теоретического и юридического характера.

Количество гражданских и военных деятелей в составе Совета также не было строго определено. В первых заседаниях, проведение которых началось в 1837 г.,

²⁷⁹ Aksu C. Op. cit. P. 82.

²⁸⁰ Ibid.

²⁸¹ Ibid. P. 51.

участвовало 12 генералов и двое гражданских служащих. К 1843 г. количество членов снизилось до десяти человек, из которых двое являлись генерал-лейтенантами, двое – генерал-майорами, двое – полковниками, и четверо – гражданскими чиновниками. Тенденция к снижению числа военнотружущих в составе Совета продолжилась. Так, к 1861 г. общее число его членов увеличилось до 15 человек, из которых уже девять были гражданскими и только шесть – военными²⁸². Состав этого органа в последующие девять лет продолжал колебаться и насчитывал, как правило, от 9 до 21 человека. Стоит отметить, что осенью 1861 г. была предпринята попытка ограничить численность Совета 10 членами, однако она провалилась. При этом в дальнейшем орган начал увеличиваться: к 1873 г. его численность достигла 43 человек²⁸³. Члены Совета имели право сохранять за собой должности, занимаемые ими на момент вхождения в его состав. Например, сохранились сведения о генерале Галип-паше, ставшим членом Совета в 1865 г., и в том же году получившим должность в надзоре над деятельностью военных школ²⁸⁴. Значительная часть должностей в Совете не была постоянной, его состав мог меняться даже в течение одного года, однако в нём имелись также и несменяемые члены²⁸⁵.

Структура совета также неоднократно подвергалась реорганизации. Три отделения: личных дел, финансов и снабжения, были полностью реформированы в 1863 г. Их сменило управление по военным делам, управление по административным делам и управление по вопросам снабжения. Управление по военным делам заместило отделение личных дел и получило в свое ведение более широкий спектр вопросов. Его функционеры наблюдали за проведением военных операций, учений и любого рода маневров, к которым привлекались регулярные войска. Оно также отслеживало деятельность военных образовательных учреждений, работало с документацией и разрешало проблемы, возникавшие при проведении призывов на воинскую службу. Административное управление также получило часть функционала старого отделения личных дел, поскольку в его ведении оказались

²⁸² Aksu C. Op. cit. P. 61.

²⁸³ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 71.

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Ibid. P. 70.

вопросы, связанные с повышением и понижением военнослужащих в звании, а также с назначением на должности в различных военных ведомствах. Процедура выхода на пенсию также осуществлялась через это управление. Оно стало правовым центром османской армии, контролировало законность выносимых военными судами приговоров. Управление по обеспечению контролировало поставки и распределение всего необходимого имущества в войсках, отвечало за его замену в случае выхода из строя, проверку и утверждение в войсках новых образцов любого типа имущества. Закупки, контракты и связанные с ними проверки также были под его контролем. От этого управления регулярно назначались инспекции, контролировавшие положение дел на местах и собиравшие обращения, пожелания и жалобы со стороны военнослужащих²⁸⁶.

В том же году в составе Управления по военным делам было учреждено Высшее собрание, обязанностью которого была корректировка имевшихся законов и внесение новых. Оно также отслеживало все повышения военных в звании майора и выше, выносило приговоры за тяжкие преступления, контролировало закупки имущества на сумму более 50 тыс. курушей. Собрание собиралось раз в неделю, но могло быть созвано сераскером или председателем Высшего военного совета в любой необходимый момент²⁸⁷. Неизвестно, каким образом соотносился функционал Собрания с управлениями по военным и административным делам, поскольку между ними имелись явные пересечения. Однако, по всей видимости, Собрание представляло собой дополнительный орган контроля целевого использования выделяемых на нужды армии средств и законности выносимых решений о повышении или судебных приговорах.

Следующая попытка изменить устройство Совета была предпринята уже спустя три года, в 1866 г. Султаном было принято решение объединить Управления по военным и административным делам, что оставляло в Совете только два отделения. Однако очевидно, что такая мера привела к дополнительному усложнению работы Совета и бюрократической путанице, поскольку в 1870 г. сперва было

²⁸⁶ Aksu C. Op. cit. P. 69.

²⁸⁷ Ibid.

восстановлено изначальное разделение этого органа на три управления²⁸⁸, а к 1873 г. их число увеличилось. Три управления были дополнены ещё тремя новыми: Управлением по делам здравоохранения, судебным управлением, выделенным из отделений по военным и административным делам, и Управлением по делам артиллерийских войск²⁸⁹. Увеличение количества самостоятельных отделений в составе Совета объясняет причины достаточно существенного увеличения численности его членов. В целом же очевидно, что власти пытались создать наиболее оптимальную и эффективную, по их мнению, структуру данного органа. Следствием поисков таковой стало значительное количество его реформ, подчас весьма масштабных.

Помимо крупных отделений, определявших основные векторы деятельности Совета, при нем также был сформирован ряд комиссий и палат, имевших более узкую специализацию. Например, при Совете имелась строительная комиссия, состоявшая из шести человек. Она контролировала состояние всех строений, занимаемых военными служащими или военными ведомствами, организовывала инспекции и проверки, через неё осуществлялось выделение средств на ремонт зданий. Все результаты проверок и заключения о необходимости проведения ремонтных работ в обязательном порядке собирались у командиров подразделений и передавались секретарю. Если он одобрял проведение работ, то на местах также создавались комиссии, обязанные следить за их ходом²⁹⁰. Кроме нее имелась также пищевая комиссия, занимавшаяся вопросами снабжения военнoслужаших хлебом и мясом, а также следственная комиссия. Помимо них имелись также особые отделы, в ведении которых находились бюджет регулярных войск, все возможные описи, результаты проверок, записи о происшествиях, существовали отделы, контролировавшие те же самые вопросы, но уже в резервных войсках, а также отделы переводов²⁹¹.

Высший военный совет хранил сведения и контролировал в том числе и некоторые промышленные предприятия, поставлявшие свою продукцию в османские

²⁸⁸ Aksu C. Op. cit. P. 69.

²⁸⁹ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 71.

²⁹⁰ Ibid. P. 72.

²⁹¹ Ibid. P. 71.

войска. Например, он управлял кожевенной фабрикой, фабрикой в Ислимийе и Измите, седельной и шорной мастерской. Также под его контролем находились склады униформы, дровяные склады, склады с продуктами длительного хранения. Столь широкая номенклатура предприятий и складов, подконтрольных Совету, существовала до 1870 г. После этой даты в ведении Совета остались только склады с униформой и продуктами, а также шорная мастерская, остальные предприятия были переведены под контроль других ведомств²⁹².

Следует подчеркнуть, что Высший военный совет, безусловно, являлся важным органом командно-административного аппарата османской армии, под его контролем находились критически важные области функционирования военной машины. Однако его деятельность осуществлялась не параллельно работе *сераскера*, Совет не являлся противовесом по отношению к нему. Он также не имел полномочий влиять или отменять решения *сераскера*, никаким образом не ограничивал его полномочия в действительности. По своей сути это был консультативный орган. Главнокомандующий мог при необходимости обсуждать важные вопросы с членами Совета, но в своих решениях он был самостоятелен. Теоретически они могли быть отменены только в том случае, если сведения от Совета доходили до султана, и тот по каким-либо причинам считал их некорректными, однако в современных исследованиях и источниках подтверждений этому не находится.

Административная структура османской армии дополнялась третьим центром, ответственным за области планирования и проведения операций с привлечением войск, а также за состояние военно-теоретической базы армии. Этим центром являлся Генеральный штаб.

Генеральный штаб был основан в 1845 г., и его появлению предшествовала длительная работа по первичной перестройке командно-административного аппарата на европейский лад, а также последующая отправка османских офицеров в Европу для получения современного военного образования. Именно из этих военно-служащих по их возвращении был создан штаб. Первоначально он состоял из 27

²⁹² Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 71.

человек²⁹³. Генеральный штаб также являлся органом, подконтрольным *сераскерату*, а его служащие, включая начальника штаба, во всем подчинялись главнокомандующему. Офицеры штаба координировали войска при подготовке учений, сборов и боевых операций, однако до 1860 г. основной задачей этого ведомства являлась подготовка карт различных регионов империи.

Полноценный регламент, закрепивший основные обязанности Генерального штаба, был издан лишь в 1864 г. Важность этого документа заключается в том, что он распространил штабную структуру на все корпуса османской армии, что способствовало ее централизации и усилению контроля. При каждом корпусе должен был быть сформирован штаб, состоявший из одного генерал-лейтенанта, одного генерал-майора, одного подполковника, восьми майоров и одного капитана – всего 12 человек. При *сераскерате* также было создано Центральное управление генерального штаба, состоявшее из одного генерал-лейтенанта, шести генерал-майоров, шести подполковников, сорока восьми майоров и капитанов, суммарно из 61 человека²⁹⁴.

Обязанностями Генерального штаба стало ведение описей всех припасов, предназначавшихся армии, обеспечение организованности воинских подразделений во время войны, приготовление экзаменационных бумаг для высших военных учебных заведений. Кроме того, Генштаб выполнял широкий спектр работ, связанных с топографией, фотографией местности, разведкой, руководил работами по постройке зданий, дорог и мостов, занимался переводом военных документов и литературы других государств на османский язык. Штаб также проводил разбирательства с дезертирами, вел записи всех нововведений, которые осуществлялись в ходе реформ, издавал сборники законов и печатал военную прессу, а также хранил карты Османской империи и весь необходимый для их изготовления инструментарий²⁹⁵.

Общая численность штаба по штату должна была составлять 127 человек. Однако на момент его формирования удалось заполнить только 54 места. По этой

²⁹³ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 73.

²⁹⁴ Ibid. P. 74.

²⁹⁵ Ibid.

причине численность штабов при армейских корпусах была сокращена всего до пяти человек, а численность главного управления – до 24 человек. Для полноценного насыщения кадрами армейского штаба планировалось дождаться окончания обучения османских офицеров в Европе и собственной Военной академии. Целью было завершить формирование штаба в срок 4-5 лет. Однако обучение квалифицированного офицера занимало пять лет, а объёмы выпусков каждый год были весьма скромными. В 1866 г. было выпущено 16 офицеров, в 1868 – 12, в 1869 – 10 человек. Намеченной численности удалось достичь только к 1876 г.²⁹⁶

Наконец, с 1872 г. одной из важнейших обязанностей Генштаба стала отправка офицеров за рубеж. Формально этим занимался *сераскерат*, однако все необходимые для этого процедуры выполнял штаб. Так, в 1875 г. благодаря его усилиям удалось отправить на обучение семерых капитанов: один был отправлен в Париж, один в Санкт-Петербург, один в Вену, двое в Лондон и двое в Берлин²⁹⁷.

Таким образом, центром всего командного аппарата османских вооруженных сил являлся *сераскерат*. Под его контролем были все аспекты жизни армии, вплоть до фундаментальных принципов устройства всех родов войск. Однако одно ведомство не могло эффективно разрешить все возникавшие проблемы, поэтому оно было дополнено Высшим военным советом и Генеральным штабом. Вместе они образовали сложную и разветвленную систему, обеспечивавшую централизованное хранение, обработку и управление всеми видами сведений, относившихся к организации вооруженных сил, включая учет личного состава, вооружения, инфраструктуры, транспортных коммуникаций, материально-технического обеспечения и уровня подготовки военнослужащих – всё, от обеденного перерыва солдата до учебника, по которому его обучали. Впрочем, несмотря на весьма широкие полномочия этих военных ведомств, главным среди них оставался *сераскер*. Высший военный совет в большей степени был консультативным органом, а Генштаб – исполнительным. В сложившейся административной иерархии выше *сераскера* был только султан, по указанию которого главнокомандующий мог каким-либо

²⁹⁶ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 75.

²⁹⁷ Ibid. P. 76.

образом изменять устройство армии. В конечном счете, именно султан имел определяющее влияние на состояние вооруженных сил.

Все данные ведомства располагались в Стамбуле. Однако помимо них имелись также и командные центры на местах, разбросанные по всей территории Османского государства. Без них армейские корпуса не могли сохранять организованный вид, они также были залогом поддержания контроля над подразделениями из центра.

О появлении таких командных пунктов возможно говорить только после распределения вооруженных сил империи на пронумерованные округа. Служащие данных командных центров достаточно часто параллельно исполняли в том числе и обязанности гражданской администрации, несмотря на то что сами они являлись военными. Как правило, командирами на местах назначались генерал-лейтенанты, под управлением которых должен был находиться один генерал-майор, полковник и подполковник. Штаб местного командования обычно состоял из пяти-десяти человек.

Одной из его обязанностей было проведение регулярных собраний, целью которых было отслеживание и контроль ситуации в округе. Там же обсуждались результаты работы центра, в обязанности которого входило также ведение бухгалтерии, осмотр медицинских учреждений и выполнение приказов, направленных из сераскерата. При проведении собраний обязательным являлось присутствие минимум одного представителя Генерального штаба в звании от генерал-майора и выше, одного гражданского служащего (как правило, бухгалтера), одного представителя медицинской службы из числа военных, а также двух полковников и одного подполковника от пехоты и кавалерии. Это должно было обеспечить вовлеченность в решение административных вопросов представителей всех служб и родов войск. Но следует отметить, что необходимость присутствия полковников и подполковников довольно часто игнорировалась, так что в 1873 г. был издан отдельный приказ, в соответствии с которым их наличие являлось обязательным.

В случае, если в ходе заседания совета возникала какая-либо проблема, относительно которой не удавалось прийти к консенсусу, заводилось специальное дело,

где также фиксировались все обстоятельства и предложения различных сторон, после чего ее отсылали в Высший военный совет. Подобные вопросы, таким образом, решались на более высоком уровне, а необходимые меры в виде приказов передавались командованию на местах.

Одной из крайне важных обязанностей местного командования являлось проведение переписей населения. В целом, её проведение представляло собой объективную необходимость, поскольку переписи обеспечивали командиров информацией обо всех мужчинах, подлежащих службе по призыву, либо в военное время. Однако они не ограничивались переписью одних только мужчин и формировали списки, в которые входили также женщины и дети, что позволяло отслеживать в том числе демографическую ситуацию в округе. Подобные переписи были составлены, например, в мае 1864 г. в зонах ответственности Первой, Второй, Третьей и Четвертой армий²⁹⁸.

Организация местных командных центров была неотъемлемой частью мероприятий по формированию упорядоченной структуры османских вооруженных сил. Они структурировали функционал всех воинских подразделений, а также обеспечивали стабильную связь с центральными военными ведомствами. При этом во многих регионах можно было наблюдать переход гражданских административных полномочий к военным командирам. Стоит обратить внимание на то, что на более ранних этапах формирования структуры вооруженных сил имели место случаи, когда гражданские служащие, например, губернаторы получали военные полномочия. С течением времени и продолжением преобразований ситуация изменилась с точностью до наоборот. Подобное совмещение властей и полномочий привело к тому, что жизни армии и общества оказались тесно сплетены друг с другом, и армейские штабы превращались не только в органы военного управления, но также и в архивы, содержавшие достаточно широкий спектр данных не только об армейском корпусе, но и о жизни в регионе в целом. Это обусловлено тем, что в штабах

²⁹⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 78.

хранились сведения о численности и составе населения и о местной гражданской инфраструктуре.

Очевидно, что такая информация была крайне ценной для армии с точки зрения пополнения живой силой, без чего она не могла функционировать. В первую очередь основным механизмом пополнения являлся призыв на срочную службу, обязательный для всех граждан Османской империи мужского пола. От законов, его регулировавших, зависел состав и состояние рекрутов. Также одной из важных сторон взаимоотношений между армией и гражданским обществом являлось восприятие службы гражданами и их готовность её проходить в соответствии с законом.

1.4 Военная обязанность в Османской империи: законодательная база и общественное восприятие

Несмотря на то, что обновлённая османская армия начала свою историю в 1826 г., в течение двадцати лет с момента её образования власти не принимали никаких законодательных актов, каким-либо образом регламентировавших отбор рекрутов и добровольцев для вооружённых сил²⁹⁹. В то же время необходимость такого рода указов была очевидной, поскольку одной из главных проблем, с которой столкнулись войска, являлась нехватка личного состава.

Безусловно, отсутствие единого механизма пополнения армейских подразделений не означало, что наборы в войска вовсе не проводились в течение длительного срока до принятия необходимых законов. Рекруты набирались, но процедуры были не упорядоченными и не имели каких-либо четких критериев. Как правило, ответственные за наборы руководствовались собственными положениями,

²⁹⁹ Şimşek V. The First “Little Mehmeds”: Conscripts for the Ottoman Army // Osmanlı Araştırmaları. 2014. XLIV. P. 274.

содержавшими минимальный набор правил и параметров, которым должен был соответствовать рекрут. Эти положения были отдельными для каждого полка и могли отличаться друг от друга весьма существенным образом. Критерии, как правило, оставались достаточно размытыми, набирали юношей и мужчин в возрасте от 15 до 30 лет, точного срока службы также не имелось, но он составлял минимум 12 лет³⁰⁰. Процедура набора также не регламентировалась нормативными актами и характеризовалась отсутствием унифицированных стандартов. Однако имелись случаи внедрения призыва по жребию командирами некоторых подразделений за несколько лет до того, как эта система стала всеобщей и обязательной на законодательном уровне. Впрочем, в конце 1820-х и 1830-х гг. она не была распространена широко, и её использование полностью зависело от решения местного командира³⁰¹.

Более частыми были случаи бесконтрольных наборов без какого-либо внимания к состоянию рекрутов. Например, сохранилась информация о ряде инцидентов в ходе наборов в 1838 г. на территории Стамбула, в районе Ускюдар. Некий рекрутер по имени Ахмед Ага, предположительно, хватал и готовил к отправке в войска каждого встречного мужчину, в том числе студентов и женатых. Более того, он связывал им руки, что вызвало широкое недовольство местного населения. Впоследствии, однако, эти сообщения дошли до командования, и Ахмед был уволен³⁰². Этот случай показывал, сколь необходимо было создать законодательную базу для набора в армию. Также не было редкостью присутствие в войсках значительной доли мужчин, по состоянию здоровья непригодных к службе, страдавших тяжелыми недугами, порой даже инвалидов, а также подростков в возрасте до 15 лет³⁰³. Гельмут фон Мольтке в своем письме от 15 июня 1838 г. отмечал, что главной проблемой рекрутских наборов являлось неравномерное их распределение и

³⁰⁰ Heinzelmann T. Op. cit. P. 20.

³⁰¹ Ibid. P. 21.

³⁰² Şimşek V. Op. cit. P. 276.

³⁰³ Ibid. P. 281.

длительный срок службы, из-за чего мужчины старались дезертировать при первом удобном случае, невзирая на последствия³⁰⁴.

Свидетельства того, что попытки разработать механизм призыва на службу предпринимались, были продемонстрированы при объявлении Гюльханейского *хатт-и шерифа* 3 ноября 1839 г. Значительная часть этого документа была посвящена военной составляющей будущих преобразований. Начальный этап реформ Танзимата закрепил воинскую обязанность османских подданных, отметив её как гражданский долг по защите родины. Эдикт также содержал более подробную информацию о том, какие реформы предполагалось провести в области набора на военную службу. Планировалось привлечь на службу всех граждан империи мужского пола, вне зависимости от их вероисповедания³⁰⁵. Вместе с тем признавалось, что из-за отсутствия единого свода правил призыва происходило множество случаев произвола, злоупотреблений и несправедливости по отношению к рекрутам, например, призыва тех, кто ему не подлежал, и подчеркивалась необходимость исправления сложившейся ситуации. Также отмечалось, что неконтролируемый набор в армию наносил ущерб экономике государства, в первую очередь торговле и сельскому хозяйству. Отмечалось, что из-за отсутствия четких сроков службы в войсках, она воспринималась населением как своего рода наказание, поскольку считалось, что рекрутов забирали в армию на всю жизнь. Была поставлена цель создать справедливый закон, в соответствии с которым ограничить службу можно было более разумным сроком в четыре-пять лет³⁰⁶.

Однако необходимо отметить, что положения *хатт-и шерифа* не имели силы законодательного акта и не являлись полноценным сводом правил по призыву на службу, поэтому практика бесконтрольного набора была продолжена, что грозило вероятным социальным взрывом. Султан Абдулмеджид I осознавал необходимость скорейшего установления закона в этой области, по его приказу документ стал прорабатываться. В составлении участвовали командующий гвардией, в то время

³⁰⁴ Письма о событиях и приключениях в Турции... С. 69.

³⁰⁵ Aksan V. Op. cit. P. 166.

³⁰⁶ Ayın F. Tanzimat'tan sonra askeralma kanunları. Ankara, 1994. S. 8.

бывшей самостоятельной, и сераскер, привлекались также везиры, члены духовенства и местные командиры. Результаты их совещаний, переговоров и предложений были сведены воедино и отправлены на рассмотрение султану, результатом чего стал указ об организации службы от 8 сентября 1843 г. Он был опубликован в выпуске газеты «Таквим-и Векаи» от 18 сентября 1843 г. Указ состоял из двух частей, первая являлась обращением султана, вторая содержала суть нововведений. Вновь подчеркивалась необходимость военных реформ, особенно в области призыва на службу, в очередной раз повторялись заявления, прозвучавшие в 1839 г. Однако указ содержал и фактические предписания: система набора рекрутов по жребию в каждом из пяти военных округов становилась официальной и обязательной, длительность службы в регулярной армии была ограничена пятью годами, длительность службы в резерве – семью годами. Также документ закреплял процедуру перехода солдат, выслуживших срок в регулярных войсках, в резерв³⁰⁷.

Формально указ становился обязательным к исполнению со дня его публикации, но фактически это было невозможно из-за того, что не удалось провести перепись населения и определить число участвующих в жеребьевке, посредством которой осуществлялся призыв. Армейское командование могло полагаться только на результаты переписи 1831 г., то есть, на данные, которым на тот момент было больше десяти лет. Кроме того, точность этих результатов была приблизительной. Например, в Стамбуле и окрестностях перепись охватила 90% населения, на такие данные возможно было полагаться. Однако в округе Румелийской армии переписью было охвачено не более 24% населения, в округе Анатолийской – 27%, а в округе Аравийской армии – менее 5%³⁰⁸. Очевидно, что по данным такой переписи невозможно было осуществить набор в армию. Султан Абдулмеджид приказал провести новую перепись, однако это был длительный процесс, требовавший подготовки, и отсутствие данных о населении привело к откладыванию необходимых военных преобразований. Особенно затруднительно было осуществить это мероприятие в арабских провинциях. Такая задача была поставлена перед *мюширом*

³⁰⁷ Takvim. 1843. Defa 258. S. 2.

³⁰⁸ Heinzelmann T. Op. cit. P. 22.

Пятой армии в 1846 г., однако он был вынужден скрывать цель своих действий от населения, опасаясь активного вооруженного сопротивления. Кроме того, несмотря на то, что призыв должен был затрагивать всех мужчин вне зависимости от их социального статуса, среди рекрутов, набираемых на территориях арабских провинций, не было ни одного сына племенного вождя или иного высокопоставленного лица. Качество рекрутов из этих регионов часто признавалось неудовлетворительным, а их лояльность вызывала вопросы у османских генералов³⁰⁹.

Отсутствие своевременно подготовленных списков мужчин, подлежащих призыву, а также критериев отбора привело к тому, что в 1844 г. набор снова был проведен со множеством нарушений. Ответственные за набор в регионах задерживали всех, кто находился в призывном возрасте, и вынуждали тянуть жребий. При этом каких-либо установленных правил проведения жеребьёвки на тот момент не существовало, что также приводило к злоупотреблениям и отправке в войска тех, кто этому не подлежал³¹⁰. В условиях нехватки людей власти были вынуждены пойти даже на возвращение в регулярную армию уже отслуживших в ней резервистов, что противоречило как уставу *редифа*, так и новому закону о службе³¹¹. Это коснулось в том числе и некоторой части иррегулярных войск, в период с 1842 по 1845 г. более 20 тыс. албанцев, ранее записавшихся в *башибозуки*, были интегрированы в регулярную армию³¹². Власти при этом шли на крайне жёсткие меры, чтобы обеспечить контроль над боснийцами и албанцами, было приказано брать их семьи в заложники и держать в различных османских крепостях³¹³. Необходимость скорейшей подготовки законодательной базы наборов становилась все более острой.

Разработка более детального закона была поручена Высшему военному совету, который затем передал свои наработки Высшему совету юридических установлений. Результаты обсуждений и работы были затем вручены султану,

³⁰⁹ Hacısalıhoğlu M. Op. cit. P. 269.

³¹⁰ Aym F. Op. cit. P. 11.

³¹¹ Şimşek V. Op. cit. P. 277.

³¹² Heinzelmann T. Op. cit. P. 23.

³¹³ Şimşek V. Op. cit. P. 279.

одобrivшему законопроект. Так, в 1846 г. был издан первый масштабный закон, регламентировавший правила прохождения воинской службы, а также все критерии и процедуры призыва на неё. Документ содержал шестьдесят четыре пункта и был поделён на пять разделов, он распечатывался большим тиражом и рассылался во все командные пункты армейских подразделений³¹⁴.

В разделе общих положений вновь отмечалась обязательность воинской службы для граждан Османской империи, однако на этот раз закон подчеркивал, что это касалось только мусульманского населения. Призыв на службу осуществлялся методом жеребьёвки, проводившейся один раз в год. Призыву подлежали мужчины в возрасте 20-25 лет. Прохождение службы осуществлялось на территории военного округа, где была дислоцирована одна из пяти созданных на тот момент армий. Количество мужчин, которое необходимо было набрать из каждого населенного пункта, подсчитывалось заранее. Лица, находившиеся вне своих родных пунктов по причине обучения, ведения торговли или иной деятельности, проходили жеребьёвку по месту фактического пребывания, им не обязательно было приезжать в место рождения. В каждом населенном пункте в обязательном порядке должен был быть создан военный комиссариат. При нём обязательно должен был находиться старший офицер в звании не ниже майора. Также требовалось наличие полкового имама для проведения экзамена у тех, кто получал образование и претендовал на отсрочку. В случае, если имам отсутствовал, можно было привлекать гражданских служащих или местных имамов. Также необходим был писарь для ведения протоколов и лейтенант, либо сержант для обеспечения явки на жеребьёвку тех, кто подлежал призыву. В формировании призывной комиссии участвовали местные гражданские власти (например, председателем являлось главное административное лицо) и военные, которые делегировали офицера, писаря, врача и представителя духовенства. Администрация следила за тем, чтобы процедура проводилась в строгом соответствии с законом³¹⁵.

³¹⁴ Аым F. Op. cit. P. 12.

³¹⁵ Heinzelmann T. Op. cit. P. 23.

О проведении жеребьевки сообщалось заранее. Мужчины, не явившиеся на нее, подлежали немедленной отправке в войска, без вытягивания жребия. При этом их имена вычеркивались из общих списков во избежание набора сверх установленной меры. Тем, кому выпал жребий идти на службу, предоставлялось 20 дней на то, чтобы попрощаться с родными и завершить свои рабочие дела. По истечении данного срока они были обязаны явиться в призывной центр своего населенного пункта для отправки в войска. Призывники, сбежавшие до процедуры жеребьевки, в случае поимки подлежали отправке в войска. Тем же, кто сбежал уже после процедуры, назначалось дополнительное наказание в виде 60 ударов палкой. В случае, если человек укрывал у себя беглого призывника, и кто-то доносил об этом властям, то укрывавший обязан был выплатить доносчику часть суммы налогов, выплачиваемых за год, как правило, до 120 курушей. Также комиссии предписывалось отправлять призывников в подразделения, расположенные как можно ближе к их местам жительства³¹⁶.

Законом определялись в том числе категории лиц, освобождавшихся от призыва. Это касалось части жителей Стамбула, тех, кто проживал в районах Галаты, Ускюдара и Эйуба³¹⁷. Освобождение распространялось на преподавателей в медресе, служащих диванов, муфтиев, шейхов, действующих имамов и муэдзинов. Учащиеся медресе для получения отсрочки должны были сдать экзамен, она предоставлялась в случае успеха. Если экзамены успешно сдавались в течение шести лет, то такого мужчину власти более не имели права призывать на воинскую службу любого рода. Кроме того, на службу не призывались единственные сыновья родителей, чей возраст превышал 70 лет, отсрочка предоставлялась в случае, если второму ребенку в такой семье было меньше 15 лет. Отсрочку также получали те, кто на момент призыва был болен, травмирован или недееспособен по какой-то иной причине. Если в семье было два сына, то на службу отправлялся только один. В случае, если в семье было несколько сыновей, из которых минимум двое отправились на службу и погибли, находясь в армии, то оставшегося сына не забирали.

³¹⁶ Аым F. Op. cit. P. 14.

³¹⁷ Heinzelmann T. Op. cit. P. 24.

Также освобождались от службы мужчины, страдавшие тяжелыми физическими заболеваниями или душевными расстройствами³¹⁸.

Отсрочку на год получали также те, кто подлежал призыву, поучаствовал в жеребьевке, но вытянул жребий остаться. Такие мужчины были обязаны принять участие в следующей процедуре в случае, если они не перейдут в разряд тех, кому полагалась более длительная отсрочка, либо освобождение от службы. В случае, если призывник каждый год до достижения 26-летнего возраста участвовал в жеребьевке, но так и не вытянул жребий отправиться на службу, его записывали в *редиф* на семь лет, в регулярных войсках он не служил. То же касалось и призывников, которых по ошибке не отправляли в войска. Только учащиеся медресе в случае успешной сдачи экзаменов в течение шести лет полностью освобождались от службы и не записывались даже в *редиф*³¹⁹.

Закон 1846 г. предусматривал в том числе возможность откупиться от службы. Это объяснялось тем, что могли быть люди, занятые в торговле, либо каким-либо ремеслом, и у них не было возможности передать кому-либо управление своим делом на время их отсутствия. В то же время оно могло не выдержать пятилетнего простоя, что грозило ущербом местной экономике. Чтобы этого избежать, власти предусмотрели два легальных механизма освобождения от воинской повинности: первый заключался в выплате определенной суммы денег, однако законом она не устанавливалась. По всей видимости, она определялась на месте. Второй способ заключался в отправке добровольца вместо того, кого изначально должны были призвать. Для того, чтобы воспользоваться одной из этих возможностей, необходимо было соответствовать ряду критериев. Человек, собиравшийся откупиться деньгами, должен был быть достаточно состоятельным для того, чтобы выплатить требуемую сумму, не прибегая к продаже своего имущества, например, сада, поля или дома. Если человек собирался отправить кого-то вместо себя, то этот альтернативный рекрут должен был быть в возрасте от 25 до 30 лет. Он должен был не иметь медицинских противопоказаний к службе. Также он не должен был ранее

³¹⁸ Ayın F. Op. cit. P. 15.

³¹⁹ Şimşek V. Op. cit. P. 276.

проходить службу в *низаме* или *редифе*. Кроме того, он должен был проживать в том же военном регионе, что и тот, кто отправлял его вместо себя. Отправляемый в качестве откупа должен был быть белым – арабы и чернокожие не принимались³²⁰. Эта деталь особенно примечательна, поскольку до принятия этого закона отправка в войска негроидов допускалась, и такие случаи были зафиксированы, например, в Кайсери, где состоятельные граждане посылали вместо себя в армию представителей негроидной расы из числа невольников³²¹. Он также должен был не иметь криминального прошлого, его репутация должна была быть хорошей. На поиски добровольца предоставлялось три месяца. При этом в случае дезертирства рекрута, отправленного в качестве замены в течение одного года, тот, кто его отправил, обязан был в трёхмесячный срок представить нового кандидата на военную службу, либо лично приступить к исполнению соответствующей обязанности. Если такой человек сбегал спустя более, чем год, то замену ему не требовали. Вне зависимости от срока пребывания в войсках, в случае смерти человека, отправленного вместо кого-либо, отправлять нового кандидата не требовалось. Кроме того, важнейшим условием такой замены являлось добровольное желание отправлявшегося в армию человека выступить в такой роли, насильно отправить кого-либо в армию с законодательной точки зрения было невозможно. После пяти лет в *низаме* такие служащие подлежали переводу в *редиф* на общих основаниях³²².

За три месяца до проведения призыва комиссия начинала изучать переписи населения, чтобы выявить призывников, из которых затем формировался собственный список. Затем высчитывалось, какое количество мужчин требовалось набрать войска в целом, после чего это число делилось на то количество призывников, которое требовалось от каждого конкретного населенного пункта. Также расписывался план призыва для каждого полка. Все эти записи сперва изучались и сверялись армейским командованием на местах, затем они передавались *мюширу* округа, а потом отправлялись в *сераскерат*. *Сераскер* передавал их Высшему военному

³²⁰ Ayın F. Op. cit. P. 16.

³²¹ Heinzelmann T. Op. cit. P. 21.

³²² Ayın F. Op. cit. P. 17.

совету, а тот после изучения в ведомство великого везира. После этого готовые документы рассылались администрациям населенных пунктов.

Члены призывной комиссии прибывали на места проведения мероприятий по призыву за 20 дней. При этом их снабжали дорожным жалованием, взимать любые виды податей с местного населения им запрещалось. В случае если кого-то из членов комиссии не удавалось найти, замещающий его чиновник назначался прямо из столицы. Также заранее местному населению объявлялась дата проведения процедуры, с целью обеспечения явки призывников. Члены комиссии предъявляли местным властям все необходимые документы и зачитывали указ о проведении призыва. Затем они сверяли имевшиеся у них данные о населении с данными администрации и с фактически присутствовавшими призывниками для выявления тех, кто отсутствовал или сбежал. После этого рекруты проходили медицинский осмотр, учащиеся сдавали экзамен, и затем начиналась сама процедура призыва³²³.

Она выглядела следующим образом: к примеру, в населённом пункте проживало 100 мужчин, по параметрам годных к службе и подлежащих призыву. Накануне процедуры комиссия готовила 100 листков бумаги с именами призывников. Эти листки помещались в отдельный мешочек. Затем готовилось еще 100 листков бумаги. Если, например, планировалось набрать из данного пункта 50 человек, то на 50 листках писалась фраза «я стал солдатом». Если допустить, что перед процедурой пятеро решили сбежать, то их немедленно вычеркивали из списков и записывали в солдаты, а данную фразу писали на 45 листках. Остальные оставались пустыми. Эти листки бумаги также клались в отдельный мешочек. В день проведения жеребьевки мешочек с именами передавался представителю духовенства, а мешочек с листками с надписями и без – призывной комиссии. Все листки перемешивались. Затем муфтий запускал руку в мешочек, доставал листок и вслух читал имя, написанное на нем. Призывник, чье имя назвали, перед лицом комиссии подходил к другому мешочку с бумагой и наугад вытаскивал оттуда листок. Если на нём было написано «я стал солдатом», то комиссия отмечала, что призывник вытянул свой

³²³ Аум F. Op. cit. P. 18.

жеребий. Если листок оказывался пустым, то ему предоставлялась отсрочка на год, до следующей жеребьевки. По завершении процедуры желавшим заменить выполнение обязательства финансовой компенсацией давалось на это 20 дней, остальным этот срок отводился на подготовку к службе³²⁴. Впрочем те, кто хотел откупиться, имели право это сделать даже начав службу, в течение первых трех месяцев³²⁵.

Согласно закону, на службу можно было отправиться добровольцем. Для этого необходимо было удовлетворять нескольким критериям: быть годным по состоянию здоровья, подходить по возрасту – от 18 до 32 лет и не иметь проблем с законом³²⁶.

Закон 1846 г., таким образом, стал тем документом, которого уже в течение длительного времени не хватало османским вооруженным силам. Он регламентировал процедуру набора рекрутов до мельчайших подробностей и мог способствовать унификации этой процедуры, а также снижению числа случаев произвола.

Однако его принятие вовсе не означало единовременного решения всех проблем империи с набором на службу. В 1846 г. призыв по новым правилам состоялся отнюдь не во всех регионах государства. Он был проведён лишь в Западной и Центральной Анатолии и *эйалете* Эдирне. В 1847 г. новая система была распространена также на округ Румелийской армии, то есть, на европейские территории империи. В 1848 г. наборы по новым правилам были проведены в округе Анатолийской армии, на территории Восточной Анатолии и северо-восточной части Месопотамии, включая Мосул. Однако самым проблемным оставался округ Аравийской армии, включавший в себя Сирию, Палестину, Мараш, Адану и Урфу. Первый полноценный призыв посредством жеребьевки в нём состоялся только в 1849-1850 гг³²⁷. Первый призыв по правилам в масштабах всей Османской империи был объявлен только в 1862 г.³²⁸, однако на территории Пятой армии он оказался

³²⁴ Tunalı A.C. Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839-1876). Doktora tezi. Ankara, 2003. S. 125.

³²⁵ Zürcher E.J. The Ottoman Conscription System, 1844-1914. // International Review of Social History. 1998. № 43. P. 441.

³²⁶ Aydın F. Op. cit. P. 19.

³²⁷ Heinzelmann T. Op. cit. P. 25.

³²⁸ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 146.

неудачным. Таким образом, на арабских территориях империи успешно провести набор достаточного числа рекрутов в армию в период с 1846 по 1866 г. удалось только один раз³²⁹.

Ситуация усложнялась тем, что местные власти и армейское командование не имело четких инструкций относительно призыва на службу немусульманской части населения, и закон 1846 г. не содержал никаких указаний на этот счет. При этом стоит отметить, что христианские подразделения в новой османской армии на тот момент уже были не в новинку. В 1826 г. в регулярных кавалерийских войсках появился казачий полк, сформированный в Добрудже и состоявший из христиан, а в 1835 г. был проведен набор среди немусульман на службу во флоте³³⁰. Однако эти контингенты не были многочисленными и не решали глобальной проблемы привлечения немусульман на службу. С одной стороны, реформы Танзимата закрепили всеобщее равенство в правах между мусульманами и представителями иных конфессий³³¹, а кроме прав имелись в том числе и обязанности, в число которых входила также воинская служба, формально считавшаяся общим долгом для всего мужского населения империи. Однако как немусульмане не горели желанием идти служить в войска, так и мусульманское население империи не было готово служить в одном подразделении с иноверцами. По этой причине было решено ограничить вовлеченность немусульман в военную службу набором ограниченного контингента для прохождения службы на флоте³³². Однако проблема не сходила с повестки дня. В 1850 г. был представлен драфт указа, согласно которому предлагалось сформировать отдельные подразделения из христиан. К 1854 г. планировалось набрать 3.5 тыс. человек, а затем постепенно повышать его до 25 тыс. человек, что позволило бы существенно сократить численность, а следовательно, и потери мусульманского населения в османской армии³³³.

³²⁹ Heinzelmann T. Op. cit. P. 25.

³³⁰ Ibid. P. 27.

³³¹ Engelhardt É. Op. cit. P. 4.

³³² Aym F. Op. cit. P. 21.

³³³ Engelhardt É. Op. cit. P. 62.

Следует признать, что в данном проекте имелось рациональное зерно, однако проблема, связанная с нежеланием немусульман отправляться в армию и нежеланием мусульман служить вместе с представителями иных конфессий, сохранялась и была далека от разрешения. Османские генералы не доверяли христианам и считали, что если создать из них отдельные подразделения и вооружить их, то они могли обратить его против османов. Такое недоверие препятствовало привлечению их на службу, однако, полагаясь только на мусульман, Османская империя лишалась возможности задействовать для нужд безопасности примерно половину своего населения. Комплектование армии одними мусульманами приводило к тому, что представители этой категории населения испытывали больше проблем и лишений, поскольку хозяйства мусульман страдали от отсутствия должного управления в случае, если хозяин отправлялся на службу. Боевые потери тоже касались только мусульманского населения, что в результате оборачивалось постепенным его сокращением. В целом, проблема немусульман в османской армии оставалась дискуссионной, и решить её так и не удалось³³⁴.

Некоторые современные авторы полагают, что после того как дискуссии на этот счет среди османских генералов зашли в тупик, попыток распространить обязательную службу на немусульман больше не предпринималось, зато для них был введён новый налог, взимавшийся в качестве замены военной службы. Он был введён вместо *джизьи*, сохранение которой противоречило духу реформ Танзимата, однако власти при этом стремились сохранить механизмы пополнения казны. Следует подчеркнуть, что сумма откупа от службы для не мусульман была эквивалентна *джизье*, что может служить подтверждением этой гипотезы³³⁵. Последующие законы о призыве полностью игнорировали немусульманское население, которое, будучи номинально обязанным служить вместе с остальными османскими гражданами, стало одним из важных источников дохода для государственного бюджета³³⁶.

³³⁴ Heinzelmann T. Op. cit. P. 27.

³³⁵ Hacısalıhoğlu M. Op. cit. P. 273.

³³⁶ Heinzelmann T. Op. cit. P. 27

Существенные изменения армейской структуры, произошедшие в результате проведения реформ 1869 г., потребовали обновления законодательной базы призывов, особенно ввиду дополнения категорий *низам* и *редифа мустахфизом*. Новый закон был подготовлен при активном участии *сераскера* Авни-паши и был издан 18 августа 1869 г. От версии 1846 г. он отличался тем, что вводил категорию *ихтията*, ввиду чего срок службы в *низаме* был сокращен до четырех лет. Срок пребывания в *ихтияте* составил два года, и таким образом общее время в регулярной армии было увеличено на год, до шести лет. Однако у служащих *ихтията* появилась возможность на полтора месяца уезжать в родные места при условии уведомления о своем пребывании местного командования *редифа*. В течение этого времени им позволялось вести гражданскую деятельность и жениться, они также могли покидать свой регион на срок до 15 дней. Однако отпуск предоставлялся не всегда, если имелась потребность в большем количестве солдат в *низаме*, то он мог быть отменен. После службы в *низаме* и *ихтияте* военнотружущие переводились в *редиф* сроком на шесть лет, которые делились на три года в призыве первой категории и три года во второй. Затем они направлялись в *мустахфиз* ещё на восемь лет, общий срок службы, таким образом, составлял 20 лет³³⁷.

Закон 1869 г. был вновь переработан и дополнен в течение следующего года, новая версия была опубликована 8 марта 1870 г. Во многом он повторял положения 1846 г. с дополнениями 1869 г. Все основные процедуры, состав и правила формирования комиссий, а также призывной возраст остались неизменными. Минимальные изменения коснулись списков лиц, которым полагалась отсрочка и освобождение от службы, этот перечень был дополнен новой статьей, в соответствии с которой не призывались в армию мужчины, занятые в сфере медицины. При этом был добавлен другой пункт, в соответствии с которым призывника, не явившегося на процедуру жеребьевки, в любом случае забирали в армию, даже при наличии у него причины для отсрочки, это не касалось только тех, кто страдал от каких-либо заболеваний. На освобождение по состоянию здоровья не могли претендовать только

³³⁷ Аум F. Op. cit. P. 23.

те, кто целенаправленно нанёс себе увечье. Изменения коснулись условий для добровольцев, верхняя граница возраста составила 40 лет, также добровольно пойти на службу могли те, кто уже прошел ее ранее³³⁸.

Возможность откупа была сохранена, однако закон уточнил сумму для тех, кто желал откупиться деньгами, она составляла 15 тыс. курушей. Кроме того, откупиться стало возможным не только в момент призыва, но и в любое время на службе, внеся требуемую сумму в полковую казну³³⁹.

Очевидно, что несмотря на все старания властей регулировать наборы в армию, пресекать злоупотребления и улучшать условия жизни в армии, население не слишком позитивно восприняло введение обязательной службы. Безусловно, имелось некоторое количество людей, поступавших в войска добровольцами, они происходили в основном из низших слоев общества и шли туда, поскольку могли рассчитывать на небольшое ежемесячное жалование, бесплатную еду и кров, а также на вероятное повышение по служебной лестнице. Однако таких граждан было слишком мало, чтобы удовлетворить все увеличивавшиеся нужды военной машины в людях. Остальное же население воспринимало службу как приговор, длительные годы работы без возможности демобилизоваться, а порой и на короткое время отлучиться, оно осознавало также все опасности и тяготы военной службы³⁴⁰. Как правило, если юношу или мужчину забирали в армию, то его семья считала его погибшим, поскольку было неизвестно, спустя какое время он мог вернуться³⁴¹. Закономерной реакцией стало сопротивление, порой вооруженное, а также бегство от комиссий, либо дезертирство, если рекрута уже успевали забрать в войска. Например, в период с 1826 по 1837 гг. из регулярной армии дезертировало 20 тыс. человек, ещё 21 тыс. заявлена как «пропавшие без вести»³⁴².

Османские власти также не испытывали иллюзий по поводу реакции населения и открыто использовали наборы в армию в качестве мер наказания. В войска

³³⁸ Ayın F. Op. cit. P. 27.

³³⁹ Ibid. P. 28.

³⁴⁰ Şimşek V. Op. cit. P. 282.

³⁴¹ Nûrî-paşa M. Netâyicü'l-Vuku'ât. Cild-i Rabi'. İstanbul, 1909. S. 112.

³⁴² Şimşek V. Op. cit. P. 282.

отправляли захваченных в плен членов банд, участников восстаний, причем они отсылались в части на другом конце империи – пленный курдский бандит, либо участник арабского восстания легко мог оказаться на Балканах, в войсках Румелийской армии³⁴³. Кроме того, достаточно очевидна крайне негативная реакция тех мужчин из числа албанцев и боснийцев, чьи семьи оказывались фактически в заключении, пока они не запишутся в армию³⁴⁴. Похожие меры применялись и в отношении повстанцев, главным образом курдов, проживавших в основном на юге Анатолии и регулярно выступавших против султана. После того как вспыхнувшее восстание подавлялось карательной экспедицией, все выжившее и боеспособное мужское население региона, где оно началось, уводилось в армию³⁴⁵. Подобные меры предпринимались также в отношении нусайритов, проживавших на территории Сирии и в течение длительного времени отказывавшихся предоставлять своих рекрутов для наборов, часто при этом занимаясь бандитизмом и террором окрестных населенных пунктов. За период с 1866 по 1870 гг. властями было совершено по меньшей мере три карательных экспедиции, после каждой из которых в обязательном порядке проводился набор в армию³⁴⁶.

Однако помимо того, что, отправляясь на службу, человек оказывался на многие годы оторван от родных мест, семьи и хозяйства, в области наборов сохранялись злоупотребления, несмотря на повсеместное ужесточение механизмов контроля. Работа в призывных комиссиях считалась весьма прибыльной среди военных, поскольку семьи любыми способами старались подкупить её членов для того, чтобы не забирали их сыновей³⁴⁷. Избежать отбора на службу рекруты стремились практически любыми доступными способами. Например, в Османском комплексе архивов Турецкой Республики сохранились сведения о рекруте по имени Сулейман, которому выпал жребий идти на службу. Сулейман являлся учащимся

³⁴³ Şimşek V. Op. cit. P. 278.

³⁴⁴ Anscombe F. Islam and the Age of Ottoman Reform. // Past and Present. 2010. Vol. 208. P. 181.

³⁴⁵ Dumont P. 1865 tarihinde Güney-Doğu Anadolu'nun ıslahı. // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Enstitüsü Dergisi. 1979-1980. Vol. 10-11. P. 386.

³⁴⁶ Talnamy Y. Conscription among the Nusayris ('Alawis) in the Nineteenth Century // British Journal of Middle Eastern Studies. April 2011. Vol. 38. № 1. P. 38.

³⁴⁷ Köksal Y. Op. cit. P. 82.

медресе, однако экзамен, по всей видимости, выдержать не смог и подкупил своего экзаменатора Манисалы Мехмед-эфенди, выдавшего ему фальшивое подтверждение якобы успешного прохождения испытаний. Данная схема, тем не менее, была вскрыта, рекрут отправлен в войска, а его экзаменатор – в заключение на острове Родос³⁴⁸. Помимо этого, к примеру, имеются сведения, когда единственный в семье мужчина, по закону призыву не подлежащий, был отправлен в войска. Его отсутствием воспользовались четверо злоумышленников, похитивших его жену. Солдат обратился к властям, и через некоторое время подозреваемых задержали, но жена военнослужащего оказалась убита³⁴⁹. Бывали случаи, когда выслуживших срок в *низаме* и *ихтияте* не переводили в *редиф*, сохранилась запись рассказа османского ветерана, служившего более шести лет в *низаме* (хотя он давно должен был оказаться в *редифе*), чье подразделение получило приказ собраться в Стамбуле для получения жалования, которое им не выплачивалось в течение длительного времени. За более чем шесть лет службы солдат суммарно провел в родных местах не более двух месяцев³⁵⁰.

Очевидно, что отлаженный механизм набора на службу был совершенно необходим для османской военной машины. Без него ей не хватило бы кадров для полноценного функционирования. Однако при его создании власти столкнулись со множеством трудностей. Они были связаны в первую очередь со стандартизацией процедур набора и унификацией критериев для рекрутов. Но кроме них также имелись и другие проблемные области. Среди таковых особенно выделялась проблема призыва немусульманского населения, которую решить так и не удалось.

При этом следует отметить, что реализация замысла османских властей по созданию сухопутных вооруженных сил общей численностью до 700 тыс. человек была едва ли возможной не только из-за того, что из них оказывалось практически полностью исключено немусульманское население, но также и по причине

³⁴⁸ İsmine kura isabet etmiş olan, talebeden Süleyman Efendi'ye icra-yı imtihanı hakkında sahte olarak tezkire veren Manisalı Mehmed Efendi'nin Rodos'ta kalebend edilmesi // DABOA. F. A.}MKT.MVL. D. 126. G. 49. B. 1.

³⁴⁹ Şimşek V. Op. cit. P. 284.

³⁵⁰ Ibid.

невозможности мобилизации части мусульман в том числе. К примеру, по состоянию на 1848 г. численность населения Османской империи составляла 28-29 млн человек. Примерно половина из них являлась немусульманами, а часть мусульман являлась представителями «нецивилизованных племён», то есть кочевниками, которых нельзя было задействовать на службе. Таким образом, наборы в армию могли проводиться из весьма ограниченной прослойки мусульманского населения численностью в 3-5 млн человек³⁵¹, а основные тяготы воинской службы и как следствие, потери и большая часть ущерба ложились на плечи мусульманского населения Анатолии, фактически вынужденного в случае необходимости защищать всю империю.

При этом попытки повысить престиж военной службы в глазах местного населения, безусловно, предпринимались, важнейшие законы, ограничивавшие срок службы и вводившие понятные и четкие критерии отбора, публиковались с целью уведомления населения. В отдельных провинциях проводились публичные процедуры демобилизации солдат, чтобы служба не казалась пожизненным наказанием, а также публичные наказания дезертиров и тех, кто способствовал их бегству³⁵². Однако в основном эти попытки не увенчались успехом. По-прежнему большинство рекрутов стремилось избежать набора, не останавливаясь перед нарушениями закона. Были отмечены даже случаи конвертации мусульман в христианство, поскольку немусульман менее охотно призывали, а откуп от службы для них составлял меньшую сумму, чем для мусульман³⁵³. Акции властей по наказанию мятежников службой и злоупотребления со стороны чиновников также не способствовали повышению её престижности в глазах гражданского населения.

В целом же стоит признать, что создать законодательную базу и обеспечить армию по крайней мере юридическим механизмом пополнения живой силы удалось. Однако на это ушло чрезмерно большое количество времени. Кроме того, сохранялся ряд серьезных проблем, отсекавших от армии значительную часть

³⁵¹ Hacısalıhoğlu M. Op. cit. P. 270.

³⁵² Talnamy Y. Op. cit. P. 33.

³⁵³ Ibid. P. 38.

населения Османской империи, и следовательно, сказывавшихся на боеспособности её войск. Проблемы, связанные с призывом немусульман и дезертирством призывников, так и не были решены в течение XIX в. и продолжили ухудшать состояние османской военной машины.

Выводы главы I

По мере продолжения военных реформ, организация османской армии расширялась и усложнялась. Реформаторы неоднократно меняли подходы к её формированию. Сперва они пытались воскресить дисфункциональные структуры XVIII в., затем же отказались от подобных планов и приняли решение инкорпорировать в структуру новых вооруженных сил европейские организационные принципы. Большое влияние на это оказала русско-турецкая война 1828-1829 гг., продемонстрировавшая невозможность дальнейшего развития османской армии на основе старых наработок. Война, таким образом, стала катализатором дальнейшей вестернизации османских воинских структур.

Закономерным итогом внедрения новых принципов устройства воинских подразделений в небольших масштабах стало стремление султанов экстраполировать его на всю территорию Османской империи. В течение этого периода формировались основы наиболее боеспособной части османской армии, состоявшей из регулярных войск и некоторых резервных подразделений. Окончание этого процесса означало завершение формирования станового хребта новой османской армии. Устройство этой части османской военной машины более не подвергалось существенным изменениям вплоть до распада Османской империи.

Формирование относительно стабильного структурного облика обновлённой османской армии позволило сосредоточиться на её фактическом направлении – в этой сфере военные реформы проводились асинхронно. Несмотря на то, что была создана новая иерархия армейских званий, а также новая конфигурация воинских

подразделений, механизм их пополнения так и не был образован и закреплён на законодательном уровне, что обеспечило бы стандартизацию, регулярность и распределение наборов в армию по территории империи. Параллельно этому предпринимались попытки внедрить новые армейские порядки в отдалённых от столицы регионах Османского государства, создавались новые армейские корпуса.

Одной из целей реформаторов стало в том числе и скорейшее увеличение численности новых войск. Власти при этом зачастую руководствовались не столько уровнем подготовки, материальной обеспеченностью и боевыми качествами создаваемых подразделений, сколько уверенностью в том, что значительная численность создаваемых войск могла компенсировать некоторые недостатки, проистекавшие из скорости осуществляемых преобразований. Не имея возможности в сжатые сроки изменить, подготовить и оснастить уже состоявшие на действительной службе регулярные подразделения, Порта приняла решение дополнить выстроенную структуру дополнительными резервными формированиями.

С одной стороны, данная мера позволила существенно увеличить формальное количество военнотружущих османской армии. С другой стороны, на деле значительная часть таких формирований оказывалась небоеспособной по причине отсутствия основополагающих элементов, за счёт которых они должны были функционировать. В числе таковых следует упомянуть достаточный уровень воинской подготовки, регулярные учения и тренировки, наличие необходимого командного состава и удовлетворительное материально-техническое обеспечение. Несостоятельность дополнительных резервных формирований была ярко продемонстрирована в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по итогам которой большинство из них было распущено. Вместо этого власти сосредоточились на дальнейшем внедрении современных армейских стандартов в арабских регионах государства, а также на Балканах. Следствием этого стало формирование Седьмого армейского корпуса и нескольких регулярных полков.

В целом следует отметить, что структурные реформы армии Османской империи имели неоднозначные последствия. С одной стороны, существенная их часть была проведена успешно, и основные цели реформаторов были достигнуты.

Создание современных модернизированных на западный манер регулярных подразделений и войскового резерва действительно повысило боеспособность османских войск. Султанам удалось заложить основы функционирования новой военной машины и поддерживать его на удовлетворительном уровне. Дальнейшее территориальное распределение армейских корпусов и разработка системы пополнения живой силы сделали механизм османской армии более прозрачным для подданных империи, а реформы и перестройки командно-административного аппарата вооружённых сил облегчили контроль и управление ими для властей. Основное устройство войск сохраняло стабильность и завершило свою историю лишь вместе с историей всего Османского государства.

С другой стороны, преобразования имели также и ряд негативных последствий. Одним из таковых стала перегруженность командного состава на местах, в ряде населенных пунктов обремененного не военными обязанностями и вынужденного выполнять обязанности гражданских администраций ввиду фактического отсутствия таковых. Подобное совмещение функционала, с одной стороны, усиливало контроль над отдаленными от центра районами, но с другой стороны, негативно сказывалось на военных обязанностях командиров, которым они в подобной обстановке не могли уделять требуемого внимания.

Другим изъяном реформ стал некомплект подразделений и их распределение в основном по приграничным районам государства, из-за чего основная его территория оставалась слабозащищённой. Скорость, с которой создавались новые армейские подразделения, не совпадала с темпами их фактического пополнения, ввиду этого в значительной части полков реальное количество личного состава оказывалось меньшим, чем должно было быть по уставу. Попытки властей сформировать дополнительные резервные формирования не исправляли ситуацию.

Стремление султанов значительно увеличить численность османской армии оборачивалось необходимостью их содержания, материального снабжения и обучения. Это же, в свою очередь, означало существенное увеличение военных расходов, что в конечном итоге стало тяжелым ударом для финансового положения Османской империи. Сложности в финансовой сфере привели к тому, что

османские власти оказались перед выбором: либо на достаточно высоком и соответствовавшем современным стандартам уровне подготовить достаточно ограниченную часть имевшейся армии, либо продолжить увеличивать численность личного состава в ущерб качественной воинской подготовке. Порта предпочла увеличить количество бойцов, что обернулось значительными трудностями в их подготовке. Фактически, имевшихся инструкторов хватало лишь на ограниченное число формирований, и эта проблема не была решена вплоть до конца XIX в. В результате реальная боеспособная часть новой османской армии была ограничена её регулярными войсками, остальные формирования могли вести боевые действия лишь в качестве вспомогательных подразделений.

Османам удалось успешно провести часть структурных преобразований, касавшуюся введения новых организационных принципов, иерархии званий и подразделений, они также смогли проработать способы пополнения живой силы. Однако дальнейшие реформы, при проведении которых требовалось учитывать различные нюансы, связанные с экономическим положением Османской империи, численностью привлекаемых в состав вооруженных сил рекрутов и возможностями по их воинской подготовке, так и не были проработаны в достаточной мере, сохранив некоторые изъяны в устройстве османской военной машины.

Наконец, одним из серьезных последствий количественного расширения османских вооруженных сил стала нехватка командного состава, необходимого для подготовки и обучения вверенных им подразделений. Основа для управления новой османской армией должна была сформироваться вместе с обновленным офицерским корпусом. Он должен был качественно отличаться от командного состава, существовавшего в традиционных османских войсках, иметь полноценное и современное военное образование на западный манер и возможности по передаче своих знаний другим военнослужащим. По завершении преобразований организационной структуры османской армии реформаторы приняли решение сосредоточиться именно на формировании новой системы военного образования, способной готовить достаточно квалифицированных офицеров, нехватка которых остро ощущалась в новых армейских подразделениях. Из поля зрения султанов не ускользнула

в том числе и проблема технического обеспечения новой армии, которая должна была иметь возможности противостоять самым современным армиям Европы. Пристальное внимание к этим сферам функционирования османской военной машины открыло новую главу военных реформ, нацеленных, с одной стороны, на формирование качественно иной прослойки османского офицерства, и с другой стороны, на обеспечение технологического суверенитета Османской империи, целью чего должна была стать её независимость и равенство другим государствам Европы. Данные начинания османских султанов также заслуживают скрупулезного анализа.

Глава II. Трансформация системы подготовки офицерского корпуса и технического обеспечения армии Османской империи

2.1 Эволюция устройства османского военного образования

2.1.1 Особенности формирования офицерского корпуса на начальных этапах создания реформированной османской армии

Объявив о создании новой армии после уничтожения янычарского корпуса в 1826 г., султан Махмуд II столкнулся с рядом проблем. Наиболее очевидной стала необходимость формирования структуры новых вооружённых сил и распространения её организации на всю территорию империи. Однако гораздо более серьезной оказалась проблема поиска кадров для новой военной системы, причем речь шла не о рядовом составе, а о командирах всех звеньев, поскольку именно они должны были тренировать и руководить новой армией. Ситуация усугублялась крайне сжатыми временными сроками, за которые требовалось решить эту проблему.

При этом на территории Османской империи к тому моменту уже имелся опыт военной модернизации по западному образцу. С 1816 г. правитель Египта Мухаммад Али, формально подчинявшийся османскому султану, начал тренировать подконтрольные ему воинские контингенты под руководством французских офицеров и инструкторов. Ему удалось существенно повысить боеспособность своего войска, доказавшего свою эффективность на территории Аравии, Судана и Греции. Однако всё это были плоды долгосрочной политики, не нацеленной на быстрые результаты: в первых тренировках в 1816 г. было задействовано всего 500 человек под командованием французского полковника Севе. Первые полки египетского войска при этом появились только спустя три года, после того как количество офицеров из числа выпускников военных училищ достигло 1 тыс. человек³⁵⁴. Таким образом, Мухаммад Али имел то, чего не мог себе позволить османский султан — время.

³⁵⁴ Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization. P. 229.

Янычары являлись центральным и наиболее боеспособным элементом традиционной военной системы османов. Уничтожив их корпус, султан оказывался фактически беззащитным перед лицом внешней угрозы. Вероятность её возникновения при этом была достаточно высокой, поскольку внимание государств Европы было приковано к подавлению османскими войсками восстания в Греции летом 1826 г.³⁵⁵ Кроме того, роспуск янычаров грозил снижением безопасности внутри государства, поскольку они выполняли не только армейские, но и полицейские функции. Совокупность этих факторов привела к тому, что организация новой армии и её командно-административного аппарата начала формироваться в спешке³⁵⁶.

Весьма примечательным выглядит то обстоятельство, что султан Махмуд II принял решение создать современную и более эффективную армию, но на первых этапах её формирования выступал противником какого-либо участия иностранных советников в её строительстве. Некоторые исследователи объясняют это спецификой его представлений о военной науке в Османской империи, в соответствии с которым она скорее походила на искусство, где главным являлось наличие таланта, а не выучка³⁵⁷. Возможно также, что султан посчитал возможным развить новое войско на основе имевшихся наработок в области военных реформ, которые остались от подразделений *низам-ы джедид* султана Селима III. Кроме того, у Османской империи на тот момент не имелось каких-либо альтернатив, на которые можно было бы опереться. Вероятно, это также стало одной из причин, по которой падишах отдал приказ немедленно начать формирование новых полков, офицеры для которых подбирались по ходу комплектования подразделений. Ориентацию Махмуда II на наработки попыток проведения реформ Селима III подтверждает не только первоначальный облик нового «Победоносного войска», практически повторявший *низам-ы джедид*, но и тот факт, что многие офицеры обновленной армии являлись бывшими служащими *тертибов* Селима III. Первые два офицера из трёх служили в его «экспериментальном» войске, и они возглавили подразделения

³⁵⁵ Rifat-pâşâ M.S. Op. cit. P. 6.

³⁵⁶ Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 5. Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789-1856). Ankara, 2007. S. 119.

³⁵⁷ Levy A. The Officer Corps. P. 22.

при Махмуде II³⁵⁸. Третьим офицером стал египтянин Давуд-ага, по случайности оказавшийся в Стамбуле в момент разгрома янычар и создания новых подразделений³⁵⁹.

Тем не менее, такая система оказалась дисфункциональной, что выяснилось достаточно быстро. Она не работала и не развивалась почти двадцать лет, а бывшие солдаты и офицеры *низам-ы джедид* в течение этого времени не находились на военной службе, большая часть их навыков была утрачена. Кроме того, никто из них не имел боевого опыта, также никто не выслужился до высоких званий, самым старшим по иерархии был капитан³⁶⁰. Султану стало очевидно, что без помощи со стороны построить армию не получится, и в первую очередь он решил обратиться к правителю Египта Мухаммаду Али, чьи офицеры были уже обучены, подготовлены и получили опыт. Тот, однако, ответил отказом на просьбу падишаха, сославшись на то, что его офицеры не были подготовлены в достаточной мере, чтобы выступать в качестве инструкторов для османской армии³⁶¹. Более того, Мухаммад Али в ответе султану прямо заявил, что как его офицеры, так и их наставники из числа европейцев в Египте привыкли к большому жалованию и дорогой, качественной униформе, от своих требований они не желали отказываться, и их пребывание в Стамбуле с большой вероятностью нанесло османской армии больше вреда, чем пользы³⁶². На это плохо скрытое оскорбление султану было, по сути, нечего ответить. Кроме того, неблагоприятная для Османской империи внешнеполитическая обстановка не позволяла ей рассчитывать на помощь европейских военных миссий.

Эти обстоятельства не приводили к остановке реформ. Напротив, османы были убеждены в том, что им было под силу создать современную армию без помощи западных советников. Лишь спустя два года их взгляд несколько изменился, и они признали, что «неверные» могли быть задействованы на каких-либо вспомогательных должностях, либо в качестве советников, однако передача им каких-

³⁵⁸ Esad M. Üss-ü Zafer. İstanbul, 1876. S. 64.

³⁵⁹ Çoban A.H. Op. cit. P. 26.

³⁶⁰ Esad M. Üss-ü Zafer. S. 64.

³⁶¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 131.

³⁶² Lûtfî Efendi A. Vak'anüvîs Ahmed Lûtfî Efendi Tarihi / yeni yazıya aktaran Hezarfen A. Cilt 1. İstanbul, 1999. S. 143.

либо командирских полномочий представлялась немыслимой³⁶³. Этот взгляд демонстрировала также политика османских властей по отношению к европейским офицерам, порой высокопоставленным, приезжавшим в Османскую империю, чтобы лично предложить свои услуги в деле формирования модернизированной армии. Такая деятельность казалась им весьма прибыльной. Однако, к примеру, когда в Стамбул приехал французский генерал граф Юло, ему был предложен пост простого инструктора. Капитан Ханчет, служивший в британском флоте, предложил свои услуги для управления и модернизации османского флота в обмен на жалование в 20 тыс. фунтов в год и звание вице-адмирала. В ответ на это османские власти предложили ему 180 фунтов в год и должность советника, на что британец ожидаемо ответил отказом³⁶⁴.

Тем не менее, в османскую армию начали попадать иностранцы главным образом из числа наемников, авантюристов, дезертиров и ренегатов. В своих изначальных армиях они имели низкие звания, не блистали талантами и не сделали военную карьеру. Их вклад в развитие османской военной машины был минимален, однако они довольствовались положением и жалованием, выделяемым османами. Например, служивший в египетской армии французский полковник Севе получал в месяц 17,5 тыс. курушей, а якобы являвшийся капитаном французской кавалерии итальянец Калоссо, известный под именем Рустем-паши, получал 2 тыс. курушей в месяц³⁶⁵. Бывший сержант экспедиционного корпуса Наполеона Геяр на должности инструктора пехоты получал 1200 курушей в месяц, а остальные европейцы получали не более 500-800 курушей. Очевидно, что столь малое жалование могло привлечь только людей, занимавших низкие посты, либо ушедших в отставку. Больше финансирование получали только небольшие группы прусских и британских офицеров, посещавшие Османскую империю в 1830-е гг. Однако они имели задачи исключительно технического и организационного характера, к подготовке офицеров они никакого отношения не имели³⁶⁶.

³⁶³ Levy A. The Officer Corps. P. 23.

³⁶⁴ Ibid.

³⁶⁵ Çoban A.H. Op. cit. P. 164.

³⁶⁶ Levy A. The Officer Corps. P. 24.

В законе о создании Победоносного войска Мухаммада были весьма подробно прописаны условия повышения по службе, иерархия званий, и при этом подчеркивалось, что главными критериями для повышения являлись способности и старшинство, что должно было ярко обозначить разрыв с прошлым войском *каныкулу* и процветавшим в нем фаворитизмом³⁶⁷. Однако для того чтобы следовать этим принципам и в целом иметь представление о том, насколько им соответствовало реальное положение дел, необходимым было наличие отлаженной многоступенчатой системы образования, понятия профессионализма, а также регулярных экзаменов и проверок. Поскольку ничего из этого не имелось и не было сформировано одновременно с новым войском, то в действительности связи и фаворитизм остались основными способами продвижения по службе³⁶⁸.

В таких условиях формирование офицерского корпуса выглядело достаточно специфично. Младших офицеров просто назначали из числа рядовых. Возможно, такие решения принимались после того, как кандидат себя каким-либо образом проявил, однако после своего назначения он не получал никакой дополнительной подготовки, соответствовавшей его новому званию. При этом никакого внимания не уделялось формированию субординации и командного духа. Назначенные таким образом офицеры на деле продолжали оставаться солдатами, и со стороны высшего командования не делалось ничего, чтобы как-то их отделить от рядовых. Они происходили из схожей социальной среды, жили с рядовым составом в одних казармах, униформа младшего офицера мало отличалась от формы рядового. Это препятствовало складыванию субординации, а значит не позволяло младшим офицерам эффективно управлять вверенными им подразделениями. Заметно отличались только высшие офицеры, например, майоры и полковники, к ним солдаты проявляли должное почтение. Но для них было совершенно нормальным, например, показать младшему офицеру что-то жестами, выйти из строя и сказать ему что-либо

³⁶⁷ Cevdet A. *Tarih-i Cevdet*. Cilt 12. Dersaadet: Matbaa-i Osmaniye, 1884. S. 216.

³⁶⁸ Levy A. *The Officer Corps*. P. 25.

на ухо, либо же наоборот громко разговаривать и смеяться, причем все это могло происходить прямо во время учений³⁶⁹.

Одним из важных и весьма негативных следствий такой политики для османской армии стало фактическое отсутствие сержантского корпуса и его подчинённых. Они были востребованы при обучении рядового состава, но лица, занимавшие сержантские должности, по сути, не отличались от простых солдат. Кроме того, ввиду отсутствия субординации они крайне неохотно исполняли свои обязанности. Вся ответственность за боевую подготовку воинских контингентов поэтому ложилась на младших офицеров – также происходивших из простых солдат. Они были вынуждены исполнять и свои обязанности, и сержантские, включая также и функции бойцов, подчинявшихся сержантам. Эффективность такой системы была практически нулевой, кроме того, такой режим сильно изнашивал здоровье офицеров³⁷⁰.

Изменить ситуацию в среде сержантов и низших офицеров властям не удавалось в течение длительного времени. В ходе османо-египетского конфликта османам приходилось ограничивать действия войск, избегая столкновений на открытой местности, поскольку контроль над армейскими подразделениями был настолько слабым, что первые тактические неудачи могли привести к дезинтеграции всего войска³⁷¹.

Несколько по-другому обстояло положение дел среди высших офицеров. Их должности изначально были отведены высокопоставленным чиновникам и их сыновьям. Их подготовка при этом осуществлялась не в османских войсках, а в специальном учебном учреждении, которое можно считать прообразом впоследствии созданных военных училищ – Дворцовой школе. Первый в Османской империи институт по подготовке офицерства по западному образцу стал также последней попыткой обновить традиционную Школу, существовавшую в эпоху *капыкулу*³⁷².

Из учащихся Школы был создан особый дворцовый батальон, бойцы которого образовывали пехотные подразделения, кавалерию и военный оркестр.

³⁶⁹ Mac Farlane C. Op. cit. P. 341.

³⁷⁰ Ibid. P. 326.

³⁷¹ Levy A. The Officer Corps. P. 26.

³⁷² Ibid. P. 27.

Зачисленные в это формирование были переведены в войска спустя всего две недели после образования батальона, как только численность пехотинцев увеличилась до ста человек. В дальнейшем упор был сделан на подготовку кавалерии, причем в качестве инструктора выступал сам султан Махмуд II. Согласно замечаниям западных очевидцев, он достиг в этом деле больших успехов³⁷³.

Главным минусом этой формы обучения являлось полное отсутствие какого-либо учебного плана или стандарта. Учащиеся тренировались в соответствии с представлением инструкторов об обучении, а выпускались и переводились в войска они по мере роста потребности армии в офицерских кадрах, либо по усмотрению султана. Выпускники Дворцовой школы очень быстро продвигались по служебной лестнице в регулярной армии. Занимавший должность ефрейтора в батальоне Школы мог в краткие сроки подняться до должности майора даже в имперской гвардии. Основным изъяном такой системы являлся низкий уровень профессиональных навыков офицеров в условиях, когда армии требовались хорошо образованные по европейским стандартам командиры. Однако если принять во внимание обстоятельства, в которых эта система сформировалась, то можно обнаружить, что у неё имелись и некоторые плюсы. Воспитанники Школы получали примерно одинаковое образование, по крайней мере на одном уровне друг с другом, что было первым шагом на пути к унификации кадровых навыков. Кроме того, все учащиеся были известны султану и отбирались им, у него не было сомнений в их лояльности. Наконец, им были доступны самые лучшие учителя и инструкторы из всех, что имелись в империи³⁷⁴. При всех своих минусах, такая форма подготовки кадров являлась наиболее совершенной с учетом условий, в которых находились османские вооруженные силы.

Возможность быстрого карьерного роста привлекала большое число желающих поступить в Дворцовую школу. Многие чиновники желали записать в неё также своих сыновей, чей возраст был меньше 15 лет – нижней возрастной границы для поступления. Они могли составить резерв для Школы, по этой причине в марте

³⁷³ Mac Farlane C. Op. cit. P. 253.

³⁷⁴ Levy A. The Officer Corps. P. 28.

1827 г. было принято решение учредить специальную подготовительную школу-мектеб, где давалось начальное образование (главным образом религиозное) и основы военной подготовки от действительных офицеров. По прохождении обучения в начальной школе ученики переводились непосредственно в Дворцовую. Такая схема пользовалась популярностью, к июню 1829 г. число учеников мектеба достигло 200 человек³⁷⁵.

Оборотной стороной политики формирования военной элиты в Дворцовой школе стали трудности с привитием ей необходимой дисциплины и готовности адаптироваться под стремительно менявшиеся условия несения службы и модели образования. После того как Хюсрев-паша начал вводить новую структуру и учебные планы, значительная часть учащихся отказалась выполнять его указания. Султану пришлось уволить некоторых из них, а остальных понизить в звании. Однако этих мер было недостаточно, чтобы каким-либо образом изменить ситуацию в войсках. В полной мере свою несостоятельность контингенты Дворцовой школы продемонстрировали в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг., окончившейся поражением Османской империи. Султан Махмуд II при этом не питал иллюзий на их счет и был крайне недоволен профессиональным уровнем воспитанников этого учебного заведения. Спустя год после войны, в мае 1830 г. он принял решение расформировать Дворцовую школу. Оставшиеся её ученики были распределены по войскам³⁷⁶.

Попытка наладить деятельность этого образовательного учреждения провалилась, и Османское государство вновь оказалось в ситуации, когда требовалось срочно принять меры по повышению уровня профессиональной подготовки офицеров. Поначалу приток кадров после расформирования Дворцовой школы обеспечивался протее османских генералов, например, Хюсрев-паши. Порядок и условия повышения в воинском звании претерпели изменения в 1831 г. С этого момента любое продвижение по службе стало объектом проверки и экзамена. Сержанты и младшие офицеры вплоть до лейтенанта были обязаны знать основы устройства

³⁷⁵ Levy A. The Officer Corps. P. 28.

³⁷⁶ Клейнман Г.А. Армия и реформы. Османский опыт модернизации. М., 1989. С. 103.

батальона и уметь им управлять. Офицеры в звании от капитана до майора должны были знать устройство и иметь навыки управления полком.

Экзамены на повышение проводились специальными комиссиями, создававшимися специально для каждого кандидата. Капитаны и майоры экзаменовали кандидатов в лейтенанты, а полковники и генералы экзаменовали среднее командное звено, от капитана и старше. Все экзамены проводились в устной форме, поскольку, как правило, и экзаменатор, и экзаменуемый были неграмотными и не умели ни читать, ни писать. Ход процесса фиксировался военным писарем. В случае, если кандидат успешно сдавал экзамен, запись процедуры отсылалась сераскеру, который должен был одобрить кандидатуру на повышение звания. Без его одобрения оно не могло произойти. Повышение до более высоких званий, начиная с полковника, помимо одобрения сераскера требовали также одобрения султана. Более того, когда у падишаха была возможность, он принимал непосредственное участие в процедуре экзамена и в случае успеха — присвоения нового звания³⁷⁷.

Теоретически такая политика должна была способствовать формированию системы, основанной на меритократии. Будущий офицер должен был пройти всю служебную лестницу с самого низа, со звания рядового и действительно заслужить повышение, что неоднократно подчеркивалось в османской прессе. Но и здесь имелась лазейка – никакие законодательные акты не обозначали минимальный срок пребывания на службе для того, чтобы занять какую-то должность. Это привело к тому, что те, кто имел необходимые связи, могли невероятно быстро продвигаться по службе, порой даже пропуская некоторые звания. Примером этого может являться Зариф-паша, родившийся в 1816/1817 г. В 1831 г., когда ему было 14 или 15 лет, он уже занимал должность капитана, а в 1843 г., когда ему было всего 26 лет, он уже дослужился до звания полковника³⁷⁸. Следствием такого положения дел стала высокая степень расслоения офицерского состава османской армии. Высшие звания так и остались зарезервированными за членами правящей элиты и их протеже, которые могли взлетать по служебной лестнице в подростковом возрасте.

³⁷⁷ Takvim. 1831. Defa 1. S. 7.

³⁷⁸ Karal E.Z. Zarif Paşa'nın Hatıratı (1816-1862) // Belleten. 1940. C. 4. S. 444.

Младший офицерский состав, набираемый из рядовых, в большинстве случаев не имел шансов продвинуться по службе, если у кандидата не было влиятельного покровителя. Преодолеть фаворитизм и перейти к повышению кандидатов, основываясь на принципах меритократии, так и не удалось. Младший и старший офицерские корпуса превратились в два совершенно разных и практически не связанных друг с другом образования³⁷⁹.

Другим результатом этой политики стала фактическая бесполезность всех ранее введенных экзаменов и проверок. Офицер с покровителем получал повышение вне зависимости от результатов этих процедур, кандидат без связей не получал его в любом случае. Следовательно, очередная попытка поднять уровень компетенции османских офицеров провалилась, поскольку у них не имелось стимулов для более усердной работы и повышения квалификации. Некорректно работала не только система поощрений, но и наказаний. Обычной практикой был перевод провинившегося в подразделение в более далеком провинциальном регионе, реже – понижение в звании, крайне редко применялось увольнение из армии, и ещё реже – увольнение с последующей ссылкой на окраину государства. Тем не менее все эти меры носили временный характер. Если покровителям виновника удавалось договориться в вышестоящими чиновниками, то он выражал раскаяние, после чего, как правило, восстанавливался в звании и должности³⁸⁰.

Было очевидно, что практика отбора офицеров непосредственно из личного состава армейских подразделений, к тому же дискредитированная фаворитизмом и коррупцией, не отвечала потребностям османской военной машины. При этом примечательно что, желая выстроить армию по образцу европейских государств, султан не задумывался о том, чтобы создать специальное учебное заведение для подготовки офицерских кадров, наподобие тех, что уже имелись на Западе. Дворцовую школу к числу таковых нельзя отнести, поскольку в ней не давалось полноценного образования, по большому счету, её воспитанники получали только более качественную строевую подготовку. При этом в Османской империи на тот момент уже

³⁷⁹ Levy A. *The Officer Corps*. P. 28.

³⁸⁰ *Ibid.* P. 31.

существовали специальные учебные заведения, в которых давалось техническое образование. Одно из них – Математическая школа (осм. خانه هندسه / тур. Hende-sehane), основанная при султানে Селиме III, а также медицинское училище, созданное Махмудом II в 1827 г. Однако идея создания подобного учреждения для подготовки офицеров не сразу пришла в голову падишаха, а реализована она была и во все едва ли не по случайности.

В 1834 г. Мехмед Намык-паша, впоследствии ставший важным османским военным деятелем, но в то время бывший достаточно молодым человеком, остановился в Париже на обратном пути из Лондона, куда он был откомандирован в составе военной миссии. Во французской столице он встретился с маршалом Николя Жозефом Мезоном, возглавлявшим французский экспедиционный контингент в рамках оккупации Морей в 1828 г. Вместе со своим французским коллегой Намык-паша обсуждал причины поражения османской армии в недавнем конфликте с Египтом. Маршал Мезон объяснил Намык-паше, что проблемы османских войск заключались вовсе не в трусости или низком боевом духе, как изначально казалось османам. К началу конфликта Мухаммад Али уже в течение длительного времени тренировал свою армию, в особенности её офицеров, в соответствии со всеми стандартами европейской военной науки, а также с привлечением французских инструкторов. У османов же, отметил маршал, не имелось не только западных инструкторов, но даже специализированного военного училища, а офицеры выбирались из числа как относительно образованных, так и полностью неграмотных сыновей чиновников и служащих везиров. Главной причиной поражения, таким образом, стал крайне низкий уровень образования и критическая нехватка школ, академий и училищ³⁸¹.

Намык-паша передал весь свой разговор с маршалом Мезоном султану Махмуду II. Поначалу падишах был сильно разозлён его замечаниями, однако вскоре он признал правоту французского генерала. К тому моменту у Намык-паши уже созрел проект предполагаемого учебного заведения, и он также изложил его

³⁸¹ Çoban A.H. Op. cit. P. 72.

султану. Махмуд II со свойственной ему осторожностью не торопился принимать окончательное решение, однако был намерен реализовать этот замысел. Тем не менее сераскер Хюсрев-паша, стремившийся полностью контролировать сферу военного образования, заявил, что содержание такой школы было бы слишком дорогим, и на те же деньги можно было бы укомплектовать по меньшей мере два регулярных полка. В ответ на это Намык-паша отметил, что содержание подобного училища наоборот было бы весьма дешевым. Для него, по мнению генерала, не требовалось много места, а уже существовавшие на тот момент казармы в Мачке вполне подходили для начала деятельности школы. Это окончательно убедило султана, он поддержал проект Намык-паши и предоставил ему полную свободу действий во всём, что касалось реализации его замыслов³⁸².

Таким образом, 1834 г. стал поворотным моментом в истории османского военного образования. Поддержка Махмудом II проекта Намык-паши положила начало истории Военной академии Османской империи, кардинально изменившей подход к формированию офицерского корпуса в османской армии. Оно, в свою очередь, осуществлялось в несколько этапов. На первом из них султан и его советники были убеждены в возможности комплектования офицерского корпуса с использованием прежних, традиционных критериев отбора – назначая их из числа наиболее перспективных солдат, тех, кто, по мнению командиров, демонстрировал лидерские качества, способность командовать. Однако очевидные трудности, порождаемые таким подходом (фактическая невозможность соблюдения субординации, отсутствие профессиональных навыков у отбираемых этим способом офицеров), вынудили власти предпринять вторую попытку создать механизм, способный обеспечить армию квалифицированными офицерами. С этой целью вновь была создана Дворцовая школа, которая должна была стать специальным институтом по формированию командного состава османской армии. Однако отсутствие системной и многосторонней подготовки, учебных планов, военной подготовки за исключением общевойсковой, а также распространение фаворитизма и продвижение по службе

³⁸² Çoban A.H. Op. cit. P. 72.

людей с недостаточным уровнем компетенции, что выявила русско-турецкая война 1828-1829 гг., продемонстрировали несостоятельность такого подхода. Решение Махмуда II производить в офицеры выдающихся протезе высокопоставленных чиновников, в целом, имело такие же негативные эффекты и не устранило проблему. Наконец, деятельность Мехмеда Намык-паши, его контакты с генералами армий Европы, а также убедительность его доводов перед султаном сделали возможным переход к новому, третьему этапу формирования офицерской прослойки османских вооружённых сил. Теперь этим должно было заниматься совершенно новое учебное заведение, целиком основанное на современных на тот момент времени стандартах западной военной науки. Новая глава в истории османского офицерства открылась вместе с дверями Военной академии в 1834 г.

2.1.2 Деятельность Военной академии Османской империи

Согласно современным исследованиям, за созданием Военной академии (осм. مكتب حربيه / тур. Mekteb-i Harbiyye) стояла большая идея, чем формирование простого училища для наполнения османской армии по-западному образованными офицерами. Будущие выпускники Академии, безусловно, должны были способствовать устранению изъянов османской военной машины. Но в то же время от них требовалось быть не только военными, изучившими западную военную науку, но и образованными людьми, знакомыми с более широким, социально-политическим спектром идей Европы. Иными словами, им предстояло стать теми, кто понимал суть реформ в Османской империи и мог продолжить их в будущем, причем не только на военной, но и на гражданской службе³⁸³.

Военная академия формально начала свою историю летом 1834 г. в виде батальона под командованием своего основателя Намык-паши при штабе

³⁸³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 148.

Гвардейской армии, что обеспечивало невмешательство негативно настроенного сераскера. Ей предстояло пройти длительный путь, прежде чем она начала хотя бы отдаленно соответствовать тому, какой видели её османские реформаторы. Различного рода затруднения начались сразу после издания указа об учреждении учебного заведения. Самой главной проблемой стала критическая нехватка учебной литературы, квалифицированных преподавателей и оборудования для проведения занятий. Старые казармы в районе Мачки также оказались негодными для размещения в ней Академии, поскольку они нуждались в масштабной и дорогостоящей реставрации. Она продлилась год и была завершена в 1835 г., в течение этого времени учащиеся и преподавательский персонал размещались частично в отремонтированных казармах, частично в гвардейских казармах в Ускюдаре. Подготовка зданий обошлась османской казне в достаточно значительную сумму – 790 650 курушей³⁸⁴.

На фоне столь масштабных подготовительных работ Академия в течение первых двух лет своей жизни существовала в основном только на бумаге, за что был снят с должности её первый директор Азми-бей, протеже Намык-паши, и на его место поставлен Селим Сати-паша. В своей переписке с французским военным атташе он отметил, что о начале относительно полноценной деятельности Академии возможно было говорить только после 1837 г.³⁸⁵

Первые занятия в учебном заведении начались в конце 1836 г. К этому моменту туда были переведены наиболее способные молодые люди, служившие в столичных полках, а также часть студентов из других заведений. К началу 1837 г. в Академию было зачислено 100 учащихся, разделенных на четыре класса. При этом все преподаватели были из числа гражданских. Для привлечения большего числа студентов в Академии была учреждена большая стипендия: обучающийся первого класса получал 250 курушей в месяц, что было выше жалования капитана в регулярной армии, составлявшего 180 курушей в месяц³⁸⁶. К учебному заведению также были прикреплены три роты для охраны и для строевой подготовки учеников,

³⁸⁴ Levy A. The Officer Corps. P. 33.

³⁸⁵ Ibid. P. 34.

³⁸⁶ Ibid.

общая численность Академии на этом этапе достигала 400 человек, из которых 100 были студентами, к осени 1839 г. это число составило уже 150 человек³⁸⁷.

Главной проблемой, возникшей после начала занятий, стала учебная программа училища. Французский военный атташе Ансельм, посетивший Академию в 1838 г., а затем британский посол, который наведлся туда год спустя, отметили, что распространявшиеся в прессе заявления о том, что в программу заведения внедрялись самые необходимые предметы, в том числе тригонометрия, геометрия, алгебра и иностранные языки, не соответствовали действительности. На деле же не изучался ни один из этих предметов, преподавателей французского языка в Академии вовсе не имелось. Основу программы при этом составляло сугубо религиозное образование, небольшое количество строевой подготовки и арабский язык, вокруг которого также была выстроена система экзаменов. Математика ограничивалась лишь несколькими учебниками начального уровня, переведенными на османский язык. Тем не менее оба отмечали, что ожидалось множество нововведений в Академии в будущем, а уровень образования в ней должен был существенно вырасти³⁸⁸.

Впрочем, на начальном этапе с учетом своего устройства и имевшихся программ Академия не могла изменить ситуацию в османской армии. Число учащихся было слишком мало, а уровень их подготовки существенно уступал стандартам, принятым в европейских высших военных училищах. Чтобы повысить планку османского военного образования, Академию необходимо было развивать и обновлять. Военное образование стало объектом пристального внимания со стороны всех османских султанов, следовавших за Махмудом II. Учебное заведение не дало результатов своим основателям. Первые годы его существования лишь заложили основу современной османской военно-образовательной системы.

На первых порах достаточно большую проблему для Академии как специального военного учебного заведения представляли не только недостроенное здание, нехватка преподавателей и оборудования, но и сам контингент обучавшихся.

³⁸⁷ Levy A. The Officer Corps. P. 34.

³⁸⁸ Ibid. P. 36.

Следует подчеркнуть, что Академия была создана в условиях полного отсутствия системы начального общего образования. Эта ступень в Османской империи состояла исключительно из медресе, где давалось религиозное образование, бесполезное с точки зрения дальнейшего изучения военной науки. Результатом стало то, что первые студенты Академии не владели ни навыками чтения, ни письма. Прежде чем переходить к изучению основ военного дела, требовалось дать им начальное образование. В свою очередь, эта необходимость приводила к существенному увеличению срока обучения и дополнительно тормозила насыщение войск по-новому образованными офицерами. Поначалу этот срок составлял восемь лет, причем вся программа классов с первого по третий состояла исключительно из постепенного обучения правилам счета (изначально на пальцах) и письма. С четвертого класса начиналось изучение основ религии. Только с шестого класса оно дополнялось строевой подготовкой и изучением войскового устава, седьмой и восьмой классы отводились главным образом под дальнейшее освоение письма, например, почерка «рук'а». При этом только в восьмом классе и только для тех, кто продемонстрировал успехи в обучении ранее, начинался ограниченный курс инженерного дела, топографии и геометрии³⁸⁹.

Очевидно, что образование, получаемое в таких условиях, было весьма посредственным и не соответствовало уровню обученных европейских офицеров, к которому стремился султан, создавая Академию. Достаточно убедительно это было продемонстрировано на примере конфликта с Египтом, в ходе которого османская армия показала весьма низкую эффективность, особенно в области управления войсками, для чего требовались подготовленные офицеры. Тем не менее, такое положение дел сохранялось в течение десяти лет с начала первых занятий до 1846 г., когда была проведена реформа, существенно изменившая учебные программы и добавившая дополнительное образование для офицеров штаба³⁹⁰. В учебные планы были введены такие предметы как геометрия, алгебра, физика, механика, химия,

³⁸⁹ Esad M. *Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye*. S. 15.

³⁹⁰ *Takvim*. 1845. Defa 289. S. 6.

инженерное дело, при этом особое внимание уделялось созданию переправ и наведению мостов³⁹¹.

Султан понимал, что Академия не смогла бы готовить офицеров на западный манер при отсутствии контактов с европейскими военными училищами. По этой причине в 1835 г. на длительный срок было отправлено сразу несколько делегаций османских офицеров в столицы различных государств Европы. Члены делегаций обязаны были пройти обучение в военных училищах страны пребывания, вернуться в Османскую империю и начать подготовку офицеров, передавая им полученные современные знания. В Вену была отправлена делегация, возглавляемая лейтенантом Чырпанлы Абдулкеримом Надир-пашой, впоследствии дослужившимся до поста *сераскера*. В её состав также входили лейтенант Ибрагим-паша, сержант Искендерели Ахмет-бей и Ахмед Февзи-паша. Капитан Мехмет-эфенди и Кыбрыслы Мехмет-паша были отправлены в Берлин. В Париж отправился лично начальник недавно образованного Генерального штаба Рессам Тевфик-паша. В Лондон был отправлен подполковник и *мюшир* Пятой армии Эмин-паша, а также полковник Селим-паша³⁹². Их возвращение во многом сделало возможной реформу учебных программ.

К моменту её проведения в Академии также работало несколько иностранцев: три француза и один немец, что свидетельствовало об изменении позиции власти по поводу участия иностранных специалистов в жизни армии. Султан Абдулмеджид I придавал им ещё большую роль в области военного образования, в 1850 г. он обратился к Франции и Пруссии с просьбой направить в Военную Академию больше инструкторов и преподавателей. Эти страны откликнулись, в Академию прибыло четыре специалиста, трое из Франции и один из Пруссии. Поначалу они вели занятия с помощью переводчиков, однако со временем освоили турецкий язык и смогли преподавать аудитории напрямую. Однако вся имевшаяся учебная литература в Академии на тот момент была исключительно на французском языке³⁹³.

³⁹¹ Berkes N. Türkiye’de Çağdaşlaşma. İstanbul, 2012. S. 193.

³⁹² Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 20.

³⁹³ Tunalı A.C. Op. cit. P. 142.

Число учащихся Академии за десять лет от её основания до первой крупной реформы значительно не изменилось. Если первый набор составил 100 человек, то, к примеру, в 1851 г. на всех курсах в ней обучался 101 человек³⁹⁴. Однако в 1865 г. это число было уже в несколько раз больше, оно достигло 453 человек³⁹⁵.

Срок обучения в Академии в период с 1846 по 1873 гг. составлял четыре года, после 1873 г. он был сокращён до трёх лет. По окончании обучения среди студентов проводились экзамены, успешно их преодолевшие получали дипломы и, как правило, распределялись по армейским подразделениям в звании младших лейтенантов. Однако с 1846 г. для ограниченной части тех, кто хорошо себя проявил в ходе учебы, сдал экзамены, но хотел бы повысить уровень своей квалификации и служить в Генеральном штабе, действовала дополнительная штабная программа сроком в два года³⁹⁶. Таким образом, время, требовавшееся на подготовку наиболее образованного офицера, способного нести службу в Генеральном штабе, составляло сперва шесть, а затем пять лет, что было весьма длительным сроком, если учесть кадровые потребности османской армии в таких офицерах. Кроме того, Академия за это время могла выпустить лишь небольшое количество специалистов подобного уровня. Обучение по программе для Генерального штаба продолжала малая часть выпускников. Это заметно при сравнении количества студентов, к примеру, 1851 г.:

- На первом курсе обучалось 25 человек;
- На втором курсе обучалось 35 человек;
- На третьем курсе обучалось 14 человек;
- На четвертом курсе обучалось 19 человек;
- На пятом курсе (первом программы Штаба) обучалось 4 человека;
- На шестом курсе (втором программы Штаба) обучалось 5 человек³⁹⁷.

³⁹⁴ Esad M. *Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye*. S. 58.

³⁹⁵ *Ibid.* P. 79.

³⁹⁶ Ünal U. *Sultan Abdülaziz devri*. S. 174.

³⁹⁷ Esad M. *Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye*. S. 58.

Увеличение числа студентов не привело к увеличению доли тех, кто продолжал получать образование по штабной программе. В целом, она стала даже меньше. Это также заметно по числу учащихся, например, в 1865 г.:

- На первом курсе обучалось 107 человек;
- На втором курсе обучалось 137 человек;
- На третьем курсе обучалось 104 человека;
- На четвертом курсе обучалось 82 человека;
- На пятом курсе обучалось 12 человек;
- На шестом курсе обучалось 11 человек³⁹⁸.

Таким образом, сокращение общего времени обучения незначительно сказалось на времени подготовки штабных специалистов. Темпы насыщения османской военной машины столь необходимыми ей кадрами оставались медленными.

Кроме того, в 1851 г. был утвержден новый учебный план Академии для всех курсов. В целом, без кардинальных изменений он просуществовал до конца правления султана Абдулазиза. Согласно программе, на первом курсе изучались:

- Алгебра, космография, геометрия, физика, французский язык, правила письма и составления военной документации, правила обращения с различными видами вооружения, правила этикета, правила чтения карт.
- На втором курсе изучались: способы ухода за вооружением и его обслуживание, топография, правила возведения легких фортификационных сооружений, организация войсковой роты и методы управления этим подразделением, химия, французский язык, правила письма и составления военной документации, правила чтения карт.
- На третьем курсе изучались: организация батальона и способы управления данной боевой единицей, французский язык, правила письма и составления военной документации, особенности службы в военное (в состоянии похода) и в мирное время, владение палашом и рапирой, топография.

³⁹⁸ Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 79.

- На четвертом курсе изучались: артиллерийское дело, правила обслуживания артиллерийских орудий, владение палашом, рапирой и саблей, правила письма, общее военное дело, устройство полка и правила управления этим типом подразделений, французский язык, топография, разведка.
- На пятом курсе изучались: верховая езда, ветеринария, общее военное дело, владение различными видами холодного оружия, устав кавалерийских войск, французский язык, топография, разведка.
- На шестом курсе изучались: топография, фортификационное дело, астрономия, устройство кавалерийских подразделений и принципы управления ими, устав кавалерийских войск, военная архитектура и правила прокладывания различных дорог, правила обслуживания артиллерийских орудий³⁹⁹.

Эти программы сохранялись в течение длительного времени после того, как были приняты, однако некоторые турецкие исследователи утверждают, что султан Абдулазиз сделал важное нововведение: он обратил внимание на то, что в Академии готовили исключительно офицеров для пехоты, но не обучали специалистов для кавалерии. По этой причине в 1867 г. по его указу в учебном заведении были официально введены отдельные учебные программы подготовки офицеров пехотных войск, кавалерии и специалистов военной ветеринарной службы, до этого момента распределение по родам войск происходило уже на этапе выпуска⁴⁰⁰. При сохранении высокой степени общности учебных планов между всеми тремя направлениями подготовки кавалеристы дополнительно изучали устройство и методы командования кавалерийскими подразделениями, а военные ветеринары вместе с кавалеристами сверх основной нагрузки имели дополнительные занятия по ветеринарии и уходу за животными⁴⁰¹.

Заметно, что реформы существенно осовременили Академию. Из перечня преподаваемых в ней дисциплин исчезли религиозные, программы стали более сконцентрированными на военном деле, но вместе с тем и более разносторонними.

³⁹⁹ Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 79-81.

⁴⁰⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 175.

⁴⁰¹ Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 81.

Студенты изучали военную науку, артиллерийское дело, верховую езду, получали навыки обращения с оружием и его обслуживания. Особенно заметно, как нарастала интенсивность учебного процесса в рамках программы штаба, появлялся больший уклон в область военной инженерии и архитектуры в целом. На должностях преподавателей в Академии трудилось значительное число иностранцев, приглашаемых из стран Европы, причем их поток сохранялся на протяжении всего XIX в. К примеру, в османских архивах содержатся сведения о том, что в марте 1874 г. в Академии ожидали прибытия двух преподавателей из Брюсселя, они уже подписали контракт и должны были приступить к исполнению своих обязанностей по прибытии в Стамбул⁴⁰².

Наряду с теоретическим образованием при Абдулазизе также были предприняты попытки внедрить и практические дисциплины. К примеру, в 1865 г. для нужд Академии стали закупаться животные, в том же году в училище было направлено по 25 регулярных кавалеристов от каждого армейского корпуса. Из них были сформированы образцовые эскадроны, за упражнениями которых наблюдали студенты и использовали их впоследствии при сдаче экзаменов. В Академию прибывали бойцы из других подразделений, за их маневрами студенты также наблюдали. Дальше этого, однако, «практические» занятия не заходили, что было существенным минусом. Например, в военных училищах Европы вполне обычным делом стало регулярное проведение стрельб среди учащихся, однако в Академии такая практика отсутствовала⁴⁰³.

В целом, в период правления султана Абдулазиза Военная академия претерпела наибольшее количество изменений и новшеств с момента своего основания. При нем она получила новое здание, отремонтированное и более просторное. Султан проявлял большое внимание к работе учебного заведения и стремился удовлетворить его потребности. Причиной этого, по всей видимости, являлось то, что в нём обучались его дети Юсуф Изеттин и Нуреттин. Обновление здания Академии

⁴⁰² Mekteb-i Harbiye için Brüksel'den iki muallim getirilmesi // DABOA. F. HR.TH. D. 14. G. 42. B. 1.

⁴⁰³ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 175.

пришлось на момент их поступления в учебное заведение. Стоит отметить, что свое обучение они завершили всего за два года, а в 1872 г., в возрасте 15 лет, Изеттин стал мюширом Первой армии, Изеттин же продолжил карьеру во флоте⁴⁰⁴.

В конце обучения в Академии все студенты сдавали выпускные экзамены. Обычно они проводились в устной форме и в весьма торжественной обстановке. В обязательном порядке присутствовал директор Академии, в экзаменационной комиссии состоял председатель Высшего военного совета, нередко присутствовал и сам султан. Экзаменуемому задавался ряд вопросов по изучаемому им направлению. Вопросы могли касаться устройства, достоинств и недостатков некоторых видов вооружения, правил штурма разных фортификационных сооружений. Могли задаваться вопросы также по медицине, географии, топографии и иностранным языкам. Успешно сдавшим экзамен присваивались воинские звания, затем они распределялись по армейским подразделениям. Особо отличившиеся в ходе сдачи также получали подарки от экзаменационной комиссии. Провалившим экзамен предоставлялась возможность пересдачи позднее. Кроме того, после проведения экзаменов султану обязательно презентовали свежие работы и учебные пособия, написанные преподавателями Академии, это могли быть пособия по обращению с оружием, работы по артиллерийскому делу или геометрии – по любой из дисциплин, преподававшихся в этом заведении⁴⁰⁵.

Об объёме выпускников можно судить, опираясь на работу Мехмеда Эсада «Наследие Военной академии», в которой этот аспект отражён весьма подробно, а также на следующую таблицу:

Таблица 10. Численность выпускников Военной академии по различным направлениям в период с 1848 по 1881 г. Составлено по материалам: Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 226-569; Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S.181.

Год	Пехота	Кавалерия	Штаб	Ветеринар	Артиллерия	Всего
1848 (1264)	9	10	5	0	0	24

⁴⁰⁴ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 177.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 179.

1850 (1266)- 1851 (1267) (для штаба)	13	8	3	0	0	24
1851-1852 (1267- 1268)	18	5	3	0	0	26
1852-1853 (1268- 1269)	8	4	2	0	0	14
1853 (1269) (внеоче- редной)	21	7	2	0	0	30
1853-1855 (1269- 1271)	19	7	2	4	0	32
1855-1856 (1271- 1272)	11	6	4	0	0	21
1856-1858 (1272- 1274)	13	7	3	0	0	23
1857-1858 (1273- 1274)	23	16	7	4	0	59
1858-1859 (1274- 1275)	34	15	6	9	0	64
1859-1860 (1275- 1276)	32	15	11	7	0	65

1860-1861 (1276- 1277)	63	15	12	6	0	96
1861-1862 (1277- 1278)	38	14	6	7	0	65
1862-1863 (1278- 1279)	49	13	5	9	0	76
1863-1864 (1279- 1280)	38	14	6	7	0	65
1864-1865 (1280- 1281)	42	12	7	6	0	67
1865-1866 (1281- 1282)	47	13	10	5	0	75
1866-1867 (1282- 1283)	62	13	12	5	0	92
1867-1868 (1283- 1284)	80	8	12	2	0	102
1868-1869 (1284- 1285)	98	14	16	13	0	141
1869-1870 (1285- 1286)	76	10	10	4	0	100
1870-1871 (1286- 1287)	54	11	9	4	0	78

1871-1872 (1287-1289)	37	10	7	5	0	59
1872-1873 (1289-1290)	54	10	10	18	21	113
1873-1874 (1289-1291)	61	8	9	11	18	107
1874-1875 (1290-1292)	55	7	5	0	15	86
1875-1876 (1291-1292)	72	9	9	0	5	95
1876-1877 (1292-1294)	66	7	7	0	15	95
1877-1878 (1293-1295)	71	6	11	0	16	107
1877-1878 (1293-1294) (внеочередной)	61	12	7	0	7	87
1878-1879 (1294-1295)	69	11	8	0	0	88
1880-1881 (1296-1298)	76	11	11	0	0	98
Всего	1470	328	237	126	97	2274

Приведённые в «Таблице 10» данные позволяют сделать ряд выводов. Офицеры регулярных войск и офицеры штаба одного набора выпускались в разное время, что логично, поскольку дополнительная штабная программа занимала больше времени на освоение. Однако разница между выпусками варьировалась и по всей видимости, не была фиксированной, составляя в большинстве случаев один год, но в некоторых – два года. Очевидно количественное преобладание выпускников, получившим пехотные офицерские специальности над выпускниками всех остальных направлений. Численность офицеров пехотных войск традиционно превосходила численность представителей других военных специальностей минимум вдвое. Число офицеров штабной службы оставалось незначительным на протяжении всего периода, хотя периодически оно превышало количество офицеров кавалерийских подразделений.

При этом необходимо обратить внимание на то, что данные из османского источника ставят под сомнение утверждения ряда современных исследователей. К числу таковых относится, например, тезис Месута Уяра и Эдварда Эриксона о том, что первые выпускники Военной академии появились лишь во время Крымской войны 1853-1856 г.⁴⁰⁶ Информация Мехмеда Эсада демонстрирует, что первые выпускники Академии появились в 1848 г., причем пехота и кавалерия с самого начала стали основными направлениями обучения. Вторым утверждением, валидность которого оказывается под вопросом, является тезис турецкого исследователя Угура Унала о том, что направление по подготовке военных ветеринаров было основано в 1849 г., а первые специалисты в этой области выпустились в 1851 г.⁴⁰⁷ Согласно «Наследию Военной академии», до 1853 г. такого направления не существовало, а выпуск в этом году всего лишь четырех специалистов, явно обусловленный начавшейся Крымской войной, вряд ли можно считать свидетельством появления этой специализации в учебных планах заведения. Причиной этого является то, что после 1853 г. военные ветеринары не выпускались Академией в течение ещё двух лет, регулярные выпуски появились только в 1857-1858 гг.

⁴⁰⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 151.

⁴⁰⁷ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 179.

В целом, влияние военных конфликтов на работу Академии также заметно из приведенной таблицы. С началом Крымской войны выпуски были увеличены, хотя такой тенденции не наблюдалось на момент начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако в обоих случаях войны вынудили учебное заведение осуществлять внеочередные выпуски офицеров, что могло говорить как о весьма высокой смертности среди них на полях сражений, так и об усиливавшейся нехватке офицеров в войсках.

Следует обратить внимание также и на то, что военные ветеринары и офицеры артиллерийских войск появились в Военной академии в разное время. Ветеринары оканчивали это учебное заведение в промежуток с 1857 по 1874 гг. После этой даты их подготовка была передана другому училищу, и в рамках Академии это направление перестало существовать. Похожая ситуация сложилась и с артиллеристами. Сперва была предпринята попытка перевести будущих офицеров из других заведений в Академию, в результате в ней появилось новое направление, просуществовавшее с 1872 по 1877 г. Затем оно также было расформировано и переведено в другое училище. Военная академия, таким образом, концентрировалась главным образом на подготовке офицеров для пехоты, кавалерии и штабов.

Наконец, бросается в глаза крайне скромный объём выпусков Академии. Из 32 выпусков лишь пять превысили количество в 100 человек. Общее число выпускников за 33 года составило всего 2274 человека, что было крайне мало для армии, чью численность султан стремился довести почти до 700 тыс. человек. Следует учитывать, что после выпуска офицеры распределялись по подразделениям шести армий, фактический приток выпускников Академии на армейские должности оказывался столь небольшим, что у них практически не имелось шансов существенно изменить положение дел в корпусах. Примерные итоговые цифры распределения приведены в работе Угура Унала, их можно представить в виде таблицы:

Таблица 11. Распределение офицеров-выпускников Военной академии по армиям Османской империи в период с 1869 по 1874 гг. Источник: Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S.181.

Корпус	1869	1870	1873	1874
Стамбульский	18	9	22	18

Шуменский	15	13	17	15
Румелийский	18	10	18	12
Анатолийский	11	8	14	12
Аравийский	15	10	17	12
Багдадский	5	8	7	3
Всего	82	58	95	72

Эти данные показывают, сколь существенно рассеивались образованные офицеры, и как незначительна была их численность в войсках. Наихудшим образом ситуация обстояла в Багдадской армии, в которую за несколько лет прибыло всего 23 офицера. Приведённые в «Таблице 11» сведения подтверждают замечания российских военных советников о том, что по-европейски подготовленных офицеров было слишком мало для того, чтобы их пребывание в подразделениях положительно сказалось на состоянии армии в целом. С учетом подобных темпов на формирование прочной прослойки офицерства в каждом армейском корпусе численностью в 1 тыс. человек ушло бы не менее десяти лет⁴⁰⁸.

При сравнении получившихся таблиц бросается в глаза тот факт, что в войска отправлялись не все выпускники Академии. Например, в 1870 г. из неё выпустилось 78 офицеров. В то же время, согласно подсчетам У. Унала, выполненным с опорой на османские архивные материалы, в войска было отправлено только 58 человек. Следовательно, 20 офицеров не стали продолжать военную карьеру, что дополнительно уменьшало приток образованных кадров в османскую армию. Это обстоятельство объясняется тем, что Военная академия являлась не только источником офицерских кадров для вооружённых сил. Часть выпускников решала остаться в ней, либо перейти в другое учебное заведение и продолжить службу в качестве преподавателей, другая часть желала перейти на гражданскую службу и построить карьеру в этой области⁴⁰⁹.

Военная академия стала крайне важным элементом образовательной системы Османской империи, несмотря на небольшое количество выпускников. Султанам Абдулмеджиду и Абдулазизу удалось превратить её в достаточно современное

⁴⁰⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 53.

⁴⁰⁹ Tunalı A.C. Op. cit. P. 142.

учебное заведение, где давалось образование в соответствии с актуальными европейскими стандартами. Академия оказала большое влияние не только на область военного образования, но и на образовательную систему в целом, поскольку являлась источником преподавательских кадров для остальных учебных заведений, не только военных. К 1872 г. преподаватели в большей части гражданских школ, училищ и университетов являлись выпускниками военных учебных заведений⁴¹⁰.

При этом, безусловно, создание и развитие Военной академии стало ключевым этапом в рамках мероприятий по модернизации офицерского корпуса османской армии. Все дальнейшие значимые события в его истории были связаны с деятельностью этого училища, оно оказывало влияние на состояние военной и политической мысли в Османском государстве. Его выпускники добивались высоких постов в военных и политических структурах, Академия стала важным связующим звеном между государством и обществом империи. Необходимо подчеркнуть, что именно её выпускники принимали судьбоносные решения для всего государства. К числу таковых можно отнести, к примеру, генералов Османа Нури-пашу и Мухтар-пашу, отличившихся в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а также проявившего свои командирские навыки в Первой мировой войне и ставшего впоследствии отцом-основателем современной Турецкой Республики Мустафу Кемалю Ататюрку⁴¹¹. Наконец, следует отметить, что Военная академия пережила создавшее её государство и существует по настоящее время.

Тем не менее, Военная академия, несмотря на всю значимость ее вклада в развитие османской истории и вооруженных сил Османской империи, была не единственным высшим учебным заведением, готовившим офицерские кадры. Кроме неё существовали в большей степени узкоспециализированные Высшее инженерное и Высшее медицинское училища. Их деятельность также важна для становления модернизированной османской армии.

⁴¹⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 183.

⁴¹¹ Berkes N. Op. cit. P. 194.

2.1.3 Высшее инженерное училище Османской империи

Высшее инженерное училище (осм. *مهندسخانه بری همایون* / тур. *Mühendishâne-i Berrî-i Hümayûn*) является старейшим из главных военных учебных заведений Османской империи. Его предшественницей является основанная в 1734 г. школа гренадерского дела и геометрии, просуществовавшая до 1740 г. и вновь открывшаяся в 1769 г. Она проработала до 1795 г., пока султан Селим III не принял решение реорганизовать школу и превратить её в высшее училище, после чего она и приобрела свое название⁴¹². Несмотря на то, что годом основания училища османские историки считают именно 1795 г.⁴¹³ (по данным некоторых исследователей – 1793 г.⁴¹⁴), с учетом истории школ, предшествовавших её основанию, можно сказать, что Высшее инженерное училище было старше Военной академии на сто лет.

Будучи созданным изначально сугубо в военных целях, училище с течением времени существенно расширило сферы своей деятельности. Основной его задачей, безусловно, являлась подготовка артиллеристов различных специальностей, специалистов по минно-взрывному делу и военных инженеров. Однако кроме них училище выпускало в том числе и множество гражданских специалистов-инженеров. Поначалу оно обеспечивало кадровые потребности всех государственных отраслей, где могло потребоваться инженерное дело. Однако в 1827 г. из его состава выделилось более узкоспециализированное Морское инженерное училище, готовившее специалистов для османского флота. После этой даты оно продолжило развиваться самостоятельно. При этом выпускников инженерного училища – как и в случае с Военной академией – не хватало для удовлетворения кадровых потребностей вооруженных сил. По этой причине нередко были случаи, когда офицерское звание и должность в воинском подразделении присваивались студентам училища, ещё не окончившим обучение⁴¹⁵. Большая часть выпускников впоследствии

⁴¹² T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 361.

⁴¹³ Esad M. Mirât-ı Mühendishâne. S. 13.

⁴¹⁴ Sakaoğlu N. Osmanlı'dan günümüze eğitim tarihi. İstanbul: İstanbul, 2003. S. 56.

⁴¹⁵ Berkes N. Op. cit. P. 184.

отправилась служить в различные крупные города империи. Часть их, к примеру, работала в Багдаде, Дамаске и Триполи в качестве архитекторов и проектировщиков, создававших здания различных государственных учреждений, прокладывавших дороги и выстраивавших системы водоснабжения ряда османских городов, например, Медины⁴¹⁶. Помимо этого, одной из примечательных особенностей инженерного училища было то, что офицерское звание присваивалось его студентам после успешной сдачи экзаменов на третьем курсе, при переходе на четвертый, несмотря на то что полный срок обучения составлял 4-5 лет⁴¹⁷. Учащиеся других заведений получали воинские звания только по окончании освоения всей программы и сдачи выпускных экзаменов. Наконец, хоть инженерное училище не могло снабдить армию достаточным количеством офицеров, оно приобрело особую важность после основания Военной академии. Оно стало главным источником преподавательских кадров для этого учебного заведения на первых этапах его существования⁴¹⁸.

Занятия в Высшем инженерном училище велись на турецком языке, однако вся учебная литература была написана исключительно на французском. Кроме того, при султанах Махмуде II инженерное училище, как и Военная академия, начало отправлять своих учащихся и преподавателей для дальнейшего обучения и повышения квалификации в различные государства Европы. При этом если специалистов по военному делу и медицине старались отправлять во Францию, Пруссию и Австрию, то военные инженеры, саперы и артиллеристы уезжали главным образом в Великобританию⁴¹⁹. Во Францию было направлено несколько небольших делегаций, также важным направлением для артиллеристов являлась Бельгия⁴²⁰. Основной целью поездок во Францию являлось повышение уровня владения французским языком, поскольку практически вся литература не только инженерного училища, но и всех ведущих военно-учебных заведений Османской империи была

⁴¹⁶ Berkes N. *Op. cit.* P. 184.

⁴¹⁷ Esad M. *Mirât-ı Mühendishâne.* S. 133.

⁴¹⁸ Tunalı A.C. *Op. cit.* P. 140.

⁴¹⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. *Türk silahlı kuvvetleri tarihi.* S. 362.

⁴²⁰ Esad M. *Mirât-ı Mühendishâne.* S. 112.

написана на нём. Соответственно, чтобы впоследствии иметь возможность перевести её на османский язык, сперва требовалось в совершенстве овладеть языком оригиналов⁴²¹. В инженерном училище работали и иностранцы, главным образом немецкие преподаватели. Их наличие объясняется тем, что при формировании артиллерийского корпуса новой османской армии в нём был принят прусский устав, и преподаватели из Пруссии при этом могли быть более эффективными. Их актуальность особенно возросла при султанах Абдулазизе, когда османская артиллерия перешла на использование орудий, изготовленных концерном Круппа, и немецкие специалисты обучали османских солдат владению и обслуживанию этого вооружения⁴²².

После возвращения части офицеров-преподавателей из Европы в 1848 г. в Высшем инженерном училище появилось разделение на две специальности – артиллеристов и инженеров⁴²³. При этом следует обратить внимание на то, что в 1865 г. студенты, которые должны были затем поступить в воинские подразделения, были перемещены в Академию, хотя, судя по всему, числились за Инженерным училищем. Историк этого заведения Мехмед Эсад также отметил, что в 1871 г. они всё же были полностью переведены в Академию⁴²⁴, и это подтверждается данными из «Истории Военной академии», представленными в таблице 10: с 1872 г. она начала выпускать специалистов по артиллерийскому делу, чего раньше не происходило. Эта часть студентов проучилась при Академии до 1878 г., когда было принято решение перевести их обратно в Высшее инженерное училище⁴²⁵. Это также подтверждается данными таблицы, в соответствии с которыми выпуск офицеров Академии по этой специальности прекратился. Если обратить внимание на замечания Мехмеда Эсада, то можно также сделать вывод о том, что студенты, переведенные в Академию, относились не к обычным артиллеристам, а к офицерам, собиравшимся поступать на службу в штабы. Поскольку на тот момент в Академии

⁴²¹ Esad M. *Mirât-ı Mühendishâne*. S. 113.

⁴²² Ünal U. *Sultan Abdülaziz devri*. S. 190.

⁴²³ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. *Türk silahlı kuvvetleri tarihi*. S. 362.

⁴²⁴ Esad M. *Mirât-ı Mühendishâne*. S. 125.

⁴²⁵ Ünal U. *Sultan Abdülaziz devri*. S. 190.

уже существовало отделение по подготовке такого рода офицеров, было принято решение перевести их в это заведение.

Срок обучения в Высшем инженерном училище составлял четыре года, а также один дополнительный год для наилучшим образом показавших себя студентов⁴²⁶. Программа училища была довольно обширной, включала в себя множество предметов и дополнительных дисциплин, зависевших от конкретных специальностей.

- На первом курсе изучались: математика, физика, геометрия, топография (как чтение, так и изготовление карт местности), общий войсковой устав, устав пехотных войск, различное вооружение, имевшееся в османской армии, общие принципы организации воинских подразделений, французский язык, немецкий язык, правила этикета. Эти предметы преподавались студентам всех специальностей, и артиллеристам, и инженерам. Учащиеся подразделения полевой артиллерии имели дополнительные дисциплины, в число которых входили: физическая подготовка, обращение с палашом и саблей, строевая подготовка, практические занятия. Дополнительные занятия были и у студентов направлений крепостной артиллерии и военных инженеров. К ним относились: физическая подготовка, обращение с холодным оружием, строевая подготовка, военное инженерное дело и строительство фортификационных сооружений.
- На втором курсе изучались: устройство вооружения османской армии, возведение легких фортификационных сооружений, инженерное дело, физика, топография, организация и действия войск на марше, правила гигиены, гарнизонные уставы, химия, немецкий язык. Полевые артиллеристы дополнительно обучались верховой езде, обращению с артиллерийскими орудиями (полевыми и горными) и их обслуживанию, топографии, инженерному делу. Крепостные артиллеристы также изучали верховую езду, организацию воинских подразделений и обслуживание крепостных орудий различных видов.

⁴²⁶ Esad M. Mirât-ı Mühendishâne. S. 132.

Военные инженеры учились верховой езде, изучали организацию пехотных подразделений.

- На третьем курсе изучались: устройство стрелкового оружия, история оружия, инженерное дело, физика, военное дело, военная география, геометрия, французский язык, немецкий язык. Полевые артиллеристы дополнительно продолжали учиться верховой езде, к ней добавлялось изучение правил перевозки артиллерийских орудий, а также организация артиллерийских воинских подразделений. Крепостные артиллеристы вдобавок к основным предметам обучались обращению с береговыми орудиями и их обслуживанию, обращению с мортирами, изучали организацию пехотных подразделений. Военные инженеры более подробно изучали устройство пехотных батальонов, продолжали изучение инженерного дела и концентрировались на новой дисциплине – строительстве мостов. Также они изучали баллистику и военную разведку, проводились практические занятия со стрельбами.
- На четвертом курсе изучались: виды и способы применения артиллерийских боеприпасов, баллистика, способы прокладывания дорог, возведение строевых военных назначений, а также артиллерийское дело иностранных государств. Продолжалось изучение французского и немецкого языков, будущие штабные офицеры также изучали общую историю военного дела. Полевые артиллеристы изучали и отрабатывали маневры в составе рот, батальонов и полков, отдельное внимание уделялось действиям артиллерийских подразделений в бою. Крепостные артиллеристы изучали способы применения нарезных мортир (вероятно, имелись в виду мортиры-минометы), и митральез, отрабатывали навыки использования крепостных и береговых орудий, а также изучали фортификацию.
- На пятом курсе, особом, куда принимали только лучших из лучших, в основном будущих штабных офицеров, изучались: высшая математика, механика,

физика, химия, военная история, баллистика, производство вооружения (стрелкового и артиллерийского), французский и немецкий языки⁴²⁷.

Обращает на себя внимание обширность и сложность программы обучения в Высшем инженерном училище. В сравнении с программой Военной академии она представляется более фундаментальной и подробной. Также заметно преобладание технических предметов и значительно более глубокое различие между различными отделениями, чем в Военной академии. Студенты училища имели набор предметов, которые преподавались всем группам, вне зависимости от их специализации. Однако образование ими не ограничивалось, помимо них имелись дополнительные дисциплины, предназначавшиеся для конкретной специальности, артиллеристов (полевых или крепостных), военных инженеров, штабных офицеров. Примечателен и тот факт, что только в инженерном училище преподавался немецкий язык, что было связано, по всей видимости, с прусским уставом, принятым в османских артиллерийских войсках, а также с наличием в османской армии значительного количества немецких артиллерийских орудий.

Как и в случае с Военной академией, численность выпускников Высшего инженерного училища с учетом их специальностей может быть представлено в виде таблицы.

Таблица 12. Численность выпускников Высшего инженерного училища по различным направлениям в период с 1852 по 1881 г. Составлено по материалам: Esad M. Mirât-ı Mühendishâne. S. 168-229; Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S.192.

Год	Инженер	Артиллерист	Инженер-фортификатор	Чертежник	Всего
1852 (1268)	0	9	0	0	9
1853 (1269)	0	10	0	0	10
1854 (1270)	3	6	0	0	9
1855 (1271)	2	4	0	0	6

⁴²⁷ Esad M. Mirât-ı Mühendishâne. S. 137-146.

1856 (1272)	7	9	2	0	18
1857 (1273)	4	8	2	0	14
1858 (1274)	3	8	2	3	16
1859 (1275)	1	4	2	1	9
1860 (1276)	4	6	3	0	13
1861 (1277)	3	10	2	0	15
1862 (1278)	0	15	0	0	15
1863 (1279)	0	26	4	0	30
1864 (1280)	4	9	2	0	15
1865 (1281)	0	12	7	1	20
1866 (1282)	0	12	7	0	19
1867 (1283)	0	18	4	0	22
1868 (1284)	0	18	2	0	20
1869 (1285)	0	25	2	0	27
1870 (1286)	0	13	3	0	16
1871 (1287)	0	15	3	0	18
1872 (1288)	0	13	7	0	20

1873 (1289)	0	18	5	0	23
1874 (1290)	0	12	3	0	15
1875 (1291)	0	5	3	0	8
1876 (1292)	0	13	3	0	16
1877 (1293)	0	13	2	0	15
1878 (1294)	0	13	2	0	15
1879 (1295)	0	0	0	0	0
1880 (1296)	0	9	3	0	12
1881 (1297)	0	8	4	0	12
Всего	31	341	79	5	456

При анализе данных «Таблицы 12» следует обратить внимание на то, что подсчет количества выпускников училища стал возможным только с 1852 г., то есть на четыре года позже, чем в Военной академии. Однако причина такой задержки Мехмедом Эсадом, собравшим эти данные, не объясняется. Бросается в глаза также отсутствие данных о выпуске за 1879 г. В этот год осуществлялся перевод студентов из Военной академии назад в училище, и по какой-то неизвестной причине они учтены не были, либо выпуск не состоялся по техническим причинам, связанным с переводом. Кроме того, заметно преобладание среди выпускников специалистов по артиллерийскому делу. Помимо них достаточно регулярно выпускались инженеры-фортификаторы, а инженеры общего направления перестали выпускаться с 1864 г. Наименьшим является число выпускников-военных чертежников, за 30 лет их выпустилось всего пять человек. Очевидным является то, что приоритетом для училища являлась именно подготовка артиллеристов – военных специалистов,

которых больше всего не хватало в армии. Но если учесть крайне скромные по объёму выпуски училища, значительно более малочисленные, чем выпуски Военной академии, то можно заключить, что приток таких офицеров-артиллеристов был крайне небольшим и не мог существенно изменить ситуацию в османской армии. Вдобавок к этому следует также иметь в виду, что не все выпускники училища отправлялись на военную службу, соответственно, численность поступавших в войска было ещё меньше. В то же время, количество тех, кто предпочел гражданскую карьеру, среди выпускников училища было меньшим.

Малые объёмы выпусков объясняются в том числе и сложностью, и насыщенностью учебной программы Высшего инженерного училища. Его студенты изучали больше предметов, чем учащиеся других заведений. В их перечень входил широкий спектр дисциплин из числа точных и естественных наук, иностранные языки и специфические военные предметы. Безусловно, такая программа являлась весьма требовательной и была не каждому по силам. Кроме того, стоит подчеркнуть, что западные исследователи указывали на высокий уровень образования османских инженеров и артиллеристов. Единственным поводом для критики с их стороны стало лишь то, что военные инженеры, выпускавшиеся училищем, по своим навыкам больше походили на гражданских специалистов, чем на военнослужащих. Изучение инженерного дела, архитектуры, систем водоснабжения, прокладки дорог и строительства занимало большую часть программы, и военным компонентам образования уделялось существенно меньше внимания, ввиду чего с военной точки зрения такие специалисты оказывались менее компетентными, чем европейские⁴²⁸.

Наблюдения западных исследователей подкрепляются в том числе показаниями российских военных деятелей и советников. Они отмечали, что из всех родов войск и видов подразделений в османской армии именно артиллеристы показывали себя наилучшим образом. Практически во всех столкновениях они отличались высокой скоростью адаптации к требованиям времени и обстановки, удачным

⁴²⁸ Uyar M., Erickson E.J. *Op. cit.* P. 178.

выбором огневых позиций, точным определением дистанции до цели и меткостью огня. Кроме того, несмотря на тенденцию к усложнению как оружейных систем, так и боеприпасов к ним, проявившуюся со второй половины XIX в., качество, эффективность и боеспособность османской артиллерии не снизились. Во многом причиной этого стал тот факт, что значительная часть артиллерийского офицерского корпуса состояла из воспитанников Высшего инженерного училища⁴²⁹.

Это, впрочем, не означало отсутствие изъянов у этой части османской военной машины. Русские военные осведомители имели возможность наблюдать за ходом артиллерийских учений в окрестностях Битолы в октябре 1873 г. В них были задействованы как конные, так и пешие подразделения. Всего в них имелось 30 орудий, из которых 18 были современными казнозрядными, к тому же ожидалась поставка из Стамбула партии пушек Круппа. Максимальное расстояние выстрелов было установлено в 3200 шагов, минимальная дистанция, на которую стреляли картечью – 400 шагов. Мюшир Румелийской армии признал учения неудовлетворительными: 40% ядер легло «неизвестно где», 20% – по сторонам от цели в 10-20 саженьях от неё, 20% перелетели, и только 20% выстрелов из более чем 200 оказались удачными. Артиллерийский парк также не отличился хорошим состоянием – часто ядра зарывались в землю, не разрываясь. В результате начальник артиллерии Ибрагим-паша получил замечание по завершении учений. При этом официальный отчет, направленный в столицу, преподнёс картину в совершенно ином виде⁴³⁰. Эти наблюдения показывают, что артиллерия османской армии не была лишена проблем, связанных как с состоянием военной техники, так и с уровнем подготовки военнослужащих. Тем не менее, следует отметить, что на фоне остальных воинских подразделений эти войска выделялись в лучшую сторону.

В целом, Высшее инженерное училище являлось в большей степени узкоспециализированным учебным заведением, чем Военная академия. Оно концентрировалось не столько на военной науке в общем, сколько на отдельных её направлениях, прежде всего артиллерии и инженерном деле. Отчасти это также объясняет

⁴²⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 53.

⁴³⁰ Там же.

небольшое количество выпускников училища. Его недостатки, в свою очередь, стали логичным продолжением его достоинств – сложная и объёмная учебная программа позволяла подготовить высококлассных специалистов, но была под силу лишь наиболее способным студентам. Наконец, несмотря на сохранение ряда изъянов, османские артиллеристы достойнее остальных подразделений зарекомендовали себя, и немалую роль в этом сыграло наличие отвечающего требованиям времени образовательного центра. Вместе с тем, военная образовательная система Османской империи не ограничивалась Высшим инженерным училищем и Военной академией. Тройку крупнейших и важнейших военно-учебных заведений замыкало Высшее медицинское училище.

2.1.4 Высшее медицинское училище Османской империи

В течение длительного времени Османская империя не имела возможностей для систематизированной подготовки специалистов-медиков. По сути, учебные заведения, образующие сферу высшего медицинского образования, в ней полностью отсутствовали. Это грозило достаточно серьезными проблемами, создание механизма подготовки медицинских кадров становилось императивом для Османского государства. Данная необходимость обуславливалась рядом причин. Среди таких можно выделить весьма частые и крайне смертоносные вспышки холеры, занесенной на Ближний Восток из Индии. Они происходили по всей империи, нередко возникая в армейских казармах и лагерях, из-за чего срывались учения, и войска приходилось переводить в более отдаленные регионы с меньшим количеством населения, не обходилось при этом без потерь⁴³¹. Другой причиной стала бесконтрольная деятельность большого количества врачей-иностранцев на территории государства. Поскольку собственных османских медиков в империи не

⁴³¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4367. Л. 28.

имелось, власти позволили иностранцам приезжать и работать врачами в гражданской и военной сферах, однако способов проверки и подтверждения их квалификации по состоянию на начало XIX в. не имелось⁴³².

Приступая к масштабным преобразованиям, султан Махмуд II обратил внимание на системные проблемы в области медицины и предпринял первые шаги по их решению практически сразу после уничтожения янычарского корпуса и основания новой армии. На следующий год после него, в 1827 г. в Стамбуле открылась первая в Османской империи медицинская школа (осм. طبخانه / тур. Tıphâne), начавшая готовить врачей, а спустя ещё один год, в 1828 г., также в Стамбуле, была открыта хирургическая школа (осм. جراحخانه / тур. Cerrâhhâne)⁴³³. В 1831 г. оба этих заведения претерпели первые реформы, целью которых было внедрение более современных западных стандартов образования. Для их реализации в школы были приглашены французские профессора, и таким образом, в области медицины иностранные преподаватели появились раньше, чем в Военной академии. Два учреждения существовали параллельно друг другу вплоть до 1838 г., когда султан Махмуд II принял решение объединить две школы в одно училище, которое должно было стать центром медицинского образования в Османской империи. Новое учебное заведение получило название Высшего медицинского училища (осм. مكتب طبية شاهانه / тур. Mekteb-i Tıbbiyye-i Şâhâne)⁴³⁴, оно стало самым молодым из крупнейших османских училищ.

С самых первых дней своего существования медицинское училище столкнулось с рядом серьезных вызовов. Как и в других образовательных учреждениях, весь учебный процесс в нём мог проходить только на французском языке, это в первую очередь касалось специальной литературы, не издававшейся в то время на османском языке. Это требовало от учащихся дополнительной языковой подготовки. Кроме того, несмотря на то, что падишах в своей торжественной речи по случаю открытия училища отдельно подчеркнул, что открывалось оно для всех

⁴³² Berkes N. Op. cit. P. 185.

⁴³³ Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 12.

⁴³⁴ Ibid. P. 18.

учащихся из числа османских подданных, вне зависимости от их вероисповедания или мазхаба⁴³⁵, реальное положение дел несколько отличалось от озвученного в обращении султана. Администрация на первых порах стремилась зачислять в училище именно студентов-мусульман, поскольку среди этой прослойки населения медиков было крайне мало, причем публичный отказ от этой практики произошел только при султанине Абдулазизе в 1863 г.⁴³⁶

Именно эта категория учащихся оказалась наиболее сложной для училища. Дело заключалось в том, что большая часть мусульман Османской империи получала исключительно религиозное образование, оканчивая медресе. Но знаний, получаемых в исламских школах, критически не хватало для освоения программы высшего учебного заведения, выстраиваемой по современным европейским стандартам. К числу таких заведений относилось и медицинское училище. На начальных этапах деятельности оно не имело никаких подготовительных школ, откуда можно было бы набирать студентов. В результате в училище поступали люди, в лучшем случае имевшие начальное образование, а само заведение было вынуждено выполнять функции средней и старшей школы вдобавок к обязанностям медицинского института. Из-за крайне низкого уровня образования поступавших, училищу пришлось включить в программу подготовительные занятия. Они касались общей теории науки, арабского языка, османской грамматики и фарси. Только потом, постепенно они дополнялись дисциплинами, более близкими к специальности – физикой, химией, зоологией и ботаникой. За ними следовали уже сугубо медицинские предметы, такие как физиология, анатомия, военная хирургия и клиника внутренних болезней⁴³⁷.

Деятельность медицинского училища была невозможной без участия иностранных специалистов среди преподавательского состава. Они приступили к работе незамедлительно после его открытия. Главным среди них был профессор из Вены Карл Бернад, преподававший анатомию и клинику внутренних болезней.

⁴³⁵ Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 22.

⁴³⁶ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 183.

⁴³⁷ Berkes N. Op. cit. P. 187.

Для студентов училища он написал ряд учебников, впоследствии переведенных на османский язык. После его смерти в 1844 г. его место занял австрийский профессор Сигмунс Спитцер, являвшийся в то же время личным врачом султана Абдулмеджида⁴³⁸.

Несмотря на стремление администрации набрать в училище больше мусульман, она не могла полностью отказаться от приема немусульман и закрыть им доступ к образованию. С учетом того, что мусульман в училище поступало достаточно мало, в скором времени число немусульман существенно выросло. Несмотря на то, что документы о численном составе учащихся за первые годы существования училища были утрачены, несколько более поздние данные показали, что, к примеру, в 1846 г. четверо студентов были отправлены в Вену на стажировку, и лишь один из них был мусульманином. Из оставшихся троих один был армянином, двое других – греками, придерживавшимися христианского вероисповедания. В 1847 г. в училище обучалось 314 мусульман и 95 немусульман, среди них также было 300 турок, 40 греков, 29 армян и 15 евреев⁴³⁹.

Срок обучения в Высшем медицинском училище поначалу составлял четыре года, а затем был увеличен до пяти лет. После того как в 1855 г. при училище появились собственные подготовительные заведения, на которые легла обязанность по обеспечению учащихся подходящим средним образованием, суммарный срок подготовки врача в Османской империи составил 11 лет⁴⁴⁰. Это позволило несколько изменить учебную программу, оставив в ней главным образом специальные дисциплины.

- На первом курсе изучались: основы мусульманской религии, французская медицинская литература, немецкая медицинская литература, правила этикета, анатомия (с проведением аутопсии), фармацевтика, физическая культура;

⁴³⁸ Berkes N. Op. cit. P. 187.

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 184.

- На втором курсе изучались: религия, французская медицинская литература, немецкая медицинская литература, гистология, анатомия, эпидемиология, общая хирургия, аутопсия, правила санитарии и гигиены, цитология, медицинская терминология, физическая культура.
- На третьем курсе изучались: религия, анатомия, французская медицинская литература, немецкий язык, бактериология.
- На четвертом курсе изучались: хирургия, клиника внутренних болезней, гигиена, химия, дерматология, французский и немецкий языки.
- На пятом курсе изучались: гигиена и санитария, внутренние болезни, патологическая анатомия, различные области педиатрии и хирургии, в том числе военной⁴⁴¹.

Обращает на себя внимание то, что количество дисциплин в программе медицинского училища было меньше, чем в инженерном и Военной академии. Степень специализации при этом была высокой, нарастая с течением времени. Подтверждение того, что училищу приходилось выполнять в том числе функционал общеобразовательного учреждения, является наличие в учебной программе предметов, связанных с религией и богословием. Кроме того, большое внимание уделялось языковой подготовке учащихся, как общей, так и специальной. Сугубо медицинские дисциплины начинали преобладать в программе лишь к третьему курсу, когда прекращалось преподавание религиозных предметов. Заметна и ориентированность училища на подготовку врачей различных специальностей, а не только военных, что показывает наличие фармацевтов и педиатров.

Что касается информации о численности выпускников, то как и в случае с инженерным училищем, эти данные о медиках появляются не одновременно с основанием их учебного заведения, а спустя несколько лет, с 1843 г. Однако в случае с медицинским училищем ясна причина, по которой отсутствовали данные за более ранний период – в его здании в районе Галаты в Стамбуле произошел пожар, из-за чего значительная часть документов сгорела и не могла быть восстановлена, а

⁴⁴¹ Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 111-114.

уцелели лишь бумаги с 1843 г.⁴⁴² Сохранившаяся информация представлена в виде таблицы:

Таблица 13. Численность выпускников Высшего медицинского училища по различным направлениям в период с 1843 по 1881 г. Составлено по материалам: Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 137-238; Tahsin R. Op. cit. T. 2. S. 3-16; Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 189-190.

Год	Врач	Фармацевт	Хирург	Ассистент	Ветеринар	Всего
1843 (1259)	17	3	0	0	0	20
1844 (1260)	7	3	4	4	0	18
1845 (1261)	9	2	2	0	0	13
1846 (1262)	4	4	4	0	0	12
1847 (1263)	7	3	2	8	0	20
1848 (1264)	5	3	2	0	0	10
1849 (1265)	5	2	5	0	0	12
1850 (1266)	19	4	6	0	0	29
1851 (1267)	11	9	3	0	0	23
1852 (1268)	12	0	8	2	0	22
1853 (1269)	11	6	10	4	0	31
1854 (1270)	12	7	5	12	0	36
1855 (1271)	7	3	4	6	0	20

⁴⁴² Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 137.

1856 (1272)	7	2	2	2	0	13
1857 (1273)	16	5	6	7	0	34
1858 (1274)	17	0	9	0	0	26
1859 (1275)	9	3	0	0	0	12
1860 (1276)	29	5	0	0	0	34
1861 (1277)	20	23	23	2	0	68
1862 (1278)	12	0	6	3	0	21
1863 (1279)	6	14	9	0	0	29
1864 (1280)	4	6	1	0	0	11
1865 (1281)	13	9	4	0	0	26
1866 (1282)	17	3	0	0	0	20
1867 (1283)	49	0	0	0	0	49
1868 (1284)	32	1	0	0	0	33
1869 (1285)	11	1	0	0	0	12
1870 (1286)	20	1	2	3	0	26
1871 (1287)	24	1	0	0	0	25
1872 (1288)	26	0	0	0	0	26

1873 (1289)	38	0	0	1	0	39
1874 (1290)	39	1	0	0	14	54
1875 (1291)	43	2	0	0	6	51
1876 (1292)	27	2	0	0	6	35
1877 (1293)	65	1	0	0	0	66
1878 (1294)	28	0	0	0	0	28
1879 (1295)	5	0	0	0	0	5
1880 (1296)	28	7	0	0	0	35
1881 (1297)	18	6	0	0	0	24
Всего	729	142	117	54	26	1068

Данные «Таблицы 13» показывают, что о количестве выпускников Высшего медицинского училища сохранилось больше всего информации. Уцелели подсчеты с 1843 г., в то время как в Академии они имелись лишь начиная с 1848 г., а в Высшем инженерном училище – с 1852 г. Помимо этого, обращает на себя внимание то, что по численности выпускников Высшее медицинское училище более чем два раза превосходило инженерное училище, однако в два раза уступало Военной академии по этому показателю.

Тем не менее следует отметить, что Высшее медицинское училище являлось наименее военизированным учебным заведением из тройки крупнейших учреждений высшего образования в Османской империи, поставлявших кадры в османскую армию. Следствием этого являлось большее количество выпускников, после обучения становившихся гражданскими врачами, а не военными медиками, а значит меньшее количество специалистов направлялось в войска. Таким образом,

медицинское училище, как и остальные заведения, не было способно удовлетворить кадровые потребности военной машины. На протяжении всего столетия османская армия остро нуждалась в четко выстроенной и достаточно обеспеченной медицинской системе, медиков в ней не хватало, она страдала от высокого уровня небоевых потерь, вызываемых регулярными вспышками тифа и холеры⁴⁴³. Создание специального учреждения по подготовке медиков не решило эти проблемы.

Османские власти так и не смогли отказаться от практики найма вольнопрактикующих врачей из различных государств Европы. Единственное что в этой сфере стало возможным, это установление более жесткого контроля над их деятельностью и проведение экзаменов и аттестаций, подтверждавших квалификацию специалистов, прибывавших из других стран. Эта практика стала системной, в османской армии появились врачи трёх категорий. К первой относились те, кто прибыл из Европы и при этом имел при себе диплом об окончании какого-либо западного медицинского учебного учреждения. Ко второй – лица, прибывшие из Европы и сообщившие о наличии у них медицинских навыков, но не предоставившие никаких документов об окончании соответствующего учебного заведения. Им предоставлялся шанс подтвердить свои слова на деле, для них устраивали экзамен в медицинском училище. Успешно выдержавшие его получали османские врачебные дипломы и могли практиковать наравне с остальными врачами. К третьей категории относились такие же приезжие, отказавшиеся от прохождения экзамена в училище. Дипломы им не присваивались, и как правило, они могли работать только в качестве ассистентов и медсестер⁴⁴⁴.

Другим аспектом, в котором положение дел практически не изменилось с течением времени после создания Высшего медицинского училища, стала организация различных систем оказания медицинской помощи, прежде всего военных. Османские медики действительно изучали новейший научный опыт своих европейских коллег и наставников, однако они не уделяли внимания их организационному опыту. В то же время армия была к этому особенно чувствительна, в ходе боевых

⁴⁴³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4367. Л. 14.

⁴⁴⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4368. Л. 26.

действий раненым требовалось как можно скорее оказать необходимую помощь, а для этого крайне важно было наличие эшелонированной системы военных госпиталей, где помощь можно было оказывать поэтапно. Не менее важной была способность в кратчайшие сроки развернуть такие госпитали, однако ни в одном учебном плане медицинского училища такие аспекты не затрагивались, не отрабатывались они даже при отправке османских врачей в Европу на обучение. Результатом пренебрежения к этой области военной медицины стало практически полное отсутствие полевых госпиталей, что существенно повышало потери в случае любого боестолкновения – более длительная транспортировка раненых быстро снижала вероятность благоприятного исхода для них. Кроме того, в османской армии фактически не существовал институт медицинских сестёр, имелись только ассистенты, однако их было крайне мало – всего 54 человека за 38 лет выпустилось по этой специальности. Без них врачи не могли надлежащим образом оказывать помощь⁴⁴⁵.

При этом в других армиях этой области уделялось значительно больше внимания. В России уже в ходе Крымской войны появилась и функционировала Крестовоздвиженская община сестер милосердия, оказывавшая посильную помощь раненым и больным⁴⁴⁶. Медицинские сестры имелись и на османской стороне, среди них отдельно следует выделить деятельность британской медсестры Флоренс Найтингейл. На начальных этапах войны она служила в казармах Селимийе в Стамбуле, после чего была переведена на территорию Крыма. Благодаря ее работе в полевых госпиталях уровень смертности среди раненых и заболевших снизился с 47% до всего лишь 2%⁴⁴⁷. Однако после войны все иностранные сестры милосердия покинули Османскую империю, а власти не обратили внимания на их деятельность и не извлекли из неё никаких выводов, институционализации сестринского дела так и не произошло.

⁴⁴⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 43.

⁴⁴⁶ Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855. СПб., 1856. С. 2.

⁴⁴⁷ Dictionary of National Biography / ed. by Lee S., Sir. Volume 3. London, 1912. P. 17.

В целом, несмотря на создание специального высшего учебного учреждения, по крайней мере военная медицина в Османской империи в течение периода активных реформ пребывала лишь в зародыше. Она существенно отставала от тенденций в европейских государствах, а предпринимаемых властями мер было недостаточно для кардинального изменения ситуации.

Наиболее активное развитие и преобразования в Высшем медицинском училище произошли не при султанах Махмуде II, его основавшем, а при султанах Абдулазизе. Именно его деятельность и реформы позволили включить данное учебное заведение в перечень основных институтов, обеспечивавших формирование современного офицерского корпуса османской армии. Султан Абдулазиз пожаловал учащимся и выпускникам медицинского училища право ношения служебного холодного оружия, это произошло 21 марта 1864 г. Такое решение уравнило воспитанников училища со студентами сугубо военных учебных заведений⁴⁴⁸.

Кроме того, по указу султана в 1870 г. был утвержден законодательный акт, систематизировавший медицинские специальности. С этого момента выпускники Высшего медицинского училища распределялись по трём категориям, врачи делились на главных врачей, обычных врачей и ассистентов, фармацевты и хирурги делились по тому же принципу в зависимости от результатов экзаменов и учебы. Этот акт был принят в дополнение к указу о распределении по категориям иностранных специалистов, он также разрешил их найм только в том случае, если собственных медиков не хватало – вместо них набрать европейских врачей стало невозможно⁴⁴⁹.

Необходимо подчеркнуть, что врачи в Османской империи были полностью интегрированы в военную систему. Им не только было предоставлено служебное оружие, но и по окончании обучения в случае успешной сдачи экзаменов им присваивалось офицерское воинское звание не ниже лейтенанта, а чаще всего выше – капитана или майора. Многие османские врачи впоследствии продвигались по службе, порой доходя до звания полковников. Кроме того, после обучения в училище его выпускники проходили дополнительное обучение (по всей видимости,

⁴⁴⁸ Tahsin R. Op. cit. T. 1. S. 33.

⁴⁴⁹ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 184.

подобное интернатуре) в военной больнице Хайдарпаша, где они наработывали опыт и практику по своим специальностям. После очередного экзамена они прикреплялись к воинским подразделениям и распределялись по медицинским учреждениям в других регионах. Безусловно, военный аспект службы для них был в большей степени формальным, чем для выпускников других заведений. Врачи принимали гражданских в больницах, не обязательно закрепленных за каким-либо военным округом, военная служба не накладывала ограничений на их деятельность. Однако следует иметь в виду, что несмотря на это, они являлись полноценными офицерами османской армии и в случае начала военных действий могли быть отправлены в войска для оказания помощи на поле боя. Медики являлись одной из крайне важных составляющих османского офицерского корпуса, несмотря на то что их служба была в меньшей степени детерминирована сугубо военной необходимостью⁴⁵⁰.

В целом, следует отметить амбивалентность результатов преобразований в области высшего военного образования Османской империи. Султаны – как Махмуд II, так и его преемники – преследовали цель создать для вооруженных сил источник квалифицированных офицерских кадров, от нехватки которых страдала армия. Она нуждалась в хорошо подготовленных, образованных в соответствии с новейшими европейскими стандартами военной науки командирах всех рангов, способных эффективно управлять воинскими подразделениями от небольших рот до многочисленных и сложно устроенных армейских корпусов. Создание учебных заведений, где становилась возможной подготовка необходимых специалистов по военной науке, техническим специальностям и медицине в таких условиях выглядит весьма логичным и рациональным ходом. Более того, преодоление падишахами своего нежелания связывать армию с деятельностью иностранных специалистов действительно сделало для них возможным следить и внедрять новейшие тенденции в сфере военного дела.

⁴⁵⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 187.

Формирование военных училищ также протекало успешно. Некоторые из них создавались с нуля, другие, по сути, возрождали школы, созданные в более ранний период, как это было, к примеру, в случае Высшего инженерного училища. Постепенно в них разрабатывались и утверждались учебные программы по самым важным для государства специальностям, с опорой на новейшую европейскую литературу. Среди преподавательского состава всех училищ присутствовали иностранные специалисты, а спустя небольшое время была уже налажена практика отправки в Европу османских военнослужащих, откуда они возвращались именно такими офицерами, в которых больше всего нуждалась армия. Учебные планы образовательных учреждений также не стояли на месте, они развивались, корректировались. По сути, в Османской империи появлялось доступное современное высшее образование. Качество его также было на высоте и отвечало всем необходимым на тот момент критериям современности. В особенности это касалось Высшего инженерного училища и Военной академии. В целом, задача создать образовательные центры, способные выпускать образованных офицеров, корпус которых должен был стать одной из основ модернизированной османской армии, была выполнена.

Однако у такого успеха была своя цена и последствия. Обратной стороной масштабных реформ в сфере высшего военного образования и прогресса, к которому они привели, стал крайне длительный срок подготовки столь необходимых специалистов и весьма скромные объёмы ежегодных выпусков всех крупнейших военных училищ. За период с 1843 по 1881 г. Военная академия, Высшее инженерное и медицинское училища подготовили всего 3798 человек. При этом следует иметь в виду, что не все выпускники приняли решение по окончании учебы заступить на военную службу. Также важно учитывать, что в этот период Османская империя провела две больших войны – Крымскую и русско-турецкую 1877-1878 гг., помимо них она была вынуждена задействовать армейские подразделения и в многочисленных внутренних конфликтах. Все эти столкновения оборачивались боевыми потерями в том числе среди образованных офицеров. Все эти факторы дополнительно снижали их численность в войсках и не позволяли властям достичь

желаемой цели – завершить формирование офицерского корпуса в масштабах всей армии.

О масштабах сохранявшейся проблемы говорит замечание современных исследователей, согласно которому по состоянию на 1877 г., то есть, накануне и в ходе войны с Российской империей, из 20 тыс. офицеров османской регулярной армии лишь 1600 человек являлись выпускниками Военной академии и полноценно образованными людьми. В семи армейских корпусах вместе взятых насчитывалось лишь 132 офицера штаба, окончивших одно из военных училищ или Академию. Наибольшая концентрация таких офицеров наблюдалась в артиллерийских войсках, где образованные командиры составляли около 20% от всего офицерского состава, что являлось наивысшим показателем среди всех османских воинских подразделений⁴⁵¹. Вероятно, этим объяснялась более высокая эффективность этого рода войск по сравнению с кавалерией и пехотой⁴⁵².

Таким образом, создание высших военных учебных заведений в долгосрочной перспективе не решило проблему формирования османского офицерского корпуса. Цели реформ в этой области были достигнуты лишь частично. Центры по подготовке будущих офицеров, безусловно, были созданы и вели свою деятельность вполне успешно. Но темпы их работы, обусловленные сложностью учебных программ, а также небольшое количество выпускников, поступавших в войска спустя 5-6 лет обучения, магистральную задачу по формированию офицерской прослойки выполнить не позволили.

Османские власти осознавали наличие данной проблемы, однако они не были готовы идти на сокращение программ и снижение качества образования. Кроме того, султаны понимали, что в ряде специальностей крайне длительная подготовка была обусловлена низким качеством начального и среднего образования, необходимого для получения высшего, как это было, например, в случае с Высшим медицинским училищем. Это обстоятельство заставило султанов обратить внимание на положение дел в этой сфере. Наличие общеобразовательных школ могло стать

⁴⁵¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 178.

⁴⁵² Ibid.

важным дополнением к созданной системе высшего образования и повысить уровень компетентности тех учащихся, кто впоследствии собирался поступить в военные училища и выстроить военную карьеру. По этой причине потребность в образованных офицерах сперва стала триггером преобразований не только в области специальных военно-учебных заведений, но и в общеобразовательной сфере.

2.1.5 Реформы начального и среднего образования

Создание специализированных высших военных учебных заведений в Османской империи не решило всех проблем формирования офицерского корпуса. Более того, оно обнажило ряд новых изъянов в этой сфере. Учебные программы военных училищ были весьма требовательными в отношении учащихся. Они подразумевали, что поступившие в одно из учебных заведений имели минимальные необходимые знания основ математики, естественных наук и иностранных языков. Чтобы соответствовать этим критериям, студенты должны были получить начальное и среднее образование перед тем, как оказаться в училище. Однако существовавшая в рассматриваемый период образовательная система Османской империи не могла обеспечить требуемый уровень подготовки. В целом, единственным образованием, которым могли быть обеспечены будущие офицеры на начальном и среднем уровнях, являлось традиционным и религиозным. Наиболее распространенными учебными заведениями таких уровней являлись мектебы и медресе, по сути являвшиеся проводниками влияния религиозных авторитетов, удерживавшего, таким образом, монополию на образование для всего мусульманского населения Османского государства. Однако ввиду отсутствия общего образования студенты оказывались совершенно не готовы к службе в модернизируемой на западный манер армии, где научный компонент должен был выйти на передний план. Кроме того, эта проблема была актуальна не только для вооруженных сил, но и для всего государственного административного аппарата. Наконец, её решение могло

ускорить сроки подготовки основы офицерского корпуса и снять с высших учебных заведений необходимость выполнять функции общеобразовательных школ. Османские власти при этом были осведомлены о наличии проблем в этой области. Вопросам образования было уделено значительное внимание в рамках реформ Танзимата. Однако обновление этой системы происходило постепенно и осторожно, чтобы не спровоцировать реакцию со стороны религиозных авторитетов.

Различные комиссии и советы приступили к разработке образовательных программ и попыткам создать системы школ после опубликования Гюльханейского *хатт-и шерифа*, ознаменовавшего начало масштабных преобразований в 1839 г. Сразу после этого события была сформирована Временная комиссия по образованию, просуществовавшая до 1846 г. Затем она была преобразована в Совет общего образования, переведенный под контроль министерства торговли. На следующий год, в 1847 г. он был превращен в министерство школ, просуществовавшее до 1866 г. – только тогда в Османской империи появилось полноценное министерство всеобщего образования⁴⁵³. Учебные программы создавались всеми этими учреждениями, а также множеством комиссий и комитетов при них. В результате появились сотни разнообразных проектов, как точечных, так и системных. Однако привести все эти наработки к общему знаменателю, объединить их в структуру, способную готовить специалистов в различных областях помимо военной на всех уровнях, не удавалось, что затрудняло реформы в этой области.

Дополнительно усложняло и замедляло развитие системы государственного начального и среднего образования то обстоятельство, что значительная часть мусульманского населения Османской империи придерживалась консервативных взглядов, не принимала новых форматов образования и в целом, не была заинтересована в реформах в этой сфере. Помимо этого, расходы на широкий спектр других преобразований быстро истощали бюджет, в результате чего область образования страдала от хронического недофинансирования.

⁴⁵³ Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II. P. 106.

Первым этапом внедрения западного образования стало создание подготовительных школ, куда должны были перейти ученики, закончившие обучаться в религиозных заведениях. Они были рассчитаны на детей приблизительно от 10 до 15 лет. Необходимо подчеркнуть, что в течение длительного времени формирование светских учебных заведений западного образца ограничено лишь Стамбулом и некоторыми близкими к нему округами. В провинциальных регионах такое образование появилось значительно позже⁴⁵⁴. Основными причинами, затруднявшими распространение образования этого типа, стали не только консервативные взгляды населения и финансовые проблемы, но и отсутствие достаточно квалифицированного преподавательского состава. В условиях нехватки средств не всегда имелись возможности обслуживать здания школ и нанимать учителей из числа османских подданных, не говоря о том, чтобы привлекать на эти должности иностранцев.

На крайне медленное распространение вестернизированной системы начального и среднего образования, без которой подготовка офицеров становилась проблематичной, обратило внимание армейское командование – *сераскерат*. Не желая ждать, пока структура образования распространится по территории империи, ведомство взяло это направление в свои руки, сфокусировавшись на подготовке к получению военного образования. Под его контролем была создана Школа военных наук, где больший упор делался на инженерное дело и математику, отдельные аспекты военной науки. Образование, полученное в школе, позволяло выпускникам в дальнейшем начать карьеру не только на военной, но и на государственной службе. Однако главной целью было создание армейской системы подготовительных школ, существовавших параллельно гражданским. Её основы были заложены несколько позднее, в 1855 г. В первую очередь такие заведения появились в Стамбуле, однако затем открылись также в Сараево, Эрзуруме и Багдаде. Учащиеся этих школ получали дополнительную подготовку перед поступлением в Военную академию. Основанная военными система развивалась значительно быстрее: со временем каждый армейский корпус стал обязан учредить минимум одну среднюю

⁴⁵⁴ Sakaoğlu N. Op. cit. P. 70.

школу и несколько начальных во вверенном ему военном округе. Это позволяло населению получать современное общее образование в том числе в провинциальных регионах до того, как до них доходили нововведения в образовании со стороны гражданских институтов⁴⁵⁵.

Новый стимул к развитию армейская система школ получила по окончании Крымской войны. Командование стало значительно больше внимания уделять выкристаллизовавшейся организационной структуре. Она получилась трёхчастной. Первым её уровнем были начальные школы, именовавшиеся *рюшдийе* (осм. رشديه / тур. rüşdiye). За ним следовали средние школы под общим названием *идадийе* (осм. اعداديه / тур. idadiye). В качестве старшей выступала школа при Генеральном штабе. Подобное разделение было внедрено также и в общих гражданских школах, однако несколько позднее, поскольку эта система прогрессировала медленнее. Помимо этого, в гражданской сфере имелся свой аналог школы при штабе – Султанская школа. Однако, в отличие от военного заведения, образование в ней было платным, что позволить себе могли не все слои населения. Срок обучения в начальных школах составлял три-четыре года, причём каждый учебный год завершался экзаменами по всем предметам. В военных школах изучались: грамматика турецкого и персидского языков, основы ислама, турецкое правописание, каллиграфия и черчение. На следующий год предметы дополнялись синтаксисом арабского языка, арифметикой, географией, фарси, правописанием османского, французским языком, каллиграфией и черчением. Затем продолжали изучаться логика и основы арабского языка, арифметика, геометрия, география, природа, основы османского языка, французский язык, турецкий язык, каллиграфия и черчение⁴⁵⁶. В средних школах предметы усложнялись. К примеру, по состоянию на 1870 г. в них изучались черчение, составление карт, физическая культура, персидский, арабский, французский и османский языки, правила письма, каллиграфия, различные почерки, необходимые для письма арабской графикой, обязательно изучалось художественное письмо, составление сочинений и написание разного рода письменных

⁴⁵⁵ Sakaoğlu N. Op. cit. P. 107.

⁴⁵⁶ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 169.

работ. Изучалась и природа – биология и ботаника на элементарных уровнях, а также риторика, математика более высокого уровня, арифметика, геометрия и тригонометрия, география, космография и история⁴⁵⁷.

В целом, данные преобразования можно оценить скорее в позитивном ключе, чем в негативном. По сути, османская армия оказалась в авангарде распространения обязательного и всеобщего современного образования по всей территории государства. Школы открывались в первую очередь в столице, но ей не ограничивались, в 1860-е гг. они существовали уже на территории Балкан и распространялись по Анатолии⁴⁵⁸. Учебные программы получились весьма обширными, особое внимание обращает на себя большое количество предметов, посвященных изучению иностранных языков, в том числе французского, необходимого для взаимодействия с Европой. Таким образом, учащиеся действительно получали более высокий уровень образования перед тем как приступить к обучению в высших военных учебных заведениях. Такая система в долгосрочной перспективе могла решить большинство проблем, связанных с формированием офицерского корпуса.

Однако она не была лишена проблем и изъянов. Поскольку школ открывалось много, а учителей для них не хватало, обычным делом стало назначение преподавателей для провинциальных школ из числа городских. Стоит отметить, что не все из них желали менять место жительства и уезжать в сельскую местность из городов. Сложная ситуация складывалась и с учебной литературой – большая ее часть имела только на европейских языках и не была переведена на турецкий. В то же время, ученики не владели ими в той мере, которая позволила бы воспринимать написанный материал. Наконец, не только консервативное мусульманское население испытывало недовольство из-за внедрения новых, в большей степени западных стандартов образования. Аналогичная реакция последовала и со стороны других миллетов: османские подданные других вероисповеданий так же, как и

⁴⁵⁷ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 173.

⁴⁵⁸ Sakaoğlu N. Op. cit. P. 72.

мусульмане, желали, чтобы их дети обучались в собственных учреждениях каждого миллета, несмотря на введение принципа равенства в сфере образования⁴⁵⁹.

Эти трудности, безусловно, тормозили развитие османской образовательной системы, даже когда она находилась под управлением *сераскерата*. Однако они не могли полностью остановить реформы – система продолжала развиваться. Необходимо подчеркнуть, что основная заслуга в этой области принадлежит именно армейским институтам. Фактически в Османской империи начальное и среднее образование было разделено на две сферы: гражданскую под контролем министерства школ, а позже – министерства общего образования, и военную под контролем *сераскерата* и командования военных округов. Главным преимуществом военной системы перед гражданской стала её способность быстрее мобилизоваться и расширяться, а также концентрироваться на тех сторонах образования, которые были наиболее необходимы для будущих офицеров перед поступлением в высшие училища. Гражданская система, в свою очередь, не смогла провести подобный водораздел между традиционным и современным образованием, в конечном итоге она была вынуждена признавать исламские начальные школы равными общеобразовательным, что дополнительно замедляло внедрение нового образования⁴⁶⁰.

При этом важно обратить внимание на то, что сферы высшего и среднего образования развивались по-разному и с разной динамикой. Высшие военные учебные заведения были основаны при султанах Махмуде II и трансформировались в течение всего столетия при его преемниках. Однако в сфере школьного, начального и среднего образования интенсивное развитие началось лишь при султанах Абдулазизе, при нём в этой области был достигнут наибольший прогресс. Выработка и последующее внедрение новых учебных программ, открытие школ не только в столице, но и в провинциальных регионах империи, наибольшие по численности выпуски пришлось именно на период его правления. В 1868 г. в Османской империи функционировало 87 подготовительных школ, а к 1874 г. их число увеличилось до 386. Из них 47 находились в Стамбуле, 160 – на европейских территориях

⁴⁵⁹ Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II. P. 112.

⁴⁶⁰ Ibid. P. 110.

государства, остальные работали в Анатолии и других регионах⁴⁶¹. По состоянию на 1867 г. в подготовительных школах под контролем военных учреждений числилось 8247 человек⁴⁶², за период с 1862 по 1876 г. обучение в заведениях при армейских корпусах в Стамбуле, Бурсе, Эдирне, Манастире и Дамаске прошло 3687 человек⁴⁶³.

Создание системы школ начального и среднего образования стало крайне важным шагом на пути к формированию современного и образованного офицерского корпуса в османской армии. Впоследствии военные учебные заведения смогли работать со студентами, чей уровень подготовки был на порядок выше, чем до реформ. В них поступали юноши, получившие достаточно серьезную языковую подготовку, а также изучившие основы естественных и точных наук. Это снимало с высших образовательных учреждений необходимость давать начальное образование перед тем, как начать готовить студентов по специальности. Однако, как и в случае с высшими военными училищами, этого оказалось недостаточно, чтобы достичь цели в краткосрочной или среднесрочной перспективах. Объёмы ежегодных выпусков таких школ крайне редко превышали 100 человек, что, очевидно, было весьма скромно с учетом степени нехватки кадров в войсках. Кроме того, стоит учитывать, что несмотря на обучение в школах под контролем военных учреждений, их ученики не были обязаны после выпуска сразу заступать на военную службу или поступать в военное училище. Они имели право выбрать гражданскую службу, так что не все выпускники обязательно впоследствии становились офицерами.

Следует обратить внимание и на то, сколь длительным оказалось формирование полноценной модернизированной образовательной системы в Османской империи. Первые из главных высших военных училищ начали свою деятельность в 1830-е гг., однако интенсификация модернизационных процессов в сфере начального и высшего образования началась лишь в 1860-е гг., то есть, спустя почти

⁴⁶¹ Sakaoglu N. Op. cit. P. 72.

⁴⁶² Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II. P. 112.

⁴⁶³ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 173.

тридцать лет, что было весьма большим сроком. Таким образом, если рассматривать образовательные реформы с точки зрения скорейшего устранения дефицита по-современному образованных и подготовленных кадров во всех воинских подразделениях османской армии, то очевидным становится вывод об их провале – во второй половине XIX в. образованные офицеры в войсках не составляли большинства. Однако если анализировать данный период с точки зрения закладки фундаментальных основ современного военного образования в частности и всеобщего образования в целом в Османской империи, то можно говорить об успешности преобразований. Османская военная образовательная система развивалась, внедрялись современные программы, привлекались специалисты из Европы, качество образования в высших военных учебных заведениях существенно выросло. Однако развитие было медленным, реформы обнаруживали изъяны в ближайших аспектах образовательной сферы, которые впоследствии также подлежали изменению, как это было в случае со школами. Такой темп преобразований не мог принести существенных результатов в краткосрочной перспективе, что было необходимо армии.

Вместе с тем, нельзя сказать, что прошедшие все этапы подготовки и полноценно образованные офицеры полностью отсутствовали в османской армии. Они не были многочисленны, поступали в войска в небольших объёмах и не составляли большинства в офицерском корпусе, однако их присутствие в воинских подразделениях не было единичным, индивидуальным случаем. Небольшая прослойка образованной военной элиты всё же сформировалась в османских вооружённых силах к 1860-м гг. Это привело к весьма примечательной проблеме, с которой столкнулись вооруженные силы в целом – конкуренции между образованными и необразованными офицерами.

Те из них, кто прошёл все необходимые этапы образования, окончил школу, а затем высшее военное учебное заведение, успешно сдал экзамены и поступил на военную службу в офицерском звании, неофициально именовались «*мектебли*», то есть, «образованные». Именно эта часть офицерского корпуса была той прослойкой, ради которой затевались масштабные реформы и от чьей нехватки страдала вся армия.

В условиях невозможности в кратчайшие сроки заполнить все офицерские должности образованными выпускниками высших училищ, командование должно было обратиться к другому источнику кадров, поскольку офицеры всё же должны были присутствовать в войсках. Таким источником стала сама армия: единственным способом набрать офицеров кроме зачисления выпускников, стало назначение их из числа солдат в воинских подразделениях. Такие офицеры получили общее неофициальное название «*алайлы*», то есть, «из полка», оно применялось ко всем командирам на офицерских должностях, произошедших из простых рядовых. Такие офицеры скорее напоминали командование, существовавшее на начальных этапах становления обновленной османской армии, когда оно также выбиралось из солдат. Эти военнослужащие не имели никакого военного образования, они добивались офицерских должностей и дальнейшего повышения по службе лишь за счет выслуги лет и боевых заслуг. В условиях нехватки офицеров из числа выпускников высших заведений при каждом армейском корпусе имелся один полк, за которым неофициально закреплялась задача подготовки офицерских кадров. Офицеры из числа *алайлы* действительно могли быть весьма опытными бойцами, к тому же встроеными в воинский коллектив и поддерживающими хорошие отношения с сослуживцами, могли пользоваться у них авторитетом. Однако главной проблемой таких командиров являлось то, что подавляющее большинство из них было абсолютно безграмотным, не имело навыков чтения и письма и имело весьма размытое представление о военной науке, особенно о западной, включая современные на тот момент методы ведения боевых действий и применения военной техники. Более того, поскольку *алайлы* придерживались консервативных взглядов, многие из них отказывались принимать европеизированное устройство армии и системы подготовки кадров для неё. В этом плане они резко отличались от *мектебли*, задачей которых было внедрение передовой западной военной науки в османской армии. *Мектебли* и *алайлы* не могли найти общий язык друг с другом, между ними часто возникали конфликты.

На такое положение дел в османской армии обратили внимание в том числе и российские военные осведомители. Они заметили, что по мере повышения

качества образования османских офицеров, в их среде намечалось всё большее расслоение. Согласно их сообщениям, до начала распространения современного образования в войсках они были более однородными, хотя образованность личного состава находилась на крайне низком уровне повсеместно. Первые выпускники высших военных учебных заведений растворялись в массе неграмотных офицеров, назначаемых из числа солдат. *Алайлы* впоследствии лишь с большим трудом могли дослужиться до штабных должностей, по сути своей они при этом оставались такими же рядовыми, какими они были до повышения. Обратной, позитивной стороной этого обстоятельства являлось то, что по этой причине связь между солдатами и такими офицерами оказывалась прочнее, а это, в свою очередь, положительно сказывалось на поддержании дисциплины. Согласно осведомителям, ситуация начала меняться после того, как на престол взошел султан Абдулазиз. На высоких должностях появилось значительно больше образованных специалистов. Выпускники высших военных училищ даже начали вытеснять старых и заслуженных, но всё же безграмотных офицеров. Однако у образованных офицеров не имелось ничего общего с вверенным им рядовым составом, у которых они также не пользовались большим авторитетом ввиду малого боевого опыта в сравнении с *алайлы*. Это весьма негативно сказалось на уровне дисциплины в войсках⁴⁶⁴.

Другим существенным изъяном обновленной образовательной системы стало то, что на фоне множества реформ, ориентированных на повышение квалификации офицеров, ни одна из них не была направлена на создание в османской армии сержантского и унтер-офицерского корпуса. По сути, он вовсе отсутствовал в войсках, так и не появившись даже во второй половине XIX в. Обязанности сержантов оказались вынуждены исполнять старшие солдаты, также без образования. С появлением в армии большего числа офицеров-*мектебли* этим обязанности целиком легли на их плечи, поскольку кроме них никто не мог исполнить достаточно качественно задачи младших чинов. В результате вполне нормальной в османской армии считалась практика, когда высшему офицеру приходилось выполнять задачи

⁴⁶⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 48.

наводчика артиллерийского орудия, так как другие военнослужащие не умели с ним обращаться, либо же когда штабным офицером приходилось лично проводить разведку, поскольку штатные разведывательные роты оказывались либо не сформированы, либо не обучены. Одним из следствий работы на передовой в качестве низших чинов стал высочайший уровень смертности среди выпускников военных училищ, которых и без учета боевых потерь крайне не хватало в османской армии⁴⁶⁵.

Анализ деятельности высших военных учебных заведений и реформ в сфере подготовки армейских кадров продемонстрировал, что образованию этой категории специалистов в Османской империи уделялось большое внимание. Образовательная система в течение столетия не только не пришла в состояние упадка, но и вполне успешно трансформировалась, опиралась на европейский опыт, старалась принимать нововведения и развиваться дальше. В рядах османской армии появились офицеры, не только получившие образование в лучших военных училищах, но и прошедшие дополнительные стажировки и обучение в военных академиях государств Европы. В дальнейшем именно они оказались в авангарде военных преобразований и обновления военной науки в государстве.

Главной движущей силой трансформации и развития османской образовательной системы следует считать потребность в качественном изменении состояния вооружённых сил. Это было невозможно совершить в условиях отсутствия квалифицированного управленческого персонала, не только механически запоминавшего новейшие тактики ведения боевых действий или навыки обращения с современной техникой, но и осознававшего степень важности военного образования, а также ценность вестернизированной военно-учебной системы для вооружённых сил Османской империи. Длительные и масштабные реформы сферы в конце концов оказались точкой бифуркации, разделившей её на два параллельно существовавших и нередко ожесточенно конкурировавших друг с другом вектора: современный, западный и светский, и традиционный религиозный. Нередко эти векторы

⁴⁶⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 178.

сталкивались непосредственно в одном воинском подразделении. Но это противостояние было обусловлено необходимостью формирования образованного офицерского корпуса, без которого все дальнейшие реформы были заведомо обречены на провал.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что крупнейшие и наиболее известные высшие образовательные учреждения Османской империи по своей сути являлись военизированными структурами, а их выпускники – военнообязанными. Их студенты, пусть и в различной степени, но независимо от специальности, изучали тонкости военной науки, организационную структуру воинских подразделений османской армии, имели право на ношение оружия и обучались его применению. По завершении обучения и сдаче экзаменов, независимо от получаемой специальности и дальнейшего места службы или работы, им присваивалось воинское звание. Следовательно, широчайший спектр специалистов – инженеры, врачи, архитекторы, офицеры – оказывался интегрирован в османскую военную машину.

Военная необходимость сыграла определяющую роль и в том, что касалось реформ начального и среднего образования. В конечном счете, видя трудности, с которыми сталкивалась гражданская образовательная сфера, армейское командование приняло решение создать собственную систему современных государственных школ в противовес традиционным *mektebam*. Хотя в них по-прежнему присутствовали религиозные предметы, их количество было существенно сокращено ради изучения основ точных и естественных наук. Без них невозможно было эффективно и в относительно сжатые сроки подготовить столь необходимых офицеров. Военная составляющая, таким образом, проникла во все сферы образования: свои собственные подготовительные школы получили крупнейшие высшие военные училища, для распространения современного общего образования в провинциях армейские корпуса обязали открывать школы во вверенных им округах, причем эта система в дальнейшем не перестала развиваться, во многом благодаря деятельности султана Абдулазиза.

Безусловно, все эти преобразования не могли кардинально изменить положение дел в османской армии одномоментно. Новые школы появились и

распространились по империи лишь спустя тридцать лет, в течение которых высшим училищам приходилось работать со студентами, не имевшими никакого образования. Число выпускников каждый год редко доходило до 100 человек, такими темпами невозможно было сформировать офицерский корпус для увеличивавших свою численность османских войск. По сути, реформы образования во второй половине XIX в. стали лишь продолжением формирования основ образовательной системы, заложенных в 1830-е гг. К периоду 1861-1878 гг. они ещё не перешли в качество.

Медленное течение преобразований в этой сфере обнажало старые изъяны военной системы и создавало новые. К числу таковых относится, к примеру, отсутствие унтер-офицерского корпуса, а также расслоение офицерской среды на *мектебли* и *алайлы*. В этих условиях османские власти стремились использовать любой источник для увеличения численности и по возможности качества офицерского корпуса. Одним из таких источников – на первый взгляд, не очевидным – стало привлечение на службу офицеров из числа иностранцев. Поначалу они соприкасались с военной сферой жизни Османского государства лишь в качестве преподавателей или инструкторов, отправляемых нередко с миссиями сугубо технического характера. Однако с течением времени султаны изменили свои взгляды на специалистов такого рода, начав допускать их непосредственно в ряды военнослужащих. Более того, со второй половины XIX в. османы стали обращать в свою пользу любого рода турбулентные события в Европе, предлагая жалование и относительную безопасность тем европейским офицерам, кто по различным причинам не мог продолжать службу у себя на родине. Роль таких офицеров возросла с течением времени, а их деятельность и её результаты заслуживают более пристального анализа.

2.1.6 Вклад иностранных офицеров в развитие османской военной машины

В условиях критической нехватки современного и по-европейски образованного офицерского корпуса ввиду длительного срока обучения специалистов Османская империя была вынуждена производить в офицеры простых солдат. Армия, таким образом, была основным источником офицерских кадров. Однако этот источник не был единственным. Кроме него в османских вооруженных силах имелась и другая, специфическая прослойка офицеров – иностранцы-перебежчики из государств Европы. Они являлись меньшинством в османской армии, этот источник был непостоянным и ненадежным, однако в различных, порой увеличивавшихся, а порой уменьшавшихся пропорциях, они присутствовали в войсках с момента становления обновленной военной машины Османской империи.

В период правления султана Махмуда II, скептически относившегося к внедрению иностранцев в армию, их число было наименьшим, однако уже в тот период такие военнослужащие присутствовали и добивались значительного продвижения по службе. Ярким примером иностранного офицера того времени является Омер-паша Латас. Хорват по происхождению, он начал военную службу в австрийской армии, однако в 1823 г., когда ему было 22 года, перешел на сторону Османской империи и отправился в Боснию. Там он принял ислам и начал развивать карьеру торговца, однако целью его была именно военная служба. Ради неё он проделал путь до Стамбула, где ему удалось наладить связи с высокопоставленными военными деятелями империи, в том числе Хюсрев-пашой, сделавшим его своим адъютантом. Военная карьера Омер-паши началась под его покровительством, вскоре он стал давать уроки письма в военной школе, а затем в звании капитана был назначен учителем и инструктором будущего преемника султана Махмуда II Абдулмеджида⁴⁶⁶. Впоследствии Омер-паша сумел дослужиться до звания *сердара*, а затем и *сераскера*⁴⁶⁷, став, таким образом, одним из наиболее влиятельных людей в государстве. Он также занимал пост губернатора Ирака и дважды был назначен *мюширом* Румелийской армии⁴⁶⁸. Омер-паша посвятил всю свою жизнь службе в

⁴⁶⁶ Morris E.J. Op. cit. P. 24.

⁴⁶⁷ Celâleddin Paşa M. Mir'ât-ı Hakikat / haz. Miroğlu İ. Cilt I-III. İstanbul, 1983. S. 102.

⁴⁶⁸ Cevdet Paşa A. Ma'rûzât / haz. Halaçoğlu Y. İstanbul, 1980. S. 25.

османской армии, он исполнял свои обязанности при трёх падишахах и дослужился до самых высоких должностей.

Столь яркий боевой и карьерный путь бывшего австрийского подданного, с одной стороны, безусловно, не был типичным для османских офицеров из числа выходцев из других государств. Но, с другой стороны, нельзя сказать, что его случай был единственным в своем роде. Впоследствии многие иностранцы, перешедшие на османскую службу, достигали высокого положения. При этом не имеется прямых сведений о том, что Османская империя специально искала офицеров из числа иностранных военных, поощряла перебежничество, либо вела целенаправленную работу с иностранцами на этот счет, а также занималась подобной пропагандой в европейских армиях. По всей видимости, более подкрепленным может быть утверждение о том, что османские власти были способны достаточно грамотно обращать в свою пользу различного рода турбулентные события в Европе. Приток иностранных офицеров, таким образом, становился результатом удачного использования османами внешнеполитических обстоятельств.

Самым ярким примером, способным подтвердить это утверждение, является подход османских политических, дипломатических и военных кругов к обстоятельствам, сложившимся вокруг венгерского восстания против Австрийской империи, которое вспыхнуло в 1848-1849 гг. В ходе восстания мятежникам удалось собрать собственную армию, способную противостоять австрийской. Более того, на начальных этапах выступлений она вполне успешно вела боевые действия против австрийцев. Мятежная армия насчитывала около 200 тыс. человек⁴⁶⁹, причём возглавляли её не только повстанцы из числа венгров, к примеру, Лайош Кошут, но и польские военные деятели из числа офицеров, принимавших участие в ранее подавленном антироссийском восстании Польши в 1830-1831 г. и являвшихся, таким образом, более опытными бойцами. Польско-венгерская армия оказалась серьезным вызовом австрийцам, справиться с которым в одиночку они оказались неспособны. Одолеть её удалось только после присоединения к австрийским

⁴⁶⁹ Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 6 (1848-1849 гг.) / сост. князь Щербатов. СПб., 1899. С. 76.

подразделениям российских войск. Армия мятежников была разгромлена к августу 1849 г.⁴⁷⁰ Участники восстания, таким образом, оказались между «молотом и наковальней» австрийской и русской армий, в такой ситуации у них было немного вариантов дальнейшего развития событий: либо сдача властям и расплата за свои действия, либо бегство на территорию Османской империи с надеждой избежать там дальнейшего преследования. Осознавая вероятные последствия сдачи, большая часть мятежников, а особенно тех, кто стоял во главе восстания, приняла решение укрыться на османских землях. Эмиграция началась летом 1849 г., незадолго до полного поражения польско-венгерской армии, по состоянию на 27 июня на османской территории, главным образом в районе Видина, находилось 1120 человек, большая часть которых являлась военными, из них 36 – офицерами. К октябрю того же года их число возросло до 5,5 тыс. человек. Среди них было 2732 венгра, 124 поляка, 201 итальянец и 99 австрийцев⁴⁷¹.

Очевидно, что такое положение дел не устраивало ни Россию, ни Австрию – обе державы старались добиться выдачи в первую очередь лидеров восстания. Давление, оказываемое дипломатами двух стран на Османскую империю, вошло в историю её дипломатии как «проблема беженцев» (осм. ملتجر مسئله سی / тур. mülteciler meselesi)⁴⁷². От османских властей при этом требовалось сперва определиться с позицией относительно пребывания на их территории значительного количества вынужденных переселенцев.

Необходимо подметить, что среди них имелись не только военные, но и широкий спектр гражданских специалистов, например, картографы, преподаватели, математики, инженеры, художники и врачи. В совокупности они представляли собой крайне ценный ресурс для Османского государства, где в тот момент активно проводились реформы первого периода Танзимата, целью которых являлась модернизация и вестернизация различных сфер общественной и государственной жизни.

⁴⁷⁰ Очерк Венгерской войны 1848-1849 годов / пер. Богдановича и Лебедева. СПб., 1850. С. 159.

⁴⁷¹ Bayraktar B. Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2019. Vol. XIX. № 39. S. 769.

⁴⁷² Refik A. Türkiye'de mülteciler meselesi. İstanbul, 1926. S. 6.

Интеграция столь большого числа европейских специалистов в османский социум и государственные институты могла способствовать скорейшему достижению целей реформ. Порта осознавала ценность, которую можно было извлечь из сложившейся ситуации, и в результате приняла решение не выдавать беженцев России и Австрии. Вместо этого для тех из них, кто желал выехать в третьи страны, она предоставила право беспрепятственного проезда, а для остальных – возможность принять османское подданство и начать службу в различных государственных структурах⁴⁷³. При этом особое внимание уделялось именно воинской службе – среди эмигрантов преобладали военные, а проблемы формирования офицерского корпуса в османской армии так и не были решены.

Важно обратить внимание на то, каким образом османам удалось урегулировать напряженность в отношениях с Австрией и Россией. В случае с первой проблемой удалось решить достиганием ряда договоренностей, после которых Австрия отказалась от своих претензий. Однако Российская империя прилагала куда большие усилия, чтобы добиться выдачи главным образом тех зачинщиков венгерского восстания, которые ранее были замешаны в организации выступлений в Польше. Российские дипломаты, выдвигая свои требования, опирались на вторую статью Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключённого между Османской и Российской империями 10 июля 1774 г.⁴⁷⁴ В соответствии с этим пунктом, лица, нарушившие закон на территории одной из двух империй и попытавшиеся укрыться на территории другой, подлежали выдаче в установленном порядке. К числу таких лиц относились все бывшие участники польского восстания, оказавшиеся затем в мятежной венгерской армии. Однако из последующего текста статьи следовало, что это правило не распространялось на тех, кто, сбежав в Россию, крестился и тех, кто, укрывшись в Османской империи, принимал ислам⁴⁷⁵. Следовательно, единственным способом для польских беженцев избежать выдачи

⁴⁷³ Ortaylı İ. İmparatorluğun en uzun yüzyılı. İstanbul, 2008. S. 279.

⁴⁷⁴ Gölen Z. Jozef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // Türkiye-Polonya ilişkilerinde "temas alanları" 1414-2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı. 2017. Vol. VIII (20). P. 163.

⁴⁷⁵ Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. Сазонова А.А., Герасимовой Г.Н., Глушковой О.А., Кистерева С.Н. М., 1992. С. 80.

российским властям в такой ситуации стал переход в османское подданство, а вместе с ним и смена веры. Для многих из них этот шаг был весьма серьёзным, однако в этот момент на передний план вышла фигура одного из лидеров восстания, польского генерала Юзефа Бема.

Он ранее участвовал в антироссийском восстании, а в рамках венгерского выступления возглавил мятежную армию в Трансильвании и вел боевые действия против австрийских войск, прежде чем был разгромлен и бежал в Османскую империю. Среди всех беженцев, желавших укрыться на её территории, он одним из первых решился на переход в ислам. Это вызвало довольно острое неприятие со стороны его бывших соратников, например, Бем из-за этого поссорился с бывшим революционным правителем Венгрии Лайошем Кошутом. Другой поляк, генерал Замойски, пытался отговорить его от этого поступка, однако безуспешно⁴⁷⁶. Бем осознавал свои перспективы в случае его выдачи османским властям. Кроме того, он понимал, что перейдя в ислам и начав военную службу в османской армии, он мог повысить собственное влияние и сыграть большую роль в противостоянии России, враждебность к которой у него не исчезла⁴⁷⁷. Исходя из этих причин, он, едва узнав о возможности совершения перехода, принял ислам и получил имя Мурад⁴⁷⁸.

Договоренность между Османской империей, Россией и Австрией о дальнейшей судьбе беженцев была достигнута к 25 ноября 1849 г. Обе державы отказывались от требований по выдаче участников восстания. Однако российские дипломаты настояли, чтобы те из них, кто участвовал в организации и командовал мятежной армией, были отправлены в ссылку в удаленные от столицы провинции Османского государства. Таким образом им удалось в значительной степени разрушить замыслы тех из эмигрантов, кто планировал достичь карьерных высот в Стамбуле, где функционировало отделение польской эмиграции, и продолжить антироссийскую деятельность. Порта приняла требование России, и в результате Лайош Кошут был отправлен в Кютахью, а Юзеф Бем в Алеппо⁴⁷⁹.

⁴⁷⁶ Gölen Z. Op. cit. P. 163.

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII / Pod red. Piłatowicza J. Warszawa, 2001. S. 23.

⁴⁷⁹ Gölen Z. Op. cit. P. 166.

В регионе, куда османские власти выслали Бема, в тот момент в разгаре находилось восстание арабских племён, не желавших принимать нововведения Танзимата. К их числу относились новые налоги, а также регулярное проведение переписей населения, распространение воинской повинности на территории с преимущественно арабским населением и закрепление равенства в правах между мусульманами и христианами. Не желавшие принимать новый уклад жизни арабские племена, преимущественно кочевые, начали нападать на местных христиан и османских военнослужащих. К моменту, когда Юзеф Бем доехал до места своей ссылки, ситуация уже стремительно ухудшалась. Вместе с тем она оказалась шансом проявить себя, и Бем им воспользовался. Он являлся генералом с организаторским и боевым опытом и предложил помощь местным властям в подавлении антиосманских выступлений. Обученный и опытный высший офицер, очевидно, был крайне необходим в таких условиях, поэтому губернатор Алеппо присвоил ему османское звание генерал-лейтенанта (*ферик*) и перевел под его командование весь гарнизон города, численность которого составляла 10 тыс. человек. Юзеф Бем затем разделил его на две части, сперва обеспечив охрану христианских кварталов, страдавших от погромов, и здания иностранных консульств, а затем, проведя ряд внезапных и стремительных атак, нейтрализовал вооружённые арабские группировки⁴⁸⁰.

Впрочем, действия Бема, на тот момент уже известного в качестве Мурад-паши, привели только к временному затишью. По состоянию на октябрь 1850 г. гарнизон Алеппо уже в течение длительного времени не получал жалования, и в том месяце также произошли задержки. Из-за этого большая часть солдат дезертировала, гарнизон был обескровлен, а арабские племена, зная об обстановке в городе, возобновили вооружённую борьбу и блокировали Алеппо, фактически переведя его на осадное положение. После этих событий османские власти напрямую обратились к Мурад-паше с просьбой освободить город и подавить восстание. Бем в очередной раз проявил командирские способности, он сумел правильно организовать оборону города, снять блокаду и рассеять силы мятежников⁴⁸¹.

⁴⁸⁰ Gölen Z. Op. cit. P. 168.

⁴⁸¹ Ibid. P. 169.

Вместе с тем подавление арабского восстания стало единственной операцией Юзефа Бема в составе османских войск. Поскольку по образованию он являлся артиллеристом и военным инженером, значительно больший интерес он проявлял к вопросам модернизации местных армейских подразделений и организации производства для нужд военной машины. Зимой 1850 г. он начал работать над планами предполагаемого арсенала и военной фабрики в районе Алеппо, где планировалось производить один из трёх необходимых компонентов для производства пороха – селитры. Планы Мурад-паша затем отослал в столицу, где они были высоко оценены и одобрены властями. Начать реализовывать свои замыслы Бем смог уже летом того же года. При этом он пользовался поддержкой из османского государственного бюджета, власти выделили ему около 50 тыс. лир, кроме того, в его распоряжение было направлено несколько офицеров, также из числа польских эмигрантов⁴⁸². Стоит отметить, что фабрика Бема не производила порох, его производство на тот момент времени уже было централизовано и взято под полный контроль в Стамбуле, провинциальные фабрики были закрыты⁴⁸³. Однако это не касалось изготовления компонентов пороха – полученные партии селитры Бем отправлял в столицу, где они были признаны высококачественными и впоследствии использованы для производства пороха.

На службе в Алеппо Бем не ограничивался только созданием новых производственных центров. Он был заинтересован также в модернизации вооружения и организации располагавшихся в городе подразделений. С этой целью он создал ряд инженерно-технических проектов, среди которых можно отметить проект облегченного и подвижного артиллерийского орудия, пригодного к транспортировке на верблюдах, а также проект цепи фортификационных укреплений вдоль течения Тигра и Евфрата, способных значительно усилить их оборону. Он также передавал командованию планы по созданию специальных пограничных отрядов, способных пресекать бесконтрольное проникновение в регион кочевых арабских племен из числа тех, что ранее подняли восстание. Наконец, в дальнейшем Бем рассчитывал

⁴⁸² Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. S. 23.

⁴⁸³ Gölen Z. Op. cit. P. 172.

на то, что служба в Алеппо станет лишь началом его карьеры в османской армии. Он ожидал перевода в столицу и неоднократно писал письма *садразаму* Решид-паше с просьбами об этом⁴⁸⁴. Однако его планам не суждено было сбыться, поскольку Мурад-паша в течение нескольких месяцев болел лихорадкой, которой поначалу он не уделял должного внимания. В результате запущенная болезнь дошла до той стадии, на которой врачи той эпохи уже ничего не могли сделать, и несмотря на их усилия, Юзеф Бем скончался 10 декабря 1850 г.⁴⁸⁵.

Необходимо подметить, что менее чем за год пребывания в Алеппо Юзеф Бем смог достаточно много сделать для улучшения положения дел в армии в частности и в регионе в целом. Переведенные под его командование силы подавили арабское восстание и восстановили порядок в Алеппо. Он создал новый и вместе с тем один из наиболее важных производственных центров в регионе, который впоследствии работал на снабжение всей османской военной машины. Мурад-паша оставил после себя весьма важные проекты в области фортификации, военной инженерии и техники. Однако болезнь не позволила ему реализовать остальные замыслы. Пример Юзефа Бема, его деятельность и достижения показывают, ради чего османские власти старались не выдавать обученных и образованных эмигрантов и предоставляли им равные со своими подданными возможности по службе.

Другим примечательным примером польского эмигранта на османской службе стала история Константина Боженцкого. Как и абсолютное большинство иностранцев, оказавшихся в Османской империи в данный период, он принимал участие в венгерском восстании и после его подавления укрылся у османов. Последовав примеру Юзефа Бема, Боженцки принял ислам в 1849 г. и сменил имя на Мустафа Джеляледдин⁴⁸⁶.

Затем Боженцки также изъявил желание поступить на службу в османскую армию, однако его проблема заключалась в том, что он не имел ранее полученного специального военного образования. Однако османские власти ему не отказали.

⁴⁸⁴ Gölen Z. Op. cit. P. 171.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 172.

⁴⁸⁶ Çavdar N., Budak B. Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzęcki) (1826-1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. 2022. Vol. VIII (35). S. 378.

Вместо этого для него был проведен экзамен французскими офицерами, преподававшими в Военной академии. Примечательно то, что Боженcki сумел выдержать экзамен, а имевшееся у него художественное образование позволило ему поступить в османскую армию в звании капитана и получить специальность военного картографа⁴⁸⁷.

Несмотря на то что военную службу Боженcki начинал фактически с нуля, она с первых дней оказалась насыщенной. По сообщениям польских исследователей, он начал её в Диярбакыре⁴⁸⁸, по сообщениям турецких – в Катуре, принадлежавшем в тот период османам⁴⁸⁹. Командиром его в то время являлся *мюшир* Решид-паша. К своей службе Боженcki относился со всей серьезностью, а недостающие знания стремился восполнить самостоятельно. На место службы он привез библиотеку специальной европейской литературы по военному и инженерному делу. Опираясь на неё, вместе с полковником Абди-беем Боженcki разработал систему фортификационных сооружений в регионе, о чём свидетельствовали дошедшие до настоящего времени их записи на французском и османском языках. За реализацию этого проекта Абди-бей был вызван в Стамбул, где получил генеральское звание. Он при этом не забыл своего сослуживца, и Боженcki под его покровительством получил должность в Генеральном штабе в 1852 г.⁴⁹⁰ После этого началась часть военной карьеры полная различных боевых операций: в том же 1852 г. Боженcki участвовал в подавлении восстания на территории Черногории, затем он принимал участие в Крымской войне, после чего подавлял восстание в Багдаде в 1857 г., в Черногории в 1861 г., на Крите в 1867 г., в Герцеговине в 1875 г. и наконец, снова в Черногории в 1876 г.⁴⁹¹

Нельзя сказать, что его служба проходила спокойно, а карьерный рост был стабильным. В 1870 г. он внезапно ушел в отставку по собственному желанию. Опираясь на заметки сына Боженцкого, Энвера Джелаледдина, современные

⁴⁸⁷ Kaim A.A. Konstanty Borzęcki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // Studia Migracyjne Przegląd Polonijny. 2020. Vol. 2 (176). S. 285.

⁴⁸⁸ Ibid.

⁴⁸⁹ Çavdar N., Budak B. Op. cit. P. 379.

⁴⁹⁰ Ibid. P. 380.

⁴⁹¹ Adrović A. Op. cit. P. 123.

исследователи выделили ряд причин его решения. Главным среди них, предположительно, стал конфликт с *сераскером* Хусейном Авни-пашой. В тот период Боженцкому покровительствовал *сердар* Омер-паша Латас, являвшийся в то же время конкурентом *сераскера*, стремившегося нанести максимальный ущерб не только сердару, но и его приближенным. Авни-паша также был враждебно настроен по отношению к Джеляледин-паше из-за его статей в газетах «Басирет» и «Восточный курьер», он составил ряд доносов на него и передал их султану, обвинив Боженцкого в антигосударственной деятельности⁴⁹². Кроме вражды с сераскером на карьеру польского офицера негативно повлияла деятельность российских дипломатов, в частности, посла Игнатьева, преследовавшего цель максимально ослабить влияние польской эмиграции в османских политических и военных кругах⁴⁹³. Сильным ударом для эмигранта стала также и смерть его сына Али Сейфи от дифтерии⁴⁹⁴.

Однако конец карьеры Боженцкого, в текущей ситуации представлявшийся очевидным, внезапно оказался отсрочен после того, как другой конкурент Авни-паши, Махмуд Недим-паша, стал *садрамом*. С его подачи *сераскер* был снят с должности и отправлен в ссылку в Ёспарту. Боженцки же получил предложение возобновить службу в Генеральном штабе, Недим-паша пригласил его в столицу и вдобавок предоставил ему должность в Военной академии, где Боженцки преподавал картографию и впоследствии возглавил министерский военный картографический отдел⁴⁹⁵. После восстановления в должности Джеляледин-паша ещё два раза был направлен на подавление антиосманских выступлений на Балканах. Восстание в Черногории в 1876 г. оказалось его последней операцией в османской армии: Константин Боженцки был убит в бою с повстанцами⁴⁹⁶. В Османской империи остался его сын Энвер, впоследствии ставший писателем. Он также составил биографию

⁴⁹² Kaim A.A. Op. cit. P. 287.

⁴⁹³ Çavdar N., Budak B. Op. cit. P. 382.

⁴⁹⁴ Adrović A. Op. cit. P. 127.

⁴⁹⁵ Kaim A.A. Op. cit. P. 285.

⁴⁹⁶ Adrović A. Op. cit. P. 133.

своего отца, в которой донес ряд деталей, касавшихся его выхода в отставку в 1870 г. и подробностей его конфликта с Авни-пашой⁴⁹⁷.

Константин Боженcki стал не только примером иностранного офицера на службе у османов. Он оставил в том числе и примечательное литературное наследие, главной частью которого стал труд «Древние и современные турки», написанный на французском языке. В ней польский офицер попытался описать в том числе с антропологической точки зрения историю тюрок в целом и Османской империи в частности, её вооруженные силы, проводимые реформы, административное устройство и отношение к народам другого вероисповедания. Однако на турецкий язык работа была переведена только в 2014 г.⁴⁹⁸ Турецкие исследователи подмечают, что книга Боженцкого заинтересовала Мустафу Кемалю Ататюрка, внимательно её проанализировавшего и использовавшего ряд выдвигаемых в ней гипотез для строительства своего «Турецкого исторического тезиса»⁴⁹⁹. Так, к утверждениям Джелаледдин-паши относится тезис о родственности тюрок и этрусков, а это, в свою очередь, возможно было использовать для обоснования автохтонности тюркского населения в Анатолии, что являлось одной из целей «Тезиса»⁵⁰⁰. Вместе с тем крайне важно иметь в виду, что даже современные польские историки признают политическую и идеологическую ангажированность Боженцкого при написании его труда. Всячески возвышая тюрок, выдвигая тезисы об их родстве с европейскими народами и приписывая им «арийское происхождение», Боженcki следовал общему направлению мысли польской эмиграции и всячески стремился дискредитировать Российскую империю и её народы в глазах западных обществ. Русскую историю он стремился полностью вывести за рамки истории европейской, опираясь на то, что турки в целом и Османская империя были даже ближе к

⁴⁹⁷ Çavdar N., Budak B. Op. cit. P. 381.

⁴⁹⁸ Celâlettin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / fransıcadan çeviri ve açıklamalar Beker G. İstanbul, 2014. S. 10.

⁴⁹⁹ Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁵⁰⁰ Там же.

Европе, чем Россия⁵⁰¹. Безусловно, подобные тезисы, цели и убеждения нивелируют научную значимость «Древних и современных тюрок». Однако в то же время её влияние на идеологические убеждения основателя современной Турецкой Республики необходимо признать.

Пример Боженцкого, с одной стороны, показывает, сколь серьёзной была нехватка квалифицированных кадров в османской армии. По сути, на службу в войска поступил эмигрант, не имевший никакого специального военного образования, не знавший турецкого и османского языков, и при этом он сразу же был повышен до офицерского звания. С другой стороны, его судьба продемонстрировала, что даже в подобной ситуации возможно было выстроить успешную военную карьеру. На момент отправки в роковую для Джебеляддин-паши командировку в Черногорию он находился в звании генерал-лейтенанта, что было весьма существенным ростом⁵⁰². Вместе с тем литературное наследие Боженцкого, при всей его противоречивости и предвзятости, оказалось более значимым, чем его достижения на военной службе.

Важным примером иностранца на османской военной службе является деятельность другого польского офицера в эмиграции, Михала Чайковского. Как и подавляющее большинство польских военнослужащих в эмиграции, Чайковский принимал участие в восстании 1830-1831 гг. в составе кавалерийских подразделений. После его подавления он бежал в Париж, где в 1838 г. присоединился к князю Адаму Ежи Чарторыйскому в «Отеле Ламбер», являвшимся штаб-квартирой польской эмиграции. В 1841 г. по его поручению Чайковский прибыл в Стамбул, где спустя четыре года открылось «Восточное агентство» польской эмиграции, целью которого являлась антироссийская деятельности на территории Балкан⁵⁰³.

Поскольку Чайковский находился в Стамбуле, он физически не мог принимать участие в восстании 1848-1849 гг. Однако после разгрома мятежной армии он стал

⁵⁰¹ Kołodziejczyk D. Whose Nation? Mustafa Djelaleddin between Ottomanism and Turkism // The Crimean War, 1853-1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals / ed. by Borejsza J. Warszawa, 2007. S. 117.

⁵⁰² Adrović A. Op. cit. P. 132.

⁵⁰³ Rawita-Gawroński F. Op. cit. P. 37.

активно оказывать помощь и покровительствовать польско-венгерским беженцам, вызвав тем самым острое недовольство российской стороны. Российские дипломаты прикладывали большие усилия, чтобы добиться его выдачи, при этом польская эмиграция не оказывала ему помощь⁵⁰⁴. С учётом того что в его случае российская сторона также добивалась выдачи в соответствии со статьей Кючук-Кайнарджийского мирного договора, у него не осталось никаких иных способов избежать её, кроме как перейдя в османское подданство. Чайковски был удостоен аудиенции у султана, в ходе которой ему было предложено принять его, польский офицер решился на этот шаг⁵⁰⁵. Он принял ислам 27 декабря 1849 г. и получил новое имя Мехмед Садык⁵⁰⁶. С одной стороны, такой шаг можно назвать противоречивым, поскольку до этого Чайковски исповедовал христианство, и смена веры, как в случае Юзефа Бема, могла привести к конфликтам на религиозной почве между сослуживцами. С другой стороны, польский автор его биографии отстаивал точку зрения, что для Михала Чайковского этот шаг, в сущности, ничего не менял и был сугубо формальным. Смена религии, утверждал Франчишек Равита-Гавроньски, не означала смену национальности, более того, этот шаг был сделан из практических соображений и предоставил Чайковскому новые возможности на службе, после чего он смог эффективнее отстаивать польские интересы, и следовательно, его поступок нельзя расценить как предательство и отступничество⁵⁰⁷.

После перехода в османское подданство и принятия ислама для польского офицера открылись перспективы на военной службе, к которой он незамедлительно приступил. Одной из первых инициатив, с которой выступил Чайковски в османской армии, стало формирование казачьих кавалерийских полков. При этом стоит отметить, что выдвигая такую идею, он действовал в первую очередь в интересах польской эмиграции. Её лидеры в течение длительного времени подмечали необходимость иметь в своём распоряжении вооружённые формирования⁵⁰⁸.

⁵⁰⁴ Rawita-Gawroński F. Op. cit. P. 44.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 45.

⁵⁰⁶ Refik A. Op. cit. P. 152.

⁵⁰⁷ Rawita-Gawroński F. Op. cit. S. 45.

⁵⁰⁸ Dopierała K. Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // Studia Historyczne. 1997. № 5. S. 58.

Казачьи полки должны были стать искомым типом подразделений. Предложения об их создании начали выдвигаться в 1840-х гг., по замыслу польских офицеров и генералов, они должны были состоять из казаков, проживавших на территории Османской империи и юго-западных регионов России⁵⁰⁹. Организованы такие воинские подразделения должны были быть на территории Османского государства, но при этом они не должны были находиться в непосредственном ему подчинении. Поляки видели в них сугубо славянские формирования, которые должны были сражаться под польскими знаменами и под командованием польских генералов и офицеров⁵¹⁰. Замысел состоял не в том, чтобы превратить казачьи полки в структурную боевую единицу османской армии, полностью подконтрольную её командованию, а в том, чтобы сохранить их статус автономного военного формирования, действовавшего не как подразделение османских войск, а только как союзный им воинский контингент. Отказ султана поддержать такую инициативу был совершенно логичен и предсказуем. По сути, речь шла о том, чтобы на территории его государства из его же подданных была сформирована большая военная группировка, фактически никак ему не подконтрольная и преследующая цели, не связанные с интересами Османской империи. Предложение Чайковского полностью провалилось⁵¹¹.

Однако для обеих сторон – и польской, и османской – ситуация изменилась с началом Крымской войны, вследствие чего потребность в дополнительных воинских формированиях выросла. Михал Чайковский представил османским властям новый проект полка в октябре 1853 г. Он должен был состоять из казаков, проживавших на севере Добруджи, и прочих славянских подданных султана. Отличие от предыдущего проекта заключалось в том, что теперь предполагаемый полк должен был стать полноценным подразделением в составе османских регулярных войск, а не автономной боевой единицей. Такой замысел султан одобрил, после чего Михал Чайковский получил генеральское звание и впредь стал именоваться Мехмедом

⁵⁰⁹ Karbownik K. Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853-1856 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2012. Vol. 13 (64). S. 216.

⁵¹⁰ Skałuba P. Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysockiego w latach 1853-1855 // Bezpieczeństwo. 2010. № 3-4. S. 213.

⁵¹¹ Zlatanov A. Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2019. Vol. LIII (2). S. 115.

Садык-пашой. Он также получил официальное султанское поручение по созданию казачьего полка и должность его командира⁵¹². Новое подразделение получило название Полка султанских казаков в польских источниках, и Казачьего кавалерийского полка в османских работах⁵¹³.

Пункты набора добровольцев в полк открылись в Эдирне и Стамбуле осенью 1853 г.⁵¹⁴ Поначалу в полк вступило несколько десятков польских офицеров и военнослужащих нижних чинов, оставшихся в Османской империи, небольшое количество дезертиров из русской армии и казаки-некрасовцы. Количество поляков в подразделении росло с течением времени. Они заняли практически все командные должности, как старшие, так и младшие, и составляли примерно треть от рядового состава. Кроме них и некрасовцев в формировании состояли болгары, румыны, итальянцы, русские, литовцы и евреи. В полк было разрешено набирать в том числе и заключенных⁵¹⁵.

Спустя два месяца после начала укомплектования османский казачий полк насчитывал около 200 человек, кроме них ещё 100 человек ожидали заступления на службу в Эдирне. После этого подразделение принесло присягу османскому султану. Мехмед Садык-паша по совместительству стал командиром первого эскадрона, Мехмед Хильми-бей (до перехода в османское подданство Люборадски) – второго эскадрона, а Мурад-бей (ранее Томаш Вежбицки) – третьего. Из ставки сердара Балканского фронта в Шумне Чайковски получил приказ дополнить полк иррегулярными подразделениями, после чего в него зачислили отряд из ста человек, состоявший из кубанских казаков. Численность полка достигла 600 человек к февралю 1854 г. и 800 человек к августу 1855 г.⁵¹⁶

Подразделение имело статус отдельного кавалерийского полка в составе Третьей армии Османской империи. Его численность была несколько меньше, чем у обычных регулярных формирований, насчитывавших по штату 968 человек⁵¹⁷.

⁵¹² Zlatanov A. Op. cit. P. 115.

⁵¹³ Şevket M. Osmânî teşkîlât. S. 14.

⁵¹⁴ Zlatanov A. Op. cit. P. 115.

⁵¹⁵ Karbownik K. Op. cit. P. 219.

⁵¹⁶ Ibid. P. 220.

⁵¹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 37.

Однако с точки зрения применения современной структурной организации воинских соединений казачий полк был в авангарде всей османской армии. В нём впервые было использовано разделение кавалерийских эскадронов на уланов и драгунов, ранее подобного в османской кавалерии не наблюдалось⁵¹⁸. На остальную часть османской регулярной кавалерии такое разделение распространилось только в 1863 г., когда в полках были образованы эскадроны драгунов и гусаров⁵¹⁹.

Полк султанских казаков успел принять участие в боевых действиях на Балканском фронте Крымской войны. Он был передислоцирован на территорию Болгарии, где выполнял роль вспомогательных подразделений, а затем инкорпорирован в крупный османский кавалерийский корпус, насчитывавший около 4 тыс. человек, над которым Чайковский получил командование. В этом корпусе казачий полк участвовал в обороне Силистрии, а эскадрон капитана Вежбицкого отличился при обороне Калафата. После снятия русской армией осады с Силистрии Садык-паша получил от султана похвалу и разрешение создать второе подразделение под своим началом, получившее название Второго полка султанских казаков. Его планировалось сформировать практически полностью из поляков, а командиром его должен был стать один из важных деятелей польской эмиграции, старший сын и адъютант Адама Чарторыйского князь Витольд Чарторыйски. Формально при этом он должен был подчиняться Чайковскому. Однако на тот момент это был лишь проект второго формирования. В августе 1854 г. полк Чайковского в составе корпуса Омер-паши вступил в Бухарест, где Садык-паша получил административные полномочия. Его подразделение должно было обеспечивать порядок в городе. Чайковский смог пресечь грабеж имущества жителей Бухареста, а также сдержать вспышку холеры, угрожавшей перерасти в эпидемию. После передачи города австрийским войскам в сентябре того же года полк Чайковского был переброшен в Браилов, где ожидал дальнейших указаний. За свои достижения Садык-паша был награжден орденом Меджидийе третьей степени⁵²⁰.

⁵¹⁸ Gümüş M. Mehmed Sadık Paşa (Michał Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvari alayı // Turkish Studies. 2010. Vol. 5. № 3. S. 1369.

⁵¹⁹ Şevket M. Osmânî teşkilât. S. 15.

⁵²⁰ Karbownik K. Op. cit. P. 221.

Впрочем, на этом успешная часть его военной карьеры подошла к концу. Одной из главных проблем для него стало то, что он не смог завоевать расположения своего командира Омер-паши Латаса. Вдобавок к этому раскол и интриги внутри польской эмиграции пошатнули его влияние на польские подразделения в армии, а полномочия по формированию второго казачьего полка полностью перешли к графу Замойскому. Командиром обоих формирований Чайковски являлся лишь формально, он не мог повлиять на происходившее во втором полку. После того как в войну вступила Австрия, Чайковски также лишился должности командира балканского авангарда, а его полк был переброшен к реке Сирет, оказавшись вдалеке от основных боевых действий.

Укомплектование второго казачьего полка под командованием Замойского началось в октябре 1854 г. В отличие от полка Чайковского, формирование Замойского полностью находилось на обеспечении британского правительства. В состав подразделения планировалось включить дезертиров и военнопленных, однако эта задача оказалась затруднительной, поскольку британцы обменивали большинство пленников на своих солдат. По состоянию на февраль 1855 г. полк насчитывал всего 180 человек, довести набор до конца так и не удалось. Второй полк султанских казаков был расформирован в октябре 1855 г.⁵²¹

Последней боевой операцией Чайковского в Крымской войне стала оборона Тулчи и помощь при последующем выводе османских войск из города. После этого его формирование передислоцировалось в Добруджу, а затем в Бургас. В ходе переброски Чайковского вызвали в Стамбул, где уведомили о необходимости подготовить подразделение к отправке на Кавказский театр военных действий. Когда это известие достигло личного состава полка, в нём начались протесты, резко возросли случаи дезертирства, полк, по сути, утратил боеспособность на фоне нежелания солдат отправляться на Кавказ. Чайковски приложил усилия, чтобы отсрочить передислокацию, формирование находилось в Сливене и Шумене в течение лета 1856 г. В это время были расформированы ранее приданные ему иррегулярные отряды.

⁵²¹ Karbownik K. Op. cit. P. 226.

Владислав Замойски, находившийся в тот период в Лондоне, пытался добиться от британцев финансирования Польской дивизии султанских казаков на территории Османской империи. Она должна была насчитывать 4 тыс. человек и включить в себя все польские формирования в османской армии, включая полк Чайковского, который оказывался в такой ситуации подчиненным Замоскому. Поначалу британцы поддерживали этот проект, однако их интерес к нему стремительно угас после того, как начались мирные переговоры. Дивизия формально существовала до 31 июля 1856 г., после чего была расформирована. К тому моменту в ней числилось 1,5 тыс. человек⁵²².

Османы при этом были против того, чтобы включить в состав своей армии крупное подразделение, состоявшее из иностранцев и военнопленных. О существовании дивизии и полков в неизменном виде не могло идти речи, что означало крах мечты польской эмиграции о создании в Османской империи собственной армии, способной «освободить» Польшу. Тем эмигрантам, кто не пожелал в дальнейшем проходить службу в османских войсках, было предоставлено право выезда из страны⁵²³, однако воспользовались им не все. Формально полк Чайковского продолжал существовать, однако единым подразделением он уже не являлся. Формирование было разбито на более мелкие контингенты, отправляемые в разные концы империи.

Для них это означало продолжение исполнения своих прямых обязанностей. В их число входило не только участие в военных походах, но также пограничная служба и борьба с различными вооруженными бандами, подавление восстаний. По окончании Крымской войны польские эскадроны были задействованы при охране греческой границы, вели бои с бандформированиями в окрестностях Эдирне, перебрасывались в Манастир, подавляли сербские антиосманские выступления в Нови-Пазаре и несли службу в Ливане. В совокупности они порой поочередно, порой одновременно числились в составе Первой, Второй, Третьей, Четвертой и Пятой

⁵²² Karbownik K. Op. cit. P. 226.

⁵²³ Ibid. P. P. 232.

османских армий⁵²⁴. Стоит отметить, что о польских контингентах в Ливане сохранилось небольшое количество сведений. На это обратили внимание современные турецкие исследователи, и их данные подтвердились российскими архивными материалами, согласно которым в сентябре 1872 г. в Бейруте находилось 350 польских драгунов, а это была треть от кавалерийских войск в городе⁵²⁵. В польской историографии это обстоятельство не упоминается.

Мехмед Садык-паша вышел в отставку в 1869 г. На службе в армии Османской империи он провёл более 20 лет, дослужившись до генеральского звания и получив титул *бейлербея* Румелии. Незадолго до увольнения из армии он получил прощение от императора Александра II, после чего вернулся в Россию, в город Киев. Его дальнейшие политические начинания не увенчались успехом, а душевное здоровье сильно подорвала смерть его жены. 18 января 1886 г. Михал Чайковский покончил жизнь самоубийством⁵²⁶. После отставки Чайковского все польские контингенты в османской армии окончательно утратили самостоятельный статус и были полностью перемешаны с остальными войсками Третьей армии. Сын Чайковского Владыслав, впоследствии известный как Музаффер-паша, остался в Османской империи. Он успешно нёс государственную службу, в 1901-1907 гг. занимал должность губернатора Ливана⁵²⁷.

Редчайшим и крайне примечательным примером личностей, оказывавшихся на османской службе, является история барона Шарля де Шварценберга. Его военная карьера началась в голландской армии, однако он перешёл на сторону восставшей против неё Бельгии в 1830 г., где впоследствии провёл на службе около 20 лет. Перспективы военной карьеры в бельгийской армии с точки зрения повышения и получения боевого опыта не удовлетворяли де Шварценберга, так что сперва он попытался отправиться в Египет и наблюдать за его конфликтом с Османской империей, потом предпринимал попытки добиться должности в армии Сардинии, однако они не увенчались успехом. В конце концов в 1848 г. он присоединился к

⁵²⁴ Gümüş M. Op. cit. P. 1369.

⁵²⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 38.

⁵²⁶ Chudzikowska J. Op. cit. P. 212.

⁵²⁷ Gümüş M. Op. cit. P. 1370.

мятежной армии Венгрии. После её разгрома он провёл 14 месяцев в заключении на территории Австрии, а затем решил бежать к османам. В Османскую империю он проник вместе с несколькими бывшими сослуживцами, прикинувшись торговцем скота.

Особенно примечательной его биографию сделало отношение к переходу в ислам, на что решалось большинство беженцев. Де Шварценберг отмечал в мемуарах, что всех христиан, изъявивших желание заступить на военную службу, османские власти склоняли к принятию ислама и даже пытались обязать сделать это. Барон, однако, наотрез отказался сменить веру, он так и остался христианином, при этом на офицерской должности в сухопутной османской армии, что стало практически единичным случаем, поскольку в эту часть вооруженных сил христиане обычно не набирались, тем более на командирские посты. Единственное, на что де Шварценберг согласился – принять новое имя, он стал именоваться Эмин-паша. Барон участвовал в Крымской войне, был задействован при обороне Карса. По её окончании его перевели в Дамаск, на территорию Сирии. Там он в основном поддерживал порядок, подавлял восстания друзей и маронитов, контролировал ход набора рекрутов в армию – при его непосредственном участии был проведён первый призыв в арабских регионах империи в 1862 г. До высших постов он, согласно его собственным замечаниям, не дослужился, поскольку для этого необходимо было принять ислам, что для него было неприемлемо⁵²⁸.

Вместе с тем в российских архивных материалах имеется крайне интересное замечание: военные советники отметили, что в ноябре 1865 г. *мюширом* Пятой (Аравийской) армии стал человек по имени Янин-паша, однако они уточнили, что он являлся бельгийцем, чьей фамилией до начала службы являлась фамилия Шварценберга. Он сменил на этом посту *ферика* Хасан-пашу⁵²⁹. По всей видимости, при записи турецкого имени *мюшира* Пятой армии была допущена ошибка, однако замечание о настоящей фамилии даёт существенно больше подробностей о карьере

⁵²⁸ Alloul H. “Me among the Turks?”: Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // European Review of History: Revue européenne d’histoire. 2020. Vol. 27. № 1-2. P. 101.

⁵²⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4367. Л. 19.

барона. По всей видимости, ему действительно удалось дослужиться до должности командира всего армейского корпуса. С учетом того что он являлся иностранцем-христианином, не сменившим веру, его случай можно считать беспрецедентным в истории новых османских вооружённых сил.

Безусловно, вклад иностранных офицеров в деятельность османской военной машины не ограничился несколькими людьми. Однако Юзеф Бем, Михал Чайковский, Константин Боженцкий и Шарль де Шварценберг принадлежат к числу наиболее ярких представителей офицеров-эмигрантов. Вместе с тем, кроме них можно выделить ряд военнотружущих-иностранцев, участвовавших в венгерском восстании и бежавших в Османскую империю, о которых сохранились более краткие сведения⁵³⁰.

- Януш Фиала (в османской армии – Решид-ага): соратник Юзефа Бема, вместе с ним обратился в ислам и отправился в Алеппо. В 1851 г. уехал оттуда в Америку, где проработал три года в качестве инженера-железнодорожника. В 1854 г. в разгар Крымской войны вернулся в Османскую империю и прослужил на Кавказском фронте до конца конфликта, после чего вновь уехал в Америку, где принял участие в гражданской войне на стороне Севера. Остаток жизни провёл в качестве инженера-железнодорожника;
- Густав Адольф Фриц (в османской армии – Искендер-бей): вступил в османскую армию в звании подполковника, принимал участие в Крымской войне, в 1864 г. был повышен до полковника, получил должность в Генеральном штабе. В 1877 г. женился на Амелии Гебельт, дававшей уроки игры на фортепьяно в султанском гареме. Остался в Османской империи до конца своей жизни;
- Ришар Гийон (в османской армии – Хуршид-паша): после эмиграции был отправлен в Дамаск, после чего принял участие в Крымской войне, принимал участие в обороне Карса и Эрзурума, вследствие поражения на этом

⁵³⁰ Список составлен по:

Ayan D. Kırım Savaşı'nda Görev Alan 1849 Macar Mültecileri // İnsan Hareketliliği Uluslararası Dergisi. 2022. Vol. 2. № 1. S. 51-58.

направлении был снят с должности, остаток войны управлял ателье, где стиралась униформа союзников Османской империи, воевавших на территории Крыма. Скончался в 1856 г. от болезни;

- Пол Ясиц: вступил в османскую армию в 1849 г., ислам не принял, исполнял обязанности военного медика в Варне, где ему было присвоено звание майора. Принимал участие в Крымской войне, после неё вместе с женой переехал в Стамбул, где проработал врачом до конца жизни;
- Юзеф Кисс (в османской армии – Али-эфенди): заступил на службу в 1850 г. в контингенты на территории Боснии, участвовал в Крымской войне в звании майора. В 1859 г. вступил в венгерский легион в Италии, в 1866 г. вернулся в Бухарест, где прожил до конца жизни, будучи директором фирмы;
- Юзеф Кольманн (в османской армии – Фейзуллах-паша): принял ислам и заступил на службу в генеральском звании в 1849 г., в 1850 г. служил в Измире. В ходе Крымской войны участвовал в обороне Карса. Женился на дочери османского офицера, позднее принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в ходе которой возглавил штаб Анатолийской армии. После войны вышел в отставку и прожил в Стамбуле, в районе Ченгелькёй до конца своих дней;
- Эдуард Лороди (в османской армии – Нури-эфенди): бежав на территорию Османской империи, сперва уехал оттуда в Америку, однако по просьбе Кошута вернулся в османскую армию в 1852 г., получил звание полковника. Принимал участие в Крымской войне, после неё был отправлен в Алеппо. Направляясь к новому месту службы в 1858 г., Нури-эфенди заехал на территорию, где продолжались волнения бедуинов, отряды которых его застрелили на берегу Евфрата;
- Анталь Шнайдер (в османской армии – Хусейн): после эмиграции был отправлен на территорию Сирии, где проработал в должности штабного врача пять лет. Являлся семейным врачом Юзефа Бема. В ходе Крымской войны служил врачом в Карсе, за что получил орден Меджидийе. После войны жил на Корфу и в Стамбуле. В 1866 г. в качестве врача вступил в венгерский

легион в Италии. После выхода в отставку вместе с семьёй уехал в Будапешт, где прожил до конца жизни;

- Август Людвиг Веплер (в османской армии – Тевфик-бей): после эмиграции заступил на службу в звании полковника, участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте Крымской войны в 1854 г., в 1862 г. был повышен до генерала и переведён на территорию Шестой (Багдадской) армии. В том же году был убит в бою с бедуинами в окрестностях Багдада.

Очевидно, что деятельность офицеров-эмигрантов в Османской империи носила крайне разнообразный характер. Значительную часть таких военнослужащих составили польские военные, целью которых было создание собственных национальных формирований на османской территории и использование их для создания независимой Польши. Таким образом, значительная их часть, поступая на службу в османскую армию, ставила перед собой цели, в долгосрочной перспективе никак не связанные с Османской империей, для большинства из них она стала не более, чем неким «перевалочным пунктом». Следовательно, целесообразно говорить о конфликте интересов, возникшим между Портой и польской эмиграцией, причём преодолеть его не удалось. Османская империя позволяла существовать польским организациям и военизированным формированиям на своей территории лишь в том случае, пока их деятельность не вредила её собственным интересам⁵³¹.

При этом стоит обратить внимание на то, что османы стремились не допускать чрезмерного увеличения иностранных подразделений в своей армии. Власти старались рассеять офицеров-эмигрантов по разным воинским частям. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что цель создать отдельные национальные формирования преследовалась главным образом польскими эмигрантами. Венгерские офицеры не демонстрировали попыток создания подобных контингентов и вывода их из-под османского командования.

Допуская иностранцев до службы в армии, османы стремились извлечь из их способностей и навыков максимум для её модернизации. Увеличение численности

⁵³¹ Urbanik A.A., Baylen J.O. Polish exiles and the Turkish Empire, 1830-1876 // The Polish Review. 1981. Vol. 26. № 3. P. 52.

вооружённых сил, а также критическая нехватка обученных офицеров, удовлетворить потребность в которых существовавшие на тот момент высшие военные учебные заведения были неспособны, вынудили власти предоставить большие карьерные возможности европейским эмигрантам. Они весьма активно этим пользовались, могли получить офицерское звание без специального образования, создать собственные военные подразделения, в кратчайшие сроки продвигаться до высоких званий и командирских должностей. Они пользовались всеми привилегиями наравне с остальными османскими офицерами и генералами. Практика показала, что даже переход в ислам не являлся столь необходимым условием, как это продемонстрировали Шарль де Шварценберг и Пол Ясиц.

Вместе с тем, османская служба подразумевала не только высокий статус, большое жалование и пенсии, но и беспрекословное исполнение должностных обязанностей, к чему оказались готовы не все иностранные военные. Это продемонстрировала вспышка дезертирства в Полку султанских казаков после того, как появились сведения о подготовке к переброске их подразделения на Кавказский фронт Крымской войны. Стремясь извлечь максимальную выгоду из присутствия опытных иностранцев в своей армии, османы также отправляли их на самые опасные участки фронта, либо в регионы с крайне нестабильной обстановкой. Это подтверждается тем обстоятельством, что значительная часть офицеров-эмигрантов по заступлению на службу была отправлена на Кавказский театр военных действий⁵³², либо на Балканы, либо в арабские регионы, где постоянно вспыхивали бедуинские волнения, унёсшие жизни не одного эмигранта.

В целом, с военной точки зрения османам удалось извлечь большую пользу из деятельности таких военнослужащих. С одной стороны, их было слишком мало, чтобы переломить ход событий на Кавказском фронте Крымской войны, с другой стороны, многие из них проявили себя на Балканском фронте. Их вклад не ограничился Крымской войной, многие офицеры затем служили в различных османских регионах, подавляли антиосманские выступления, стремились модернизировать

⁵³² Chudzio H. *Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej* // *Studia z historii społeczno-gospodarczej*. 2011. T. 9. S. 169.

вверенные им контингенты. Полк Чайковского являлся наиболее современным кавалерийским подразделением в османской армии с точки зрения военной организации, а деятельность Юзефа Бема способствовала появлению в империи нового крупного военного производственного центра. Стоит подчеркнуть и то, что некоторые эмигранты служили не в качестве военных, а как врачи, и впоследствии смогли оказать помощь в том числе и гражданскому населению Османской империи.

Для небольшой части офицеров-эмигрантов Османское государство стало «второй родиной», они остались в нём до конца своих дней, растворились в османском обществе. Другая часть офицерства пошла по иному пути, для неё принятие ислама означало исключительно практическую меру, позволявшую избежать выдачи России или избавиться от ограничений по службе. Такие офицеры исполняли свои обязанности в период активной службы, однако после выхода в отставку покидали Османскую империю и отправлялись в Европу. Таким образом, новую идентичность обрела лишь незначительная часть иностранных офицеров и их детей.

Наконец, следует отметить неточность и небольшое количество сведений об общей численности офицеров-эмигрантов в османской армии. Имеющиеся подсчёты указывают цифру в 5 тыс. человек по состоянию на 1849 г., однако очевидно, что она возросла в последующее время. Вместе с тем, точной информации об их численности в период непосредственно после подавления венгерского восстания и в ближайшие годы после него, к примеру, с 1849 по 1852 гг., не имеется. По всей видимости, численность таких служащих могла составлять примерно 5-7 тыс. человек. Их количество и то, сколь глубоко они могли интегрироваться в османскую военную машину, демонстрировало, насколько существенной была нехватка образованных офицеров в османской армии.

Тем не менее, современный и подготовленный офицерский корпус не был единственным ключевым аспектом османских вооружённых сил, претерпевавшим существенные изменения. К числу таковых относится в том числе сфера развития и применения новых на тот момент технологий, например, вооружения и системы

снабжения. Изменения в области военного производства, стрелкового оружия и артиллерийских вооружений по своей важности и масштабу не уступали реформам в сфере военного образования, и они также подлежат подробному анализу.

2.2 Реформы военного производства и перевооружение новой османской армии

Стабильность и боеспособность военной машины, безусловно, находится в прямой зависимости от степени её организованности и обученности её личного состава. Однако даже при поддержании такого состояния она не сможет функционировать должным образом в том случае, если не будет налажено её материально-техническое обеспечение. В отсутствие качественного и современного вооружения, которое при этом может производиться на территории государства, а также бесперебойно работающей системы снабжения войск не только оружием, но и всеми необходимыми припасами, военный потенциал вооружённых сил не может быть реализован, вне зависимости от степени подготовленности солдат и офицеров.

Реформирование этого аспекта функционирования османской военной машины оказалось одной из самых сложных задач, с которой столкнулись султаны и армейское командование при осуществлении военных преобразований XIX в. Оно протекало в несколько этапов и коснулось как устройства главных военно-промышленных центров империи, так и импорта оружия из-за рубежа. В число ключевых производственных центров Османского государства входили Имперский арсенал, являвшийся наиболее крупным и важным предприятием, а также подконтрольная ему, но обладавшая собственной спецификой Оружейная мастерская, Пороховая мастерская и швейная фабрика.

Сложность реформирования сферы вооружения, его производства и снабжения обуславливалась рядом факторов. Одним из основных стало то обстоятельство,

что с начала XIX в. активно проводились мероприятия по полному переустройству вооружённых сил и внедрению новых систем подготовки армейских кадров. Их скорейшее завершение являлось приоритетной задачей для реформаторов, поскольку в данный период боеспособность османских войск сохранялась на низком уровне, вступление в войну в разгар реформ ставило империю фактически в беззащитное положение. В таких условиях производственные и технические проблемы османской военной машины отошли на второй план, а активные попытки их разрешения начали приниматься лишь в начале 1840-х гг. Причиной этого стало в том числе и то, что в данный период начал набирать обороты технический прогресс в странах Запада, и султаны, желавшие предоставить армии наиболее современные на тот момент времени технологии, не могли игнорировать новейшие тенденции в военно-технической сфере, они оказались вынуждены отслеживать новшества, появлявшиеся в европейских армиях.

Приступая к преобразованиям в технической сфере, султаны поначалу не стремились наладить исключительно закупки готового оружия на Западе, хотя и осознавали необходимость импорта по крайней мере части такой продукции. Одной из целей данных реформ являлся полноценный перенос технологической базы для производства оружия из Европы в Османскую империю, что дало бы османам возможность самостоятельно производить современное вооружение и, таким образом, свело бы к минимуму зависимость вооружённых сил от импорта⁵³³. Он, в свою очередь, должен был стать лишь одним из инструментов для переноса этой технологической базы, наряду с такими мерами как найм иностранного персонала на предприятия с целью обучения местных работников и отправкой османских специалистов в Европу для повышения квалификации⁵³⁴.

При этом без импорта Османская империя обойтись не могла. Причиной этого являлось её тяжелое экономическое положение, делавшее невозможным

⁵³³ Karakoç E., Mete A.S. The Effects of the Firearm Purchasings on the Ottoman Financial Structure during the Military Modernization (1853-1908) // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Ağustos 2020. № 49. P. 298.

⁵³⁴ Çetin B. Osmanlı İmparatorluğu'nda Askerî Teknolojilerin Takibi (1700-1900) // Türkler. С. 13. Ankara, 2002. S. 812-821.

самостоятельное развитие производственных мощностей, требовавшихся для достижения поставленных султанами целей. Стремительно ухудшавшееся финансовое положение государства из-за устаревшей и недостаточно отрегулированной системы налогообложения, которая крайне затрудняла развитие промышленности⁵³⁵, регулярное проведение весьма затратных сборов и мобилизаций войск, необходимость постоянного увеличения рекрутских наборов и их распространения по всей территории империи с целью утоления кадрового голода привели к тому, что самостоятельный прогресс Османского государства в технической сфере стал едва ли возможен. В военном производстве османы могли задействовать только достаточно старые мастерские и мануфактуры, которые неспособны были конкурировать с европейскими заводами и фабриками в качестве и объёме выпускаемого оружия⁵³⁶. Тем не менее следует подчеркнуть, что было бы неправомерно делать утверждения об отсутствии военного производства в Османской империи. Небольшие мастерские имелись практически в любом крупном городе, однако крупнейшие центры располагались в столице⁵³⁷.

2.2.1 Реформы основных военно-промышленных центров Османской империи

2.2.1.1 Имперский арсенал

Главным военным предприятием государства являлся Имперский арсенал (осм. طوپخانه عامره / тур. Tophâne-i Âmire). Важность этого центра демонстрирует то обстоятельство, что первые попытки по его модернизации были предприняты при

⁵³⁵ Письма о событиях и приключениях в Турции... С. 72.

⁵³⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 171.

⁵³⁷ Köktaş A.M., Gölçek A.G. Endüstri Devrimi ve Osmanlı İmparatorluğu: Askeri Fabrikalaşma Örneği // Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. Ekim 2016. Vol. 9 (4). S. 95-105.

султане Селиме III: в 1797 г. он заказал новое оборудование для него из Великобритании и Франции, а также запросил 70 европейских мастеров для работы на предприятии и обучения местных работников⁵³⁸. Таким образом, он стал первым среди основных военных производственных центров, подвергшимся модернизации.

Вместе с тем с промышленной точки зрения Имперский арсенал имел достаточно узкую специализацию. Главной его задачей являлось производство артиллерийских орудий. Арсенал преимущественно изготавливал малокалиберные пушки с четырьмя, восемью и двенадцатью нарезами⁵³⁹. Он также был дополнительно модернизирован при султане Махмуде II, в 1830 г. снабдившим его паровыми машинами⁵⁴⁰. Тем не менее несмотря на усилия султанов по обновлению производственной базы, Арсенал был неспособен обеспечить вооруженные силы, устранив необходимость импорта артиллерийских орудий. Он мог пополнять артиллерийский парк османской армии лишь частично, большая же его часть состояла из европейских орудий, к примеру, в большом количестве имелись французские, английские и австрийские пушки⁵⁴¹. Более того, необходимо отметить, что после того как в 1843 г. была запущена в эксплуатацию фабрика железа и стали в Зейтинбурну, Арсенал проводил только «холодные» работы, осуществлявшиеся после отливки и отпуска орудий. В их число входила доработка стволов, нанесение нарезов, закалка, установка прицельных приспособлений, шлифовочные и полировальные работы⁵⁴². С технической точки зрения до 1841 г. при отливке орудий применялись французские технологии, после этой даты было принято решение перейти к прусским принципам производства артиллерийского вооружения⁵⁴³.

Важность Арсенала обуславливалась не только и не столько его промышленной деятельностью, но и тем фактом, что он являлся административным органом.

⁵³⁸ Aksan V. Op. cit. P. 88.

⁵³⁹ Ibid.

⁵⁴⁰ Kurt M., Kuzucu K. 19. Yüzyılda Osmanlı Sanayileşmesi Sürecinde Kurulan Devlet Fabrikaları: Bir Envanter Çalışması // OTAM. 2016. № 40. S. 262.

⁵⁴¹ Письма о событиях и приключениях в Турции... С. 4.

⁵⁴² Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 92.

⁵⁴³ Ibid.

В отличие от большинства военных институтов, он формально не был полностью подконтролен *сераскеру*. Вся деятельность центра находилась под контролем особого лица, *мюшира* Имперского арсенала. Однако это разделение зачастую было формальным, довольно часто *мюшир* Арсенала оказывался в то же время великим везиром или *сераскером*. Для этого даже не обязательно было служить в сухопутной армии, высшие офицеры османского флота также могли занимать эту должность. Кроме того, Арсенал имел в том числе и собственные воинские подразделения, официально являвшиеся частью регулярной армии и подчинявшиеся *сераскерату*, но фактически подконтрольные только ему. За Арсеналом были закреплены инженерные и промышленные полки, основными задачами которых являлась охрана Проливов⁵⁴⁴.

Власти неоднократно предпринимали попытки создать различные органы, осуществлявшие надзор за работой Арсенала. К примеру, до 1866 г. делами предприятия управлял совет при *мюшире*, но в этот год султан решил разделить его на два разных совета – военный и производственный, первый состоял из 15 человек, второй – из 12 членов, все они являлись военными. На следующий год было принято решение создать третий совет по снабжению войск боеприпасами, выделив его из сформированного ранее производственного совета. Однако это создало множество бюрократических трудностей и межведомственных конфликтов, новые советы никак не могли договориться между собой по различным вопросам. После этого было решено объединить все эти инстанции в единый совет Арсенала, включивший в себя комитеты по производству, реформам, закупкам, организации и инженерному делу⁵⁴⁵.

Все эти изменения и перестановки касались отнюдь не только одного, главного здания Арсенала в Стамбуле. Предприятие контролировало ряд армейских частей, некоторые крепости, больницы и более мелкие фабрики. До 1871 г. за Арсеналом числились два инженерных полка по два батальона, два промышленных полка по четыре батальона, один Черноморский полк из четырёх батальонов и два

⁵⁴⁴ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 13.

⁵⁴⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 94.

Средиземноморских полка по четыре батальона. Под прямым контролем *мюшира* Арсенала также находился Первый Дунайский артиллерийский полк из четырёх батальонов, а также Пятый, Шестой и Седьмой гарнизонные полки в Кумкале⁵⁴⁶. В 1871 г. султан Абдулазиз принял решение устранить параллельную регулярным войскам командно-административную систему Арсенала и начал выводить эти контингенты из-под его командования. Инженерные полки, Черноморский и Средиземноморские части были интегрированы в состав Первой армии, остальные подразделения были распределены по частям Второй и Третьей армий.

Кроме того, до 1870 г. Арсенал контролировал крепости в различных регионах империи. В их число входили Триполи, Акка, Дамаск, Яффа, Иерусалим, Бююкада, Ниш, Босния, Трабзон, Самсон, Синоп, Шкодер, София, Белград, Ван, Эрзурум, и Карс. Такое положение дел излишне усложняло окружную командную систему, поскольку часть крепостей оказывалась из неё исключена в силу своей подконтрольности Арсеналу. Поэтому султан Абдулазиз в 1870 г. принял решение передать управление этими крепостями тем округам, на чьей территории они располагались⁵⁴⁷. Под своим управлением Арсенал сохранил только больницы Гюмюшсую, Каракёй и Зейтинбурну в Стамбуле⁵⁴⁸, а также крепости на берегах Проливов.

Арсенал во многом являлся объединением главных военно-промышленных предприятий Османской империи. Он контролировал литейный двор, где изготавливали орудия, цех с паровыми машинами, столярную фабрику, кузницу, кожевенную мастерскую и швейную фабрику. В 1871 г. под его управление был переведён другой ключевой центр османского военного производства – оружейная мастерская и все подконтрольные ей предприятия, в число которых входили заводы по производству патронов Боксера калибра .577 (14,77 мм) для винтовок, сконструированных по системе Джейкоба Снайдера, а также патронов для игольчатых ружей⁵⁴⁹. Значительная часть мастерских, управляемых Арсеналом, находилась в

⁵⁴⁶ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 390.

⁵⁴⁷ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 96.

⁵⁴⁸ Ibid.

⁵⁴⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 390.

разных концах Стамбула, руководство предприятия приняло решение провести между ними телеграфные линии для улучшения связи. Кроме того, под контролем Арсенала находился полигон Чынарлы Чешме, где испытывали новейшие образцы вооружения. Его неоднократно посещали османские султаны.

Очередное обновление производственной базы было предпринято в 1862-1865 гг. По указу султана были закуплены новые паровые машины для производства современного артиллерийского и стрелкового оружия, также были наняты британские и американские инженеры для их обслуживания и обучения местного персонала⁵⁵⁰. Новые машины мощностью в 25 лошадиных сил были введены в эксплуатацию в 1862 г., это позволило ежегодно производить около 300 орудий всех имевшихся в османской армии типов и калибров. К 1873 г. за день работы Арсенал мог произвести около 40 тыс. патронов к стрелковому оружию, а при переходе на круглосуточный режим работы этот показатель мог быть доведён до 200 тыс. патронов⁵⁵¹.

Однако стоит обратить внимание на то, что неоднократные мероприятия по модернизации производственной базы Арсенала не превратили его в основного поставщика вооружения для османской армии. Власти по-прежнему отдавали предпочтение импорту оружия. Объёмы его закупок в Европе существенно возросли с началом Крымской войны. До 1861 г. основными поставщиками являлись Франция и Великобритания, а затем определяющее влияние на техническое оснащение османской артиллерии перешло к немецкому концерну Круппа, сохранившему его вплоть до 1918 г.⁵⁵² Первый заказ поступил в 1861 г., а к 1863 г. османскими властями было приобретено орудий на 48 артиллерийских батарей, спустя год был сделан заказ ещё на 64 батареи (по штату в одной батарее имелось шесть полевых орудий⁵⁵³). В 1873 г. концерн получил заказ ещё на 500 орудий общей стоимостью в 1

⁵⁵⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 200.

⁵⁵¹ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 98.

⁵⁵² Muhtar A. Külliyyât-ı fenn-i esliha. İstanbul, 1889. S. 87.

⁵⁵³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 52.

млн османских лир (18,5 млн марок), а в 1877 г. был сделан дополнительный заказ на 100 орудий⁵⁵⁴.

Деятельность султанов в отношении Арсенала в 1840-1870-е гг. позволяет сделать ряд выводов. Очевидно, что они стремились насколько возможно сузить специализацию этого предприятия. Из «государства в государстве», управлявшего крепостями по всей империи и контролировавшего весьма значительные воинские контингенты, оно должно было превратиться исключительно в военно-производственный центр, не обременённый лишними задачами. Кроме того, наличие командной системы Арсенала вносило сумятицу в структуру регулярных войск, разделённых на округа, её устранение должно было сделать организационную структуру более целостной. Ставя перед Арсеналом задачи сугубо производственного характера, султаны несколько раз обновляли его техническую базу, позволявшую изготавливать более современное оружие. Однако при этом необходимо отметить, что обновления производственной базы носили достаточно ограниченный характер. Первоначальная цель реформ – перенести технологии на территорию Османской империи и избавиться от необходимости импорта оружия, в отношении Арсенала изначально не ставилась. Более активное его включение в производственный процесс удовлетворило материальные потребности османских войск лишь частично, не заместив импортной продукции. Более того, появление в цехах Арсенала новых машин создало дефицит топлива, нехватка которого дала о себе знать уже в 1854 г., спустя год после начала Крымской войны. При этом месторождения в районах Козлу, Эрегли и Зонгулдак на тот момент уже были переданы в разработку Великобритании, и в результате пришлось импортировать уголь из этой страны, что только усилило зависимость османов от импорта⁵⁵⁵. Реформы данного предприятия не решили всех проблем османской военной промышленности, было очевидно, что экономическая база Османской империи не позволяла реализовать замысел по полному переносу производства на территорию государства. Тем не

⁵⁵⁴ Beşirli M. II. Abdülhamid Döneminde Osmanlı Ordusunda Alman Silahları // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2004. Vol. 16 (1). S. 123.

⁵⁵⁵ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 98.

менее, в сфере ручного огнестрельного оружия наблюдались иные тенденции, а преобразования Оружейной мастерской оказались в значительной степени более масштабными.

2.2.1.2 Оружейная мастерская

Оружейная мастерская, как Имперский арсенал, являлась одним из главных османских военных производственных центров. Но её функционал отличался от Арсенала, основными задачами этого предприятия стало производство стрелкового оружия и боеприпасов к нему. Важность мастерской также осознавалась османскими султанами, вследствие чего её техническая база была модернизирована наряду с Арсеналом при султানে Селиме III в 1797 г. Однако она серьёзно пострадала в ходе восстания Мустафы Кабакчи-оглу в 1807 г., а затем в ходе бунта Мустафа-паши Байрактара в 1808 г., так что от обновлённых цехов практически ничего не осталось, и пришлось начинать работу по её обустройству с нуля. Этот процесс был инициирован султаном Махмудом II. Для возобновления полноценной деятельности мастерской пришлось перенести её на новое место, в район Долмабахче, где она смогла приступить к полномасштабному производству в 1833 г. Но даже в этот неопределённый и турбулентный период – 1808-1833 гг., когда её судьба не была окончательно решена, она не прекращала работу. Например, в 1832 г. американец Дэвид Уолш посетил мастерскую и отметил, что в ней трудилось около пятисот человек под руководством главного мастера Багдасаряна, армянина по происхождению⁵⁵⁶. Работу этого мастера следует особо подчеркнуть, в газете «Таквим-и Векаи» он упомянут в том числе и как изобретатель-конструктор паровой машины, использовавшейся при производстве штыков⁵⁵⁷. Однако его

⁵⁵⁶ Walsh R.R. A Residence at Constantinople during a Period including the Commencement, Progress and Termination of the Greek and Turkish Revolutions. London, 1836. P. 431.

⁵⁵⁷ Takvim. 1832. Defa 21. S. 2.

начинания не нашли поддержки со стороны османских властей и не были задействованы в более широком производстве.

Начальный этап деятельности модернизируемой Оружейной мастерской пришёлся на 1832-1843 гг., он же стал самым сложным периодом в истории предприятия. Его сложность обуславливалась тем, что на него пришлось поиски нового места для оборудования производства, попытки преодоления финансовых проблем и разрешения всех бюрократических вопросов, связанных с вводом его в эксплуатацию. Постройка нового здания должна была осуществляться под руководством группы специально приглашенных для этого инженеров из Великобритании. Однако они до начала работ несколько раз меняли проектные чертежи и сметы, существенно выходя за рамки изначально заложенного османскими властями бюджета. Из-за таких действий британских инженеров новый корпус мастерской начал работу не в 1832 г., как было изначально запланировано, а лишь шесть лет спустя, в 1838 г.⁵⁵⁸

Стоит отметить, что в течение всего этого времени предприятие не прекращало свою работу окончательно. Пока власти пытались решить проблемы со строительством здания, мастерская вела производство дульнозарядных французских гладкоствольных мушкетов образца 1822 г. по старым технологиям, с использованием тягловых животных и ручного труда. После увеличения численности персонала до 1,5 тыс. человек она смогла производить около 30 единиц оружия за один день работы⁵⁵⁹. При этом спустя всего два года после начала работы нового корпуса здание, где были расположены новые паровые машины, начало разрушаться, с одной стороны, из-за того, что Стамбул располагался в сейсмически активном районе, с другой стороны, из-за неверного расчета инженерами веса и нагрузки применявшихся механизмов – часть их оказалась слишком тяжелыми. В мастерской также работали британские офицеры, обучавшие обращению с машинами османских рабочих.

⁵⁵⁸ Soyuler S. Tüfenkhane-i Âmire'yi Mamur Kılmak: Osmanlı Tüfek İmalatında Avrupalı Uzmanların Rolü // Osmanlı Araştırmaları (The Journal of Ottoman Studies). 2018. № LII, 2018. S. 280-282.

⁵⁵⁹ Pardoe J. The City of the Sultan and Domestic Manners of the Turks, in 1836. Vol. II. London, 1837. P. 309.

Вместе с тем, посетивший мастерскую в 1842 г. английский офицер Чарльз Уайт отметил, что использовавшаяся в ней машина на деле была единственной на производстве и могла осуществлять только одну процедуру – сверление стволов. Все остальные цеха не были приспособлены под механизированное производство, и все операции на них проводились вручную. На складах имелось достаточное количество ружейных стволов, не было и дефицита прикладов, но все остальные детали производились в весьма ограниченном количестве, что ограничивало возможности мастерской и обуславливало низкие темпы производства⁵⁶⁰.

Лишь после этих замечаний османы закупили очередную партию нового оборудования в Великобритании, что было сделано в 1842 и 1843 гг.⁵⁶¹ В целом, несмотря на то что властям удалось завершить постройку нового здания и запустить в эксплуатацию новые машины, они не смогли сравняться с армиями Европы с точки зрения налаживания самостоятельного и современного производства оружия, поскольку технический прогресс к тому моменту шагнул дальше. Османы оказались вынуждены продолжить трансформировать эту область военной промышленности.

В период с 1843 по 1853 гг. удалось добиться большей степени механизации производства ручного огнестрельного оружия. Вместе с тем появление новых машин сделало необходимым найм большего числа иностранного персонала, что влекло за собой большие расходы. Однако главным преимуществом их появления стала возможность производства ружей образца 1842 г. с новыми капсюльными замками взамен старых кремневых образца 1822 г. Это был важный этап развития оружейного производства, поскольку кремневые замки имели ряд недостатков, от которых капсюльные были избавлены. Из таких ружей нельзя было стрелять в дождливую и ветреную погоду, поскольку порох на зарядной полке отсыревал или сдувался ветром. Заряд перед каждым выстрелом отмерялся стрелком самостоятельно, оказываясь порой то больше, то меньше, сила его менялась с каждым выстрелом, что сказывалось на результатах стрельбы. Для кремневых замков также

⁵⁶⁰ Soyuler S. Op. cit. P. 285.

⁵⁶¹ Ibid. P. 287.

было характерно большое число осечек. Даже правильно сделанный и поддерживаемый в хорошем состоянии такой замок выдавал не менее 15 осечек на 100 выстрелов. Если кремнь стирался, огниво изнашивалось, а затравочное отверстие загрязнялось, то число осечек существенно возрастало. Кремневый замок имел сложное устройство, его легко было повредить при сборке и разборке оружия для его чистки. По завершении этих процедур было трудно установить необходимую упругость пружин механизма, причём чем больше оружие использовалось, тем тяжелее было это сделать. Постоянно истиравшийся кремнь требовал частой замены, а порох, вспыхивавший при выстреле, мог травмировать стрелка, если ветер дул ему в лицо⁵⁶².

Главной задачей властей на данном этапе стала скорейшая замена кремнёвых ружей на новые капсюльные. Британское оборудование мастерской позволило также осуществлять переделку старого оружия путём замены старых замков на новые без необходимости производства ружья с нуля, что являлось действенной и экономичной мерой. Однако имевшихся машин было недостаточно, требовалось увеличить темпы переделки и производства, следовательно, возникла необходимость закупки большего количества машин. Из-за этого возникли новые трудности, поскольку необходимо было решить, в какой из стран Европы лучше было заказать оборудование, какую модель оружия сделать приоритетной в производстве, и насколько возможно было производить её с нуля и переделывать под неё имевшееся старое вооружение. Эти вопросы были вынесены на обсуждение Высшего военного совета, где вспыхнули споры, конфликты и разногласия, члены совета никак не могли прийти к соглашению. Заседания превратились в длительные прения, начавшиеся в 1842 г. и затянувшиеся до 1847 г., когда было принято решение заказать новые машины в городе Льеж в Бельгии⁵⁶³.

Оборудование и группа специалистов из Бельгии прибыли в Стамбул в 1848 г., первые ружья были произведены уже на следующий год. Это были

⁵⁶² Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1: развитие ручного огнестрельного оружия от заряжания с дула и кремнёвого замка до магазинных винтовок. М., 1938. С. 35.

⁵⁶³ Soyuler S. Op. cit. P. 288.

гладкоствольные дульнозарядные ружья с капсюльными замками модели 1847 г. Вновь возникли сложности с размещением нового оборудования, поскольку старые здания мастерской не подходили. Мастерская на тот момент состояла из двух производственных центров, один из которых располагался при дворце Долмабахче, а второй на фабрике Зейтинбурну. Было решено дооборудовать второй центр, для этого пришлось построить новое здание, на что ушел еще год. Кроме того, казне достаточно дорого обходилось содержание бельгийских мастеров, поэтому для ускорения обучения местного персонала была задействована Военная академия, отправившая двух офицеров на стажировку в Бельгию⁵⁶⁴.

При этом одной группы специалистов было недостаточно. Спустя год был модернизирован цех при Долмабахче, и ему также потребовался мастер, которым стал итальянский оружейник Торонна. Вернувшиеся из Бельгии османские офицеры стали его помощниками. Кроме того, в цех при Долмабахче начали набирать детей мусульман из Стамбула и его окрестностей, чтобы появилось больше подмастерьев, способных спустя большой срок работы стать полноценными местными мастерами. Первые группы приступили к работе в 1852 г., и на следующий год прибыла последняя партия заказанного в Бельгии оборудования, что завершило формирование производства относительно современного оружия. Обновлённая мастерская за месяц смогла производить около 1 тыс. новых ружей с капсюльными замками и переделывать 1,5 тыс. старых ружей. Однако, по всей видимости, качество производимого в Стамбуле оружия не было идентичным тому, что производилось в Европе. На это может указывать тот факт, что в ходе Крымской войны союзники Османской империи посчитали османские ружья не соответствовавшими требованиям к качеству и продолжили использовать только то оружие, которое они производили у себя. После этого на время войны объёмы импорта иностранного оружия резко сократились, поскольку союзники в первую очередь удовлетворяли собственные нужды⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ Soyuler S. Op. cit. P. 290.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 291.

Как только цели властей в области производства стрелкового оружия, казалось, были достигнуты, набравший обороты технический прогресс бросил империи новый вызов – потребовалось сформировать технологическую базу под производство нарезного оружия. Оно имело ряд крайне важных преимуществ перед гладкоствольным, главными из которых являлись троекратное увеличение меткости и дальности стрельбы⁵⁶⁶. Пройгнорировать столь значимые нововведения султаны не могли, и так начался очередной виток модернизации Оружейной мастерской, продлившийся с 1853 по 1861 гг.

Под производство ружей нового типа возможно было приспособить часть бельгийского оборудования из последней партии заказа, доставленной накануне Крымской войны. Однако это потребовало ещё раз перестроить здание мастерской. В разгар этих работ вспыхнула война, и их пришлось остановить на время боевых действий. По окончании войны оказалось, что имевшихся машин уже было недостаточно, потребовалось сделать ещё один заказ в Бельгии. Было решено объединить цеха мастерской в Зейтинбурну и перевезти туда большую часть оборудования из комплекса при Долмабахче. Работы были завершены к 1857 г., мастерская была готова к очередному вводу в эксплуатацию⁵⁶⁷.

К этому моменту на полях сражений Крымской войны крайне эффективно продемонстрировало себя британское нарезное оружие, использовавшееся против русских войск, имевших гладкоствольные ружья. Британцы применяли нарезные дульнозарядные винтовки Энфилда, принятые на вооружение накануне войны в 1853 г. Это оружие позволяло британским солдатам поражать русских с большей дистанции, не опасаясь ответного огня из гладкоствольных ружей, дальность которых была существенно ниже. Его использование привело к большим потерям в русских войсках⁵⁶⁸.

Будучи осведомлены об эффективности британского оружия, османы пожелали перевооружить свою армию нарезными ружьями Энфилда, они инициировали

⁵⁶⁶ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 38.

⁵⁶⁷ Soyuler S. Op. cit. P. 292

⁵⁶⁸ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 64.

переговоры о закупке как оружия, так и машин для его производства. Однако они не увенчались успехом, поскольку цена на новейшее вооружение и оборудование была крайне высокой, а Османская империя не имела достаточно средств, чтобы расплатиться за него. От производства Энфилдов османы были вынуждены отказаться, вместо этого они сделали ещё один заказ в Бельгии, в рамках которого были поставлены станки, позволившие изготавливать винтовки системы Густава Дельвиня⁵⁶⁹. Новые машины также сделали возможной переделку имевшихся в османской армии гладкоствольных ружей из Бельгии в нарезные с использованием таких методов, как протягивание резца или дорнирование⁵⁷⁰. Система Дельвиня при этом была старше системы Энфилда и имела ряд конструктивных недостатков в сравнении с ней⁵⁷¹, однако даже внедрение в османскую военную машину не самой современной системы, способной снабдить её нарезным оружием, уже являлось значительным шагом вперед для военной промышленности.

На фоне преобразований в сфере военного производства не прекращались закупки оружия в Европе. Нарезные ружья заказывались во Франции, Бельгии и Австрии, распределялись между личным составом подразделений, гладкоствольное оружие у них изымалось и отправлялось на склады, где дожидалось процедуры переделки. За месяц мастерская могла произвести 250 новых штуцеров и переделать 750 гладкоствольных ружей, что свидетельствовало о снижении производственных темпов. Власти рассчитывали на ежемесячное производство 500 единиц нового оружия и переделку 3 тыс. единиц старого⁵⁷², но достичь такого темпа было невозможно, не хватало ни машин, ни квалифицированных работников. Попытки нанять больше иностранных мастеров не увенчались успехом, например, мастер Грандери от оружейной фабрики Шательро отказался ехать в Стамбул⁵⁷³.

В целом, к началу второй половины XIX в. сложилась ситуация, когда в Европе шли бесчисленные эксперименты с конструкциями нарезного оружия, числом

⁵⁶⁹ Muhtar A. Külliyyât. S. 344.

⁵⁷⁰ Soyuler S. Op. cit. P. 292.

⁵⁷¹ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 39.

⁵⁷² Soyuler S. Op. cit. P. 293.

⁵⁷³ Ibid.

нарезов, способами их нанесения и боеприпасами к такому оружию (тестировались цилиндрострельчатые пули, пули Минье, французские пули с различного рода углублениями и свойствами)⁵⁷⁴, но Османская империя при этом с трудом преодолевала препятствия на пути к производству винтовок старой системы.

В таком состоянии османскую военную промышленность застал султан Абдулазиз, взошед на престол в 1861 г. Его преобразования сформировали новый период в жизни мастерской, продлившийся с 1861 по 1872 г. На начало правления Абдулазиза мастерская производила 750 новых ружей и переделывала 1 тыс. старых за месяц, однако этого критически не хватало для насыщения регулярной армии и *редифа* нарезным оружием. Султан полностью осознавал наличие такой проблемы, и он не поспешил на существенное увеличение расходов для перевооружения армии. Он принял решение закупить в Великобритании показавшиеся ранее чрезмерно дорогими Энфилды модели 1853 г. для регулярных войск. Переделанные в нарезные старые ружья и новые, произведенные по системе Дельвиня фабрикой Зейтинбурну, он решил передать в *редиф*, вооружив таким образом две главных составляющих войск Османской империей относительно современным оружием.

Поначалу султан планировал закупать за границей вооружение на всю армию, и именно такие заказы делались в Британии, Энфилды импортировались с 1861 по 1863 гг., однако в 1864 г. от первоначального замысла было решено отойти, и у британцев заказали в том числе первые машины для их производства. Вместе с ними в Стамбул в 1865 г. прибыла британская инженерная команда из трёх человек. Задачей их являлась не столько работа на производстве, сколько подготовка к ней, поскольку в Османской империи не имелось ни машин, ни станков для производства боеприпасов к винтовке Энфилда, их пришлось заказать дополнительно и разместить в мастерской. Пока требуемое оборудование изготавливалось и находилось в пути, все необходимые детали импортировались главным образом из Великобритании, а также Бельгии и Австрии. Мастерская под руководством британских

⁵⁷⁴ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 61.

мастеров только наносила нарезы на стволы, изготавливала ружейные ложа и собирала винтовки. В таком режиме «местные» османские Энфилды производились до 1867 г.⁵⁷⁵

Однако в этот момент западная военно-конструкторская мысль шагнула дальше. Нарезное оружие стало доминировать в европейских армиях, и началась гонка за его дальнейшим совершенствованием. Инженеры стремились повысить точность и дальность стрельбы, а также увеличить скорострельность. Так было изобретено казнозарядное оружие, существенно превосшедшее дульнозарядное по всем параметрам, и прежде всего по скорострельности – из такой винтовки можно было совершать, в среднем, десять выстрелов в минуту против двух-трех выстрелов из дульнозарядного ружья⁵⁷⁶. Подобные системы распространились по всем европейским странам, во Франции наиболее популярным стало игольчатое ружье Шаспо, в Британии и Италии основными стали винтовки Снайдера, в Испании и Италии – винтовки Ремингтона. Внимание Абдулазиза привлекла винтовка Снайдера, известная также как Снайдер-Энфилд. Она представляла из себя уже известную и частично производимую османами винтовку Энфилда, но переделанную в казнозарядную, с доработанным механизмом, изобретателем которого являлся Джейкоб Снайдер. Главным преимуществом этого оружия, помимо надежности, высокой точности и качества исполнения винтовки, стала возможность установить затворные механизмы Снайдера на имевшиеся у османов Энфилды, что позволяло экономить значительный объем средств⁵⁷⁷.

Переделка старого оружия стала приоритетной, поскольку оригинальные Снайдеры оказались слишком дороги для османской казны. Машины для совершения этой процедуры заказывались в Британии и США, они были запущены на мастерской Зейтинбурну в 1868 г. под руководством британских специалистов. С их помощью в день стало возможным переделывать 200 ружей Энфилда в казнозарядные Снайдер-Энфилды. Однако при этом османы были неспособны производить

⁵⁷⁵ Soyuler S. Op. cit. P. 295.

⁵⁷⁶ Şevket M. Mükerrer ateşli tüfenkler. İstanbul, 1891. S. 7.

⁵⁷⁷ Soyuler S. Op. cit. P. 295.

затворные рамы и механизмы, их всё ещё приходилось импортировать. На руку Османской империи стало банкротство ряда фирм-производителей оружия в США, начавших распродавать станки по низким ценам, в их числе были и те, что требовались для производства затворов. Большое их число было закуплено в 1869 г., также была принята на работу часть трудящихся на разорившихся предприятиях. К 1872 г. производство Снайдер-Энфилдов было полностью локализовано, его объёмы увеличены, в день производилось около 200 новых Снайдеров и переделывалось около 300 Энфилдов и Спрингфилдов⁵⁷⁸.

Тем не менее усилия османских властей по внедрению новейшего вооружения в войска вновь оказались нивелированы стремительно нарастающим техническим прогрессом, что стало триггером для заключительного этапа перестройки производства Оружейной мастерской, продлившегося с 1872 по 1880 г. В Великобритании и США были приняты на вооружение винтовки Пибоди-Мартини и Мартини-Генри, заряжавшиеся с казны и использовавшие унитарные патроны. Новая система отличалась от представленной Энфилдом и Снайдером, но при этом превосходила её по всем параметрам⁵⁷⁹.

Османы, безусловно, изъявили желание предоставить своей армии такое оружие, однако стремительно ухудшавшееся экономическое положение империи, причиной чего в том числе стали постоянные перестройки на производстве оружия, которое целиком было завязано на импорт, сделало невозможным полное переоборудование мастерской в очередной раз. В случае со Снайдерами достаточно было просто переделать более старые Энфилды, но для производства Мартини-Генри необходимо было с нуля выстроить всю производственную базу и уничтожить тем самым плоды предшествующих усилий по налаживанию оружейной промышленности. На очередную такую попытку не имелось ни средств, ни времени, новые машины были крайне дорогостоящими, а перевооружить армию требовалось как можно скорее. Исходя из этих причин, Абдулазиз решил, что закупить винтовки в США и Британии на всю армию в конечном итоге оказывалось дешевле, чем

⁵⁷⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 99.

⁵⁷⁹ Muhtar A. Külliyât. S. 333.

импортировать оборудование и перестраивать под него мастерскую. В 1872 г. в США было заказано 200 тыс. новейших винтовок, а в 1873 г. – ещё 300 тыс., по 63 шиллинга за одну винтовку⁵⁸⁰. Контракт стал крупнейшим в истории американских производителей оружия на тот момент. Перевооружение армии, сопровождавшееся задержками выплат, получением новых выплат, продлилось до 1880 г.⁵⁸¹

Мероприятия в отношении Оружейной мастерской дали противоречивые результаты. С одной стороны, в конце концов султанам удалось оснастить османские войска новейшим оружием. Доля устаревшего вооружения существенно снизилась, дефицита оружия, запасных частей и боеприпасов к нему османы не испытывали. Однако первоначальные цели, ради которых и затевались преобразования, так и не были достигнуты, все попытки перенести производство современного оружия на территорию Османской империи потерпели неудачу. Власти пять раз полностью перестраивали мастерскую и меняли её оборудование, что нанесло серьёзный удар по бюджету государства, находившемуся в тяжелом положении. После того как технический прогресс обнулil все начинания падишахов в этой области, они приняли решение отказаться от собственного производства в пользу закупок оружия для всей армии на Западе. Так контроль за снабжением османской армии вооружением полностью перешел к США и Великобритании. Вместе с тем параллельно с Арсеналом и мастерской продолжали свою деятельность и другие производственные центры Османской империи, снабжавшие её армию порохом, обмундированием и холодным оружием.

2.2.1.3 Пороховая мастерская и швейная фабрика

⁵⁸⁰ Bennett J. The “Aynalı Martini”: The Ottoman Army’s First Modern Rifle // *Anatolica*. 2018. № XLIV. P. 240.

⁵⁸¹ Soyuler S. *Op. cit.* P. 298.

Османская империя стремилась производить порох для всего огнестрельного оружия, имевшегося в ее армии, на собственной территории. В течение достаточно длительного времени, до 1870-х гг. ей это удавалось, в каждом крупном городе имелись свои мастерские, где производились важнейшие компоненты пороха – уголь, сера и калиевая селитра, в части из них они впоследствии смешивались, производя требуемое вещество. Среди городов, где имелись возможности по его производству, можно отметить Измир, Салоники, Белград, Будин, Каир и Багдад, хотя самое крупное производство было расположено при Арсенале в Стамбуле. Кроме этого, в столице работала мастерская по производству пороха при верфи и отдельная Свободная мастерская.

Главное различие между этими производственными центрами заключалось в поставщиках селитры, важнейшего компонента дымного пороха. Мастерская при Арсенале получала селитру из Анкары, Кайсери, Аксарая, Коньи, Акшехира, Афьона, Айдына и Атины. Свободная мастерская получала её с селитряниц Татарпазары, Салоник, Демирхисара, Ускюпа, Битолы, Водины и Эгрибоза, то есть преимущественно с Балкан⁵⁸².

Османская империя могла производить порох нескольких видов. В их число входили чёрный ружейный (зерна 0,67-1,3 мм), чёрный артиллерийский (зёрна 0,86-1,2 мм), чёрный артиллерийский крупнозерновой для горных орудий (зёрна 4-10 мм), чёрный призматический с семью каналами для стрельбы из короткоствольных орудий, бурый призматический с одним каналом для стрельбы из длинноствольных орудий⁵⁸³. Порох производился по прусской технологии, он состоял из 75 частей селитры, 15 частей угля и 10 частей серы⁵⁸⁴. Однако со второй половины XIX в. при султানে Абдулазизе Османская империя оказалась в зависимом от Европы положении в том числе в деле производства пороха. Ей удавалось обеспечить себя селитрой и углём, однако по мере модернизации вооружения оказалось, что в государстве не производилось достаточно качественной серы в необходимом

⁵⁸² Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 100.

⁵⁸³ Muhtar A. Külliyyât. S. 26.

⁵⁸⁴ Tahsin H. Rehber-i Fenn-i Esliha. İstanbul, 1909. S. 13.

количестве. В результате османы оказались вынуждены в том числе и её импортировать из Великобритании⁵⁸⁵.

При этом примечательно, что производство пороха в 1860-е гг. подешевело. В более ранний период один *кантар* (56,44 кг) пороха стоил 750 курушей, в рассматриваемый же один *кантар* пороха, произведенного при Арсенале, стоил 525 курушей, а *кантар* пороха со Свободной мастерской обходился ещё дешевле, в 475 курушей⁵⁸⁶. Вместе с тем весьма вероятно, что с началом импорта части компонентов из стран Запада качество местного производства снизилось. К примеру, российские осведомители, следившие в том числе за снабжением расположенных в разных округах османских войск, заметили, что привезённая в 1866 г. из Стамбула в Русшук партия пороха оказалась полностью непригодной к использованию и была отправлена назад для замены⁵⁸⁷. В том же году на Арсенале произошла серьёзная авария, здание, в котором располагалось оборудование по производству пороха, оказалось сильно повреждено, его пришлось перестраивать. Это повлекло за собой резкое снижение производства пороха. В конце 1870-х гг. Свободная мастерская прекратила свою работу, другие центры по производству пороха в провинциях также были закрыты, в регионах стало возможно производить только компоненты этого вещества. Мастерская при Арсенале стала единственным местом производства пороха для османской армии⁵⁸⁸.

Османские власти, в целом, не уделяли внимания этой отрасли военного производства. Значительная часть предприятий, производивших порох, не модернизировались вместе с остальной военной машиной, многие из них закрылись. Одной из причин может являться то обстоятельство, что после отказа от собственного производства вооружения и перехода к заказам за границей оружия на все воинские подразделения, власти оказались вынуждены импортировать в том числе и боеприпасы, где уже содержался готовый порох. Это снизило актуальность местного порохового производства, после чего оно оказалось в упадке.

⁵⁸⁵ Muhtar A. Külliyyât. S. 24.

⁵⁸⁶ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 101.

⁵⁸⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4368: Военные сведения (1866). Л. 18.

⁵⁸⁸ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 101.

Ситуация с военной текстильной промышленностью в Османской империи сложилась более благоприятная, чем с производством пороха. Значительную часть необходимой продукции она производила на собственной территории, однако и в этой отрасли не удалось избежать по крайней мере частичной зависимости от стран Запада, поскольку часть полных комплектов униформы и сырья для её изготовления приходилось заказывать в Великобритании.

В отличие от производства оружия или пороха, изготовление униформы было разделено между несколькими центрами. С 1833 г. в Стамбуле функционировала фабрика по производству фесок, являвшихся уставным головным убором османских военнослужащих. На фабрике в Измите производилось сукно, использовавшееся для изготовления униформы, а на фабрике Бейкоз выпускали обувь и фурнитуру для униформы⁵⁸⁹.

При этом каждому военнослужащему османской армии, помимо униформы, полагалось в том числе и холодное оружие. Однако крайне затруднительно выделить какой-либо отдельный центр, специализировавшийся на его производстве. Как правило, клинки производились при всех крупных оружейных мастерских, однако отдельной, где изготавливалось бы только холодное оружие, на данный момент выделить нельзя. Только с 1850-х гг. начали открываться цеха по производству холодного оружия при Арсенале и фабрике Зейтинбурну⁵⁹⁰.

Вместе с тем, стоит отметить, что разнообразие этого типа вооружения в османской армии было достаточно широким. В него входили генеральские сабли (отдельные для Генерального штаба, пеших и инженерных войск), артиллерийские и кавалерийские сабли, сабли для офицеров Генштаба, пехотных войск, инженерных и артиллерийских подразделений, сабли для служащих кавалерийского полка имени Эртугрула, артиллерийские кинжалы, штыки для винтовок Мартини-Генри, Спрингфилда, Снайдера, штыки старых образцов для жандармов и кинжалы для рядовых пехотных войск⁵⁹¹.

⁵⁸⁹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 391.

⁵⁹⁰ Ünal U. Sultan Abdülaziz devri. S. 102.

⁵⁹¹ Muhtar A. Külliyât. S. 10.

Впрочем, как и в случае со всеми остальными отраслями военной промышленности Османской империи, производство холодного оружия также не миновала зависимость от импорта. Часть стали, использовавшейся для изготовления клинков, импортировалась из Великобритании, то же самое касалось штыков к винтовкам, поставлявшихся в комплекте с ними⁵⁹². На османской территории со второй половины XIX в. производились только ножны, портупей и фурнитура для холодного оружия.

В целом, усилия османов по модернизации вооружения и военной промышленности империи можно считать весьма противоречивыми. С одной стороны, цель по перевооружению войск более современным оружием была достигнута. Большие партии оружия были заказаны во Франции, Бельгии, Великобритании и США, импортировались также станки для его производства, приглашались иностранные инженеры и специалисты, способные обучить местный персонал. Активно обновлялся артиллерийский парк, новые орудия Крупна использовались для обновления оборонительных рубежей как на Балканах, так и на Кавказе.

Однако техническая модернизация османской военной машины в конечном итоге привела к ослаблению государства в политической плоскости и негативно сказывалась на суверенитете империи. Преобразования проводились в условиях отсутствия требуемой технической и экономической базы. Новая организованная и вооруженная по-европейски османская армия строилась за счет ресурсов, поступающих извне, и лишь малая часть необходимого османам могли произвести самостоятельно. Растущая технологическая и экономическая зависимость грозила перерасти также и в политическую. Главными бенефициарами при этом в разные периоды являлись Франция, Британия и Германия.

Например, в начале 1870-х гг. расходы Османской империи составляли 6,5-7 млн фунтов стерлингов ежегодно, а дефицит – 7-8 млн фунтов. Государственный долг в период с 1862 по 1874 гг. возрос с 375 млн до 5,3 млрд франков, то есть почти в 14 раз⁵⁹³. Большая часть этих средств тратилась на военные и дворцовые нужды,

⁵⁹² Muhtar A. Külliyyât. S. 12.

⁵⁹³ Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. СПб., 2005. С. 76.

на инфраструктурные проекты, к примеру, железные дороги, расходовалась лишь одна шестая часть финансовых поступлений⁵⁹⁴.

Одним из следствий проведенных реформ стало догоняющее положение Османской империи относительно западной военной мысли, она не смогла сформировать базу для развития собственного инженерно-конструкторского дела. Власти тратили значительные средства на многократную перестройку мастерских по производству оружия, с нуля несколько раз закупали необходимое оборудование, привлекали иностранных инженеров к обучению местных работников производству новейших образцов вооружения. Спустя несколько лет в США или Европе конструировалась новая модель оружия, превосходившая своих предшественников, и все прежние усилия султанов сводились к нулю, весь процесс требовалось начинать сначала. В конце концов сложилась ситуация, при которой практически всё вещевое имущество османской армии – униформа, холодное и огнестрельное оружие, боеприпасы к нему – либо производилось за рубежом, либо не могло быть произведено без импорта по крайней мере сырья для его изготовления.

Несмотря на то, что финансовая политика османских султанов, и в особенности султана Абдулазиза, нанесла колоссальный урон экономическому положению Османской империи, её армия всё же оказалась вооружена современными видами оружия. Они также подлежат анализу, поскольку именно ради них власти пять раз полностью переоборудовали оружейные мастерские.

2.2.2 Основные образцы вооружения османской армии и динамика их импорта

В своем стремлении обеспечить османскую армию новейшим оружием османские султаны прибегали не только к закупкам необходимого для его

⁵⁹⁴ Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. СПб., 2005. С. 76.

производства оборудования. Параллельно импорту станков власти заказывали в том числе и партии готового вооружения. Они были достаточно ограниченными и распределялись в порядке очередности сперва между регулярными подразделениями, резервисты их получали лишь в том случае, если оставались какие-либо излишки. Обычно к ним переходило более старое вооружение регулярных частей, жандармы и иррегулярные бойцы и вовсе были вынуждены довольствоваться самым старым оружием, списанным во всей действующей армии. Даже во второй половине XIX в. у них на вооружении можно было встретить гладкоствольные ружья с кремневыми замками⁵⁹⁵.

Тем не менее набиравший обороты технический прогресс вынуждал османов пристально следить за происходящим в военно-технической сфере европейских армий, они старались выявлять и заказывать наилучшим образом зарекомендовавшие себя в ходе испытаний или боевых действий оружейные системы. Всего можно выделить четыре ключевых этапа развития инженерной мысли, на которые султаны обратили внимание и которые повлияли на оснащение османской армии. Первым стала замена кремневых замков на гладкоствольном дульнозарядном оружии на капсюльные. Вторым этапом стало введение нарезного дульнозарядного оружия взамен гладкоствольного. Третий этап – переход к нарезным ружьям, заряжавшимся с казны. Четвёртый – дальнейшее совершенствование казнозарядных винтовок⁵⁹⁶.

Отслеживание западных новшеств не означало, что в османской армии незамедлительно оказывались новейшие образцы вооружения. Например, налаживание производства гладкоствольных капсюльных ружей, достаточного для того, чтобы самостоятельно обеспечить им воинские подразделения, в Османской империи было завершено только к 1853 г.⁵⁹⁷ В Европе эти системы были приняты на 10, а то и 20 лет раньше: в США они появились в 1832 г., в Великобритании в 1834 г., в Пруссии в 1835 г., в Австрии в 1840 г.⁵⁹⁸ На тот момент когда Османская империя

⁵⁹⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 36.

⁵⁹⁶ Фёдоров В.Г. История винтовки. М., 1940. С. 58.

⁵⁹⁷ Soyuler S. Op. cit. P. 291.

⁵⁹⁸ Фёдоров В.Г. История винтовки. С. 38.

произвела собственные капсюльные ружья, на Западе уже активно шли эксперименты по внедрению в войска нарезного оружия и разработке боеприпасов к нему.

Винтовками османы заинтересовались после того, как они хорошо зарекомендовали себя в Крымской войне. Однако имевшихся на тот момент средств хватило только на то, чтобы организовать выпуск ружей по образцу штуцера Дельвиня образца 1826 г. Кроме невозможности закупить Энфилды, османы выбрали эту систему еще и потому что более старые ружья в их армии также были закуплены во Франции и Бельгии, их гораздо легче было переделать, установив на них механизм Густава Дельвиня. Капсюльный штуцер системы Дельвиня модели 1826 г. имел следующие характеристики:

- Масса: 4,1 кг;
- Длина: 72,5 см;
- Боеприпас: Сферическая пуля, с 1841 г. – цилиндрострельчатая;
- Калибр: 15,5 мм;
- Дальность стрельбы: около 400 м⁵⁹⁹.

Это был один из самых ранних образцов нарезного дульнозарядного оружия, в котором была предпринята попытка решить проблему крайне сложного заряжения, свойственной всем дульнозарядным винтовкам. Свои преимущества в точности и дальности стрельбы относительно гладкоствольного оружия они могли реализовать лишь в том случае, если пуля плотно прилегала к каналам ствола, что обеспечивало лучшую obturation пороховых газов и позволяло более эффективно использовать энергию порохового заряда. Необходимая для этого плотность достигалась только если реальный калибр пули превышал калибр ствола, именно это и усложняло процесс заряжения такого оружия через дуло ввиду усилий, которые должен был приложить стрелок, чтобы выполнить эту процедуру⁶⁰⁰.

В штуцере Дельвиня эту проблему попытались решить, использовав крепление ствола на специальную камеру с уступом, о который стрелок, поместив в ствол пулю меньшего диаметра, расплющивал её, так что она ложилась в ствольные

⁵⁹⁹ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 2005. С. 119.

⁶⁰⁰ Там же.

нарезы. Решение имело ряд существенных недостатков. Если при изготовлении ружья или боеприпаса допускались дефекты, то пуля могла вбиваться прямо в камеру, либо излишне деформироваться, портить пороховой заряд или не входить в нарезы ствола. Остатки порохового заряда спустя несколько выстрелов сильно загрязняли камеру, так что в ней не оставалось места для следующих зарядов, они выходили за её пределы, и пуля ложилась на порох, а не на уступ, что не давало подготовить её к выстрелу. Деформация боеприпаса также существенно снижало прицельность и эффективность стрельбы⁶⁰¹.

Попытка изменить ситуацию была предпринята самим Г. Дельвином в 1841 г., когда он запатентовал новую пулю цилиндроконической формы. Новая форма боеприпаса повысила его аэродинамические характеристики и увеличила дальность стрельбы. Пуля была дополнительно усовершенствована в 1849 г., когда её начали выпускать с углублением и выступом по центру дна. После этого она смогла расширяться и входить в нарезы ствола не от ударов стрелка, а под воздействием пороховых газов при выстреле⁶⁰². Каморная система Дельвиня была слишком несовершенной и не получила распространения, но новая форма боеприпасов, предложенная им, оказалась весьма удачной. В дальнейшем она несколько раз модернизировалась и дорабатывалась, но продолжила применяться в различных оружейных системах.

Французские винтовки в османской армии постепенно стали вытесняться вооружением бельгийского производства. Наиболее распространённым образцом его стал Литтихский штуцер, в России получивший такое название от места производства, города Литтиха (современный Льеж). Винтовка как закупалась напрямую в Бельгии, так и производилась на территории Османской империи под контролем бельгийских мастеров и инструкторов. Литтихский штуцер образца 1843 г. имел следующие характеристики:

- Масса: 5,2 кг со штыком;
- Длина: 171,3 см со штыком

⁶⁰¹ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 2005. С. 120.

⁶⁰² Там же.

- Боеприпас: специально изготовленная цилиндрикоконическая пуля;
- Калибр: 17,7 мм;
- Дальность стрельбы: до 850 м⁶⁰³.

Среди особенностей оружия можно выделить меньшее количество нарезов — два вместо четырёх у Дельвиня, а также боеприпас особой формы. Он имел два небольших выступа по бокам, именно они направлялись в нарезы ствола при заряджении. Это не требовало трудоёмкой забивки пули в ствол, она помещалась в него свободно⁶⁰⁴. Новая система и доработанный боеприпас оказались весьма совершенными и позволили почти в два раза увеличить дальность стрельбы. Однако она также не была лишена недостатков. В данном случае основным изъяном стало быстрое истирание граней ствольных нарезов от стрельбы. Из-за этого траектория проходившей по ним пули искривлялась, что снижало точность стрельбы. Кроме того, порой стрелку было затруднительно совместить выступы на пуле с каналами ствола в разгар боя⁶⁰⁵.

Новым этапом развития дульнозарядного оружия стало изобретение нового боеприпаса оружейником Клодом Минье. В основу его он положил использовавшуюся ещё Г. Дельвином идею расширяющейся под воздействием пороховых газов пули и вывел более оптимальную форму и устройство боеприпаса. Пуля имела ряд преимуществ перед всеми более ранними образцами. Остроконечная форма позволяла наилучшим образом преодолевать сопротивление воздуха. Увеличенная длина положительно сказалась на точности стрельбы и пробивном действии, она позволила закладывать пороховой заряд такой же силы, как и в гладкоствольном оружии, что было невозможно в более ранних нарезных образцах. Новая пуля также имела больший вес, что на том этапе развития огнестрельного оружия способствовало более длительному сохранению её начальной скорости⁶⁰⁶.

Пуля Минье стала высшей ступенью развития боеприпасов для дульнозарядного оружия, сохранив достоинства предыдущих образцов и устранив присущие

⁶⁰³ Фёдоров В.Г. История винтовки. С. 45.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 122.

им недостатки. Этот тип боеприпасов получил широкое распространение в османской армии, использовавшее его оружие активно закупалось накануне и в ходе Крымской войны, хотя в войсках преобладали системы 1820-1830-х гг., по-видимому, также активно переделывавшиеся под новую пулю⁶⁰⁷.

Переделка старого оружия являлась основным способом модернизации вооружения османской армии до начала 1860-х гг., когда султан Абдулазиз принял решение закупить винтовки Энфилда образца 1853 г. Винтовка имела следующие технические характеристики:

- Масса: 4,16 кг со штыком;
- Длина: 184 см со штыком, 139 см без штыка;
- Калибр: .577 (14,77 мм);
- Боеприпас: пуля Притчетта, доработанный образец Минье;
- Дальность стрельбы: 1140 м⁶⁰⁸.

Среди особенностей этой винтовки следует выделить уменьшенный калибр относительно предшествующих боеприпасов. Переход к использованию цилиндрикоконических пуль взамен сферических привел к увеличению их веса, что повлекло за собой в том числе увеличение мощности порохового заряда и, как следствие, существенное увеличение отдачи. Чтобы избавиться от этой проблемы, было принято решение уменьшить калибр используемых боеприпасов, поскольку это также уменьшало их вес и отдачу использовавшего их оружия. Пуля Притчетта к винтовке Энфилда, созданная на основе пули Минье, стала первым образцом боеприпаса, принятого на вооружение после понижения калибра⁶⁰⁹.

Данное оружие стало самым современным и распространенным в османской армии, на его закупки и производство было потрачено наибольшее количество средств. Усилия по снабжению этой винтовкой как регулярных, так и резервных войск, предпринимались до 1867 г., она также стала последним дульнозарядным ружьём на вооружении османской армии.

⁶⁰⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 171.

⁶⁰⁸ Фёдоров В.Г. История винтовки. С. 51.

⁶⁰⁹ Там же.

Тем не менее закупки британского оружия не означали, что османы перестали заказывать вооружение у производителей из других государств Европы. Вплоть до конца 1850-х гг. Бельгия и Франция продолжали активно поставлять оружие для Дунайских княжеств и османских подразделений, задействованных в охране Босфора. Об этом свидетельствовали письма османского посла в Бельгии от марта 1859 г., в соответствии с которыми ожидалась поставка ружей из Антверпена и Льежа⁶¹⁰. Письма посла Османской империи в Великобритании Мусурус-паши, временно находившегося в Париже в апреле того же года, подтверждают, что ожидалось прибытие крупных партий французского оружия на территорию Молдавии и Валахии⁶¹¹.

Следующим этапом развития военно-конструкторской мысли стало создание и более широкое распространение казнозарядного оружия. После того как точность и дальность стрельбы были повышены за счет перехода к использованию нарезного оружия, а скорость его заряжения была приравнена к скорости заряжения гладкоствольных ружей после распространения различных типов пуль Минье и капсюльных замков, европейские инженеры и конструкторы начали искать способы увеличения скорострельности имевшегося ручного огнестрельного оружия.

При этом идея создания некоей ружейной системы, заряжавшейся с казны, не была новаторской. Первые эксперименты с этим типом заряжения были предприняты в 1781 г., в результате чего появились французские каморные крепостные ружья⁶¹². Однако первые образцы были весьма далеки от совершенства, они выходили из строя спустя несколько выстрелов, на тот момент не имелось достаточно прочных материалов, а технические возможности не позволяли изготавливать патроны, ускорявшие заряжение. На время попытки развить эту систему были оставлены, однако они вновь активизировались в середине XIX в.

Причиной этого стали преимущества казнозарядных систем перед дульнозарядными. Такое оружие можно было заряжать в любом положении, в то время как

⁶¹⁰ Harp silah ve mühimmatı ithali; Avrupa'ya siparişler // DABOA. F. HR.SYS. D. 1049. B. 1.

⁶¹¹ Ibid.

⁶¹² Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 79.

с дульнозарядным ружьём это можно было делать только стоя. Казнозарядному оружию требовалось существенно меньше манипуляций с шомполом, что положительно сказывалось на сохранности ствола. Также для него подходили более простые боеприпасы без полостей в задней части, их было существенно проще изготавливать, можно было производить большие партии. Чистка и обслуживание оружия также значительно облегчалась ввиду использования нового типа механизмов⁶¹³.

Тем не менее несмотря на все преимущества, распространение казнозарядного оружия не было стремительным, оно оказалось сопряжено с целым рядом проблем технического и экономического характера. Главной причиной, по которой командование западных армий не торопилось принимать новые системы вооружения, являлось то, с какой скоростью, по его мнению, солдаты могли истратить все боеприпасы, используя оружие с повышенной скорострельностью. При сохранении текущих на тот момент темпов производства боеприпасов нарушение линий снабжения после массового внедрения казнозарядного оружия казалось неминуемым. Существовало убеждение и в том, что черный дымный порох, применявшийся в то время, мог слишком быстро загрязнить оружие и вывести его из строя. Имелось и недоверие к технологиям производства этого типа оружия, считалось, что затворные камеры получались не герметичными, и это снижало эффективность и дальность стрельбы⁶¹⁴.

Сомнения «старой гвардии» были развеяны после того, как прусская армия продемонстрировала казнозарядное оружие повышенной скорострельности в действии в ходе битвы при Садове 3 июля 1866 г.⁶¹⁵ Она одержала победу над австрийским войском, потеряв 10 тыс. человек, но нанеся противнику потери численностью в 45 тыс. человек. Среди главных причин яркой победы пруссаков стоит отметить применение казнозарядных винтовок с высокой дальностью стрельбы и скорострельностью до шести выстрелов в минуту. Их австрийские противники при

⁶¹³ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 200.

⁶¹⁴ Bennett J. Op. cit. P. 232.

⁶¹⁵ Girard A. Le fusil Chassepot, son emploi comme arme de jet, comme arme de main. Paris, 1872. P. 7.

этом располагали только старыми дульнозарядными ружьями со скорострельностью около двух выстрелов в минуту. Они, таким образом, никак не могли противостоять огневой мощи прусской армии⁶¹⁶. Прусская победа стала триггером для масштабных реформ в остальных европейских армиях, несмотря на вероятные негативные последствия, о которых говорили офицеры и генералы старой школы.

Дальнейшее развитие казнозарядного оружия пошло по трём направлениям: стали распространяться старые капсюльные винтовки, переделывавшиеся для заряжения с казны, винтовки, приспособленные под бумажный патрон, и винтовки, использовавшие металлические патроны. Из них винтовки под металлические патроны впоследствии оказались наиболее распространёнными, и несмотря на то что в османской армии главным образом имелись британские и американские образцы, кроме них существовали также разработки французских, прусских, русских и итальянских оружейников⁶¹⁷.

Важно отметить, что большинство современных западных исследователей утверждают, что османская армия, пройдя через достаточно краткий промежуток переделки старого оружия в казнозарядное, пришла к использованию только британских и американских образцов. Но показания русских военных осведомителей из фондов АВПРИ продемонстрировали, что османская армия в начале правления султана Абдулазиза активно использовала одни из первых образцов казнозарядного оружия, произведенные во Франции⁶¹⁸. С одной стороны, оно было достаточно быстро вытеснено более совершенными британскими и американскими винтовками, однако с другой стороны, игнорировать краткий период его использования также не следует.

Упомянутым осведомителями оружием являлась французская игольчатая винтовка Шасспо, стоявшая на вооружении Анатолийской армии⁶¹⁹. Она имела следующие характеристики:

- Масса: 4,1 кг;

⁶¹⁶ Bennett J. Op. cit. P. 235.

⁶¹⁷ Фёдоров В. Эволюция стрелкового оружия. С. 80.

⁶¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 29.

⁶¹⁹ Там же.

- Длина: 189 см со штыком, 131,3 см без штыка;
- Калибр: 11 мм;
- Боеприпас: бумажный унитарный патрон;
- Дальность стрельбы: 1800 м⁶²⁰.

Игольчатые винтовки стали первыми образцами казнозарядного оружия, именно это оружие использовалось прусской армией в ходе войны с Австрией. Первая игольчатая винтовка была изобретена во Франции оружейником С. Поли⁶²¹, а затем доработана в Пруссии оружейником Дрейзе, чья система впоследствии легла в основу устройства винтовки Шасспо. Главным нововведением прусского оружейника стало объединение пули, заряда и капсюля в унитарный патрон, что существенно ускорило зарядание винтовки⁶²².

Первые унитарные патроны были бумажными. Для их использования ударный замок винтовки заменялся на иглу, отчего они назывались «игольчатыми». При нажатии на спусковой крючок боевая пружина приводила в действие иглу, она прокалывала патрон, разбивала капсюль, и происходил выстрел⁶²³. Экстракция гильз при этом не была предусмотрена, по логике конструкторов, она должна была полностью сгорать при выстреле. Главным недостатком системы стала сама игла, находившаяся в патроннике и быстро приходившая в негодность из-за частого воспламенения. Её регулярно приходилось заменять, и например, прусские солдаты носили при себе запасные иглы в придачу к 60 патронам⁶²⁴. Одной иглы, таким образом, хватало только на 20 выстрелов.

Французский оружейник А. Шасспо решил модернизировать бумажный патрон и поместил капсюль в нижней его части, а не в средней, как делали в Пруссии. Это позволило укоротить иглу и сделать её прочнее. Он также доработал боеприпас резиновыми шайбами, улучшавшими обтюрацию пороховых газов, от недостатка

⁶²⁰ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 80.

⁶²¹ Дворянинов В.Н. Боевые патроны стрелкового оружия. Книга 1. От изобретения пороха до середины XX столетия. Климовск, 2015. С. 271.

⁶²² Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 86.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Свечин А.А. Указ. соч. С. 217.

которой страдали все казнозарядные винтовки, патроны к которым не имели металлической гильзы.

Такое оружие прослужило недолго, винтовка Шасспо применялась всего около восьми лет⁶²⁵. Оно страдало от слишком большого количества технических изъянов: при выстреле гильзы сгорали не полностью и засоряли ствол, бумажный патрон можно было по случайности смять затвором винтовки, что не позволяло произвести выстрел, при высокой влажности патроны отсыревали и приходили в негодность. Резиновые шайбы Шасспо быстро прогорали, и обтюрация пороховых газов оказывалась неудовлетворительной⁶²⁶. Тем не менее французскую винтовку в османской армии можно было встретить на вооружении не только *редифа*, но и *низама*⁶²⁷.

Следующим этапом развития военно-конструкторской мысли, с которой столкнулась османская армия, стало внедрение металлических унитарных патронов для казнозарядного оружия. Их эффективность продемонстрировала американская армия, командование которой столкнулось с необходимостью изготовления большого количества боеприпасов в краткие сроки и для нескольких разных оружейных систем. Металлические патроны не зависели от атмосферных явлений, изготавливать их было существенно проще, чем бумажные, хоть под и них и приходилось перестраивать производство и создавать патронные заводы. Кроме того, металлические гильзы не создавали проблем с обтюрацией пороховых газов⁶²⁸.

Новинка достаточно быстро привлекала внимание европейских армий, в первую очередь британской. В английских войсках к тому моменту уже имелись обширные запасы винтовок Энфилда, так что правительство приняло решение провести конкурс на лучшую систему, позволявшую переделать дульнозарядные винтовки в казнозарядные. В 1866 г. победу на этом конкурсе одержал американский инженер Д. Снайдер, чья система была принята и привела к появлению

⁶²⁵ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 201.

⁶²⁶ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 91.

⁶²⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 30.

⁶²⁸ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 93.

казнозарядных винтовок Снайдера-Энфилда⁶²⁹. Впоследствии именно с этим оружием столкнулся султан Абдулазиз в ходе своей европейской поездки. Впечатлившись его надежностью и скорострельностью, он решил принять эту винтовку на вооружение в османской армии. Она имела следующие характеристики:

- Масса: 4,9 кг;
- Длина: 125 см;
- Боеприпас: патрон .577 Snider;
- Калибр: 14,77 мм;
- Дальность: 1800 м⁶³⁰.

Для османской армии эта винтовка оказалась весьма удобной. Главной причиной этого стало относительно дешевое ее изготовление, поскольку можно было не закупать большие партии на всю армию, а переделывать уже имевшиеся дульнозарядные Энфилды. Кроме того, это оружие было достаточно надежным, имело хорошие показатели в плане скорострельности (до 18 выстрелов в минуту⁶³¹), точности и дальности стрельбы. Османская империя приложила максимум усилий, чтобы обеспечить войска этими винтовками. Закупки Энфилдов начались в 1863 г., когда власти заказали 50 тыс. этих винтовок, спустя два года британцы получили ещё один заказ на 21 тыс. Энфилдов, оборудованных механизмами Снайдера, а также на 6 тыс. отдельных механизмов для переделки старых ружей. В 1868 г. был сделан очередной заказ на 3,5 тыс. винтовок. По мере закупки производственных станков османы закупали всё больше старых Энфилдов для их дальнейшей модернизации. В 1869 г. они закупили 114 тыс. винтовок в Великобритании и 125 тыс. ружей Спрингфилда в США по цене в 4 и 7 долларов за экземпляр соответственно. Контракт с Британией подразумевал также возможность закупки ещё 125 тыс. Энфилдов дополнительно, что давало общее число заказанных винтовок в 512 тыс. единиц⁶³². Это должно было перекрыть потребности как регулярных османских сил, насчитывавших около 210 тыс. бойцов, так и резервных, численностью около

⁶²⁹ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 202.

⁶³⁰ Tahsin H. Op. cit. P. 16.

⁶³¹ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 202.

⁶³² Bennett J. Op. cit. P. 238.

192 тыс. человек, часть вооружения могла быть распределена даже между иррегулярными бойцами, число которых составляло примерно 110 тыс. человек⁶³³.

Османской империи удалось наладить производство Снайдер-Энфилдов, однако неостановимый технический прогресс нарушил все планы османского правительства и свел на нет его усилия по обеспечению армии новейшим оружием. Сокрушительным ударом по османскому военному производству стало появление наиболее совершенной модели винтовки семейства Пибоди-Мартини. Исходный вариант оружия был разработан американцем Г. Пибоди и запатентован в 1860 и 1862 гг.⁶³⁴ Основным новшеством стал затворный механизм, отличавшийся высокой надежностью и практичностью, снабженный качающимся затвором. В 1866 г. винтовка была принята на вооружение в США, после чего американские производители получили множество заказов от Швейцарии, Испании, Мексики и Франции⁶³⁵.

В 1867 г. винтовка Пибоди была модернизирована швейцарско-венгерским оружейником Фридрихом фон Мартини, изменившим механизм взвода и приспособившим оружие под боеприпасы центрального воспламенения, которые отличались большей надежностью⁶³⁶. Новая система была запатентована в 1869 г. и принята на вооружение в Великобритании, она получила название Пибоди-Мартини. Спустя всего лишь год оружие было вновь переработано, на этот раз шотландцем А. Генри, заменившим американский ствол на новый, с полигональной нарезкой. Финальная версия винтовки стала называться Мартини-Генри⁶³⁷. Она имела следующие характеристики:

- Масса: 4,8 кг;
- Длина: 125 см;
- Боеприпас: металлический унитарный патрон .450 Martini-Henry;
- Калибр: 11,43 мм;

⁶³³ Şevket M. Osmânlı teşkilât. S. 20.

⁶³⁴ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 205.

⁶³⁵ Bennett J. Op. cit. P. 236.

⁶³⁶ Ibid.

⁶³⁷ Bennett J. Op. cit. P. 237.

- Дальность: до 1300 м по прицелу⁶³⁸.

Наличие нескольких вариантов одного оружия вызывает ряд сложностей при идентификации тех из них, которые состояли на вооружении в османской армии. Ряд исследователей, как западных, так и отечественных, утверждали, что султаны Абдулазиз и Абдулхамид II закупили в США винтовки Пибоди-Мартини. В числе таковых М. Уяр, Э. Эрикссон и Н.И. Беляев⁶³⁹. Однако эти утверждения нуждаются в уточнении и дополнении.

Данные винтовки действительно были заказаны османами в США. Переговоры между Стамбулом и Вашингтоном о закупке 50 тыс. винтовок Пибоди в оригинальном своём варианте начались в феврале 1872 г., они сравнивались с винтовками Ремингтона в ходе специально организованных тестовых стрельб. Именно в это время султан Абдулазиз получил в дар от *хедива* Египта якобы 50 тыс. новых Мартини-Генри, убедился в их преимуществе и решил вооружить османские войска именно этой, третьей версией винтовки⁶⁴⁰. Однако вероятность того, что Египет располагал таким большим количеством новейших винтовок, что мог передать Османской империи столь объёмную партию, крайне мала. Выпуск новой модели начался только в 1871 г. и в первую очередь был направлен на удовлетворение потребностей сперва американской армии, а затем заказчиков из Европы. Однако вполне вероятно, что в распоряжении хедива имелось несколько десятков или сотен образцов, часть которых он мог передать султану Абдулазизу⁶⁴¹. Тем не менее как только они попали к османскому падишаху, все тестовые стрельбы были свёрнуты, и в июле 1872 г. американцы получили заказ от Османской империи на 200 тыс. новейших винтовок Мартини-Генри, сперва он был направлен фирме Винчестера, а затем перешел к компании «Providence Tool», являвшейся единственной в Америке фирмой, имевшей права и патенты на производство оружия по такой системе⁶⁴².

⁶³⁸ Tahsin H. Op. cit. P. 21.

⁶³⁹ Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 2019. С. 73.

⁶⁴⁰ Bennett J. Op. cit. P. 239.

⁶⁴¹ Ibid.

⁶⁴² Fabrikatör Winchester'e sipariş olunan Henry Martini tüfenklerine dair tahrirat // DABOA. F. HR.TO. D. 115. G. 90. B. 2.

Османские источники также указывают на использование именно этой версии знаменитой винтовки. О ней шла речь в депеше посла Османской империи в Вашингтоне, направленной в Стамбул 7 сентября 1872 г.⁶⁴³ Эту модель в качестве принятой на вооружение выделил генерал А. Мухтар⁶⁴⁴. Кадровый османский военный и член Особой организации Х. Тахсин утверждал то же самое⁶⁴⁵. Об этих же винтовках написал и османский историк О. Нури в своей работе о жизни и правлении султана Абдулхамида II⁶⁴⁶. Крайне важным документом является в том числе письмо *валиде-султан* Пертевнияз, матери султана Абдулазиза, согласно которому она заказала 5 тыс. винтовок Мартини-Генри в мае 1875 г.⁶⁴⁷, являвшихся частью более крупной партии объёмом в 25 тыс. винтовок⁶⁴⁸. Вместе с тем следует принять во внимание замечание современного российского исследователя В.Е. Маркевича, полагающего, что название «Мартини-Генри» в османской армии относилось не только к новейшим, но и к более старым образцам, на Западе именовавшимся «Пибоди-Мартини»⁶⁴⁹. Это утверждение частично подтверждается сведениями, содержащимися в работе А. Мухтара. По его мнению, название «Мартини-Генри» действительно использовалось в качестве обобщающего в османской армии и относилось как к самым поздним моделям, так и к самым ранним, известным в качестве винтовок Генри Пибоди⁶⁵⁰. Таким образом, с учётом замечаний отечественных и зарубежных ученых, целесообразно утверждать, что в османской армии использовались как более старые, так и наиболее современные образцы винтовок семейства Пибоди-Мартини, но под общим названием «Мартини-Генри».

Поскольку султаном Абдулазизом было принято решение закупить новые винтовки на всю армию, Османская империя делала весьма объёмные заказы

⁶⁴³ Fabrikatör Winchester'e sipariş olunan Henry Martini tüfenklerine dair tahrirat // DABOA. F. HR.TO. D. 115. G. 90. B. 2.

⁶⁴⁴ Muhtar A. Külliyyât. S. 280.

⁶⁴⁵ Tahsin G. Op. cit. P. 29.

⁶⁴⁶ Nûrî O. Abdülhamîd-i Sâni ve devr-i saltanatı. Hayât-ı husûsiyye ve siyâsiyyesi. İstanbul, 1909.

⁶⁴⁷ İ.B.V. Atatürk Kitaplığı Sayısal Arşiv ve E-Kaynaklar. Evrak № 02078.

⁶⁴⁸ Sarıbal İ. Pertevniyal Valide Sultan'ın El Konulan Hazinesine Dair Tutulan Bir Defterin Analizi // Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi. 2018. Vol. IV (1). S. 132.

⁶⁴⁹ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 230.

⁶⁵⁰ Muhtar A. Külliyyât. S. 333.

практически ежегодно. Так, в 1873 г., на следующий год после первого заказа, власти сделали ещё один на 300 тыс. винтовок, в августе того же года они заказали ещё 100 тыс. ружей, общее число винтовок, которые должны были поступить в османские войска к тому моменту достигло 600 тыс. Ими планировалось снабдить не только весь *низам*, но и резервные войска⁶⁵¹.

Османские власти при этом предпринимали попытки диверсифицировать закупки оружия и старались заказывать его у нескольких государств, что следует из ряда депеш посла Османской империи во Франции Джемиль-паши, направленных в Стамбул в июле 1872 г. Ему было поручено заказать несколько партий оружия у ведущих французских производителей⁶⁵². Посол связался с руководством двух крупных французских фабрик, первая из которых была расположена в городе Шательро, а вторая в городе Сент-Этьене. Однако директора обоих предприятий ответили отказом на запросы Джемиль-паши, сославшись на то, что производственные линии фабрик были в полном объёме задействованы для выполнения заказов, поступивших от французского правительства, ввиду чего не имелось возможности взять в работу в том числе и заказы Порты⁶⁵³. Эти обстоятельства во многом определили поворот Османской империи к американским производителям ручного огнестрельного оружия и дальнейшее их доминирование в османской армии.

Первая партия винтовок Мартини-Генри объёмом в 200 тыс. штук была доставлена в Стамбул уже в 1874 г.⁶⁵⁴, а менее, чем через год из Великобритании прибыла партия учебных пособий по обслуживанию и правильному ведению стрельбы из винтовок этой модели, применявшихся в том числе и в британской армии⁶⁵⁵. Поставки продолжались вплоть до конца правления султана Абдулазиза. Только в 1876 г. правительство не смогло оплатить второй заказ в соответствии с

⁶⁵¹ Bennett J. Op. cit. P. 240.

⁶⁵² Mr. Winchester'e yapılan 200000 adet Henry Martini tüfekleri sipariş sözleşmesinin Providence Tool Kumpanyası'na havale edilmesi ile Londra'dan Martini tipi tüfekler Talebi // DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 51. B. 1.

⁶⁵³ DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 51. B. 4; DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 51. B. 5.

⁶⁵⁴ Bennett J. Op. cit. P. 244.

⁶⁵⁵ Mr. Winchester'e yapılan 200000 adet Henry Martini tüfekleri sipariş sözleşmesinin Providence Tool Kumpanyası'na havale edilmesi ile Londra'dan Martini tipi tüfekler talebi // DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 75. B. 3.

контрактными обязательствами из-за нехватки средств, в результате чего американская сторона приостановила его исполнение⁶⁵⁶. Вопрос с поиском финансов был решён султаном Абдулхамидом II, выплатившим всю необходимую сумму. Поставки этих винтовок продолжались до 1880 г., когда перевооружение было завершено. По мере поступления нового оружия более старые его модели распределялись между *редифом* и иррегулярными войсками. К концу правления султана Абдулазиза на вооружении османской армии состояло около 334 тыс. винтовок Мартини-Генри и примерно 323 тыс. Снайдер-Энфилдов⁶⁵⁷.

Следует обратить внимание и на то, что османские власти всё же попытались наладить производство этих винтовок на своей территории хотя бы в ограниченном виде, о чём также сообщил А. Мухтар⁶⁵⁸. Однако необходимо подчеркнуть, что эти попытки были предприняты уже после 1880 г., к тому моменту определяющее влияние на техническое оснащение армии Османской империи перешло к Германии, экспортировавшей винтовки Маузера, доля американского импорта уже упала в восемь раз⁶⁵⁹. При этом попытки наладить производство, в целом, можно считать провальными, поскольку от плана на 60-80 винтовок в 1880 г. удалось произвести только пять⁶⁶⁰.

Наконец, при султанине Абдулазизе была принята на вооружение в том числе винтовка системы Винчестера. Она была достаточно специфическим оружием и предназначалась главным образом для османской кавалерии. Первый образец этого оружия был выпущен в 1866 г., в османскую армию эта винтовка начала поступать уже приблизительно с февраля 1871 г., о чем свидетельствовала депеша османского посла из Вашингтона от 24 февраля 1871 г. Первые партии были достаточно небольшими по своим объёмам, около 1 тыс. ружей, однако в тот же период ожидалась отправка из Америки большего количества оружия, 8 тыс. экземпляров винтовки Винчестера. Общее число заказанных ружей на 1871 г. составляло 15 тыс.

⁶⁵⁶ Bennett J. Op. cit. P. 245.

⁶⁵⁷ Ibid.

⁶⁵⁸ Muhtar A. Külliyyât. S. 333.

⁶⁵⁹ Beşirli M. Op. cit. P. 123.

⁶⁶⁰ Karakoç E., Mete A.S. Op. cit. P. 305.

винтовок, а также 5 тыс. карабинов Винчестера, предназначавшихся для кавалерийских подразделений⁶⁶¹. К 1872 г. им была вооружена не только вся регулярная османская кавалерия, но даже конные жандармы, что было достаточно редким случаем, поскольку обычно между ними распределялось только самое старое оружие⁶⁶². Она имела следующие характеристики:

- Масса: 4 кг;
- Длина: 125 см;
- Боеприпас: патрон .44 Henry;
- Калибр: 11,3 мм;
- Дальность: 915 м⁶⁶³.

На фоне остального вооружения эта винтовка выглядела достаточно скромно, оно отличалось меньшей дальностью стрельбы, его патроны имели более слабый пороховой заряд. Однако основными её достоинствами являлись меньшие вес и длина, что делало её наиболее предпочтительным оружием для кавалеристов. Главным преимуществом винтовки являлся подствольный трубчатый магазин на 13 патронов, который можно было опустошить за 13 секунд⁶⁶⁴. В целом, это было специальное оружие, для успешного применения которого требовалось соблюсти ряд условий (например, сблизиться с неприятелем, чтобы реализовать преимущество в скорострельности), что наилучшим образом удавалось кавалерии. Винтовка не получила широкого распространения в том числе из-за сложности своего механизма, не выйдя за пределы кавалерийских войск Османской империи.

В целом, несмотря на все сложности и препятствия, с которыми османам пришлось столкнуться при попытках развития собственного оружейного производства (от которого впоследствии пришлось отказаться) и перевооружения армии, доля устаревшего оружия в османских воинских частях была невысокой. С этой точки

⁶⁶¹ 15000 adet tüfek ve 5000 adet Winchester marka karabina siparişi // DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 28. B. 1.

⁶⁶² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 54.

⁶⁶³ Trenk R.T. The Plevna Delay: Winchesters and Peabody-Martinis in the Russo-Turkish War // *Man at Arms*. 1997. Vol. 19. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.militaryfiles.com/theplevnadelay> (Дата обращения: 12.05.2024).

⁶⁶⁴ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 73.

зрения стратегия властей по оснащению войск самым современным оружием любой ценой оказалась результативной. К началу русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наиболее распространенными видами вооружения в османской армии оказались винтовки Снайдер-Энфилда и Мартини-Генри. Это, однако, не означало того, что вооружение других производителей не применялось в османских войсках. К примеру, уже в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Османская империя продолжала заказывать оружие в Бельгии. Телеграмма от 3 июня 1877 г. свидетельствовала о том, что ожидалась поставка 30 тыс. винтовок из Антверпена⁶⁶⁵. В тот же период османское правительство заказало в Париже партию револьверов объёмом в 13,3 тыс. единиц оружия⁶⁶⁶. Небольшое разнообразие принятых на вооружение систем облегчало обслуживание оружия, упрощало производство запасных частей и боеприпасов к нему. Однако поддержание уровня технического оснащения османской армии наравне с передовыми армиями Европы крайне дорого обходилось османскому государству. Помимо стрелкового оружия стоит учитывать и то, что с 1861 по 1885 г. османы заказали суммарно 2003 артиллерийских орудия у концерна Круппа общей стоимостью в 182 764 628 марок⁶⁶⁷. Государственный долг Османской империи, начавший формироваться в 1854 г., составлял 225 868 816 золотых лир к 1877 г.⁶⁶⁸, при этом на военные расходы от этой суммы было потрачено 87 096 500 золотых лир⁶⁶⁹.

Выводы главы II

⁶⁶⁵ 1877 Rus Harbi sırasında sipariş edilen silah ve harp mühimmatı // DABOA. F. HR.İD. D. 1164. G. 23. B. 3.

⁶⁶⁶ DABOA. F. HR.İD. D. 1164. G. 23. B. 1.

⁶⁶⁷ Karakoç E., Mete A.S. Op. cit. P. 305.

⁶⁶⁸ Yıldız A. Osmanlı Devleti'nin Borçlanmasında Osmanlı Bankası'nın Rolü ve Önemi // Elektronik Sosyal Bilgiler Dergisi. 2011. Vol. 10 (36). S. 326.

⁶⁶⁹ Karakoç E., Mete A.S. Op. cit. P. 304.

Развитие новой военно-образовательной системы Османской империи продемонстрировало ряд схожих черт с формированием структурного облика обновлённой османской армии. На начальных этапах, когда закладывались её основы, власти были вынуждены руководствоваться лишь достаточно узким набором доступных способов обеспечения хотя бы минимальной подготовки командного состава, что повлекло обращение к наработкам прошлого, не имевшим отношения к современной западной образовательной системе.

Затем, как и в случае с организационными изменениями, реформаторы предприняли попытку выстроить новую образовательную систему на основе преобразованных элементов старой структуры. Единственным нововведением в такой ситуации оказывалась несколько переработанная учебная программа, по-прежнему не способствовавшая внедрению современной военной науки или установлению меритократии в формировавшемся офицерском корпусе. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. убедительно продемонстрировала эти изъяны: поражение заставило султана Махмуда II изменить свое мнение не только относительно траектории развития новой армейской организации, но и системы подготовки командирских кадров. В частности, это коснулось взгляда султана на иностранное присутствие в структурах, так или иначе связанных с армией. Падишаху стало очевидно, что модернизировать офицерский корпус собственными силами, без установления более тесных связей со странами Европы, было невозможно.

В результате все учреждения, основанные на рудиментах подготовительных систем традиционных османских войск, были распущены. Иностранцев инструкторов и преподавателей стали привлекать в больших масштабах, и, в конце концов, стремление реформаторов полностью перевести стандарты и правила подготовки офицеров для новой армии на западные рельсы привело к созданию важнейших учебных заведений. С их появлением началась история европейской военно-образовательной системы в Османской империи.

Османские власти при этом осознавали, что передача монополии на образовательный процесс европейцам означала дальнейшее усиление зависимости от стран Запада. При этом полностью исключить их участие из созданной системы

они также не могли. По этой причине с самого начала работы высших учебных заведений они сделали упор на скорейшее обучение османских офицеров, большинство из которых по получении образования было направлено не в войска, а на другие преподавательские должности, что обеспечило постепенное увеличение османского присутствия в управлении военно-образовательной системой и постепенное снижение количества иностранцев в ней.

При султанах Абдулазизе власти начали уделять больше внимания воинской подготовке и образованию османских офицеров. Низкий уровень подготовки студентов, поступавших в училища, создал необходимость распространить современную систему образования в том числе на средний и начальный уровни, сделав больший акцент на технических предметах и изучении иностранных языков. Это позволило несколько снизить нагрузку на военные училища, в таких обстоятельствах вынужденные работать и как учреждения высшего образования, и как общеобразовательные школы.

В целом, реформы в военно-образовательной сфере оказались в значительной степени успешными. Оставив попытки выстроить систему с опорой на практики прошлого, османам удалось заложить основу должным образом функционировавшей образовательной системы, ключевые учреждения которой существуют вплоть до сегодняшнего дня. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что позитивные результаты реформ в данной области оказались по большей части побочными. Распространение современного образования на средний и начальный уровни сделали его более доступным, а османские офицеры, прошедшие через все этапы подготовки, оказывались достаточно хорошо квалифицированными специалистами — именно теми кадрами, критическая нехватка которых ощущалась во всех воинских подразделениях.

Однако магистральная цель всех преобразований в данной сфере состояла из двух компонентов. На первом этапе действительно требовалось сформировать систему, способную выпускать по-европейски образованных и получивших самое современное образование офицеров, способных эффективно управлять войсками и принимать решения в ходе вооруженных конфликтов, а также передавать знания,

обучая других военнослужащих. Необходимая система была создана и начала работать исправно, выпуская специалистов требовавшейся квалификации. Однако на следующем этапе требовалось полностью устранить нехватку образованных офицеров в османских войсках, и этот этап реформ так и не был реализован. Крайне ограниченные объёмы выпусков военных училищ, а также длительные сроки обучения в них позволяли реализовать поставленную цель только в долгосрочной перспективе, в сжатые сроки сделать это было невозможно. По этой причине османы так и не смогли покончить с практикой назначения некоторой части офицеров из числа солдат без получения необходимого образования – кадровый голод не позволял отойти от данного способа пополнения командного состава подразделений.

Преобразования в технической сфере развивались по иному пути. Османские султаны на всех этапах их осуществления осознавали, что проблема модернизации технического оснащения новой армии не могла быть решена без иностранного присутствия. Реформаторы старались следить за последними техническими новинками и обращались к ведущим европейским производителям вооружения с целью закупки оружия и передачи технологий.

При этом на начальном этапе технических преобразований султаны стремились не только заполучить новое вооружение, но и наладить его производство в Османской империи во избежание зависимости от поставщиков. Фабрикам и мастерским, задействованным в производстве оружия, уделялось большое внимание, на их регулярные перестройки и обновления производственных баз выделялись значительные средства, поддержание оружейных предприятий в состоянии отвечать требованиями времени также являлось одним из аспектов реформ в данной области.

Существенным изъяном политики османов в области технического снабжения армии стал отказ от собственных разработок на базе полученных технологий – собственная военная инженерная мысль в Османской империи практически не развивалась. По мере того, как полученные ранее образцы устаревали, власти были вынуждены повторять циклы поиска нового оружия, закупок и перестроек производства, что оборачивалось существенными тратами и ухудшало и без того шаткое

финансовое положение Османского государства. Итогом подобной деятельности стал отказ от развития собственного масштабного производства, требовавшего чрезмерно больших денежных вливаний и переход к крупным закупкам у внешних поставщиков.

Таким образом основная цель технических реформ – обеспечить новую османскую армию наиболее современным вооружением – была достигнута. Однако у этого достижения оказалась весьма существенная цена, которой стал фактический отказ от развития собственной военной промышленности. Конфликт с кем-либо из внешних поставщиков, таким образом, мог полностью приостановить процесс перевооружения османских воинских подразделений, что стало одной из существенных уязвимостей обновленной османской военной машины.

Об успешных или неудачных реформах различных сфер жизни османской армии возможно судить в том числе и на основе анализа её фактических действий, которые позволяют выделить сильные и слабые стороны как новой организации войск, так и подготовленности их личного состава и его технического обеспечения. С этой целью необходимо уделить внимание важнейшим вооружённым конфликтам, в которые была втянута Османская империя в XIX в. То, насколько эффективно её армия себя в них проявляла, может являться критерием успеха или неудачи проводимых в ней реформ.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Суриков Кирилл Андреевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ В ЭПОХУ РЕФОРМ XIX в.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том II

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Шлыков Павел Вячеславович

Москва – 2025

Содержание**Том II**

Содержание	2
Глава III. Боевая эффективность реформированной османской армии на примере основных вооружённых конфликтов XIX в.....	3
3.1 Русско-турецкая война 1828-1829 гг.	3
3.2 Крымская война (1853-1856 гг.).....	24
3.3 Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	48
Выводы главы III	93
Заключение	98
Список источников и литературы	113

Глава III. Боевая эффективность реформированной османской армии на примере основных вооружённых конфликтов XIX в.

3.1 Русско-турецкая война 1828-1829 гг.

Конфликт между Россией и Османской империей имел ряд значимых особенностей. Главной из них являлось состояние вооруженных сил османского государства. За свою историю оно не оказывалось настолько неподготовленным к войне, каким оно оказалось накануне столкновения в 1828 г. Уничтожение янычарского корпуса и последующее расформирование войск *капыкулу*, несмотря на их низкую боевую эффективность, согласно данным османского хрониста Ахмета Джевдет-паши, наиболее ярко проявившуюся при подавлении греческого восстания в 1825 г.⁶⁷⁰, создало вакуум в структуре османских вооруженных сил, который к началу войны власти не успели заполнить новыми войсками. Это привело к дестабилизации обстановки даже в некоторых османских провинциях, например, в Боснии, отказавшейся отправить на помощь регулярным силам свои воинские контингенты общей численностью в 40 тыс. человек по причине неприятия происходивших в империи реформ, как это трактовали османские авторы⁶⁷¹.

Согласно подсчетам современных западных учёных М. Уяра и Э. Эриксона, османская армия на момент начала войны насчитывала 33 плохо подготовленных и не укомплектованных пехотных полка Победоносного войска Мухаммада общей численностью в 16,5 тыс. человек, четыре регулярных кавалерийских полка численностью в 3,6 тыс. человек, инженерные части, насчитывавшие 2,6 тыс. человек, 92 полевые артиллерийские батареи и два гвардейских полка общим числом 6 тыс. человек. Гвардейцы при этом являлись, по сути, единственными подразделениями в османских войсках, подготовленными настолько, чтобы вести боевые действия. Однако султан Махмуд II при этом не решился отправить гвардейские полки

⁶⁷⁰ Cevdet A. Op. cit. T. 12. P. 74.

⁶⁷¹ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur esferinden 1828-1829 Türkiye-Rusya seferi ve Edirne muahedesi. Ankara, 1928. S. 31.

непосредственно к театру военных действий, разместив их в Стамбуле и его окрестностях, чем дополнительно сократил количество регулярных сил, способных укрепить оборонительные рубежи на Балканах. Таким образом, общая численность подразделений действующей армии, сформированных к началу войны, не превысила 25-30 тыс. человек. Этой силы было недостаточно для того, чтобы эффективно противостоять российской армии. По этой причине властям пришлось начать кампанию по привлечению в армию большего числа иррегулярных бойцов⁶⁷².

Достаточно быстро добровольцы из их числа составили основу османских войск на основных театрах военных действий. Иррегулярные контингенты преимущественно состояли из албанцев и выходцев с запада Анатолии. Арабские и курдские племена при этом были представлены гораздо меньше, в основном они заняли нейтральную позицию и не торопились отправлять своих бойцов на подмогу османам. Тем не менее, даже в более ограниченном виде их число превышало 80 тыс. человек⁶⁷³. При этом впервые иррегулярные бойцы были обособлены на организационном уровне, они получили название «башибозуков» и образовали отдельную от регулярных войск структуру. Между собой они делились на две неравнозначные категории. Одна из них, наиболее многочисленная, при заступлении на службу заключала контракт с местным губернатором или богатым представителем знати. Вторая, наименьшая по численности, заключала этот контракт напрямую с центральными властями⁶⁷⁴. В совокупности, таким образом, османские силы насчитывали около 110 тыс. человек, если опираться на подсчёты современных исследователей. Однако если обратиться к работе А. Мухтара, посвящённой русско-турецкой войне 1828-1829 гг., то можно обнаружить некоторые весьма существенные расхождения.

Османский генерал разделил османскую армию на иные категории, чем М. Уяр и Э. Эриксон. Он отметил, что в войсках оставались «не реформированные» (осм. غير منتظم / тур. gayri muntazam)⁶⁷⁵ части и «те, кто не получал жалования» (осм.

⁶⁷² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 135.

⁶⁷³ Ibid. P. 136.

⁶⁷⁴ Ibid.

⁶⁷⁵ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 32.

معاشسز عساكر / тур. maaşsız asakir)⁶⁷⁶, а также те, кто был отправлен в войска в рамках общей мобилизации, начинавшейся после вступления в состояние войны (осм. نفيّر عام / тур. nefîr-i âm)⁶⁷⁷. Несмотря на то, что А. Мухтар не раскрывает сути этих категорий, можно предположить, что, по всей видимости, туда входили все иррегулярные формирования, поскольку бойцы действующей армии в обязательном порядке получали жалование. Совокупная численность этой категории войск составляла 97050 человек⁶⁷⁸. Термин «башибозуки» генерал при этом не использовал.

В качестве второй категории османских сил, задействованных в войне, А. Мухтар выделил «солдат на жаловании» (осм. معاشلى عسكر / тур. maaşlı asker)⁶⁷⁹, под которыми он подразумевал регулярную армию. Согласно его утверждениям, её численность существенно отличалась от предлагаемой современными исследователями и составляла около 80 тыс. человек. Сведения о численности подразделений при этом совпадают, однако число их личного состава отличается. Генерал отметил, что регулярная часть османской армии на момент начала войны насчитывала 33 трёхбатальонных полка, один батальон при этом составлял 500 человек. Таким образом, Победоносное войско Мухаммада, как утверждал Мухтар, в 1828 г. составляло уже 49,5 тыс. человек. Из них 6 тыс. являлись гвардейцами, и ещё 6 тыс. – артиллеристами. 10 тыс. человек также насчитывала кавалерия. Исходя из данных, предоставленных османским генералом, империя вступила в войну не со 110-тысячной армией, а со 180-тысячным войском, что значительно отличается от оценок современных учёных⁶⁸⁰. Тем не менее и современные исследования, и османская работа совпадают в своих замечаниях о том, что османские силы были крайне скромно представлены на Кавказском театре военных действий. Их совокупная численность составляла 30-35 тыс. человек, причём по большей части это были иррегулярные войска, для которых типичным было неудовлетворительное снабжение и крайне низкий уровень военной подготовки⁶⁸¹.

⁶⁷⁶ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 32.

⁶⁷⁷ Ibid.

⁶⁷⁸ Ibid.

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 33.

⁶⁸¹ Ibid.

Наконец, следует отметить сходство в оценках османских сил между работой А. Мухтара и русским источником под авторством Н. Епанчина. Они оба указали примерную численность армии в 180 тыс. человек и разделение её на две категории с перевесом в сторону иррегулярных контингентов⁶⁸².

При анализе состава русской армии, противостоявшей османам, следует отметить весьма значительное численное превосходство османской армии над русскими войсками. Так, согласно подсчётам А. Мухтара, Вторая дунайская армия России, наступавшая на Балканах, состояла из трёх корпусов – третьего, шестого и седьмого, из которых шестой также был дополнительно усилен тридцатью казачьими полками. В совокупности все эти подразделения насчитывали от 70 до 75 тыс. человек, либо примерно на 10 тыс. человек меньше – 65 тыс., о чём писал К. Гельмут фон Мольтке⁶⁸³. Русские контингенты на Кавказском фронте на момент начала войны суммарно (в том числе с резервами и гарнизонами) насчитывали около 46 тыс. человек⁶⁸⁴, согласно Н.И. Ушакову, либо же 49 тыс. человек по подсчётам генерала Мухтара⁶⁸⁵, превосходя, таким образом, османские регулярные контингенты на этом театре военных действий.

Относительно османской стратегии в данной войне существуют различные мнения. Некоторые современные авторы считают, что она была выработана заведомо и носила оборонительный характер, поскольку командование стремилось реализовать потенциал крепостей на Дунае⁶⁸⁶. Однако османский генерал А. Мухтар отметил, что ни у султана, ни у командования не имелось никаких планов на предстоящий конфликт, и они не были к нему готовы. Изначальная оборонительная позиция османских войск, по его мнению, была вынужденной, а не заранее спланированной⁶⁸⁷. Она была выстроена вокруг крепостей, расположенных на правом берегу

⁶⁸² Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Часть 1. Подготовка к походу. С.-Петербург, 1905. С. 122.

⁶⁸³ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 44.

⁶⁸⁴ Ушаков Н.И. История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Часть первая. Санкт-Петербург, 1836. С. 157.

⁶⁸⁵ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 47.

⁶⁸⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 136.

⁶⁸⁷ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 58.

Дуная, таких, например, как Браилов, Варна, Силистрия, Руцук, Видин, Рахова, Никополь, Систово, Туртукай, Хыршова, Исакча, Мачин, Тулча, Галац, Журжево и Калафат⁶⁸⁸. При этом Дунайские княжества Молдавия и Валахия, являвшиеся северными провинциями империи, были оставлены без защиты, единственными силами, расположенными в данных регионах, являлись легкие кавалерийские подразделения.

Главной уязвимостью османской обороны, таким образом, стала её статичность, скованность сил, устаревшие и в течение длительного времени не обновлявшиеся укрепления, отсутствие мобильных войсковых резервов и большое расстояние между крупными укрепленными пунктами⁶⁸⁹. А. Мухтар также выделил крайне медленные сборы войск, наиболее активная часть которых началась на юге Балкан после объявления войны, рассредоточение основных сил по наиболее крупным дунайским крепостям и отсутствие взаимодействия между ними даже в те моменты войны, когда русские войска уже находились на правом берегу Дуная и продвигались вглубь османской территории⁶⁹⁰. Важно отметить в том числе отсутствие каких-либо конкретных целей османского генералитета в данном конфликте, к которым могли относиться, к примеру, остановка наступления русских войск и перенос боевых действий на левый берег Дуная с последующим продвижением на территорию Молдавии и Валахии. Вместо подобных планов кампаний расчёты османского командования ограничились только надеждой на то, что контингенты в основных дунайских крепостях смогут продержаться до зимы и временной приостановки боевых действий⁶⁹¹. Таким образом, османы рассчитывали только на то, что уйдя в глухую оборону, они смогли бы вынудить русских истратить значительное количество сил на её преодоление и, следовательно, истощить их армию, предотвратив тем самым дальнейшее её продвижение. Однако с учётом состояния османских войск и укреплений на Балканском фронте такой план был трудновыполнимым.

⁶⁸⁸ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 55.

⁶⁸⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 136.

⁶⁹⁰ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 58.

⁶⁹¹ Ibid.

Положение дел на Кавказе было значительно более тяжелым. Меньшее количество войск в данном регионе, особенно регулярных, снижало боевую эффективность османов. Кроме того, они оказались вынуждены сосредоточить их в основных крепостях: Батуме, Карсе, Ардагане, Ахалцихе, Ахалкалаки и Баязете. Главной проблемой при этом стала изолированность этих пунктов друг от друга, что вынуждало расположенные в них войска действовать в отрыве от остальных контингентов, специфика местности не позволяла наладить достаточно координированное управление частями, располагавшимися в разных крепостях. Успешная оборона османов на Кавказе могла быть возможной лишь в случае, если подготовка русской армии уступала тренированности османских войск.

Основным театром военных действий данной войны стали Балканы. Непосредственно перед началом войны османские силы в этом регионе составляли около 150 тыс. человек из которых 37 тыс. было сосредоточено в районе Стамбула и Дарданелл, 30 тыс. – в Эдирне, 20 тыс. – в Шумне и Варне, 30 тыс. – в районе Добруджи и прочих крепостей по нижнему течению Дуная, и 35 тыс. – в остальных укрепленных пунктах на Балканах⁶⁹². Стоит отметить, что из этих 150 тыс. человек не менее 67 тыс. фактически оказались исключены из ведения боевых действий на начальных этапах конфликта, поскольку султан принял решение сохранить их присутствие в окрестностях Стамбула. Таким образом, русской армии в районе Дуная противостояло только 85 тыс. человек, причём русские силы насчитывали 75 тыс. человек⁶⁹³.

Россия рассчитывала на то, чтобы достаточно быстро прорвать оборону Османской империи и выйти к Эдирне в течение 1828 г. Начальные этапы конфликта, казалось, подтверждали расчёты русского командования. Русская армия пересекла реку Прут 7 мая 1828 г. и за три дня вышла к берегу Дуная и Добрудже, не встречая ожесточённого сопротивления с османской стороны⁶⁹⁴. Анализируя обстоятельства переправы русских армейских подразделений через Дунай, некоторые

⁶⁹² Епанчин Н. Указ. соч. С. 361.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 137.

современные исследователи пришли к выводу о том, что одним из главных изъянов стратегии оборонявшихся стала их неспособность каким-либо образом использовать Дунай для отражения или по меньшей мере затруднения наступления русских войск⁶⁹⁵. Они утверждали, что русские смогли взять Браилов в осаду с минимальными потерями, и хотя поначалу гарнизон удерживал город, после падения линии обороны в районе Добруджи османы лишились возможности отправить дополнительные силы для снятия осады, и крепость сдалась 17 июня⁶⁹⁶.

Следует подчеркнуть, что подобные выводы чрезмерно упростили картину происходящего на начальных этапах конфликта. Взятие Браилова было стратегически важным этапом русского наступления, поскольку он располагался на левом берегу Дуная, который должен был стать плацдармом для русских корпусов. Кроме того, русские войска действительно смогли достаточно быстро приступить к осаде этой крепости. Однако первый штурм русских, предпринятый в начале июня, браиловский гарнизон сумел отразить, после чего, казалось, осада должна была затянуться⁶⁹⁷.

В то же время параллельно мероприятиям вокруг Браилова шла подготовка к переправе на правый берег Дуная третьего корпуса русской армии. Эта операция должна была быть проведена в районе деревни Сатуново, причем как русские, так и османские источники отмечали, что это место было малопригодным для осуществления переправы: левый берег Дуная там представлял из себя поросшее тростником болото, чтобы по нему пройти, требовалось создать большие деревянные настилы (гати), на что у русских ушло около двух недель, всего задействовало 30 тыс. рабочих каждый день⁶⁹⁸. Очевидно, что скрыть столь масштабные приготовления не представлялось возможным, и османская сторона достаточно быстро о них узнала. Узнав о готовящейся переправе, османы в краткие сроки дополнительно укрепили правый берег Дуная напротив места операции. Позиция была для

⁶⁹⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 137.

⁶⁹⁶ Ibid.

⁶⁹⁷ Taki V. Russia's Turkish Wars. The Tsarist Army and the Balkan Peoples in the Nineteenth Century. Toronto, 2024. P. 43.

⁶⁹⁸ Епанчин Н. Указ. соч. С. 361.

них выгодной, поскольку берег был существенно выше уровня воды, левый фланг османских позиций был прикрыт со стороны Исхакчи, а правый – болотистой низменностью, поросшей кустарником. В течение двух недель, пока сооружались все необходимые для переправы приспособления, османы обстреливали левый берег из усиленной артиллерийской батареи, насчитывавшей 15 орудий. Всего они сосредоточили на правом берегу около 12 тыс. человек⁶⁹⁹. Приступить к переправе удалось в конце мая, только после того как у Сатуново была размещена превосходящая османскую артиллерийская батарея на 24 орудия, а также после прибытия в район операции дунайской флотилии и перехода на сторону России нескольких сотен запорожских казаков⁷⁰⁰. Во многом именно они обеспечили дальнейший успех дунайской операции, незаметно для османов перевезя два егерских полка на правый османский фланг. Ещё два казачьих полка переправились ближе к левому флангу, а последовавшая за этим слаженная атака застала османские войска врасплох и вынудила их отступить, бросив вооружения и нанеся русским лишь незначительные потери в 112 человек⁷⁰¹.

Спустя несколько дней по окончании переправы всего третьего корпуса, русским войскам сдалась Исхакча, а затем, по мере продвижения этого корпуса по правому берегу Дуная, под его контроль перешли также Хыршова и Тулча⁷⁰². Падение этих османских крепостей привело к тому, что командование Мачина посчитало нецелесообразным продолжение обороны и также оставило этот пункт русским. Следует отметить, что Мачин находился на правом берегу Дуная прямо напротив осаждаемого в течение всего этого времени Браилова. Взятие Мачина, таким образом, лишило гарнизон Браилова получать необходимые припасы с правого берега, а также заблокировало путь к нему для других османских контингентов, которые могли попытаться снять осаду. Оказавшись в безвыходной ситуации, гарнизон принял решение сдаться, позволив тем самым полноценно закрепиться русским войскам на левом берегу Дуная и сосредоточиться на дальнейшем продвижении по

⁶⁹⁹ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 69.

⁷⁰⁰ Ibid.

⁷⁰¹ Епанчин Н. Указ. соч. С. 362.

⁷⁰² Taki V. Op. cit. P. 43.

правому берегу⁷⁰³. Необходимо подчеркнуть, что не одно падение Добруджи сделало возможным такое развитие событий, для этого русским войскам пришлось провести ряд сложных операций, которым османы, не ожидавшие русской фланговой атаки при переправе, не смогли противостоять. Успешное овладение плацдармом на левом берегу и стремительное продвижение на правом вселило большую уверенность в русское командование, затем она ещё более укрепилась после победы над османскими войсками в Пазарджике, что стало результатом тотального превосходства российской полевой артиллерии⁷⁰⁴.

Отступление турок из Пазарджика и дальнейшее продвижение в сторону Козлуджи обнаружило, что главные османские силы концентрировались в Шумне, поскольку именно туда отступали их подразделения из занятых русскими пунктов, а также оттуда предпринимались многочисленные вылазки османской конницы, наносившей удары по русскому авангарду. Следовательно, дальнейшее продвижение было возможно только после нейтрализации этой крепости. Лишь на этом этапе наступление русских было фактически остановлено. Причины этого указываются разные: западные авторы утверждают, что османам удалось грамотно использовать рельеф местности и крепостные укрепления, а их постоянные ночные вылазки и частые атаки легкой кавалерии оказались достаточно эффективным средством противодействия наступавшим⁷⁰⁵. Н. Епанчин же указал на то, что русские войска оказались растянуты по слишком большой территории, а их силы рассеяны. Поскольку нельзя было ограничиться одной осадой Шумны, русским пришлось параллельно осаждать также Варну и Силистрию. Все эти действия привели к тому, что осада велась крайне малочисленными силами, уступавшими по численности гарнизонам этих крепостей. Вся русская армия, таким образом, оказалась прикована к трём пунктам и не могла продвинуться дальше⁷⁰⁶. Тем не менее сложившиеся обстоятельства нарушили планы русского командования, согласно которым война с Османской империей должна была закончиться за один сезон, до зимы 1828 г.

⁷⁰³ Taki V. Op. cit. P. 43.

⁷⁰⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 137.

⁷⁰⁵ Ibid.

⁷⁰⁶ Епанчин Н. Указ. соч. С. 366.

Положение дел, аналогичное происходившему под Шумной, сложилось на всех участках фронта, где располагались крупнейшие османские крепости у Дуная, возле Варны и Силистрии. Глухая оборона османов в этих регионах делала невозможным для русских войск обход Шумны с флангов, а также препятствовала налаживанию и поддержанию их путей сообщения. На этом участке османы принимали в том числе и активные оборонительные действия, порой неожиданные для русского командования, они проводили внезапные контратаки, устраивали кавалерийские рейды и вели противоподкопные операции. Тем не менее всех этих мер оказалось достаточно лишь для того, чтобы затруднить осадные действия, но для полного их пресечения требовались более решительные манёвры, которых османское командование не предприняло. Все попытки атаковать силы осаждавших, несмотря на их ожесточённость, были отбиты русскими подразделениями. В результате Варна сдалась 11 октября 1828 г., потеряв большую часть своего гарнизона (около 16 тыс. человек; на момент сдачи в строю находилось 6 тыс. бойцов, первоначально гарнизон насчитывал 22 тыс. человек)⁷⁰⁷. Примечательно при этом то, что сдача произошла в прямой видимости османских регулярных контингентов, прибывавших с целью проведения операции по снятию осады⁷⁰⁸.

Тем не менее Силистрия, хоть и являлась достаточно уязвимой крепостью по сравнению с Варной и Браиловом, смогла продержаться в течение всей кампании до зимнего периода, когда русские были вынуждены снять осаду и распределиться по зимним квартирам. Таким образом одна из главных целей русского командования – прорыв обороны на Балканах и выход к предместьям Стамбула за период кампании 1828 г. – так и не была реализована. Вместе с тем обе стороны конфликта посчитали этот период успешным для себя. Несмотря на то, что русские не достигли основных стратегических целей начального этапа войны, они сумели нанести османам достаточно чувствительные потери – около 40 тыс. человек, а также взять ряд важных укрепленных пунктов. При этом султан Махмуд II, хоть и счёл

⁷⁰⁷ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 153.

⁷⁰⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 137.

утрату Варны катастрофой⁷⁰⁹, посчитал успехом тот факт, что за 1828 г. Шумна и Силистрия устояли в ходе осад, а Варна сопротивлялась в течение длительного времени.

Тем не менее необходимо обратить внимание на тот факт, что большая часть событий, невыгодных для российской стороны на данном этапе войны, лишь в незначительной степени была обусловлена действиями османской армии. Главным фактором, помешавшим русским войскам продолжить продвижение на Балканах и достигнуть поставленных целей за одну кампанию стала не столько грамотно налаженная османская оборона или какие-либо тактические решения, принятые османским командованием, сколько собственные ошибки в расчётах.

Так, к примеру, главной причиной приостановки наступления стала изначально чрезмерно малая численность русского корпуса, отправленного на Балканы, что существенно усложнило задачи по взятию крупных дунайских крепостей, где концентрировались наиболее многочисленные османские подразделения⁷¹⁰. Попытки спровоцировать османские силы покинуть крепости и дать им бой в поле также не увенчались успехом. В результате сложилась ситуация, когда на взятие Варны было направлено русское соединение численностью в 10 тыс. человек, что почти в два раза уступало изначальной численности гарнизона этой крепости⁷¹¹. С учетом того насколько рассеяны оказались русские силы на Балканах, продолжение стремительного наступления в ходе кампании 1828 г. не представлялось возможным. Наконец, необходимо учитывать и тот факт, что в течение всего наступления на Балканах русская армия терпела весьма тяжелые небоевые потери, вызванные большим количеством вспышек различных заболеваний, прежде всего чумы⁷¹², особенно усилившейся к зиме, а также нехваткой фуража, продовольствия и воды⁷¹³. Однако на этом фоне нельзя выделить какую-либо военную операцию, проведённую османской армией, которая нанесла бы по меньшей мере тактическое

⁷⁰⁹ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 159.

⁷¹⁰ Taki V. Op. cit. P. 43.

⁷¹¹ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 131.

⁷¹² Özcan T. 1828-1829 Osmanlı-Rus Savaşı Sırasında Yaşanan Sağlık Sorunları // History Studies. 2010. Vol. 2/3. S. 258.

⁷¹³ Епанчин Н. Указ. соч. С. 380.

поражение русским, либо изменила бы ход компании в пользу османов. Вместо этого они продолжали вести достаточно пассивную и нескоординированную оборону, в условиях которой крайне затруднительно было реализовать уязвимости оппонента.

При этом обе стороны воспринимали Кавказский фронт в качестве второстепенного. Цели России на нём ограничивались вытеснением османов с побережья Черного моря и взятием под контроль Ахалцихского пашалыка. Целью Османской империи стало сохранение статус-кво и недопущение продвижения русской армии по своей территории⁷¹⁴.

Османы отрядили на этот театр военных действий минимальное количество войск, приграничные провинции могли обороняться в основном только за счет иррегулярных сил. Непосредственно перед началом войны войска были сгруппированы в неравные по численности подразделения, они также были рассеяны по широкой территории, что ухудшало ситуацию для Османской империи.

Так, в Батуме и Потти стояли гарнизоны по 2 тыс. человек, в Анапе – 5 тыс. человек, в Ахалцихе имелось 6 тыс. солдат из регулярных войск и 4 тыс. из иррегулярных формирований. Приблизительно по 1 тыс. человек располагалось в Ацхуре и Ахалкалаки. В Карсе и Эрзеруме было сконцентрировано около 30 тыс. бойцов регулярной армии и 10 тыс. человек из иррегулярных войск. В Баязете располагался гарнизон численностью в 2 тыс. человек, а в Муше ещё 5 тыс. бойцов готовились к обороне Вана. Общая численность османских войск на этом фронте с учётом расположенных в них гарнизонов, согласно подсчетам В. Аллена, составляла около 68 тыс. человек⁷¹⁵. Со стороны России, по его же подсчётам, османской армии противостояло чуть менее 60 тыс. бойцов, из которых при этом около четверти были заняты вопросами внутренней безопасности на севере Кавказа⁷¹⁶. По данным А. Мухтара, численность русских подразделений, задействованных в кавказской кампании, составляла около 49 тыс. человек, что в целом сопоставимо с

⁷¹⁴ Allen W.E.D., Muratoff P. *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828-1921.* Cambridge, 1953. P. 23.

⁷¹⁵ Ibid. P. 24.

⁷¹⁶ Ibid. P. 25.

данными В. Аллена⁷¹⁷. Однако генерал указал иную численность и распределение османских подразделений. Он отметил, что в Карсе находилось только 11 тыс. человек, а в Эрзеруме – от 15 до 20 тыс. бойцов, но только 6 тыс. из них относились к регулярным подразделениям. По сути, контингенты в этих крепостях были самыми многочисленными на фронте, общее же число бойцов на данном театре военных действий, по его версии, составляло не более 45 тыс. человек⁷¹⁸. Возможно, А. Мухтар не учёл все местные гарнизоны и иррегулярные подразделения, однако его подсчёты также позволяют сделать вывод о примерной сопоставимости численности как русских, так и османских войск на данном фронте.

Положение османской стороны дополнительно усугублялось не оправдавшимися ожиданиями в отношении столкновения России и Ирана – вопреки расчётам османских властей, Иран не нанёс ей поражения, но потерпел его сам, результаты конфликта были закреплены в Туркманчайском мирном договоре. В его ходе русским удалось также захватить большое количество провизии и припасов, что сыграло им на руку в период боевых действий против Османской империи. Ошибкой османской стороны стало допущение закупок провизии подрядчиками российской армии у местных османских властей на Кавказе прямо накануне войны⁷¹⁹.

Боевые действия на Кавказе начались с осады русской армией Анапы 18 мая 1828 г. и наступления под командованием генерала Паскевича 26 мая. Крепость подвергалась ударам с двух направлений, с суши и с моря, где действовал флот под командованием адмирала Грейга. Небольшой гарнизон Анапы, существенно уступающий по численности и оснащённости наступавшим на него русским войскам, не смог выдерживать осаду в течение долгого времени. Анапа пала, продержавшись меньше месяца, 23 июня. Вместе с крепостью в руки русских попали также 85 орудий с боеприпасами к ним, также около 3 тыс. османских солдат из оставшегося гарнизона оказались в плену. Взятие Анапы обезопасило тыл русской армии,

⁷¹⁷ Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur. S. 209.

⁷¹⁸ Ibid. P. 210.

⁷¹⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 138.

поскольку ранее она являлась пунктом сбора различных кавказских племен, враждебных России, в частности, лазов⁷²⁰.

Серьезным потрясением для османов стало также то, что в тот же день был взят Карс, имевший стратегическое значение в регионе и являвшийся военной гордостью Османской империи, поскольку ранее он выдержал иранскую осаду в 1735 г. и русскую в 1807 г. Столь скорое падение одной из ключевых османских твердынь на Кавказе было обусловлено рядом факторов. Главным из них стало стремительное продвижение небольших подразделений под командованием генерала Паскевича, а также грамотно выстроенная тактика осады крепости. Русские пересекли реку Арпачай 14 июня и смогли закрепиться к югу от Карса, что и было целью командующего, поскольку с этого направления они могли заблокировать подход османских подкреплений с юга⁷²¹. При этом *сераскер* Кёсе Мехмет действительно приказал османским подразделениям выдвинуться из Эрзерума, но лишь спустя три дня. К этому моменту позиции русских уже находились у Карсчая, также под их контролем была главная дорога на Карс⁷²².

Паскевич тем временем осаждал крепость, не имея даже осадных орудий, он разместил полевые пушки на высотах вокруг неё и с них мог обстреливать османский гарнизон. После артподготовки русские войска захватили также окрестности Карса с востока. В отсутствие подкреплений, заблокированных на пути к городу, османским бойцам было крайне затруднительно продолжать оборону. После утреннего штурма 23 июня под контроль Паскевича перешла часть города и стены, отделявшие его от цитадели. Оказавшийся в блокаде гарнизон сдался вместе с командованием⁷²³. Русская армия захватила более 150 различных артиллерийских орудий, множество боеприпасов и большое количество продовольствия. Также она взяла в плен около 2 тыс. солдат регулярных османских подразделений⁷²⁴. При этом стоит отметить, что русские провели стремительный штурм с минимальными

⁷²⁰ Chesney R.A. The Russo-Turkish Campaigns of 1828 and 1829 with a View of the Present State of Affairs in the East. New York, 1854. P. 145.

⁷²¹ Allen W.E.D., Muratoff P. Op. cit. P. 25.

⁷²² Chesney R.A. Op. cit. P. 147.

⁷²³ Allen W.E.D., Muratoff P. Op. cit. P. 26.

⁷²⁴ Ibid.

потерями, составившими не более 400 человек⁷²⁵. К другим факторам, способствовавшим поражению османских войск, следует отнести устаревшие крепостные укрепления города, выстроенные в начале XVIII в. и ни разу с того момента не обновлявшиеся⁷²⁶.

Падение Карса переломило хребет османской обороны на данном театре военных действий и глубоко деморализовало османские силы в этом районе. Попытка отбить Карс у русской армии окончилась полным провалом, наступление русских потеряло темп только из-за вспышки чумы в войсках. Даже в столь тяжелых обстоятельствах Паскевичу удалось ввести в заблуждение османское командование. Сераскер был убежден в том, что после взятия Карса русские продолжат наступление на Эрзерум, вследствие чего, перейдя через Соганлы он остановился и решил дожидаться неприятельских подразделений в удобном для себя месте. Генерал Паскевич, чтобы укрепить уверенность османов, ожидавших такого манёвра, отправил по дороге на Эрзерум достаточно мощный авангард. Но вместо дальнейшего продвижения на этот город, он повернул на Ахалкалаки и Ахалцих⁷²⁷.

Османский гарнизон продержался до 15 августа, после чего сдался. Османские подразделения в попытке упредить развитие наступления на этом направлении были переброшены к Ахалциху, но оказались разбиты русской артиллерией. Защитники Ахалциха также предприняли попытку атаковать русские войска, однако им не хватило слаженности и технического оснащения, чтобы провести эффективную контратаку. Она окончилась неудачей, и крепость пала под натиском русской армии. Её позиции ещё более усилились после того, как был взят Баязет и несколько менее крупных крепостей в округе. В целом, ключевые пункты на кавказском театре военных действий перешли под контроль русских всего за пять месяцев, при этом они располагали всего 18 тыс. регулярных солдат и незначительным количеством иррегулярных подразделений. Османы не смогли оказать

⁷²⁵ Ушаков Н.И. История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Часть первая. Санкт-Петербург, 1836. С. 236.

⁷²⁶ Allen W.E.D., Muratoff P. *Op. cit.* P. 24.

⁷²⁷ *Ibid.*

серьезного сопротивления русской армии⁷²⁸. Главной причиной такого положения дел стала крайняя степень пассивности османских подразделений. Они не предпринимали каких-либо атак на русские войска, целиком владевшие инициативой и занимавшие наиболее выгодные для себя позиции. Кроме того, более двух третей османских контингентов являлись иррегулярными бойцами, чьи воинские качества и выучка не позволяли эффективно противодействовать регулярной русской армии на Кавказе, при штурме они легко рассеивались и бежали⁷²⁹.

После ряда разгромных поражений на Кавказе османская армия подверглась полной реструктуризации, включавшей в себя замену всего командного состава и пополнение живой силы (осуществленное исключительно за счет иррегулярных войск). Было также принято решение изменить стратегию ведения боевых действий на этом фронте. Командование разработало примечательный план, у которого был потенциал. Согласно ему, сперва османские войска должны были провести отвлекающую атаку на Карс, чтобы привлечь к себе внимание основных сил русских. Затем другая их часть должна была десантироваться с моря в районе Батуми и заставить врасплох русские контингенты поблизости. Все эти манёвры должны были растянуть русские войска и подготовить место для главной цели плана – захвата Ахалциха. Несмотря на то что план был подготовлен грамотно с точки зрения военного дела и учитывал слабости русской обороны, османским командирам и подразделениям не хватило ни средств, ни уровня навыков для того, чтобы претворить этот план в жизнь. Отвлекающие атаки не выполнили свои задачи и не отвлекли на себя главные силы русских, и 17 марта 1829 г. османские войска были вновь вынуждены отступить. Этим в очередной раз воспользовался Паскевич, незамедлительно возобновивший наступление вглубь османской территории. Войдя в район Соганлы, он смог разделить силы оборонявшихся на две группы, и сперва разгромил первую, наиболее многочисленную, после чего вторая бежала, не оказав сопротивления⁷³⁰.

⁷²⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 138.

⁷²⁹ Allen W.E.D., Muratoff P. Op. cit. P. 29.

⁷³⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 139.

После возобновления боевых действий на Балканах в 1829 г. османская армия оказалась в таких же условиях, как и на Кавказском фронте, несмотря на уверенность султана Махмуда II и высшего командования в победе. Основная проблема этого этапа конфликта заключалась в том, что османы не были готовы к новой кампании, войска не смогли восполнить потери. Османские подразделения были рассеяны по большой территории, и грамотное, скоординированное управление ими оказалось едва ли по силам даже наиболее способному османскому генералу на тот момент – Решиду Мехмет-паше, выполнявшему в то время в том числе и обязанности великого везира. Россия же наоборот сделала выводы из неудач кампании 1828 г., экспедиционный корпус был усилен большим числом солдат, также были проведены перестановки в командовании, например, к исполнению своих обязанностей приступил генерал Дибич, сменивший командовавшего Балканским фронтом в ходе предыдущей кампании Витгенштейна⁷³¹.

Новая стратегия, избранная Дибичем, действительно имела некоторые сходства с действиями генерала Паскевича на Кавказе. Ей также были свойственные внезапные, порой весьма рискованные действия и быстрые атаки, способные застать врасплох османские войска. Кампания 1829 г. началась с молниеносной атаки русской армии, в результате которой под её контроль перешел город Созополь, попытка отбить его не увенчалась успехом. Тем не менее Решид-паша практически не обратил на это внимание, решив атаковать русские войска в районе Превади 27 мая. Атака, с одной стороны, стала неожиданной для русских, но с другой стороны, к каким-либо значимым с военной точки зрения результатам она не привела. Великий везир и командующий Балканским фронтом продолжил проведение таких атак, после Превади попытавшись атаковать русских у Козлуджи. Однако генерал Дибич сумел должным образом наладить работу военной разведки и узнал о планах Решид-паши. Затем он принял решение окружить наступавшие османские силы, что произошло в районе Гюлефче 11 июня. Ожесточенное сопротивление османских войск нивелировалось тотальным превосходством русской артиллерии, но тем не

⁷³¹ Taki V. Op. cit. P. 43.

менее спасло их от полного уничтожения. После этой атаки в подчинении у Решид-паши осталось не более двух обескровленных полков, с которыми он вернулся в Шумну⁷³².

Стоит отметить, что параллельно этим действиям существенную поддержку русской армии оказывал в том числе и флот. Адмирал Грейг участвовал во взятии Созополя, а затем проследовал на юг балканского побережья Черного моря. Там он смог приступить к блокаде Константинополя с севера, в то время как русская средиземноморская эскадра оказывала нажим с юга. Ей удалось заблокировать поставки пшеницы в османскую столицу через Эгейское море и Дарданеллы, что дополнительно ухудшило условия для османской стороны⁷³³

После этих побед русские решили возобновить осаду Силистрии, оказавшейся совершенно к этому не готовой. Гарнизон крепости не только не возвел за время перерыва новые укрепления, но и не отремонтировал старые, поврежденные в ходе первой осады. Более того, османы даже не уничтожили осадные фортификации русской армии, которая смогла возобновить осаду в кратчайшие сроки, просто заняв свои старые позиции. Кроме того, в самой крепости начались конфликты между бойцами гарнизона и присланными подкреплениями из Анатолии. В ходе осады османские солдаты предпринимали попытки контратаковать русские подразделения, но безуспешно. Под шквальным огнем русской артиллерии османский гарнизон принял решение сдаться и капитулировал 30 июля⁷³⁴.

Генерал Дибич не желал не терять времени, и после того как ему сдалась Силистрия, принял решение совершить быстрый и внезапный для османской стороны переход через Балканы. К этому ходу русского генерала османское командование также оказалось совершенно не готовым. Оно было убеждено в том, что после взятия Силистрии Дибич должен был двинуться на Шумну, чтобы обезопасить дальнейшее продвижение. По этой причине именно там были сконцентрированы основные силы Балканского корпуса, также туда были переброшены и основные резервы,

⁷³² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 140.

⁷³³ Taki V. Op. cit. P. 43.

⁷³⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 140.

что оставило фактически незащищенной всю османскую территорию к югу от Балкан. Вместо этого же Дибич решил незамедлительно атаковать Эдирне⁷³⁵.

Генерал разделил свои силы на две группы, одна из которых двинулась вдоль побережья, а вторая – в направлении Айдоса, Ислимийе и затем самого Эдирне. При этом на подобные действия не последовало никакой реакции с османской стороны – вместо того чтобы всеми имевшимися силами блокировать путь на Эдирне русской армии, османское командование так и оставило их у побережья Дуная, тем самым бросив Балканский театр военных действий на произвол судьбы. Стремительный бросок генерала Дибича к Эдирне и отсутствие каких-либо мер со стороны османского генералитета привело к панике среди защитников этого города. 20 августа 15-тысячный гарнизон Эдирне сдался 30-тысячному русскому корпусу, утомленному после длительного марш-броска и понесшему большие потери из-за не утихавшей чумы⁷³⁶.

Взяв Адрианополь, русские войска, по сути, завладели ключом к Стамбулу, сделав дальнейшее вооруженное сопротивление со стороны Османской империи бессмысленным. Османы, будучи вынужденными запросить мира, попытались при этом затянуть переговоры и дожидаться включения в них Британии и Австрии, однако Дибич отправил авангард русской армии в окрестности Стамбула и потребовал заключения мира до начала сентября. Некоторые современные исследователи утверждают, что русский генерал при этом блефовал, поскольку с запада к столице выдвинулся паша из Албании с 20-тысячным корпусом, способным противостоять уставшим от длительного перехода и боев, а также свирепствовавшей чумы русским войскам. Блеф тем не менее оказался успешным, и Османская империя пошла на заключение Адрианопольского мирного договора, положившего конец войне⁷³⁷.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. обнаружила ряд критически важных изъянов, подрывавших боеспособность османской военной машины. Главной проблемой уже на данном этапе стала неорганизованность механизма принятия

⁷³⁵ Taki V. Op. cit. P. 44.

⁷³⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 140.

⁷³⁷ Taki V. Op. cit. P. 45.

решений, вызванная нехваткой подготовленных командиров на всех звеньях командной цепи. Бросалось в глаза полное незнание военного дела османскими бойцами, что приводило к непоправимым ошибкам, к которым относится неналаженная логистика, отсутствие мобилизационных и стратегических планов, полное отсутствие централизованного управления войсками, а также коррупция. Сказывалась незавершенность реформ военной машины, выражавшаяся в отсутствии должным образом подготовленных офицеров. Стоит подчеркнуть, что нехватка квалифицированной прослойки офицерского корпуса имела в том числе и в армии России, о чем неоднократно в своей работе упоминал Н. Епанчин, однако в сравнении с положением дел в османской армии эта нехватка была менее ощутимой.

Важно отметить в том числе и то, что отнюдь не только нехватка обученного командного состава свидетельствовала о неготовности Порты к ведению боевых действий. Одним из основных изъянов её военной машины, препятствовавших, к примеру, проведению военных операций, для которых требовался более высокий уровень подготовки личного состава, стало в целом недостаточное количество регулярных подразделений, задействованных в войне. За два года с начала создания модернизированной армии Османская империя оказалась физически не в состоянии подготовить достаточно многочисленные соединения регулярных войск, которые были бы способны эффективно вести боевые действия против другой регулярной армии. Материалы источников продемонстрировали, что на обоих театрах военных действий наиболее многочисленную часть сил Османской империи составляли именно иррегулярные войска. Порой они превосходили по численности наступавшие русские контингенты, однако этого было недостаточно ввиду крайне низкого уровня их боевых навыков. Вместе с тем военные реформы в Османском государстве протекали слишком медленно, большое количество неподготовленных бойцов не могло перейти в качество, и такое положение дел не позволяло противодействовать стремительному наступлению русских войск.

Критическая нехватка достаточно подготовленного личного состава в вооружённых силах, таким образом, усугубляла проблемы, существовавшие в области планирования военных кампаний и выбора стратегий ведения войны. Наличие

столь серьезных комплексных проблем у османской военной машины подтвердилось тем обстоятельством, что русский генералитет сумел подобрать ключ к османской обороне в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и прорвал её, фактически дойдя до османской столицы. Османы в ходе конфликта были готовы к длительным осадам, более того, именно такого развития событий они и ожидали, о чём свидетельствовало накопление главных сил в нескольких крепостях на Дунае и Кавказе. Развитие событий кампании 1828 г. при этом продемонстрировало, что в таких условиях они в целом могли затормозить темпы наступления неприятеля. Однако дальнейший ход войны показал, что османское командование было совершенно не готово к стремительным манёврам и марш-броскам, предпринятым сперва Паскевичем на Кавказе, а затем Дибичем на Балканах. Стремление русских обойти османскую оборону вместо того, чтобы её штурмовать, требовало от османского командования как можно более оперативно перебрасывать армейские подразделения на их пути наступления. Однако положение войск Османской империи, уровень их подготовки и взаимодействия соединений друг с другом не позволяли осуществить требовавшиеся от них манёвры.

На состояние и, в первую очередь, расположение османских подразделений оказывали достаточно существенное влияние в том числе и невоенные проблемы. Современные исследователи отмечают, что к числу таковых относились опасения султана Махмуда II насчет поддержания порядка внутри империи и сохранения своей власти, из-за чего он не рискнул задействовать новейшие и элитные гвардейские полки Победоносного войска на полях сражений и оставил их в Стамбуле⁷³⁸. Война также показала крайне низкую эффективность османского высшего офицерства в сфере подготовки кампаний и управления войсками.

С одной стороны, и генералы, и султан ожидали скорейшей победы своей армии после первых успехов, но с другой стороны, они не уделяли должного внимания состоянию крепостей как на Дунае, так и на Кавказе, не проработали должным образом стратегию обороны, что также стало одним из факторов поражения

⁷³⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 141.

османской армии. Тем не менее следующие боестолкновения, в которые была вовлечена османская армия на том же театре войны, произошли спустя 24 года, в рамках Крымской войны 1853-1856 гг. К тому моменту начальный этап военных реформ в Османской империи был в целом завершён. Османская военная машина претерпела значительные изменения в области организации и вооружения. Новая война, таким образом, стала очередной проверкой на прочность, обнаружившей как сильные, так и слабые стороны реформированной османской армии.

3.2 Крымская война (1853-1856 гг.)

В Крымскую войну Османская империя вступила в разгар реформ эпохи Танзимата – в том числе военных. На момент начала конфликта османская военная машина претерпела значительное число изменений и нововведений. В первую очередь они касались организационной структуры войск и механизмов набора рекрутов в войска. В целом же, османская армия спустя 24 года после предшествующей рассматриваемому конфликту русско-турецкой войны 1828-1829 гг. сделала шаг вперёд и была в большей степени модернизирована. К 1853 г. все османские войска уже были разделены на пять полевых армий, в них были созданы и закреплены на уровне уставов такие формирования, как *низам* и *редиф*. Командиры военных округов получили в свое ведение и регулярные, и резервные подразделения, что значительно упростило и упорядочило командно-административную структуру армии. Кроме того, перед началом Крымской войны уже были приняты первые законы, заложившие основы правовой базы, регулировавшей правила отбора новобранцев и механизм пополнения живой силы. Постепенно вводился призыв по жребию, высчитывалось точно число рекрутов для каждого подразделения. Устанавливались также и сроки службы в каждом из типов формирований, существовавших в османской армии.

Следует учитывать также и то, что султан вместе с высшим армейским командованием уже в течение длительного времени занимался вопросами, связанными со снабжением войск современным оружием, предпринимались попытки расширить производственную базу Имперского арсенала и оружейной мастерской. Наконец, необходимо иметь в виду, что к началу нового вооружённого конфликта уже более десяти лет вели свою деятельность основанные в 1830-е гг. высшие военные учебные заведения – Военная академия, инженерное и медицинское училища. Высшие офицеры Османской империи отправлялись на дополнительное обучение в Европу, османы усердно работали над тем, чтобы перенять и внедрить у себя европейский опыт устройства армии и ведения войны. Таким образом, необходимо признать, что к тому моменту, когда вспыхнула Крымская война, военная машина Османского государства была в значительной степени усовершенствована и имела значительно более широкие возможности для ведения эффективных боевых действий по сравнению с тем, что она представляла собой в 1828-1829 гг.

Тем не менее о полном завершении реформ и готовности Османской империи к ведению новой войны с Россией к 1853 г. говорить было невозможно. Преобразования в военной сфере были завершены лишь частично, а некоторые системы находились только на начальном этапе своего существования, что было актуально в случае с военным образованием и механизмом проведения рекрутских наборов. В остальном же у османской военной машины имелся ряд структурных изъянов, устранить которые на тот момент времени не удалось.

В первую очередь это касалось контроля над фактическим внедрением нововведений, принимавшихся в Стамбуле, особенно связанных с администрированием воинских контингентов. В этой сфере ряд необходимых мер либо вовсе не принимался, либо существовал исключительно на бумаге. То же самое происходило в том числе и с армейской логистикой, налаживанию которой реформаторы до начала Крымской войны не уделяли внимания вовсе. Особо острой к тому моменту стала повсеместная нехватка обученных офицеров. Наиболее чувствительной она была на уровне высшего командования и офицеров штаба. Несмотря на работу высших военных учебных заведений, такие специалисты всё ещё оставались редкостью.

Приток иностранных офицеров после подавления восстания 1848-1849 гг. не изменил ситуацию кардинально – для этого они были слишком малочисленны. Одним из следствий такого положения дел в командном составе османов стало то, что основные их силы как на Балканском, так и на Кавказском фронте оказались не распределены в соответствии со структурой полевых армий, а сконцентрированы вокруг небольшого количества достаточно обученных генералов и крупнейших крепостей в регионах.

Другим следствием стало множество проблем и трудностей, возникавших в ходе подготовки личного состава. Нехватка офицеров, выполнявших в том числе обязанности инструкторов, приводила к тому, что значительная часть рядовых османской армии оказывалась совершенно необученной и не имела представления об основах военной науки. Сложности с назначением офицеров испытывали регулярные войска, однако их потребности власти стремились удовлетворить в первую очередь. Однако ситуация для бойцов *редифа* оказывалась значительно хуже, поскольку в этот тип войска инструкторы из числа офицеров назначались позднее. Учения и сборы резервов вследствие этого носили спорадический характер. Военные округа не согласовывали их между собой, так что обычной стала ситуация, при которой в некоторых провинциях учения организовывались, а в некоторых – вовсе не проводились. В целом же, военнослужащие Румелии и Анатолии были подготовлены значительно лучше, чем подразделения, дислоцированные в Сирии и Ираке, где офицеры могли вовсе не иметь никакого боевого опыта⁷³⁹.

Совокупная численность вооружённых сил Османской империи накануне Крымской войны составляла по разным оценкам от 390⁷⁴⁰ до 480⁷⁴¹ тыс. человек, что, с одной стороны, являлось весьма значительной силой. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что эта сила по своему составу была неоднородной. Достичь подобной численности османская армия могла лишь при учёте контингентов, состоявших из добровольцев и местных вооружённых формирований,

⁷³⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

⁷⁴⁰ Fevzi. 1853-1856 Türk-Rus Harbi ve Kırım Seferi. İstanbul, 1927. S. 8.

⁷⁴¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

дислоцированных в Египте, Ливии и Тунисе. Османский и турецкий капитан Февзи, в своей работе указавший численность в 390 тыс. человек, подчеркнул, что в неё были включены контингенты из этих провинций империи, составившие 100 тыс. человек. Остальные 290 человек мобилизовывались из населения Анатолии и Румелии⁷⁴². Численность регулярных войск при этом составляла около 123 тыс. человек, также следует признать, что именно они составляли наиболее организованную, обученную и боеспособную силу Османской империи. Кроме того, османский *низам* был технически лучше оснащён, чем подразделения русской армии. До войны он прошёл через процесс перевооружения, в ходе которого личный состав регулярных подразделений получил новые нарезные ружья, уже использовавшие боеприпасы системы Минье. Русская армия же располагала в основном устаревшим к тому моменту гладкоствольным оружием. Тем не менее следует подчеркнуть, что это было актуально только в отношении весьма малочисленного относительно прочих османских подразделений *низама*. Остальные силы Османской империи были представлены бойцами *редифа* и иррегулярных формирований, чье техническое оснащение не было унифицировано, а воинская выучка либо отсутствовала, либо находилась на самом низком уровне⁷⁴³.

Непосредственно на Дунайском фронте к началу войны, по оценкам русских офицеров, было сконцентрировано около 120-130 тыс. человек, большая часть которых – не менее 30 тыс. человек – дислоцировалась в Шумне. Тем не менее, как отметил М.И. Богданович, из этой внушительной силы менее половины принадлежало к *низаму*, наиболее многочисленным был *редиф* и иррегулярные формирования⁷⁴⁴. Капитан Февзи указал большую численность османских войск, по его подсчётам, она составляла примерно 178,5 тыс. человек, причём из них около 100 тыс. человек относилось к регулярным войскам, что расходится с данным М.И. Богдановича⁷⁴⁵. Следует обратить внимание на то, что османы имели численное превосходство перед русскими войсками. Богданович оценил численность главных

⁷⁴² Fevzi. Op. cit. P. 8.

⁷⁴³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 160.

⁷⁴⁴ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Том 1. С.-Петербург, 1876. С. 121.

⁷⁴⁵ Fevzi. Op. cit. P. 8.

русских сил, расположенных в Бухаресте, в 55 тыс. человек, вычтя из них больных, умерших в пути и передислоцированных в нижнее течение Дуная⁷⁴⁶. Вместе с тем, по всей вероятности, он привёл примерную численность лишь одного из двух корпусов, задействованных на Балканском фронте, поскольку капитан Февзи отметил, что общее число готовящихся к наступлению русских войск составляло 148 720 человек, из которых 60 тыс. относились к Четвертому корпусу, а 88 720 человек – к Пятому⁷⁴⁷.

На Кавказе, по подсчётам капитана Февзи, дислоцировалось порядка 150 тыс. человек с османской стороны, причём он утверждал, что 100 тыс. из них относились к регулярным войскам, и только 50 тыс. – к иррегулярным⁷⁴⁸. Подобные цифры тем не менее вызывают ряд сомнений. Если учесть, что накануне войны общая численность низама составляла не более 125 тыс. человек, то присутствие 100 тыс. регулярных бойцов и на Балканах, и на Кавказе было невозможным. Кроме того, в более современных исследованиях отмечено, что османская армия на Кавказе более, чем на две трети состояла из иррегулярных солдат⁷⁴⁹. Представляется возможным принять утверждение Февзи о том, что подразделения низама всё же присутствовали на Кавказе и были сосредоточены в первую очередь в Карсе и Эрзуруме⁷⁵⁰, однако крайне маловероятно, что они были столь многочисленными. В. Аллен, к примеру, отметил, что все османские силы, включая низам, редиф и иррегулярные формирования, были разделены всего на несколько подразделений и распределены по крупнейшим крепостям региона, составляя, таким образом, не более 100-120 тыс. человек⁷⁵¹.

При подготовке к войне османский военный совет предпринял попытку выработать определенный план и стратегию ведения кампаний как на Балканах, так и на Кавказе. Они имели достаточно существенные отличия от той вынужденной и по большей части импровизированной стратегии, с которой Османская империя

⁷⁴⁶ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 121.

⁷⁴⁷ Fevzi. Op. cit. P. 8.

⁷⁴⁸ Ibid.

⁷⁴⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 161.

⁷⁵⁰ Fevzi. Op. cit. P. 9.

⁷⁵¹ Allen W.E.D., Muratoff P. Op. cit. P. 59.

вступила в войну 1828-1829 гг. С одной стороны, османская стратегия на Балканах, как и прежде, носила оборонительный характер. Но, с другой стороны, на этот раз османское командование предпочло придерживаться тактики активной обороны, в рамках которой предусматривались ограниченные наступательные действия и рейды в тыл наступавшего противника. План боевых действий на Кавказе, в отличие от кампаний 1828-1829 гг., имел ярко выраженный наступательный характер. Османские подразделения на данном театре военных действий, по замыслу султана, должны были нанести удар и продвинуться вглубь территории Российской империи, заняв при этом выгодные позиции и блокировав наиболее удобные для русских дороги и пути снабжения. Ключевые крепости на Кавказе – Карс, Батуми и Баязет – планировалось удерживать с помощью усиленных гарнизонов. Тем не менее современные авторы отметили, что, создавая столь амбициозный план, султан Абдулмеджид практически не учитывал реальное положение дел на обоих театрах военных действий. Реализации данной стратегии препятствовало значительное число логистических и технических изъянов, имевшихся в войсках, а также недостаточный уровень подготовки их личного состава. По всей видимости, падишах сделал ставку на то, что для претворения в жизнь новой стратегии и достижения победы необходимо было лишь поставить во главе каждого фронта наиболее способных и заслуженных командиров, которые могли бы в дальнейшем самостоятельно справиться с имевшимися проблемами в подразделениях⁷⁵².

Исходя из этого решения, на должность командующего силами Дунайского региона был назначен Омер Лютфи-паша, а на должность сердара Кавказского фронта – Абдулкерим Надир-паша, к тому моменту окончивший Венскую военную академию⁷⁵³. Однако назначение достаточно подготовленных и опытных генералов не решило одну из ключевых проблем османских войск в данной войне, которой являлся сложившийся дисбаланс в распределении сил между двумя фронтами.

Так, Омер Лютфи-паша оказался в весьма удачном положении, поскольку под его командованием находились практически все передовые регулярные и

⁷⁵² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 161.

⁷⁵³ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 453.

гвардейские подразделения османской армии, за исключением нескольких полков. Вверенные ему контингенты Румелийской армии, как регулярные, так и резервные, по уровню выучки и оснащения существенно превосходили войска, расположенные на востоке Анатолии. Более того, этот фронт оказался дополнительно усилен ветеранскими полками, дислоцированными из Египта, где они участвовали в столкновениях с Мухаммадом Али. Помимо размещения на Балканах элитных воинских подразделений, условия для Лютфи-паши упрощались в том числе теми обстоятельствами, что во всём регионе дорожная сеть была значительно более развитой, он располагался ближе к столице, в нём были размещены многочисленные военные производства и мастерские, также Балканы являлись главным сельскохозяйственным регионом Османской империи, что снимало ряд проблем, связанных с продовольствием и фуражом⁷⁵⁴.

На фоне в целом позитивной для османов ситуации на Балканах, положение дел на Кавказском фронте выглядело иначе. Две трети войск, вверенных Надир-паше, состояли из иррегулярных подразделений, не имевших организации и не обученных военному делу. Кроме того, у них на вооружении стояло устаревшее оружие, поскольку перевооружение в последнюю очередь коснулось востока Анатолии и арабских провинций. Помимо этого, за исключением нескольких офицеров из числа польско-венгерских эмигрантов, на данном фронте не имелось образованных командиров. Логистическая сеть на Кавказском фронте полностью отсутствовала, что крайне затрудняло снабжение для османской стороны. Наконец, османская армия не имела централизованной командно-административной структуры на данном театре военных действий. Сложилась ситуация, при которой, к примеру, подразделения, дислоцированные в Батуми, не подчинялись *сердару* Кавказского фронта, а все указания и сведения получали и передавали исключительно напрямую в Стамбул султану. Более того, подобное положение дел было свойственно не только Батуми – целый ряд крепостей на Кавказе действовал независимо и не считал себя обязанным выполнять приказы командующего фронтом⁷⁵⁵. В целом,

⁷⁵⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 161.

⁷⁵⁵ Ibid.

Османская империя оказалась в условиях, когда наиболее многочисленные, эффективные и подготовленные силы были связаны, пусть и активной, но всё же оборонительной стратегией на Балканах, куда они были переброшены практически в полном составе, а на Кавказском фронте, наиболее тяжёлом и удалённом от столицы, были вынуждены вести активное наступление войска, наименее пригодные для реализации подобного плана. Этот стратегический просчёт ещё на этапе подготовки к войне существенно снизил шансы османов на успех.

При этом следует отметить, что начало боевых действий на Кавказе после объявления войны оказалось весьма успешным для османской стороны. Несмотря на пассивность Надир-паши, спустя несколько повторившихся приказа из Стамбула, он приступил к наступательным действиям по трём направлениям – Шекветили, Гюмрю и Ахалцих-Ахалкалаки. Атака оказалась внезапной для России, поскольку её основные силы находились ещё далеко от линии боестолкновений на Кавказе, а гарнизоны приграничных пунктов не были должным образом подготовлены к отражению наступления. Успешный захват османскими войсками Шекветили и разгром направленных в район русских подкреплений, с одной стороны, укрепил настрой командования на лёгкую победу, а с другой стороны, деморализовал графа Михаила Воронцова, приказавшего эвакуировать крепости вплоть до Анапы⁷⁵⁶.

Однако дальнейший ход боевых действий сложился не в пользу Османской империи. Ей удалось достичь фактора внезапности, проведя атаку на Кавказе, но полноценно реализовать его и закрепить результаты этого мероприятия она не смогла. Главной причиной этого стал тот факт, что ни Абдулкерим Надир-паша, двигавшийся по направлению к Гюмрю, ни Али Рыза-паша, чьей целью был Ахалкалаки, не воспользовались возможностями, которые открылись перед ними после спешной эвакуации ряда подконтрольных русской армии пунктов. Ни у одного из османских командиров не имелось какого-либо плана действий на случай подобных обстоятельств, также никто из них не проявлял сообразной ситуации

⁷⁵⁶ Allen W.E.D., Muratoff P. *Op. cit.* P. 61.

инициативы. Надир-паша и Рыза-паша действовали с крайней степенью осторожности и в строгом соответствии с полученными приказами, их продвижение на фронте было чрезвычайно нерешительным. Современные авторы связывают их действия и низкий боевой дух в том числе с опасениями, возникшими после ряда поражений, которые терпела Османская империя на данном фронте. В том числе из-за них генералы не решались начать полноценное наступление⁷⁵⁷.

Другой проблемой османской армии стали низкие темпы продвижения и практически полное отсутствие у наступающих тяжёлого вооружения. Так, когда Али Рыза-паша сумел дойти до Гюмрю и Ахалциха, он столкнулся с нехваткой огневой силы для того, чтобы вести осаду, вследствие отсутствия у него тяжёлых орудий. Этот факт вызывает удивление, поскольку ещё на этапе планирования необходимо было учесть необходимость располагать такими видами оружия для проведения осадных действий в отношении подобных укрепленных пунктов, но этого сделано не было. В результате Рыза-паше потребовалось запрашивать эти орудия из тыла. По причине отсутствия налаженной логистики в регионе, ждать их ему пришлось более недели. За это время русские успели подтянуть подкрепления, их подразделения атаковали османские контингенты у села Садзели 13 ноября 1853 г. Здесь проявились достаточно посредственные управленческие навыки Рыза-паши: он не сумел должным образом распорядиться имевшимися у него силами, численно превосходившими русских, не занял заблаговременно более выгодные позиции для отражения атаки, а также не заручился поддержкой местного населения. Итогом этого стал быстрый разгром подразделений Рыза-паши регулярной русской пехотой и кавалерией, а также захват всего его вооружения и припасов⁷⁵⁸.

Несколько иначе складывалась ситуация для Абдулкерима Надир-паши. На подходе к Гюмрю ему вновь удалось застать врасплох небольшое подразделение русской армии, чьей задачей была блокада путей подхода к пункту, и нанести ему поражение. Однако в очередной раз генерал не решился на стремительный бросок к Гюмрю, он продолжил двигаться медленно и осторожно, оставляя русским

⁷⁵⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 161.

⁷⁵⁸ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 459.

больше времени на то, чтобы сориентироваться, подготовиться к контратаке и дожидаться прибытия подкреплений. Более того, узнав о разгроме Рыза-паши, Надир-паша полностью утратил инициативу для продолжения наступления и принял решение отступить на свою территорию, в Башгедиклер, чтобы защитить подступы к Карсу. Достигнув Башгедиклер, он передал командование начальнику штаба Ахмед-паше, а сам отправился в Карс⁷⁵⁹.

Все эти манёвры заняли достаточно большое количество времени, а также предоставили пространство для действий русской армии, не замедлившей этим воспользоваться и начавшей переброску подразделений, расположенных у Ахалциха и Ахалкалаки. При этом Ахмед-паша, являвшийся одним из немногих штабных офицеров, окончивших современное военное училище и отправленных на Кавказ, саботировал приказы Абдулкерим-паши о сохранении оборонительных позиций и принял решение провести атаку с нескольких направлений на приближавшиеся русские подразделения⁷⁶⁰.

Офицер даже разработал весьма подробный план атаки: планировалось сковать наступающих русских фронтальным ударом в районе Башгедиклер, а затем разбить их боевые порядки двумя фланговыми ударами, справа – силами кавалерии и пехоты, слева – с использованием иррегулярных подразделений. Также предполагалось оказание артиллерийской поддержки кавалерийским и пехотным частям, задействованным в атаке. План в целом был продуман и имел шансы на успех, однако его авторы не учли, что для его реализации требовались хорошо обученные и опытные бойцы, которых на всём Кавказском фронте практически не имелось.

Османская атака началась согласно плану, 1 декабря 1853 г., но захлебнулась, едва начавшись, поскольку русский генерал Бебутов предвидел фланговые удары османов и после отражения нападения регулярной кавалерии и пехоты незамедлительно контратаковал османские артиллерийские позиции, захватив их, а также половину имевшихся орудий и значительную часть боеприпасов. Иррегулярные османские войска при этом нанесли минимальный ущерб русским подразделениям,

⁷⁵⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 163.

⁷⁶⁰ Ibid.

а главные силы, задачей которых являлась фронтальная атака, начали её позже запланированного и без артиллерийской подготовки. Наконец, сразу же после того как события стали складываться не в пользу османов, все иррегулярные подразделения бежали с поля боя и рассеялись по окрестным населенным пунктам, не сделав фактически никакого вклада в сражение. На этом фоне достаточно странным выглядело решение Стамбула снять с поста сердара Кавказского фронта Надир-пашу и назначить на его место инициатора катастрофически неудачной для османов атаки Ахмед-пашу⁷⁶¹.

В целом русской армии удалось достаточно быстро нейтрализовать наступательный потенциал османских войск на Кавказе и закрепиться на более выгодных позициях. Укреплению российской обороны в данном регионе способствовало также и сражение при Синопе, в ходе которого российский черноморский флот нанёс сокрушительное поражение османской эскадре. Поражение у Башгедиклер продемонстрировало, что несмотря на наличие образованных и подготовленных офицеров, способных составлять детальные планы атак, комплексные операции, требовавшие высокого уровня кооперации между различными подразделениями и родами войск, были недоступны османской армии. Отсутствие коммуникаций, а также крайне низкий уровень подготовки личного состава не позволяли осуществлять манёвры наподобие того, что готовил Ахмед-паша. Османские командиры при этом уделяли достаточно мало внимания подготовке и состоянию боевого духа своих солдат. Некоторые из них, например, Абдулкерим-паша, были убеждены в полной их неспособности к ведению боевых действий и при первых неудачах теряли инициативу и переходили в глухую оборону. Другие же, как Ахмед-паша, были убеждены в своей способности провести некую операцию без оглядки на состояние рядового состава.

Вместе с тем, пока небольшая по численности и по большей части иррегулярная османская армия на Кавказе терпела одно поражение за другим, на Балканском фронте ситуация складывалась иная. Дунайские подразделения османской армии

⁷⁶¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 163.

под командованием Омер-паши начали успешно проводить внезапные атаки на русские войска вдоль течения реки. Этому способствовали хорошая выучка и оснащение вверенных Омер-паше бойцов, а также грамотно налаженная разведывательная деятельность.

Сердар понимал, что русским необходимо было найти место для переправы через Дунай, что требовало времени. Омер-паша старался предугадать возможные варианты, где неприятель мог это сделать, и нанести по нему удар. Так, например, успешно проведенная рекогносцировка позволила ему спланировать операцию, в рамках которой 28 октября 1853 г. гарнизон Видина переправился с правого на левый берег Дуная и захватил Калафат, где не имелось значительных русских сил. Это позволило ему изолировать русскую армию от союзной ей Сербии и обезопасило Видин. Незамедлительно после этого похожая операция была проведена на другом участке фронта – османский гарнизон Тутракана атаковал и захватил Ольтеницу на левом берегу Дуная 2 ноября 1853 г. Прикрытие обеспечивали гарнизоны Силистрии и Рушука, отвлекавшие русских на себя. Спустя два дня русская сторона под командованием Михаила Горчакова предприняла попытку отбить Ольтеницу у противника. Однако первый штурм османские войска сумели отразить, нанеся при этом чувствительные потери оппонентам. В промежутки между первым и вторым штурмами османы успели без потерь отступить на правый берег реки. Омер-паша сумел провести и третью операцию в подобном духе. Через разведку он узнал, что русские готовили переправу через Дунай в районе Калафата. После этого он нанёс внезапный удар по Четати, вновь нанёс существенный урон наступающим и уничтожил все оборудование для переправы 6 января 1854 г.⁷⁶²

Действия Омер-паши рассеяли русские войска вдоль Дуная, за исключением тех подразделений, которые были расположены в районе Добруджи и устья реки. Новая, нетипичная для османских сил стратегия активной обороны и внезапных атак небольшими группировками оказалась весьма эффективной и нарушила планы России на Дунайском фронте. Этому способствовали не только качества

⁷⁶² Новичев А.Д. Указ. соч. Т. 4. С. 54.

самого Омер-паши, но и тот факт, что он располагал наиболее подготовленными силами, способными выполнять сложные войсковые операции.

Прибытие союзных сил в Стамбул и Галлиполи ещё больше усложнило положение для русской армии. Русский генералитет принял решение продолжить боевые действия с явной опорой на план генерала Дибича, успешно сработавший в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Главной задачей командование избрало скорейший захват Эдирне – до того, как в бой вступили бы европейские союзники Османской империи. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что русские командиры явно не учли качественные изменения в османской армии на Балканском фронте, хотя Омер-паша в ходе кампании неоднократно демонстрировал новую манеру ведения боевых действий. Россия рассчитывала, как и прежде, прорваться через османскую оборону на Дунае и совершить бросок до предместий Стамбула.

Начальный этап русского плана удалось реализовать – бойцы с легкостью взяли под свой контроль слабо защищённую Добруджу. Однако дальнейшая часть замысла, удачно выполненная в ходе предшествующей русско-турецкой войны, оказалась провальной. Вслед за Добруджей планировалось захватить Силистрию. Русские офицеры рассчитывали, что её осада будет лёгкой и достаточно быстро завершится. Они обратили внимание на критическое состояние её укреплений, оставшихся без ремонта с момента последней осады в 1829 г. Но они не учли того, что в отличие от плохо подготовленного гарнизона, располагавшегося в ней в 1829 г., в ходе Крымской войны в Силистрии дислоцировались в том числе элитные гвардейские полки и набранные из ветеранов египетские батальоны под командованием обученного генерала Муса-паши. Штурм Силистрии начался 16 мая 1854 г., причём русские войска не осуществили полную блокаду крепости, что позволило османам направлять в неё подкрепления и припасы. Граф Паскевич, проводивший успешные операции против османских войск в ходе войны 1828-1829 г., не сумел повторить своего успеха. Гарнизон Силистрии отбил три штурма, несмотря на то что в одном из них был убит его командир Муса-паша. Большие потери, а также концентрация значительных сил османов и их союзников в районе Варны

вынудили Горчакова снять осаду и отступить от Силистрии 21 июня. Вслед за этим последовала стремительная атака Хасан-паши на гарнизон русских в Журжево, что ускорило их отступление. После ряда неудачных осад и успешных контратак османов Россия оказалась вынуждена вывести войска с территории всего бассейна Дуная, за исключением незначительных контингентов в Добрудже⁷⁶³.

Вступление в войну Австрии положило конец любым замыслам России на Балканах, и к середине августа ей не оставалось ничего, кроме как полностью вывести войска с этого театра военных действий. Тем не менее после этого Османская империя безуспешно пыталась убедить Британию и Францию перебросить контингенты из уже защищенных ими Варны и Стамбула на Кавказ. Однако, ввиду того что ни у одной из этих стран не имелось достаточно значимых интересов в регионе, чтобы ради них идти на прямое столкновение с русской армией, они обе отказались предпринять такой маневр и решили сосредоточиться на Крымском фронте. Более того, союзники убедили османов выделить для Крыма дополнительные контингенты общей численностью около 20 тыс. человек, что еще более истощило османские резервы. Османские войска на Кавказе в результате получили подкрепления числом не более 7 тыс. человек, передислоцированных из Туниса. При этом по неизвестной причине они были направлены на усиление османского гарнизона Батуми, не нуждавшегося в этом, а не Карской армии, которая уже потерпела ряд поражений и понесла тяжелые потери.

Летом 1854 г. возобновились боевые действия на Кавказе. Россия подошла к ним с более подготовленных позиций, поскольку за зимний период сумела стабилизировать там обстановку и разгромить восстание шейха Шамиля. Османская армия при этом возобновила попытки наступления с большой неохотой и только после ряда повторных приказов из Стамбула. К тому моменту она уже потеряла существенную часть личного состава из-за неблагоприятной санитарной обстановки, отсутствия медицинских служб и нехватки продовольствия. Попытка атаковать русские позиции около села Нигоити силами примерно 8 тыс. иррегулярных

⁷⁶³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 164.

бойцов 8 июня 1854 г. провалилась и спровоцировала русскую контратаку около реки Чолок. Османы предвидели такое развитие событий, Ахмед Селим-паша достаточно грамотно подготовил свои позиции, однако не уничтожил главную переправу – мост через реку. 15 июня генералу Андроникову удалось захватить этот мост и с него атаковать левый фланг османов. Оборонявшиеся понесли тяжелейшие потери, после чего некоторые польские и грузинские офицеры перешли на сторону русских. Затем русским подразделениям удалось зайти османам в тыл, а фронтальная атака уничтожила османскую артиллерию, расположенную слишком близко к передовой линии. После этого османская сторона обратилась в беспорядочное бегство. Это столкновение нейтрализовало османскую армию в Батуми вплоть до конца 1854 г. и позволило России сконцентрироваться на захвате Карса⁷⁶⁴.

После этой победы русская армия продвинулась через Эривань и внезапно атаковала позиции Баязетской армии Селим-паши у перевала Чингилли 29 июня. Имевшиеся в ней регулярные подразделения сумели задержать русских, но оказались сильно деморализованы после хаотичного бегства иррегулярных отрядов курдов и крайне медленного развертывания резервов, после чего также бежали. В результате русские войска взяли Баязет 19 июля, полностью отрезав Османскую империю от Ирана.

Командир Карской армии Мустафа Зариф-паша не обращал внимания на положение дел у себя на флангах. Он выдвинулся ближе к русским позициям у Курудере и стал ждать, не предпринимая каких-либо действий. Это спровоцировало генерала Бебутова на атаку 5 августа. По своей сути она была тем же маневром, что османы пытались предпринять ранее – сковать наступавших фронтальной атакой и рассеять фланговыми ударами. Сначала ситуация складывалась в пользу османов, им удалось захватить тактически важную высоту, с которой османская иррегулярная кавалерия смогла рассеять русский авангард. Однако все фланговые атаки были отбиты, после чего иррегулярные бойцы вновь обратились в бегство. Это

⁷⁶⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 165.

деморализовало оставшиеся османские силы, и они сдались. Тем не менее у Бебутова не осталось сил на преследование неприятеля, и сходу взять Карс он не смог⁷⁶⁵.

Однако к тому моменту Карская армия и так находилась в критическом состоянии. Её совокупные потери уже составили около 8 тыс. человек, 2,5 тыс. человек попали в плен, ещё 10 тыс. иррегулярных бойцов дезертировали. Гарнизон страдал от нехватки провизии, оборона была затруднена из-за устаревших и не отремонтированных укреплений. Ситуацию улучшило только решение Британии направить в Карс миссию, состоявшую из военных советников под командованием полковника Фенвика Вильямса. Воспользовавшись затишьем на поле боя, они сумели повысить уровень боевой готовности гарнизона, однако он все равно терпел большие небоевые потери из-за отсутствия медицинского обеспечения и нехватки припасов, транспортировка которых до Карса была крайне затруднительной ввиду фактического отсутствия дорог в регионе. Кроме того, Карс вовсе не получал подкреплений, способных восполнить потери. Причиной этого были активные действия на Крымском фронте, где Франция и Британия рассчитывали в краткие сроки нанести поражение русским и завершить войну, все их силы были сконцентрированы именно там⁷⁶⁶.

За то время пока разворачивались события в Крыму и Севастополе, русские поменяли командира на Кавказе на графа Муравьева, он также получил приказ взять Карс для улучшения позиций России в преддверии предстоящих переговоров о мире. 24 мая 1855 г. русские подразделения численностью около 30 тыс. человек под его командованием перешли реку Арпачай и двинулись вглубь османской территории. Им удалось взять под контроль Соганлы, а затем к 22 июня вплотную подойти к последней оборонительной линии Эрзурума. Однако Муравьев не стал брать город, решив придерживаться первоначальной цели и сосредоточиться вокруг захвата Карса. Современные авторы отмечают, что это во многом стало стратегической ошибкой, они утверждают, что захват Эрзурума, к тому же плохо

⁷⁶⁵ Т.С. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 459.

⁷⁶⁶ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 166.

защищенного, грозил куда более серьезным поражением османов и мог полностью нивелировать достижения союзников в Крыму⁷⁶⁷.

Осада Карса началась 17 июня 1855 г., город был блокирован русскими войсками со всех сторон, Муравьев стремился взять его измором. При этом, несмотря на блокаду, в течение первого месяца осады гарнизон был способен поддерживать связь со внешним миром. Однако это не изменило его ситуацию в лучшую сторону: он не получил ни подкреплений, ни припасов, несмотря на попытки командиров подразделений привлечь к себе внимание и добиться военной помощи Карсу, по крайней мере переброски к нему османских сил, размещенных в Крыму, где потребность в них уже не была столь высокой. Карс также не получил никакой помощи от Батуми или Эрзурума, чье командование слишком боялось предпринимать какие-то действия⁷⁶⁸.

После того как новости о падении Севастополя дошли до графа Муравьева, он решил ускорить мероприятия по взятию Карса и стал готовиться к штурму. На 29 сентября планировалась внезапная ночная атака с разных направлений, нацеленная на наиболее уязвимые места в османских укреплениях. Однако на этот раз уже русским бойцам не хватило необходимых для осуществления сложного плана качеств – они выдали себя османам раньше времени, и те успели подготовиться к штурму. Поскольку он проводился ночью, некоторые русские подразделения сбились с пути в темноте и оказались дезориентированы. В результате некоторые из них вышли к наиболее сильным укреплениям вместо слабых, многие же перемешались с другими формированиями, что затруднило координацию и затянуло штурм. Из-за этого он начался с опозданием, уже в свете дня. Османы имели хороший обзор, а устаревшее построение русских войск плотно сомкнутыми колоннами привело к тому, что Муравьев к середине дня потерял половину имевшихся у него сил, поскольку османы могли бить из артиллерии и более скорострельного оружия прямо по русским колоннам⁷⁶⁹.

⁷⁶⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 166.

⁷⁶⁸ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 4. С. 381.

⁷⁶⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 169.

Вместе с тем снять осаду гарнизону не удалось. Не смог он также преследовать отступавшие русские подразделения, у оборонявшихся не имелось достаточно лошадей, кроме того, значительная часть защитников Карса уже была истощена и поражена болезнями. Омер-паша начал операцию по снятию осады только в октябре 1855 г., когда высадился в Сухуми. Он планировал отвлечь на себя силы русских, расположенные у Карса, но Муравьев не отреагировал на данный манёвр. После этого Омер-паша решил подготовиться к дальнейшему продвижению, он не реализовал фактор внезапности и потерял 12 дней, проводя их в приготовлениях и отдыхе. Затем в сражении на Ингури 6 ноября 1855 г. он одержал победу над Багратионом, но не стал его преследовать. Омер-паша не знал, что Карс пал ещё за день до этого сражения⁷⁷⁰, и после него он решил провести ещё 12 дней, восстанавливая силы в Зугдиди⁷⁷¹.

К моменту когда он решился на дальнейшее продвижение, уже начался сезон дождей, из-за чего оно осуществлялось крайне медленными темпами. Помимо этого, Багратион воспользовался медлительностью Омер-паши и разорил окрестности, уничтожив в том числе и переправы, что дополнительно затруднило османам путь и отрезало их от поступления припасов. Османские подразделения были до крайней степени измотаны этим переходом, который Омер-паша был вынужден прекратить, не дойдя до Кутаиси 7 декабря 1855 г. Он принял решение повернуть назад, к началу февраля 1856 г. его бойцы достигли бухты Редуткале. За это время османский генерал потерял половину солдат, с которыми начинал экспедицию. Эвакуация уцелевших в Батуми продолжалась до марта 1856 г.⁷⁷²

Крымская война стала важной вехой в военной истории Османской империи. С одной стороны, османская армия в ней, несмотря на модернизацию, не могла соперничать с армиями Европы ни по численности, ни по качеству. С другой стороны, впервые за столетие она смогла нанести ряд чувствительных поражений на Балканах своему главному противнику, Российской империи. Это продемонстрировало,

⁷⁷⁰ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 4. С. 395.

⁷⁷¹ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. S. 460.

⁷⁷² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 170.

что военные реформы начали качественно изменять османскую военную машину и повысили её боевую эффективность. Следует признать, что в ходе Крымской войны османские подразделения применяли современные тактические приёмы, а также использовали новейшее вооружение. Повысился уровень координации между армейскими подразделениями, были внедрены новые стандарты подготовки офицерского корпуса, активизировалась деятельность османской военной разведки.

Однако при этом следует учитывать, что ряда своих успехов на Балканском фронте османы смогли добиться не только за счет наличия на нём наиболее подготовленных войск, но и из-за просчётов и неудач, допущенных их оппонентами. Например, М.И. Богданович отметил, что командиры русских подразделений на левом берегу Дуная получили указания атаковать османские войска только в тот момент, когда они уже приступали к переправе на занятый армией России берег. По его мнению, запрет командования на переход Дуная вынудил русские войска придерживаться сугубо пассивной оборонительной тактики и не позволил командирам на местах проявлять инициативу, что в конечном счёте стало одним из факторов, способствовавших успеху вылазок османских подразделений на левый берег реки⁷⁷³. Сказывались в том числе серьезные потери, понесенные русскими вследствие османских вылазок, что русское командование пыталось утаить от императора Николая I, о чём свидетельствовало его же письмо Горчакову, написанное в ответ на реляцию⁷⁷⁴. Имелись также случаи, когда русские подразделения оказывались дислоцированы не в соответствии с тактическими требованиями, например, более крупные соединения оказывались расположены перед наименее укрепленными османскими позициями, а более компактные – перед наиболее опасными участками. Наконец, возникали и такие моменты, когда расположенные неподалеку от мест сражений русские подразделения опаздывали и не приходили на подмогу своим, либо же не решались преследовать отступавших османов⁷⁷⁵. Таким

⁷⁷³ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 124.

⁷⁷⁴ Там же. С. 182.

⁷⁷⁵ Там же.

образом, было бы ошибочно утверждать, что к Крымской войне османская армия достигла столь высокого уровня подготовки своего личного состава, что могла на равных соперничать с армиями Великих держав, в том числе России. Успехам османских войск на Балканах, безусловно, способствовали достижения последних военных реформ, но в не меньшей степени им сопутствовали также и изъяны, обнаружившиеся в военной машине Российской империи.

Вместе с тем война обнажила в том числе ряд крайне серьёзных структурных проблем, решить которые Османская империя оказалась не в состоянии. Наиболее актуально это было в отношении промышленной и финансовой базы Османского государства. Аграрная экономика империи была неспособна самостоятельно вынести гнёт новой современной войны. С учётом состояния производственной базы, османы были способны производить лишь незначительную часть военной продукции, три четверти которой приходилось импортировать из западных стран. Финансы империи оказались в крайне дезорганизованном состоянии, хронический дефицит бюджета не устранило даже получение займов от Великобритании и Франции.

Продолжение войны лишь усугубило экономическую ситуацию в Османской империи. Она оказалась вынуждена вводить новые срочные налоги, типичные для военного времени, мобилизовывать военнотружущих *редифа*, привлекать добровольцев для восполнения боевых потерь, высокий уровень которых означал в перспективе критическое сокращение рабочей силы и дальнейшее снижение экономического потенциала различных регионов государства. Особенно сильно это ощущалось в Восточной Анатолии.

Множество изъянов имелось в сфере организации и бюрократии. Они наглядно проявились в ходе осады Карса: русская армия успешно наладила необходимые механизмы снабжения продовольствием своего личного состава в тех регионах, где ранее это не удавалось сделать самим османам, по причине чего они не смогли подготовить достаточное количество запасов и в результате сдали крепость. Из-за бюрократических трудностей, отсутствия логистической сети и неудовлетворительного администрирования системы продовольственных складов припасы не

доходили до османских войск, а склады в ходе войны либо были разрушены, либо захвачены русскими бойцами.

Помимо этого, нельзя сказать, что офицерский корпус османской армии проявил себя безупречно в данной войне. Число офицеров, окончивших какое-либо современное военное училище, хотя бы османское, было крайне ограниченным. Кроме того, поскольку часть их непосредственных начальников происходила из среды *алайлы*, она не могла достаточно эффективно командовать вчерашними выпускниками училищ. Весьма наглядно положение дел среди османского офицерства охарактеризовано в докладе французского военнослужащего, в составе делегации посещавшего штабы и основные воинские подразделения османской армии. Он отметил, что она состояла из двух элементов – генерала с его штабом и помощниками, и солдат. Между этими элементами не имелось никаких промежуточных звеньев, к примеру, младших офицеров или сержантов. Впрочем, даже уровень подготовки достаточно образованных генералов вызвал вопросы у французского офицера, обратившего внимание на то, что сам сердар Омер-паша испытывал большие трудности при чтении карт. Кроме того, он не получал никакой информации об обстановке на Балканском фронте, вследствие чего реально оценить эффективность имевшихся у него сил был не в состоянии⁷⁷⁶.

Для османского офицерского корпуса по-прежнему был характерен фаворитизм и патрон-клиентские отношения, что противоречило принципам меритократии в повышении по службе. Прибытие и включение в состав офицерства беженцев из Польши и Венгрии, с одной стороны, повысило общее качество корпуса, но, с другой стороны, чаще всего иностранцы задействовались на должностях штабных офицеров и технических экспертов, а не командиров подразделений, принимавших участие в реальных боях. Помимо этого, быстрое включение в состав действующих офицеров большого числа иностранцев, чье прошлое достаточно часто оказывалось весьма туманным, разозлило офицеров исконно османского происхождения, а также вызывало подозрения со стороны вышестоящих чинов. В целом же,

⁷⁷⁶ Cox M., Lenton J. Crimean War Basics. Organisation & Uniforms. Part two. Russia & Turkey. Leeds, 1988. P. 30.

культурный и языковой барьеры по-прежнему оставались серьезными препятствиями, существенно затруднявшими кооперацию между османами и иностранцами, к примеру, британскими советниками. Между ними нередко возникали споры, четыре османских генерала были разжалованы и уволены из армии из-за того, что не смогли скооперироваться с британским генералом Уильямсом.

Итоги войны также следует охарактеризовать как весьма противоречивые. С одной стороны, некоторые современные авторы подчёркивают, что Крымская война 1853-1856 гг. стала «победоносной» для Османской империи⁷⁷⁷. Парижский мир, положивший конец конфликту, действительно содержал крайне невыгодные для Российской империи условия, и Османское государство подписывало его со стороны союзников, формально будучи причисленным к победителям. Однако формальность этого статуса становилась очевидной при учёте итогов войны и её последствий для Османской империи.

Она понесла колоссальные потери, как людские, так и материальные и политические, в целом её положение по итогам конфликта оказалось хуже, чем до войны. Ощутимее всего на нём сказались потери живой силы, как боевые, так и небоевые. Значительная часть солдат реформированной армии оказалась либо убита на полях сражений, либо скончалась от истощения и болезней. Масштабная мобилизация подорвала и без того достаточно шаткое экономическое положение государства. Уже на второй год войны, в 1854 г. османы были вынуждены запросить заем у Великобритании и Франции суммой в 3 млн фунтов стерлингов сроком на 33 года, не получая при этом полного контроля над средствами и имея право использовать их исключительно на военные нужды⁷⁷⁸. В целом же, об успешных боевых действиях с османской стороны можно было говорить лишь на Балканском фронте, где новые подразделения смогли продемонстрировать свою эффективность и не допустить закрепления русских войск на правом берегу Дуная. Однако катастрофическая ситуация на Кавказе полностью нивелировала успехи на Балканах – османские армейские подразделения на данном театре военных действий

⁷⁷⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 173.

⁷⁷⁸ Новичев А.Д. Указ. соч. Т. 4. С. 80.

практически перестали существовать, а русские войска, в целом достаточно свободно могли продвигаться по территории Анатолии. От тяжелейшего поражения Османскую империю спасли только успехи союзников на Крымском фронте и готовность России к переговорам. Всё это продемонстрировало, что, с одной стороны, османские военные реформы велись в правильном направлении, и создававшиеся в их ходе воинские структуры могли быть эффективными, что доказали события на Балканском фронте. С другой стороны, сложившаяся в дальнейшем ситуация на Кавказе показала, что масштаб и темпы этих преобразований были слишком скромны для того, чтобы Османская империя могла выдержать длительное военное столкновение с одной из Великих держав. Изначальная цель реформаторов — сконструировать военную машину Османской империи таким образом, чтобы она могла эффективно защищать границы государства и противодействовать армиям сильнейших государств Европы, таким образом, не была достигнута, несмотря на определённые качественные изменения в войсках.

Большим ущербом для военной машины Османской империи обернулось в том числе и то, что по итогам войны не было сделано никаких выводов и не принято никаких мер для устранения имевшихся изъянов и повышения её эффективности, по крайней мере в области организации и обучения персонала. По окончании Крымской войны всё внимание османских властей обратилось на проблемы в гражданской сфере, а военные преобразования отошли на второй план. Это не позволило принять меры в отношении проблемных областей, обнаруживших себя в ходе конфликта. Условия для службы не были улучшены, военная организация в мирное время не была проработана, штат вооружённых сил начал сокращаться. Значительная часть иностранных офицеров по окончании войны вышла в отставку и уехала в Европу.

Наиболее болезненным для армии стала демобилизация офицеров из числа *мектебли* и разрешение властей переводить их на гражданские административные и дипломатические должности, что привело к резкому оттоку образованных кадров из войск. Значительная их часть при этом имела боевой опыт и могла бы сыграть большую роль в переустройстве армии. Однако большинство из них ушли в

отставку, а необразованные офицеры-алайлы вновь стали более многочисленной группой. То же самое касалось и рядового состава – большая часть солдат с солидным боевым опытом оказалась демобилизована сразу после войны, хотя именно они могли стать надёжной основой сержантского корпуса, который ранее отсутствовал в османской армии и мог быть крайне полезен для подготовки и обучения рядовых. Кроме того, проблемой стали иррегулярные подразделения, чьи бойцы по завершении войны не спешили сдавать казённое оружие, боеприпасы и лошадей. В результате власти оказались вынуждены в течение многих лет подавлять выступления различных племенных групп и банд, вооружённых за казённый счёт.

Наконец, ситуация осталась без изменений также и в области организации войсковых подразделений. Главным тактическим звеном по-прежнему оставался батальон, звенья более высокого порядка существовали главным образом на бумаге, без штабов или администрации. Учения на уровне полков не проводились, а бригады и дивизии существовали формально, поскольку османский генералитет не считал их необходимыми элементами штатной организационной структуры.

После Крымской войны 1853-1856 гг. прошел 21 год, прежде чем Османская империя оказалась втянута в новую крупную войну – также с Российской империей. Этим новым конфликтом стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. Её детальный анализ позволит сделать выводы о том, извлекли ли султаны и высшее военное руководство уроки из предшествовавшего ей столкновения, либо же они вновь столкнулись с проблемами, принявшими характер хронических для каждого из двух основных театров военных действий, возникавших при столкновении Порты с Россией. Кроме того, действия Османской империи и результаты войны являются практическим критерием эффективности продолжавшихся военных реформ, в рамках которых предпринимались дальнейшие изменения и дополнения структурной организации войск, технического оснащения армии, а также дальнейшее повышение уровня подготовки османского офицерства. Исход русско-турецкой войны 1877-1878 гг. стал одной из важнейших вех османской военной истории в том числе и потому, что он подвёл черту под преобразованиями султана Абдулазиза, одного из наиболее активных султанов-реформаторов армии. Он постарался

придать законченную форму преобразованиям, инициированным в 1826 г. султаном Махмудом II, и война с Россией, вспыхнувшая в первый год правления преемника султана Абдулазиза Абдулхамида II (1876-1909), стала проверкой на прочность фундамента новой, европеизированной османской военной машины, процесс формирования которого на тот момент длился уже более 50 лет. В целом, её также можно считать заключительной главой модернизации османских вооружённых сил XIX в.

3.3 Русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала ключевым вооружённым конфликтом для Османской империи XIX в. В нём армия Османского государства, прошедшая через комплексные реформы султана Абдулазиза, которые повлияли главным образом на её организацию и техническое оснащение, сошлась с армией России, нацеленной на молниеносный бросок к османской столице. Для обеих сторон война стала серьёзной проверкой на прочность – Османская империя оказывалась в состоянии войны впервые после очередного витка преобразований, а Россия – после неудачно завершившейся для неё Крымской войны.

Анализировать подготовку, ход и итоги боевых действий представляется наиболее целесообразным с учётом трёх магистральных направлений. Первым из них является формирование высшего командного состава османской армии, а также определение им основных тактико-стратегических принципов, которым предполагалось следовать в течение всего конфликта. От этого во много зависел весь ход войны, в особенности это актуально для начальных её этапов, чей исход способен кардинальным образом изменить развитие всей кампании. Вторым направлением стало состояние войсковой организации османских вооружённых сил. Его исследование позволит сделать вывод о том, насколько отлаженной и структурированной была османская военная машина на момент вступления и в

дальнейшем ходе войны. Третьим направлением является техническое оснащение османских войск. Номенклатура импортируемого оружия, способы его применения, а также наличие или отсутствие дефицита боеприпасов к нему позволят определить, в какой степени оправданы были действия султана Абдулазиза, осуществлявшего крупнейшие закупки иностранного вооружения (прежде всего британского и американского) в истории османских вооружённых сил. Совокупный анализ данных аспектов ведения боевых действий османской армией в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. позволит выделить изъяны, допущенные при выборе стратегии или принятии каких-либо решений в ходе боевых действий, и, таким образом, сформулировать основные причины поражения Османской империи в данном конфликте.

В первую очередь необходимо отметить, что подбор высшего командования в руководящие общим ходом войны органы был полностью выстроен вокруг личности султана Абдулхамида II. Он стремился контролировать каждый аспект приготовлений к боевым действиям, и при этом главным критерием, по которому генералы получали назначения на те или иные посты, стали не их способности или то, каким образом они зарекомендовали себя в ходе службы в плане своих профессиональных компетенций, а их лояльность падишаху и готовность исполнять приказы любого рода. Следствием такой политики стало назначение на пост *сераскера* не одного из выпускников Военной академии, способного подвергнуть сомнению планы султана и его осведомленность в военном деле, а происходившего из среды необразованных офицеров-*алайлы* Редиф-паши. Он не обладал какими-либо особыми талантами, которые могли бы способствовать его назначению на эту должность, однако был известен своей преданностью султану, что и стало решающим фактором⁷⁷⁹.

После назначения нового сераскера султан сформировал в том числе расширенный военный совет под собственным председательством. В его состав он включил практически всех высших офицеров, находившихся в Стамбуле накануне

⁷⁷⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 184.

войны. Более того, Абдулхамид II на законодательном уровне превратил этот совет в высшую военную инстанцию, сделав его, таким образом, центром принятия решений. Проблема, однако, заключалась в том, что перед войной в столице Османской империи не находилось ни одного генерала, способного проявить себя на столь высоких постах. Все талантливые и образованные высшие офицеры из числа *мектебли* к тому моменту уже были распределены по различным должностям в составе полевых армий, а в Стамбуле остались только пожилые ветераны и наиболее ненадёжные представители османского генералитета, не получившие назначений в армейские корпуса. Передача статуса высшей военной инстанции группировке, состоявшей из людей подобного рода, таким образом, существенно снизила боеспособность османской военной машины. Каждый из членов этой группы заботился в первую очередь о собственных интересах, они действовали обособленно друг от друга, не имели каких-либо общих планов и не кооперировались между собой. Достаточно быстро между ними вспыхнула ожесточённая конкуренция, каждый желал продвинуться по службе за счет других. Одним из главных способов для этого являлось абсолютное подчинение воле султана, оказавшегося в результате единственным человеком, принимавшим решения в ходе войны. Однако познания Абдулхамида II в области военного дела и техники, безусловно, не были столь глубоки, чтобы позволить ему фактически в одиночку руководить ходом кампаний на двух фронтах. Тем не менее весьма частыми стали ситуации, при которых он принимал решение, никак не советуясь с членами созданного им совета. М. Уяр и Э. Эрикссон отметили, что одной из причин такого поведения султана стала боязнь дворцовых интриг, способных привести к государственному перевороту, он не желал оказывать чрезмерное предпочтение никому из своих приближенных и не доверял им. Сами же генералы, своим постам обязанные не командирскими качествами, а политическими ухищрениями, не решались высказываться против неоднозначных решений падишаха⁷⁸⁰.

⁷⁸⁰ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 184.

Весьма неочевидными и противоречивыми стали назначения Абдулхамидом II не только советников, но и полевых командиров. Они во многом были политизированными, на что указали в том числе современные турецкие историки, подтвердив тем самым тезис М. Уяра и Э. Эриксона. Так, например, один из наиболее подготовленных молодых и способных генералов 38-летний Ахмед Мухтар-паша всю свою военную карьеру строил на Балканах, он тщательно изучил регион и был готов к ведению боевых действий на территории данного театра военных действий. Однако накануне войны султан назначил его не на Балканы, где он, по очевидным причинам мог принести значительно больше пользы, а на Кавказский фронт, с которым он не был знаком и где никогда ранее не нес службу. Турецкий исследователь Ю. Карадаш подчеркнул, что столь внезапное и откровенно неуместное назначение было обусловлено тем, что незадолго до конфликта Мухтар-паша заявил о неготовности Османской империи к ведению очередной полномасштабной войны с Россией и предложил передать под её контроль территорию Черногории, выведя с неё османские войска. По его мнению, это должно было продемонстрировать готовность Порты к сотрудничеству и позволило бы избежать войны. Подобные утверждения и предложения вызвали резко отрицательную реакцию со стороны Абдулхамида II, решившего как можно дальше удалить от себя Мухтар-пашу, ввиду чего он и оказался назначен на Кавказ, несмотря на то что с военной точки зрения в этом было больше вреда, чем пользы⁷⁸¹.

Другим весьма неоднозначным решением султана стало назначение на должность *сердара* Балканского фронта уже достаточно пожилого на тот момент Абдулкерим аНадир-паши. На момент начала войны ему было уже 70 лет, и кроме него имелись не хуже подготовленные, но более молодые генералы, также способные занимать эту должность. Кроме того, Надир-паша был известен тем, что командовал Кавказским фронтом в ходе Крымской войны. При этом, с одной стороны, он потерпел поражение на данном направлении, но с другой стороны, это не отменяло того факта, что он значительно лучше ориентировался на местности данного театра

⁷⁸¹ Karadaş Y. Op. cit. P. 209.

военных действий, чем, к примеру Мухтар-паша. В целом, сложилась весьма противоречивая ситуация, при которой два генерала, в течение длительного времени служивших на одном направлении, накануне войны оказались переброшены на совершенно противоположные, что существенно затруднило достижение поставленных перед ними целей и сказалось на общей боеспособности османских вооружённых сил. Стимулы таких решений со стороны руководства страны при этом являлись сугубо политическими и не несли в себе никакой военной необходимости⁷⁸².

Достаточно специфичная ситуация сложилась в том числе и при назначении полевых командиров более низкого уровня. К примеру, Осман Нури-паша, также, как и Мухтар-паша, являвшийся одним из самых молодых и вместе с тем наиболее подготовленных генералов (происходивших из среды *мектебли*), получил назначение в Видин – наиболее удалённую от районов ведения боевых действий крепость на Дунае. Однако командование ближайшей к нему крупной крепостью – Рущуком – было передано одному из самых пожилых генералов, выходцу из среды *алайлы* Эшрефу Мехмед-паше. После начала войны султан вскоре отстранил его с должности ввиду его неспособности к управлению войсками, однако замена не изменила ситуацию значительным образом, поскольку престарелый *алайлы* был заменен на старейшего адмирала османского флота в штате османских вооружённых сил – Кайсерили Ахмед-пашу, которому на момент назначения был уже 81 год⁷⁸³.

Подобные распоряжения султана вызвали ряд весьма негативных для османских вооружённых сил последствий на обоих театрах военных действий. Среди наиболее проблемных аспектов следует выделить то обстоятельство, что на равных позициях оказались самые молодые и самые возрастные османские генералы, что достаточно быстро привело к появлению конфликтов между ними. Наиболее ярко это продемонстрировали назначения на Балканском фронте. Кроме того, достаточно опасной с этой точки зрения стала тенденция к смешению на одном фронте командиров, происходивших из среды *мектебли* с командирами-выходцами из *алайлы*, взаимная неприязнь между которыми на момент начала войны не исчезла.

⁷⁸² Hulusî M. 1877-78 Osmanlı-Rus seferi. Avrupa cihetindeki harekât. İstanbul, 1908. S. 24.

⁷⁸³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 184.

Такой подбор генералов на командирских должностях грозил тем, что они полностью откажутся от какой бы то ни было кооперации друг с другом. Вместо проведения слаженных действий в составе единой и организованной армии османские войска рисковали превратиться в изолированные друг от друга группировки, объединённые вокруг личности своего командира, соперничавшего со своими соратниками вместо того, чтобы действовать с ними сообща.

Вместе с тем, Османская империя в данной войне располагала весьма значительной силой, взвешенное и грамотное распоряжение которой было крайне важным для успешного хода конфликта. Оценки её численности тем не менее разнятся. Например, советский историк Н.И. Беляев утверждал, что совокупная численность войск Османской империи на момент начала войны могла достигать 700 тыс. человек, что являлось весьма серьёзным вооружённым формированием. В его состав он включил войска *низама*, насчитывавшие 210 тыс. человек, из которых 60 тыс. относились к действующему резерву-*ихтияту*, резервные войска общей численностью в 190 тыс. человек, а также ополчение-*мустахфыз*, насчитывавшее около 300 тыс. человек, что вместе давало цифру, близкую к миллиону человек⁷⁸⁴. Однако Н.И. Беляев отметил, что снабжение и обучение столь многочисленного войска было едва ли возможно для Порты, и большая часть из этих 700 тыс. человек практически не имела никакой военной подготовки на момент начала войны⁷⁸⁵. Практически идентичные данные привели и другие советские исследователи в работе под редакцией И.И. Ростунова. По их подсчётам только численность редифа была на 2 тыс. человек больше указанного Н.И. Беляевым. Кроме того, они не учли, что указанная численность армии была штатной, а не фактической, и реальное положение дел могло существенным образом отличаться от положенного на бумагах⁷⁸⁶.

Османский капитан Мехмет Хулуси привёл более взвешенные и правдоподобные данные о численности османских войск. По его подсчётам, она могла достигнуть максимума в 500 тыс. человек и только при условии проведения массовой

⁷⁸⁴ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 70.

⁷⁸⁵ Там же. С. 71.

⁷⁸⁶ Русско-турецкая война 1877-1878 / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. С. 49.

мобилизации всех резервов. При этом необходимо учесть, что армия была разделена на два театра военных действий, не являясь, таким образом, монолитной. Численность войск на Балканах, по мнению капитана, не могла превышать 290 тыс. человек за вычетом контингентов, дислоцировавшихся на Кавказе. Кроме того, даже эта сила была номинальной, и использовать её в полном составе в войне с Россией было невозможно. Причиной этого было то, что значительная часть такого войска должна была быть задействована не непосредственно в боевых действиях, а в обеспечении порядка, подавлении восстаний в других регионах империи. Например, войсковые соединения в обязательном порядке должны были быть дислоцированы в Боснии и Герцеговине, где требовалось подавлять деятельность вооруженных банд, значительные силы требовалось держать в том числе на сербской и греческой границах, чтобы иметь возможность привлечь их в случае восстания или вторжения. Общая численность подразделений, которые невозможно было задействовать в столкновении с Россией, таким образом, достигала 90 тыс. человек, а максимальная численность Дунайской армии, вследствие этого, ограничивалась 190 тыс. человек⁷⁸⁷.

Подсчёты другого османского военнослужащего, майора Ихсана в целом совпали с подсчётами капитана Хулуси. Ихсан выделил те же самые условия, ограничивавшие возможности Порты по использованию максимально многочисленной османской армии против русских войск. Предел численности османских сил он также определил в 500 тыс. человек, а не в 700 тыс. как советские историки. Разделив османскую армию на две части и также отметив необходимость держать значительные силы в регионах Боснии и Герцеговины и на границах Сербии и Греции, он отметил, что совокупная численность Дунайской армии Османской империи в ходе этой войны с Россией не могла превышать 186 тыс. человек⁷⁸⁸.

Майор османского Генерального штаба Али Фуад, оценивая гипотетически возможную численность вооружённых сил Османской империи при проведении полномасштабной мобилизации в целом пришел к тем же выводам, что и советские

⁷⁸⁷ Hulusî M. 1877-78 Osmanlı-Rus seferi. S. 24.

⁷⁸⁸ İhsan. Askerî tarih. 3. cilt. İstanbul, 1927 S. 81.

исследователи. По его подсчётам, максимальная численность османских войск при таких условиях могла достигнуть 780 тыс. человек⁷⁸⁹. Однако необходимо отметить, что это число также существенно отличалось от фактически возможного. Оценивая численность османских контингентов на Дунае, Али Фуад подчеркнул, что они составляли около 350 тыс. человек, однако были распределены по всему региону таким образом, что непосредственно в боевых действиях Порты могла действовать не более 186 тыс. человек, что совпало с подсчётами майора Ихсана⁷⁹⁰. Османский офицер также сослался на перевод одного из донесений в русский Генеральный штаб, согласно которому Россия готовилась к противостоянию с османской армией на Дунае численностью около 250 тыс. человек, а общее число османских войск также оценивала примерно в 500 тыс. человек⁷⁹¹.

Османские военные деятели также предприняли попытку оценить численность русской армии, с которой предстояло столкнуться османам. Так, по подсчётам Али Фуада, число русских войск на Балканском фронте составляло примерно 260 тыс. человек и при таких цифрах превосходило османские силы⁷⁹². Майор Ихсан подсчитал, что основная армия России, от которой требовался прорыв через Дунай и Балканы, составляла примерно 153 тыс. человек. Такая оценка была скромнее цифр, предлагаемых Али Фуадом, однако Ихсан отметил, что кроме этих подразделений имелись также и резервы общей численностью в 110 тыс. человек, что вместе давало число в 263 тыс. человек. Однако, по мнению офицера, русские собирались держать большую часть резервов у границы с Австрией на случай непредвиденного развития событий⁷⁹³.

Следует обратить внимание на то, что подсчёты османских военных деятелей численности русской армии дали результаты, близкие с оценками этого параметра со стороны советских исследователей. Так, например, Н.И. Беляев оценил численность русских подразделений, сосредоточенных на Дунае, в 254 тыс. человек⁷⁹⁴, что

⁷⁸⁹ Fuad A. Musavver 1877-1878 Osmanlı-Rus seferi. İstanbul, 1907. S. 28.

⁷⁹⁰ Ibid. P. 135.

⁷⁹¹ Fuad A. Op. cit. P.135.

⁷⁹² Ibid.

⁷⁹³ İhsan. Op. cit. P. 83.

⁷⁹⁴ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 109.

оказалось близко к расчётам майора Ихсана, если учесть резервы, и результатам оценки Али Фуада. При этом отечественные дореволюционные источники содержат несколько более скромные цифры. К примеру, по подсчётам А.Н. Куропаткина, накануне войны Российская империя сосредоточила на Дунае приблизительно 175 тыс. человек⁷⁹⁵. Однако, даже с учётом колебаний в оценках численности войск обеих сторон конфликта, необходимо обратить внимание на то, что Российская империя вступала в войну с Османским государством, не имея существенного численного превосходства на основном фронте. Её армия была либо примерно равна османской по численности, либо превосходила её, но слишком незначительно, либо же наоборот уступала ей, однако также незначительно.

На это фоне бросается в глаза то, насколько более скромными планировались боевые действия обеих сторон на Кавказе. Он явно выступал в качестве второстепенного театра военных действий. Обе страны старались выделить для него количество войск, минимально необходимое для сдерживания противоположной стороны, максимум для небольших наступательных операций и незначительного продвижения.

Например, сердар Кавказского фронта Ахмед Мухтар-паша в своих мемуарах оценил численность османских войск под его командованием по состоянию на весну 1877 г. приблизительно в 58 тыс. человек, большая часть из которых была сосредоточена в Карсе и Эрзеруме⁷⁹⁶. Несколько большие цифры приведены в работе Н.И. Беляева, где численность османской армии на Кавказе составила примерно 65-75 тыс. человек⁷⁹⁷. Ещё большая численности османских подразделений на данном театре военных действий указана в работе М. Уяра и Э. Эриксона, по их подсчётам османы выделили для Кавказского фронта не больше 90 тыс. человек, что тем не менее также делало невозможными наступательные действия любого рода⁷⁹⁸.

⁷⁹⁵ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. 2. СПб., 1910. С. 464.

⁷⁹⁶ Muhtar A. *Sergüzeşt-i hayatımın cild-i sanisi. 1878 Anadolu-Rus muharebesi. Dersaadet*, 1910. S. 9.

⁷⁹⁷ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 122.

⁷⁹⁸ Uyar M., Erickson E.J. *Op. cit.* P. 185.

Российская империя также не планировала активных наступлений на этом фронте, и выделенные ей контингенты насчитывали 73245 человек по состоянию на зиму 1877 г.⁷⁹⁹ В целом ситуация на Кавказском фронте, за исключением масштаба, была похожа на положение дел на Балканах. Здесь также обе стороны войны сосредоточили примерно равные по численности силы. Ни одна из них не имела решающего численного преимущества над другой, и в такой обстановке многое зависело от такого, насколько удачную стратегию избрала каждая из сторон, насколько продуманными оказались их планы и насколько соответствовали их действия требованиям текущей обстановки.

Что касается Российской империи, следует отметить, что её план являлся весьма амбициозным и едва ли выполнимым с учётом того, какие силы она смогла выставить в войне с османами. План, составленный генералом Н.Н. Обручевым, мог быть успешным только в случае колоссальной скорости развертывания и продвижения российских войск. Для этого предполагалось использовать в первую очередь наиболее мобильные кавалерийские подразделения, которые были способны быстрее миновать наиболее укрепленные участки османской обороны. Главным образом это подразумевало переправу через Дунай (место переправы конкретно в плане не оговаривалось, принять решение на этот счет планировалось после получения результатов ряда рекогносцировок) и последующее продвижение вглубь османской территории. Главной целью был переход Балканского хребта и выход к Проливам, то есть, по сути, непосредственно к столице Османской империи. Данная стратегия в целом напоминала действия России в ходе войны с османами в 1828-1829 гг., однако реализовать этот замысел изначально предполагалось всего за 2-2,5 месяца⁸⁰⁰. Высокая скорость исполнения данного плана требовалась в том числе и для того, чтобы получить возможность диктовать Османской империи условия мирного договора, избегая вмешательства со стороны армий Великобритании и Франции и избежать повторения сценария Крымской войны. Кроме того,

⁷⁹⁹ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том 1 /под ред. Чернявского. С.-Петербург, 1904. С. 70.

⁸⁰⁰ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 48.

мероприятия, предусмотренные планом, начали отрабатываться за год до объявления войны, командование стремилось свести к нулю нештатные ситуации. Генеральный штаб даже просил ещё год на дополнительную подготовку, однако война была объявлена 24 апреля 1877 г., чему способствовали политические причины.

Стремление к быстрому достижению военных целей, направленное на недопущение втягивания в войну других Великих держав, отражало тот факт, что русское командование сделало выводы из Крымской войны. Однако примечательно, что в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. упор был сделан не на Кавказский фронт, где, как показал конфликт 1853-1856 гг., османская оборона оказывалась намного слабее, а на Балканы, несмотря на осознание того, что Османская империя разместит на них лучшие свои силы и постарается максимально эффективно задействовать сеть крепостных укреплений по течению Дуная⁸⁰¹. На Кавказе Россия не преследовала столь амбициозных целей. Основными задачами Кавказского фронта по плану было удержание османских контингентов от переброски на Балканы, а также незначительные наступательные операции, направленные на взятие Эрзерума и Карса⁸⁰².

Исследуя планы османской стороны на русско-турецкую войну 1877-1878 гг., большинство историков пришло к выводу о том, что на момент её начала у Порты не имелось сколь бы то ни было ясного плана действий. В лучшем случае, согласно замечаниям Н.И. Беляева, Османская империя имела приблизительные черновые варианты планов кампаний, которые, по всей видимости, ещё подлежали доработкам и обсуждениям, однако этого не произошло. Тем не менее османы собирались придерживаться оборонительной тактики⁸⁰³. Мнение западных исследователей, в целом, сошлось с утверждениями отечественных, они отмечали, что османское командование в принципе не смогло договориться о выработке какого-либо структурированного плана войны⁸⁰⁴. Стоит отметить и то, что данный тезис частично подтверждали в том числе и османские военные. Так, майор Ихсан прямо отметил, что

⁸⁰¹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 185.

⁸⁰² Беляев Н.И. Указ. соч. С. 93.

⁸⁰³ Там же. С. 99.

⁸⁰⁴ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 185.

на момент начала боевых действий Османская империя не располагала подготовленным и проработанным планом⁸⁰⁵. Об отсутствии у *сердара* Абдулкерим-паши точного плана действий, источников получения актуальной информации и должной реакции на переход русских через Дунай⁸⁰⁶, что стало искрой, от которой вспыхнула война, писал также и майор Генштаба Али Фуад⁸⁰⁷. Следовательно, Османская империя имела лишь набор общих предписаний и настрой на ведение оборонительной войны. Она передала всю инициативу русской армии, оказавшись, таким образом, вынужденной подчиняться тому ходу событий, который она ей навязывала.

Однако при этом важно учитывать то, что подобные выводы не означали полного отсутствия этапа планирования боевых действий. Наоборот, османский генералитет и сам султан в течение длительного времени обсуждали возможные варианты противодействия наступлению русской армии.

На начальном этапе планирования существовала мысль о том, чтобы, в отличие от предшествующих схваток с Российской империей на Балканском театре военных действий, эффективнее задействовать северный берег Дуная. Перенос основного оборонительного рубежа в Румынию, таким образом, мог бы оставить крайне важную водную артерию под контролем Османской империи. Данная идея принадлежала генералу Осман-паше. Более того, 25 мая 1877 г. султан Абдулхамид II издал *ураде*, в котором поддержал инициативу этого генерала. Он считал, что перенос театра военных действий на территорию Румынии являлся лучшим решением в ходе предстоявшей войны и обосновывал это тем, что оно расширило бы оперативный простор для османской армии, предоставило бы ей больше возможностей, а также позволило бы оказывать более действенное влияние на Болгарию. Более того, имелся в том числе и замысел разместить османские армейские подразделения на территории Румынии до официального объявления войны. Впрочем, эта идея вызывала также ряд опасений у генералитета. Главным из них являлось то,

⁸⁰⁵ İhsan. Op. cit. P. 84.

⁸⁰⁶ Fuad A. Op. cit. P. 187.

⁸⁰⁷ Ibid. P. 167.

что такой манёвр выводил османскую армию в местность, наиболее удобную для армии Российской империи. Она получала возможность незамедлительно после объявления войны дать османам генеральное сражение в поле, а вероятность позитивного исхода такого сценария представлялась османскому командованию крайне низкой, чтобы можно было рисковать. Кроме того, реализация такого замысла требовала от исполнявших его – и прежде всего от командиров – высочайшего уровня организованности и воинской подготовки. Майор Фуад отдельно подчеркнул, что именно нехватка квалифицированных кадров, располагавших подобного рода качествами, стала в конце концов одним из ключевых факторов, повлиявших на негативный для османов исход войны. Наконец, для размещения достаточно сильной группировки на территории Румынии, которая была бы способной вести активные боевые действия против русских, требовалось в краткие сроки сформировать большое количество линий снабжения, в первую очередь мостов через Дунай⁸⁰⁸.

Остальные османские генералы также не посчитали эту идею удачной. Помимо этого, они заявили, что для размещения османских армейских контингентов в Румынии до официального объявления войны необходимо было провести ряд консультаций с западными державами. Однако это существенно затягивало сроки составления и исполнения плана и приводило к большим временным потерям, которых нельзя было допустить. По этой причине от подобной мысли было принято решение отказаться, а дальнейшая разработка плана войны была переложена на *сердара* Балканского фронта Абдулкерим-пашу, при неизменном участии султана Абдулхамида II⁸⁰⁹.

Сердар до объявления войны, пока он ещё находился в Стамбуле и активно шло планирование кампании, высказывал своё мнение о том, что следовало сформировать усиленную группировку войск под командованием Османа Нури-паши на линии от Плевны до Ловчи. Он считал это необходимым, поскольку эти подразделения могли воспрепятствовать возможному манёвру русских, нацеленному на обход с запада Четырёхугольника крепостей (осм. قلاع اربعة / тур. Kale-i Erbaa)

⁸⁰⁸ Fuad A. Op. cit. P. 167.

⁸⁰⁹ Ibid.

(воображаемый четырёхугольник, который формировали крупнейшие, одни из наиболее защищенных в Европе османские крепости на берегу Дуная – Руцук, Силистрия, Шумна и Варна)⁸¹⁰.

Однако султан Абдулхамид II в своем ответе, датированном 20 апреля 1877 г. раскритиковал такое предложение Абдулкерим-паши. Он заявил, что сформировать единую и прочную линию обороны по течению Дуная от Мачина до Видина было невозможно, и поэтому следовало не держаться до последнего за Дунай, а после объявления войны наилучшим вариантом было затянуть противника вглубь территории Османской империи и дать ему на ней генеральное сражение. В случае победы османских войск планировалось преследовать отступавших до Дуная и Прута. Если же проигравшими оказывались сами османы, то требовалось отойти к Балканам, удерживая ключевые населённые пункты-подходы к горам и блокируя горные перевалы. Это позволило бы упредить переход неприятеля ещё дальше на османскую территорию. Кроме того, по соображениям султана, необходимо было сосредоточить наиболее мощную группу османских войск в Четырёхугольнике крепостей, на правом фланге от него удерживать линию Кюстендже-Чернавода, а на левом фланге – линию Систово-Рахова. Также требовалось сконцентрировать значительные силы в Видине, поскольку расположенный там османский корпус должен был пресечь пути сообщения русских с сербами. Майор Фуад подверг критике такое решение султана. По своей структуре его размышления над планированием кампании оставались на уровне общих мыслей, которые невозможно было свести к более четкому руководству к действиям. Кроме того, такой замысел обрекал османскую армию на растягивание по крайне обширной территории от Видина до побережья Черного моря, и в таких условиях вероятность прорыва османской обороны на одном из участков Балканского фронта существенно повышалась. Наконец, все действия османов при таком развитии событий сводились к ожиданию наступления русской армии и передаче ей стратегической инициативы. Абдулкерим-паша мог лишь попытаться определить наиболее подходящий момент

⁸¹⁰ Fuad A. Op. cit. P. 168.

для противодействия русским войскам, в остальном же османская сторона должна была бездействовать на самых ранних, а потому решающих этапах столкновения⁸¹¹.

Майор Ихсан также подверг критике решение османского командования отказаться от наступательной тактики или хотя бы от идеи активной обороны, на манер тех мероприятий, которые проводил Омер-паша на Балканском фронте в ходе Крымской войны. Он подчеркнул, что Абдулкерим-паша вывел все османские силы на правый берег Дуная и решил по нему выстроить основную линию обороны. Османский офицер посчитал это решение провальным по той причине, что армейское командование не имело точных данных о том, в какой именно точке по течению Дуная следовало ожидать переправы русских войск. Вследствие этого ему пришлось растянуть фронт по слишком обширной территории от Видина до Добруджи, то есть прийти именно к той расстановке подразделений, которой сперва планировалось избежать. Кроме того, ни османский султан, ни генералитет не уделил должного внимания тому, чтобы распределить имевшиеся силы более-менее равномерно по течению Дуная. Подобное пренебрежение привело к тому, что на одних участках фронта были сконцентрированы чрезмерно крупные войсковые соединения, а на других, где располагались меньшие крепости, остались лишь немногочисленные гарнизоны⁸¹².

Если обратить внимание на рассредоточение османских войск на Балканском фронте, приводимое в работе офицера, становится очевидно, что они были разделены на три основных группы. Первой являлась группировка османских войск, расположенная в Четырёхугольнике крепостей. Эти силы были распределены по Русуку, Силистрии, Шумне и Варне и в совокупности составляли приблизительно 97 тыс. человек, то есть более половины от всей армии региона. Второй являлся корпус Османа Нури-паши, дислоцировавшийся в Видине и насчитывавший около 53 тыс. человек. Концентрация столь значительных сил на одном из самых удалённых от района активных боевых действий участке фронта выглядит достаточно странно, поскольку их можно было бы распределить по среднему течению Дуная,

⁸¹¹ Fuad A. Op. cit. P. 168.

⁸¹² İhsan. Op. cit. P. 84.

где они могли более эффективно проявить себя. Третьей группировкой османских войск стали резервные подразделения. Часть из них была расположена на перевалах через Балканский хребет и на южной его части, эти контингенты насчитывали около 23 тыс. человек. Кроме них ещё имелись подразделения, дислоцированные в Стамбуле, на защите османской столицы стояли 13 тыс. человек⁸¹³.

Распределение войск продемонстрировало, что *сердар* Абдулкерим-паша стремился заманить русскую армию именно в Четырёхугольник крепостей и дать там генеральное сражение. Главным негативным следствием такого замысла стало то, что концентрация практически всех османских сил в этом районе существенно сократило пространство для манёвра всей армии. Османская империя здесь могла вести сугубо пассивные оборонительные действия, что в конечном счете по мнению османских офицеров, означало фактически разрешение русской армии беспрепятственно перейти Дунай. Наиболее жёстко в адрес Абдулкерим-паши высказался Али Фуад. Он отметил, что *сердар* пытался заманить русских в неприступный район, об опасности которого они были хорошо осведомлены. Они уже сталкивались с проблемами на этом участке фронта и пытались обойти его в ходе предшествующих войн с Османской империей. Расчёт генерала на то, что в этот раз русский генералитет мог позволить османам заманить себя в столь опасное место и провести в нём генеральное сражение, майор посчитал «по-детски наивным»⁸¹⁴.

Необходимо обратить внимание в том числе и на то, насколько непоследовательной оказалась позиция Абдулкерим-паши при формировании оборонительного рубежа на Дунае. В своих сообщениях Абдулхамиду II он отмечал, что ожидать переправы русских войск следовало на одном из участков между Рущуком и Видином, но это не упрощало задачу османской армии, поскольку этот участок был весьма широким. *Сердар* также подчёркивал, что в этом районе течения Дуная не имелось никаких усиленных крепостных укреплений, за исключением Четырёхугольника, на нём также не дислоцировалось достаточно крупных подразделений, которые можно было бы задействовать для отражения наступления. Свои

⁸¹³ İhsan. Op. cit. P. 84.

⁸¹⁴ Fuad A. Op. cit. P. 180.

сообщения он сопровождал многократными увещеваниями в готовности отбивать все попытки неприятеля переправиться и пожертвовать собой в случае необходимости⁸¹⁵.

Приводя эти письма Абдулкерим-паши, майор Фуад упрекал его в нерешительности, неспособности ни настоять на своём собственном плане, который изначально подразумевал более активные действия и манёвры, направленные на недопущение обхода русскими Четырёхугольника, ни выполнить приказ султана по формированию полноценного оборонительного рубежа, ни определить наиболее вероятное место переправы русских войск. Претензии в неспособности защитить Дунай майор адресовал не только *сердару*, но и всему османскому генералитету, не сумевшему наладить разведывательную работу и до начала войны составить представление о том, как реализовать преимущества османской стороны и в каком ключе эффективнее всего было бы выстроить оборону. Главной ошибкой Абдулкерим-паши, по мнению Али Фуада, стало то, что он подметил уязвимости текущей организации обороны на Дунае, но не предпринял никаких попыток к тому, чтобы их устранить, хотя и проинформировал о них султана. Так, незадолго до переправы русских произошло резкое повышение уровня воды в Дунае, что вынудило их отсрочить эту операцию – и об этом сердар тоже писал падишаху – но он никак не воспользовался дополнительным временем, которое ему предоставило это событие⁸¹⁶.

Альтернативный взгляд на подготовку османских оборонительных позиций представил в своей работе майор Ихсан. Он считал, что в текущей ситуации у османского командования имелось два вероятных сценария развития событий. Выбор одного из них определялся только скоростью, с которой возможно было собрать и развернуть османские войска. Если удавалось сконцентрировать силы достаточно быстро, то требовалось расположиться на линии Галац-Фокшаны до того, как на ней оказывались русские подразделения. Занятие этой линии означало для османов перехват господствующего положения на данном участке и позволяло

⁸¹⁵ Fuad A. Op. cit. P. 180.

⁸¹⁶ Ibid. P. 170.

вести успешные контратаки против русской армии. Остановка наступления неприятеля же, в свою очередь, позволяла перенести основные боевые действия на северный берег Дуная и вглубь территории Румынии⁸¹⁷. Если же мобилизация, сосредоточение и развертывание подразделений проходили с опозданием, то в таком случае необходимо было занять оборону на правом берегу Дуная за линией Рушук-Никополь, блокировать горные перевалы через Балканский хребет и не давать неприятелю продвинуться вглубь османской территории. Однако параллельно этому требовалось вести активные операции в Румынии, прежде всего они должны были быть направлены на уничтожение мостов через Дунай. После этого необходимо было атаковать подразделения русской армии в тот момент, когда они приступали к переправе через реку⁸¹⁸. Заметки османского майора продемонстрировали, что Османской империи не обязательно было сводить действия на Балканском фронте к пассивной обороне и попыткам заманить русские войска в удобное место. По мнению Ихсана, османская сторона располагала потенциалом для того, чтобы удержать неприятеля максимально близко к границе государства, а после пресечения попыток форсирования реки перейти к контрнаступлению и переносу боевых действий на северный берег Дуная.

С учётом скорости сбора и транспортировки войск Османская империя могла реализовать только второй сценарий из предусмотренных майором. Для его воплощения в её распоряжении имелись не только сухопутные силы. Важно отметить, что в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Порта располагала достаточно большой речной флотилией на Дунае. Она состояла из 20 боевых судов, из которых девять являлись мониторами, а также 26 вспомогательных судов⁸¹⁹. Однако для того чтобы грамотно применить её в боестолкновениях, от османского командования требовалось проявить высокий уровень профессионализма. По мнению майора Фуада, именно этого компонента не хватило османам, чтобы наиболее эффективным образом использовать дунайскую флотилию. Главной её проблемой стало то, что, по

⁸¹⁷ İhsan. Op. cit. P. 84.

⁸¹⁸ Ibid.

⁸¹⁹ Fuad A. Op. cit. P. 210.

сути, она осталась за пределами внимания османских командиров. Несмотря на свой потенциал, она не получила никаких магистральных боевых задач и не имела ясного плана действий. Кроме того, она оказалась растянута по всему течению Дуная от Видина до устья реки, что сделало её силы слишком незначительными⁸²⁰. Майор подчеркнул, что при умелом распоряжении флотилия могла воспрепятствовать оборудованию позиций русской артиллерии в Браилове, а также уничтожить мосты через Дунай, например, мост в Барбуши⁸²¹. Однако ни одна из этих операций не была совершена, а деятельность дунайской флотилии в мае 1877 г. свелась лишь к локальным артиллерийским дуэлям с русскими береговыми батареями, которые не оказали большого влияния на ход событий⁸²².

Вместе с тем русское командование весьма внимательно отнеслось к организации артиллерийских позиций на левом берегу Дуная. Высокая эффективность русской артиллерии и грамотная подготовка к боевым действиям позволили русской армии нивелировать численное и огневое превосходство османской дунайской флотилии. Наиболее чувствительным ударом, который удалось нанести русским в этом плане стало уничтожение османского монитора «Лютфи Джелиль» артиллерийскими орудиями, расположенными на позициях Третьей и Четвертой батарей у Браилова 11 мая 1877 г. Монитор двигался на значительном удалении от других судов флотилии и, попав под обстрел, не открыл ответный огонь. Причиной этого, по мнению османского офицера, стало несколько факторов. Наиболее значимым из них стало допущение османским командованием рассредоточения судов флотилии по акватории Дуная без постановки перед ней конкретных боевых задач. Другим фактором стала деятельность капитана османского монитора, не отдавшего приказ открыть ответный огонь и в одиночку подошедшего к крепости на расстояние орудийного огня. Младшие офицеры судна, в свою очередь, также не отдали подобных команд⁸²³.

⁸²⁰ Fuad A. Op. cit. P. 210.

⁸²¹ Ibid. P. 211.

⁸²² Ibid. P. 210.

⁸²³ Ibid. P. 212.

Другим тяжёлым ударом для османского речного флота стало уничтожение русскими войсками монитора «Сейфи» в ночь с 25 на 26 мая 1877 г. Рискованную операцию по потоплению судна провёл русский офицер Дубасов, применивший в ней катера и шестовые мины. Османский экипаж слишком поздно заметил приближение русских катеров, и времени на принятие какого-либо решения у него не осталось. Успешная операция русских войск, по мнению Фуада, стала настоящей катастрофой для османской флотилии. Имея превосходство перед противником, она потерпела поражение от береговой артиллерии и шлюпов, так и не сумев внести значимого вклада в боевые действия. Это также свидетельствовало о низком уровне подготовки османского командования, не сумевшего эффективно использовать имевшиеся у него силы⁸²⁴.

Ряд поражений, нанесённых дунайской флотилии русскими подразделениями, фактически свёл к нулю её активность в дальнейших боевых действиях. Отдельные её суда были задействованы главным образом только в районе Рущука и Никополя, до конца войны они уже не играли значимой роли. Майор Ихсан прямо заявил, что в таком состоянии речная флотилия уже «ни на что не годилась» в боевых условиях⁸²⁵. Майор Фуад же посчитал причиной такого исхода событий для османского флота именно ошибки командования. При правильном применении этой силы, как он утверждал, было вполне возможно обеспечить стабильную оборону Дуная и полностью раскрыть её потенциал⁸²⁶.

После того как русским войскам удалось свести к минимуму угрозу со стороны дунайской флотилии османов, они получили возможность сконцентрироваться на подготовительных операциях перед форсированием реки. С этой целью в начале июня 1877 г. восьмой, девятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый и четырнадцатый армейские корпуса закрепились на рубежах Никополь-Систово и Галац-Браилов⁸²⁷. В этом районе они должны были завершить приготовления к проведению форсирования. Однако стоит обратить внимание на то, что хотя русские

⁸²⁴ Fuad A. Op. cit. P. 215.

⁸²⁵ İhsan. Op. cit. P. 86.

⁸²⁶ Ibid.

⁸²⁷ Fuad A. Op. cit. P. 87.

подразделения и вышли непосредственно на эти рубежи только к лету, на левом берегу Дуная они находились уже в течение более длительного времени – с апреля 1877 г. Однако за эти несколько месяцев османская сторона не предприняла никаких значимых в военном смысле действий – разведывательная деятельность не велась, перебросок войск не осуществлялось. Это бездействие и промедление можно отнести к числу критических ошибок, допущенных османским командованием в ходе данной войны⁸²⁸.

Тем не менее русские войска всё же зафиксировали некоторые действия с османской стороны, что нашло отражение в журнале действий Девятого корпуса русской армии. Бойцами этого подразделения была отмечена попытка османских солдат совершить вылазку на левый берег 6 июня 1877 г. Около Фламунды высадилось приблизительно 200 человек личного состава османов с целью захватить и похитить скот на пастбище неподалеку. После того как к месту вылазки прибыли две роты Тамбовского полка, османская группировка бежала⁸²⁹. Кроме этого, упомянута также начавшаяся с османской стороны бомбардировка города Турну со стороны Никополя. Однако в течение краткого времени османские батареи, обстреливавшие пункт, были подавлены русской артиллерией⁸³⁰. Все эти действия не несли в себе никакого военного смысла и не влияли на ход событий. Других попыток воспрепятствовать планам русских войск османы не предприняли.

Русская армия же действовала в полном соответствии с изначальным планом. В рамках подготовки к переправе через Дунай, командование предпринимало попытки до последнего скрывать избранное место и стремилось дезориентировать османов. С этой целью оно проводило артиллерийские обстрелы крупных населенных пунктов по берегам Дуная, что мешало османским войскам точно понять, где следовало ждать попытки переправиться. Форсирование Дуная должно было быть выполнено в две операции, а не в одну. Первыми в ночь с 21 на 22 июня 1877 г. в районе Браилов-Мачин переправились небольшие силы, состоявшие из Рязского и

⁸²⁸ İhsan. Op. cit. P. 87.

⁸²⁹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. Журнал военных действий IX армейского корпуса. С.-Петербург, 1898. С. 5.

⁸³⁰ Там же. С. 6.

Рязанского полков Четырнадцатого корпуса под командованием генерала Циммермана⁸³¹. Эта часть операции являлась отвлекающим манёвром, который должен был оттянуть на себя большую часть османских сил и дезориентировать противника. При этом русским удалось прорвать оборонительный рубеж в этом районе, сформированный османской дивизией, закрепиться на Буджакском полуострове и продвинуться к Траяну⁸³².

Примечательно, что, анализируя этот этап конфликта, османские историки и офицеры подвергли жёсткой критике османские войска, а отечественные историки критиковали русское командование. Так, например, майор Ихсан критиковал османские подразделения за отступление перед первыми десятью переправившимися ротами русских. По его мнению, это было большой ошибкой, наоборот, в такой ситуации требовался быстрый удар по едва успевшим переправиться и еще не сформировавшим порядки русским подразделениям. Стремительная атака в этом случае могла немедленно переломить ход событий в пользу османской стороны, но окно возможностей уже было упущено. Он также обратил внимание на бездействие Абдулкерим-паши, вместе с основными силами находившегося в Четырёхугольнике, но при этом не отправившего ни одного подразделения для усиления защиты на этом участке фронта⁸³³.

Н.И. Беляев же обвинил генерала Циммермана в том, что он слишком поздно провёл операцию по форсированию, всячески затягивал приготовления к нему, а также в том, что его управление войсками «граничило с предательством»⁸³⁴. Однако если обратиться к османским источникам, например, к работе Османа Нури, можно обнаружить, что первая переправа русских подразделений действительно состоялась позже запланированного. Изначально она была намечена на 5 июня, однако затем отложена на более поздний срок. У такого переноса имелся ряд причин, никак не связанных с личностью и деятельностью генерала Циммермана.

⁸³¹ İhsan. Op. cit. P. 88.

⁸³² Nûrî O. Op. cit. P. 249.

⁸³³ İhsan. Op. cit. P. 88.

⁸³⁴ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 138.

Первая и главная из них была связана со спецификой работы румынского железнодорожного транспорта, перевозившего необходимые материалы, инструменты, припасы и всё, что требовалось для приготовлений к форсированию реки. Транспорт приходил с постоянными опозданиями, что в результате существенно затянуло все приготовления. Другой причиной стало то, что на Дунае начались дожди, из-за чего уровень воды в реке поднялся до опасной отметки, при которой невозможно было переправляться. К тому моменту русские войска уже успели частично соорудить мост в районе Браилова, однако внезапное половодье затопило его, сделав полностью непригодным к использованию⁸³⁵. Это ещё более удлинило сроки подготовки к форсированию, поскольку пришлось ждать, пока уровень воды снизится, и кроме того, Рязский и Рязанский полки уже не могли переправиться по мосту, они были вынуждены использовать плоты, понтоны и речной транспорт, что усложняло процедуру⁸³⁶.

Форсирование Дуная главными русскими силами было назначено на несколько дней позже операции на участке близ Браилова. Оно должно было состояться 27 июня. Согласно плану, в качестве пункта на северном берегу, где предполагалось начать переправу, была выбрана Зимница. Из неё планировалось переправиться на противоположный берег, в Систово. При этом самой важной задачей русского командования в период подготовки к форсированию стало сохранение в тайне места предстоящей переправы. С этой целью был задействован широкий спектр мер, направленных на дезинформацию османской стороны. В их число входили, к примеру, распространяемые ложные планы на бумаге, а также ложные приказы командирам на местах.

В качестве примера следует привести зафиксированный случай, когда такая мера была применена к командиру Девятого корпуса Криденеру. Он получил приказ готовиться к переправе через Дунай у деревни Сяки, в окрестностях Турну-Мэгурэле. В приказе говорилось также, что готовиться следовало к 26 июня⁸³⁷.

⁸³⁵ Nûrî O. Op. cit. P. 248.

⁸³⁶ Ibid. P. 249.

⁸³⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 8.

Генерал Криденер был крайне удивлен поступившим приказом, поскольку его корпус предварительно не получил никаких материалов, требовавшихся для осуществления этой операции⁸³⁸. Вечером 26 июня Криденер получил приказ явиться в ставку главнокомандующего к восьми часам утра 27 числа. Исполнив этот приказ, он только на месте был поставлен в известность о настоящем месте переправы самим императором, показавшим ему дым со стороны Систово и объяснившим, что операция на тот момент шла уже несколько часов⁸³⁹.

Таким образом, даже сами русские командиры до последнего не знали о том, где собирались переправиться войска, и при этом получали дополнительно ложные приказы. Такие меры сводили к минимуму вероятность того, что османы раскроют замысел. Следует отметить, что в том числе османский майор Фуад, отмечая, сколь тщательно русское командование работало над тем, чтобы скрыть от османов свои приготовления, упомянул в своей работе эпизод с визитом Криденера в ставку императора в Драче⁸⁴⁰.

В числе иных методов, направленных на дезориентацию и дезинформацию османской стороны, следует выделить также массированные артиллерийские обстрелы османских крепостей на южном берегу Дуная. Эти обстрелы должны были выглядеть, как артиллерийская подготовка перед переправой войск. Такая ложная артиллерийская подготовка была проведена русским командованием, к примеру, 24 июня, когда серьезному обстрелу был подвергнут Руцук⁸⁴¹, а также на следующий день, 25 июня, когда подразделения Одиннадцатого корпуса русской армии обстреливали не только Руцук, но и Никополь⁸⁴².

Наличие османских источников позволяет проанализировать, насколько успешными были дезинформационные меры, предпринимаемые русским командованием. Однако, исследуя этот вопрос, следует относиться к османским материалам с осторожностью. Некоторые османские работы, посвященные русско-

⁸³⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 8.

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ Fuad A. Op. cit. P. 239.

⁸⁴¹ Nûrî O. Op. cit. P. 250.

⁸⁴² İhsan. Op. cit. P. 88.

турецкой войне 1877-1878 гг., были выполнены с опорой в том числе на русские военные документы, которые были опубликованы на момент составления авторами своих работ.

К числу таковых относится, например, работа Али Фуада. Он прямо отмечал в ней, что при написании использовал опубликованные документы Генерального штаба русской армии⁸⁴³. С подозрением в этом плане следует относиться также и к работе майора Ихсана – в ней он подчеркивал, что русское командование с самого начала избрало Зимницу в качестве отправной точки переправы. Кроме того, он подтвердил, что проводившиеся за несколько дней до форсирования обстрелы русской артиллерией Рушука и Никополя являлись именно отвлекающими маневрами, а не полноценной артиллерийской подготовкой⁸⁴⁴. Эти замечания позволяют предположить, что на момент составления своей работы по военной истории Османской империи он также имел возможность ознакомиться с опубликованными документами русского Генерального штаба.

В этой связи особый интерес при изучении данного вопроса представляет работа Османа Нури. В ней он утверждал, что русские войска в течение долгого времени не могли определиться с тем, какое место было наиболее удобным для их переправы, и, следовательно, они не могли изначально выбрать в качестве такового Зимницу. По его мнению, неопределенность в этом отношении сохранялась в штабе русского командования до июня⁸⁴⁵. Он также утверждал, что великому князю Николаю Николаевичу пришлось совершить специальную поездку от Никополя и Зимницы до Турну, причём продлилась она четыре дня. Только в ходе этой поездки, по словам османского историка, Николай Николаевич убедился, что осуществление переправы в районе Никополя было слишком опасным⁸⁴⁶. Причиной, по которой невозможно было на данном участке форсировать Дунай, стало то, что османская артиллерия слишком хорошо контролировала его, и любые попытки

⁸⁴³ Fuad A. Op. cit. P. 6.

⁸⁴⁴ İhsan. Op. cit. P. 88.

⁸⁴⁵ Nûrî O. Op. cit. P. 250.

⁸⁴⁶ Ibid.

переправиться означали бы для русской армии слишком большие потери. Лишь после этого в качестве точки начала операции была избрана Зимница⁸⁴⁷.

Эти утверждения османского историка позволяют сделать вывод о том, что, по всей видимости, османское командование действительно предполагало, что с наибольшей вероятностью форсирование Дуная русскими войсками должно было состояться в районе Никополя. Тем не менее, оно понимало, что русские не могли быть удовлетворены выбором этого места, и допускало смену русским генералитетом своего решения.

Османские командиры также осознавали, что основные силы русской армии не могли переправиться где-либо ниже по течению Дуная. Прибрежная дорога через Добруджу была для них слишком опасна ввиду того, что она находилась в зоне досягаемости артиллерийских орудий османского флота. Проход по ней превращал русские подразделения в мишень для османских канониров. Несколько более отдаленный от побережья путь из Бухареста в Шумну также не был подходящим. Он пролегал через Четырёхугольник, где ситуация угрожала совершенно непредсказуемым развитием. На данном участке русским войскам слишком легко было завязнуть, в результате чего наступление могло полностью захлебнуться.

Переправа где-нибудь выше по течению также могла состояться лишь с крайне низкой долей вероятности. Из подходящих для этого мест имелся лишь участок недалеко от Видина, однако путь до него был слишком долгим, к нему пришлось бы перебросить все силы, заново начинать все приготовления. Выбор этого места для переправы грозил полным срывом всех планов и сроков осуществления военных кампаний ввиду колоссальных потерь времени. Помимо того, что этот манёвр принудил бы русских чрезмерно растянуть свои силы, а также удлинил бы кампанию, он также означал перенос боевых действий к границе с Австро-Венгрией. В ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. она придерживалась нейтралитета, однако подобное развитие событий могло вызвать острое недовольство с ее

⁸⁴⁷ Nûrî O. Op. cit. P. 250.

стороны. Османы были убеждены, что русское командование было совершенно не готово на столь рискованный шаг⁸⁴⁸.

Исходя из таких соображений османских авторов, можно предположить, что меры по сокрытию места будущей переправы, активно предпринимаемые русским командованием, были успешны только на начальных этапах подготовки. На это время русский генералитет, по всей видимости, сумел ввести в заблуждение османов, однако позднее они имели возможность сократить перечень мест, которые могли быть выбраны русскими для проведения форсирования и попытаться более точно их определить.

Непосредственно переправа основных сил русской армии состоялась ночью 27 июня 1877 г.⁸⁴⁹ Время начала операции несколько отличается в различных работах. Например, Али Фуад писал, что форсирование началось в три часа ночи⁸⁵⁰, а Осман Нури отметил, что переправа началась раньше, около двух часов ночи⁸⁵¹. Сообщения русских военнослужащих при этом позволяют утверждать, что Осман Нури указал более точное время. К примеру, командир восьмой линейной роты 53-го пехотного Волынского полка, штабс-капитан Боцевич указал, что рота под его командованием высадилась на правом берегу Дуная примерно в 3 часа 20 после полуночи⁸⁵². Если учесть, что ширина Дуная в месте, где русские войска начали переправу, составляла порядка 800 м⁸⁵³, а время его пересечения – приблизительно 45 минут⁸⁵⁴, то можно сделать вывод о том, что форсирование было начато около двух часов или половины третьего ночи.

При этом первым на османский берег ступил русский пехотный полк, кавалерийский эскадрон и сорок донских казаков⁸⁵⁵. Они не встретили практически

⁸⁴⁸ İhsan. Op. cit. P. 85.

⁸⁴⁹ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁵⁰ Fuad A. Op. cit. P. 239.

⁸⁵¹ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁵² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 32. Переправа у Зимницы, утверждение на правом берегу Дуная и Западный фронт. Период с 15 июня по 31 июля 1877 г. С.-Петербург, 1902. С. 8.

⁸⁵³ İhsan. Op. cit. P. 88.

⁸⁵⁴ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁵⁵ Ibid.

никакого существенного сопротивления с османской стороны. Майор Ихсан объяснил это тем, что русское командование выбрало наиболее подходящий момент для переправы с точки зрения погодных условий. Ночь была облачной, что затрудняло обнаружение османскими сторожевыми постами переправлявшихся русских солдат, а также ветреной, что заглушало шум вёсел и прочие звуки, сигнализовавшие о приближении русских подразделений. Это придавало наступающим фактор внезапности, а османские посты обнаружили их только в тот момент, когда до берега дойти оставалось не более двухсот метров, после чего открыли по ним огонь из винтовок⁸⁵⁶.

В районе Систово наступающим русским войскам противостояло шесть османских пехотных батальонов, а также одна артиллерийская батарея. Однако они располагались не непосредственно в Систово, а за его пределами⁸⁵⁷. Из шести батальонов пять дислоцировались около Вардена и были неспособны прибыть на подмогу незначительным Систовским контингентам сразу же после обнаружения ими русских солдат. Значительно более крупные силы располагались в более удалённых от места переправы пунктах. Например, в Никополе дислоцировалось 10 тыс. солдат, в Тырново – 4 тыс. человек, а в Рущук – 21 тыс. человек. Но расстояние от этих пунктов до Систово также не позволяло данным силам в краткие сроки прибыть на подмогу своим соратникам. От ближайшего к Систово города – Никополя – было 40 км, дальше, в 65 км, располагался Рущук, а в 75 км – Тырново⁸⁵⁸. Майор Ихсан, как и в случае с переправой русских около Браилова, был полностью убеждён в том, что стремительная атака со стороны османских подразделений могла полностью остановить дальнейшее наступление. Едва переправившиеся контингенты русских были в крайне уязвимом положении, однако лишь достаточно ограниченное время, в которое и требовалось совершить атаку. Это могло отбросить их обратно на левый берег Дуная⁸⁵⁹. Однако силы расположенных в Систово османских подразделений было недостаточно для проведения такой атаки, а расстояние

⁸⁵⁶ İhsan. Op. cit. P. 88.

⁸⁵⁷ Ibid. P. 89.

⁸⁵⁸ Ibid.

⁸⁵⁹ Ibid.

до ближайших крупных пунктов дислокации османских войск не позволяло подкреплениям прибыть своевременно, что во многом стало одной из основных причин, по которой Османская империя потерпела поражение в первом и важнейшем сражении на Балканском фронте.

В числе других причин, способствовавших успеху русской армии, стала реализация фактора внезапности. Умело выбрав время суток и погодные условия, переправлявшиеся русские полки застали врасплох османских караульных. Солдаты на сторожевых постах, будучи шокированы, не смогли достаточно быстро сориентироваться и открыть огонь по ещё пока уязвимым русским подразделениям. Кроме того, как отмечал майор Ихсан, из-за растерянности в первые минуты боя османы забыли немедленно зажечь сигнальный огонь, служивший в качестве обозначения места, куда требовалось направить подкрепления⁸⁶⁰. Относительно этого эпизода имеется замечание штабс-капитана Боцевича, указавшего, что османские солдаты на сторожевом посту зажгли сигнальный огонь ещё до того, как его рота высадилась на берег⁸⁶¹. Однако, вероятно, он был не в числе первых десантировавшихся русских подразделений, поскольку османский майор Фуад так же, как и Ихсан отметил растерянность османской стороны в первые минуты боя, и также обратил внимание на то, что караульные забыли зажечь сигнальные огни⁸⁶².

Шок от внезапно возникших перед османскими постами русских войск, а также несвоевременная подача сигнала о помощи и подкреплениях привели к тому, что все выгодные для удара по переправлявшимся моменты оказались упущены. К тому моменту, когда османские подкрепления всё же стали прибывать, все ключевые позиции уже находились под прочным контролем русской армии, успевшей закрепиться на правом берегу⁸⁶³. Ситуация для османских сил существенно осложнялась в том числе грамотно подготовленной работой русской артиллерии. Она не позволяла османам проводить контратаки и начать собственные артиллерийские

⁸⁶⁰ İhsan. Op. cit. P. 89.

⁸⁶¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 32. С. 8.

⁸⁶² Fuad A. Op. cit. P. 240.

⁸⁶³ İhsan. Op. cit. P. 89

обстрелы⁸⁶⁴. Напротив, русские подразделения продолжили наступление и перешли в штыковую атаку, прорвав и рассеяв стрелковые цепи, сформированные османами. Они были отброшены от места переправы, и к раннему утру большая часть османских подразделений была вынуждена отступить в Руцук⁸⁶⁵. После того как русские сумели нарастить силы на правом берегу, они смогли продвинуться непосредственно к городу Систово, у которого совершалось форсирование. В сложившейся ситуации местное османское командование не увидело смысла в продолжении сопротивления и сдало город русской армии⁸⁶⁶. Систово находился под полным контролем русских войск уже к пяти часам вечера – к тому моменту в нём уже закрепились Четырнадцатая дивизия⁸⁶⁷.

По подсчётам османских историков, в результате переправы через Дунай в районе Зимница-Систово русские войска потеряли 9 офицеров и 290 младших чинов убитыми, а также 26 офицеров и 446 младших чинов ранеными, что в совокупности составило 771 человека⁸⁶⁸. Данные майора Фуада в целом соответствуют числам, приводимым Османом Нури. Он оценил потери русской армии в 30 офицеров и 782 человек из младших чинов убитыми и ранеными, всего 812 человек⁸⁶⁹. Следует обратить внимание на то, что османские данные в целом соответствовали числу потерь, которое было указано в российских документах, то есть приблизительно 800 человек убитыми и ранеными⁸⁷⁰.

Однако важно также проанализировать потери в том числе и с османской стороны. Майор Фуад отметил, что неудачная попытка османских войск отразить переправу русских войск стоила им семи офицеров и 240 рядовых убитыми, число раненых майор не подсчитал⁸⁷¹. Из этого следует, что османские потери были меньше русских, однако, если учесть, что османская армия в данном эпизоде не

⁸⁶⁴ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁶⁵ İhsan. Op. cit. P. 89

⁸⁶⁶ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁶⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 32. С. 30.

⁸⁶⁸ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁶⁹ Fuad A. Op. cit. P. 244.

⁸⁷⁰ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 145.

⁸⁷¹ Fuad A. Op. cit. P. 244.

предпринимала каких-либо активных оборонительных действий или контратак, предпочтя в краткие сроки отступить со своих позиций, то вполне возможно допустить, что она потеряла меньше людей.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что потери русской армии, по всей вероятности, составившие менее 1 тыс. человек, означали полный крах всех османских планов и ожиданий относительно результатов отражения попыток неприятельской стороны переправиться через реку. Ю. Карадаш утверждал, что и османский генералитет, и султан Абдулхамид II пребывали в полной убеждённости, что попытка русских форсировать Дунай должна была при наиболее благоприятном исходе сражения стоить ей не менее 20-50 тыс. человек убитыми и ранеными, что должно было существенным образом затруднить дальнейший ход боевых действий для них⁸⁷². В таком случае, даже если допустить, что реальные потери русских достигли отметки в 1 тыс. человек или даже несколько превысили её, это всё равно будет полностью не соответствовать расчётам османской стороны.

Вместе с тем османские офицеры не обошли стороной анализ аспектов, повлиявших на столь негативный для обороняющейся стороны исход одного из ключевых сражений войны 1877-1878 гг. В их поле зрения оказались не только действия османов непосредственно в ходе столкновения, но и их приготовления к нему.

Как османские историки, так и военные деятели единогласно утверждали, что основной причиной поражения Османской империи у Зимницы стали действия *сердара* Абдулкерим-паши. Стремясь подкрепить свои утверждения, они привели замечания одного из непосредственных участников войны – генерала Османа Нури-паши. Он отмечал, что командующий Балканским фронтом, получив известия о том, где русские войска осуществили переход через Дунай, имел возможность отправить к Систово подразделения из Рущука и Никополя. Безусловно, они не могли прибыть в кратчайшие сроки, о чём ранее писал майор Ихсан, однако они были способны как минимум нанести неприятелю более чувствительные потери, а в

⁸⁷² Karadaş Y. Op. cit. P. 247.

случае успеха вовсе остановить наступление, после чего можно было начать мероприятия по вытеснению русской армии на левый берег реки. Однако Абдулкерим-паша не предпринял никаких действий, способствовавших такому развитию событий⁸⁷³. Вместо этого он продолжал придерживаться пассивной оборонительной позиции, сковав таким образом наиболее боеспособные части османской армии. Известие о форсировании Дуная не побудило его что-либо изменить в своем плане, он лишь продолжил писать послания в Стамбул, в которых убеждал султана в том, что османских сил, размещённых в Четырёхугольнике и Видине, было вполне достаточно⁸⁷⁴. Тем самым, сердар оставил без внимания и подкрепления те османские подразделения, которые первыми приняли на себя удар основных русских сил, перешедших через Дунай, несмотря на то что отправка больших по численности контингентов на данном этапе всё ещё могла изменить ход кампании в пользу османов⁸⁷⁵.

Майор Ихсан также не смог найти ответ на вопрос о том, по какой причине в течение всего времени, пока шла переправа русских войск через Дунай и развивались события непосредственно после неё, в Видине дислоцировался достаточно сильный и многочисленный армейский корпус под командованием Османа Нури-паши. К тому моменту уже стало очевидно, что основные силы русской армии переправлялись ниже по течению Дуная, продолжая стоять в Видине, корпус Нури-паши не принимал никакого участия в обороне правого берега и не вносил никакого вклада в отражение наступления русской армии⁸⁷⁶. Однако если отсутствие новых приказаний для Видинского корпуса в течение первых дней после переправы можно было списать на проблемы логистического характера, то дальнейшее затишье вызвало удивление османского офицера. Осман Нури-паша не получал никаких приказов от высшего командования в течение двух недель после прорыва

⁸⁷³ Nûrî O. Op. cit. P. 251.

⁸⁷⁴ İhsan. Op. cit. P. 89.

⁸⁷⁵ Ibid.

⁸⁷⁶ Ibid. P. 90.

обороны на Дунае, продолжая дислоцироваться в Видине. Приказ оставить город и выдвинуться в направлении Плевны он получил только 13 июля⁸⁷⁷.

Подобное положение дел позволило османским офицерам сделать вывод о том, что Абдулкерим-паша в ходе боевых действий воздерживался фактически от любых проявлений инициативы, предпочитая реагировать на сложившуюся ситуацию лишь спустя достаточно большое количество времени⁸⁷⁸. Помимо этого, вновь бросилась в глаза непоследовательность действий сердара накануне войны и после её начала. В своей переписке с султаном Абдулхамидом II Абдулкерим-паша неоднократно отмечал необходимость формирования резервного армейского корпуса, который должен был не допустить прорыва русской армии вглубь территории Османской империи в том случае, если ей всё же удавалось перейти через Дунай. Майор Ихсан отметил, что именно этим он объяснял своё бездействие в Четырёхугольнике. По всей видимости, Абдулкерим-паша был убежден в том, что на момент форсирования русскими Дуная, все необходимые резервы уже были сформированы⁸⁷⁹. Однако если допустить, что именно это стало причиной поведения *сердара*, то это демонстрирует фактическую неспособность османской разведки доносить до своего командования наиболее актуальную информацию о положении дел на фронте.

Осман Нури при этом пытался списать действия Абдулкерим-паши на преклонный возраст⁸⁸⁰. По его данным, спустя день после переправы русских через Дунай он отправил сводную дивизию из Рушука и Шумны в район Бялы, однако османские войска не получили точных сведений ни о пункте, куда им требовалось передислоцироваться, ни о своих задачах⁸⁸¹. Более того, на момент выхода подразделений из Рушука и Шумны их командование не знало о том, что оборона на правом берегу Дуная была прорвана⁸⁸².

⁸⁷⁷ Karadaş Y. Op. cit. P. 248.

⁸⁷⁸ İhsan. Op. cit. P. 89.

⁸⁷⁹ Ibid. P. 90.

⁸⁸⁰ Nûrî O. Op. cit. P. 253.

⁸⁸¹ Fuad A. Op. cit. P. 253.

⁸⁸² Ibid.

В отличие от остальных османских историков и офицеров, майор Фуад в своей работе по истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг. постарался учесть в том числе и мнения других генералов, среди которых имелись и непосредственные участники событий конфликта. Таким образом он стремился не только выделить какие-либо ошибки командования или изъяны устройства военной машины, но и сформулировать альтернативные варианты действий, показав тем самым, что Османская империя была способна оказать сопротивление.

Например, он приводит замечания генерала Иззета Фуад-паши, утверждавшего, что ещё до перехода через Дунай османские полевые командиры делились с *сердаром* своими опасениями насчёт переправы русских через Дунай около Зимницы⁸⁸³. Они рекомендовали ему нарастить численность войск в этом районе, но их просьбы были оставлены без внимания, а османские подразделения у рек Осым и Янтра не были усилены⁸⁸⁴.

Генерал Махмуд Мухтар-паша раскритиковал также выбор Абдулкерим-пашой своей ставки, размещенной в Шумне. По мнению генерала, она утратила свое стратегическое значение в обороне Дуная после войны 1828-1829 гг., что подтвердилось также в ходе Крымской войны. К 1877 г. она уже являлась одной из наименее важных крепостей⁸⁸⁵. Кроме того, она располагалась на расстоянии около 150 км до Систово, и переход из Шумны до города занимал не менее пяти дней для крупных османских сил⁸⁸⁶.

Мухтар-паша был убеждён в том, что для успешного противостояния переправлявшейся русской армии основные османские силы требовалось держать ближе к Дунаю, с этой точки зрения наиболее подходящими были пункты Бяла и Болгарене⁸⁸⁷. Путь от них до Систово составлял около 12 часов, что позволяло местным подразделениям значительно быстрее прийти на подмогу в ходе сражения у

⁸⁸³ Fuad A. Op. cit. P. 174.

⁸⁸⁴ Ibid.

⁸⁸⁵ Ibid.

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ Ibid.

Систово. Однако *сердар* направил войска в Бялу только после того, как оборона уже была прорвана⁸⁸⁸.

Проблемой стала в том числе неспособность подразделений османской армии взаимодействовать друг с другом, а также неверное распределение сил на фронте. Иззет Фуад-паша писал, что каждый османский корпус имел только свои собственные цели, и в том случае, если один из них начинал терпеть поражение, ни одно из соседних подразделений не оказывало ему поддержку. Часть же сил была слишком растянута, к примеру, несколько османских батальонов оказались распределены по всему среднему течению Дуная. Сказывались также проблемы организационного характера – главные силы в Четырёхугольнике, хоть и были многочисленными, не поддерживали порядка подразделений и активно перемешивались друг с другом⁸⁸⁹.

Такие замечания подтвердили прогнозы русских военных советников, сделанные накануне войны. Они отмечали, что в османской армии батальон оставался высшим тактическим звеном, а звенья высшего порядка существовали формально⁸⁹⁰. Батальоны разных корпусов свободно перемещались из одного подразделения в другое, вследствие чего сбор хотя бы одной полной дивизии в соответствии со штатом либо грозил превратиться в длительное мероприятие, либо оказывался вовсе невозможен.

Майор Фуад также попытался выяснить, имели ли османы возможность просчитать, где русская армия могла осуществить переправу. Он утверждал, что на большом расстоянии от Видина до устья Дуная, составлявшем около 700 км⁸⁹¹, на деле имелось всего несколько пригодных для такой операции мест. Видин был слишком удалён от района основных боевых действий, участки у Хыршова, Силистрии, Калараша и Никополя привели бы русских прямо в Четырёхугольник. Это позволило сократить семисоткилометровый фронт до нескольких участков с совокупной протяженностью около 210 км, которые можно было оборонять без

⁸⁸⁸ Fuad A. Op. cit. P. 175.

⁸⁸⁹ Ibid. P. 176.

⁸⁹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 47.

⁸⁹¹ Fuad A. Op. cit. P. 187.

чрезмерного растяжения сил. Они включали в себя линии Ольтеница-Тутракан, Зимница-Систово и Турну-Мэгурэле-Фламунда⁸⁹². Согласно подсчётам майора Фуада, из Четырёхугольника, где располагалось порядка 120 тыс. человек, к любому из этих трёх участков могли подоспеть достаточно крупные подкрепления численностью от 12 тыс. человек в срок от 12 до 24 часов, а при продолжении наращивания сил в течение нескольких дней это число могло достичь приблизительно 90 тыс. человек⁸⁹³.

Али Фуад, таким образом, весьма убедительно продемонстрировал, что османская армия имела потенциал не только для организации эффективной обороны, но и для перехвата инициативы на Дунайском фронте. Однако сложившаяся ситуация сделала невозможной реализацию такого замысла. Османским подразделениям не хватило организованности в условиях, когда счёт времени шёл на часы, и требовалось проводить сборы как можно скорее, а также активно перемещаться по театру военных действий⁸⁹⁴. На посту сердара также не оказалось достаточно инициативного человека, способного самостоятельно принимать подобные решения, причём это было актуально в отношении всего османского генералитета. После отказа султана от плана, предусматривавшего контрнаступление, подобный замысел не возникал ни у кого из командиров⁸⁹⁵. Результатом стало поражение Османской империи в одном из ключевых сражений русско-турецкой войны 1877-1878 гг., открывшее более широкий оперативный простор для русской армии. Она обрела возможность продолжить свое наступление и стала на шаг ближе к поставленным целям военной кампании.

После удачного форсирования Дуная русская армия была разделена на три отряда. Первый из них, передовой, насчитывавший 12 тыс. человек, должен был продолжить наступление на Тырново и перевалы через Балканский хребет. Два других – Рушукский, численностью 70 тыс. человек и Западный численностью в 35

⁸⁹² Fuad A. Op. cit. P. 189.

⁸⁹³ Ibid.

⁸⁹⁴ Ibid. P. 183.

⁸⁹⁵ Ibid. P. 194.

тыс. человек, должны были защищать наступающих с флангов⁸⁹⁶. С одной стороны, оказывалось, что передовой отряд получался наименее многочисленным. С другой стороны, его командир генерал Гурко, решил использовать фактор внезапности, что впоследствии сыграло в его пользу. Так, например, он смог взять город Тырново 7 июля практически без боя и с минимальными потерями. Этому способствовала длительная артподготовка, а также то, что русским подразделениям вновь удалось застать османов врасплох. Внезапным ударом для османских подразделений стал весьма рискованный и опасный манёвр Гурко. Сперва он решил провести рекогносцировку и разведать обстановку, однако прямо в ходе этой операции решил превратить её в наступление и провести молниеносную атаку, в результате которой удалось отбросить османов от Тырново.

Следующей целью стали горные перевалы. Первый из них – Хаинкиойский – удалось взять 13 июля, однако взятие Шипки оказалось значительно сложнее. На помощь отряду Гурко с севера подошел отряд Святополк-Мирского с Габровского направления. Вместе они решили как можно скорее атаковать османские подразделения на перевале, и эта спешка не позволила им в достаточной степени скоординировать свои действия, в результате чего Шипка, с одной стороны, была взята, но с другой стороны, русские понесли потери около 550 человек, а стоявший на перевале Хулуси-паша со своими подразделениями успел отступить, избежав разгрома. Причиной успеха русских войск стала неудовлетворительная организация османской обороны. Командование допускало только удар с севера и не предполагало, что русские подразделения смогут обойти перевал и ударить с другого направления, как это сделал Гурко⁸⁹⁷.

Следующей значимой победой русской армии стало взятие Никополя 15 июля, для чего потребовался только один штурм. Однако в нём себя наилучшим образом проявила русская артиллерия, а также умелое её применение генералом Криденером⁸⁹⁸. Командир Никопольского гарнизона Хасан-паша принял решение

⁸⁹⁶ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 150.

⁸⁹⁷ Уяр М., Erickson E.J. Op. cit. P. 186.

⁸⁹⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 24.

сдаться после того, как из-за артиллерийских обстрелов его подразделения понесли тяжёлые потери. В результате помимо города в распоряжение русской армии перешли также новейшие османские артиллерийские орудия и значительное количество боеприпасов⁸⁹⁹.

Дальнейшее развитие событий тем не менее вынудило русское командование изменить планы кампании и пойти на увеличение её сроков. С одной стороны, османская сторона не могла остановить наступление русской армии после прорыва на Дунае. С другой стороны, из-за высоких темпов наступления крайне затруднительно было поддерживать линии снабжения, кроме того, продолжая продвигаться, русские рисковали оставить у себя в тылу достаточно крупные города, в которых имелись значительные силы османов, прежде всего, Русук и Плевну. Поскольку Плевна, помимо всего прочего, являлась важным дорожным узлом, по утверждению османского офицера Джемаля, связывавшим между собой Балканы и Дунай, задача по её взятию была поставлена перед генералом Криденером, осознававшим, что ему предстояло столкнуться с ожесточенным сопротивлением противника⁹⁰⁰.

Следует отметить, что только после этой череды поражений султаном были приняты решения о перестановках в высшем командовании вооружённых сил. Новая группировка войск под командованием Сулеймана Хюсню-паши, ранее дислоцировавшаяся на территории Черногории, получила приказание перейти к Балканам, а располагавшийся в течение всего этого времени в Видине Осман Нури-паша получил приказ выдвинуться в сторону Плевны⁹⁰¹.

Первый штурм Плевны Осман-паше пришлось отбивать практически сразу по прибытии в город, 20 июля 1877 г. Однако этот эпизод войны можно назвать практически единственным, в котором османам удалось нанести действительно существенные потери русской армии и затормозить её наступление. Возможным это стало во многом благодаря хорошему техническому оснащению османской армии.

⁸⁹⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 187.

⁹⁰⁰ Cemal A. Plevne'nin müdâfaası. Kustantiniye, 1899. S. 11.

⁹⁰¹ İhsan. Op. cit. P. 99.

Так, в момент, когда русская пехота пошла в атаку, османы сперва открыли огонь из винтовок Мартини-Генри, имевших высокую дальность стрельбы. Винтовочный огонь османов поражал солдат на дистанции в 1800 шагов, причём русские подразделения не могли стрелять со столь дальней дистанции⁹⁰². По мере приближения русских к позициям османов, те, не удерживая их до последнего, отступали назад, на заранее заготовленные новые траншеи. После того как русские подходили на расстояние около 200 м, османские стрелки меняли оружие и открывали огонь из скорострельных винтовок Винчестера⁹⁰³. Когда русские подходили на расстояние около 50 м, османы вновь покидали позиции, занимали новые несколько позади, и весь цикл повторялся заново⁹⁰⁴. Такой стиль ведения боя наносил колоссальные потери наступающим русским подразделениям, крайне высокая плотность османского огня была отмечена в том числе в журналах боевых действий русских армейских корпусов⁹⁰⁵.

Потери русских войск в результате первого штурма Плевны, который османам удалось отбить, составили приблизительно 6 тыс. человек, что было крупнейшей цифрой с момента начала войны. При этом стоит отметить, что оценка потерь с османской стороны и с русской оказалась примерно совпадающей – о 6 тыс. убитых и раненых писал Осман Нури⁹⁰⁶, также в 6044 человека оценили потери в том числе и русские авторы⁹⁰⁷. Два других штурма Плевны русскими войсками, предпринятые 30 июля и 7 сентября 1877 г., также были отбиты Османом Нурипашой⁹⁰⁸. Захватить Плевну русским войскам удалось, лишь полностью

⁹⁰² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 52.

⁹⁰³ Trenk R.T. The Plevna Delay: Winchesters and Peabody-Martinis in the Russo-Turkish War // *Man at Arms*. 1997. Vol. 19. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.militaryrifles.com/theplevnadelay> (Дата обращения: 14.05. 2024).

⁹⁰⁴ Trenk R.T. *Op. cit.*

⁹⁰⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 52.

⁹⁰⁶ Nûrî O. *Op. cit.* P. 280.

⁹⁰⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. С. 66.

⁹⁰⁸ Uyar M., Erickson E.J. *Op. cit.* P. 191.

отказавшись от тактики фронтальных штурмов и взяв город в осаду, в которой он продержался до 10 декабря 1877 г.⁹⁰⁹

Взятие Плевны освободило значительные по численности русские подразделения, которые смогли продолжить военную кампанию. Более того, в целях скорейшего ее завершения ими было принято решение не оставаться на зимовку, для чего требовалось взять Рушук, а прорваться через османскую оборону к Софии и Орхание, что позволило бы в краткие сроки взять Эдирне. Основные османские силы при этом до сих пор находились в Четырехугольнике, откуда невозможно было наладить необходимое снабжение и сформировать оборонительные рубежи у Софии. Расстояние также не позволяло достаточно быстро отступить к реке Марице и перегруппироваться для обороны Эдирне и Стамбула. Наконец, османское командование не ждало того, что Россия пойдет в наступление зимой. По этой причине его застал врасплох стремительный переход генерала Гурко через Балканы и занятие им Софии 4 января 1878 г.⁹¹⁰

После столь неожиданного и мощного удара Османская империя приняла решение готовиться к мирным переговорам. В сложившихся условиях она уже не могла достаточно быстро перебрасывать войска для обороны Эдирне и Стамбула, а после перехода через Балканы и взятия Софии остановить наступавшую русскую армию оказывалось значительно труднее. Кроме того, к тому моменту османские подразделения уже начали утрачивать свою организованность, их действия переставали носить системный характер. Все эти обстоятельства были на руку русским войскам, сумевшим вступить в Эдирне 20 января 1878 г. практически без боя⁹¹¹. После того как русские продолжили продвижение вплоть до Йешилькёя (Сан-Стефано), являвшегося пригородом Стамбула, Порте уже ничего не оставалось, кроме как запросить мира⁹¹². Таким образом завершилась война на основном, Балканском фронте.

⁹⁰⁹ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 192.

⁹¹⁰ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 375.

⁹¹¹ Там же. С. 421.

⁹¹² Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 193.

При этом примечательно, что на Кавказском фронте русско-турецкой войны 1877-1878 гг. не происходило практически никаких значимых с точки зрения новизны манёвров или мероприятий. Динамика боевых действий здесь сохранялась такой же, какой она была в войне 1828-1829 гг. и в Крымской войне 1853-1856 гг. Первоначальные действия русских войск под командованием Лорис-Меликова вынудили Мухтар-пашу сперва отойти к Карсу, а затем позволили взять Ардаган к 20 мая 1877 г.⁹¹³

Османам здесь удалось лишь затормозить наступление русской армии на Батуми, использовав усиленный гарнизон города, а также партизанские отряды, состоявшие в основном из завербованного местного населения. Другим достаточно успешным действием стали сперва бомбардировка подконтрольных Российской империи кавказских городов с моря, что вынудило русское командование отвести часть сил в тыл, а затем высадка 2500 человек, среди которых имелись абхазы и черкесы, в Гудауте и Адлере. Они смогли дестабилизировать обстановку в регионе и вынудить русских начать операцию по зачистке, продлившуюся около двух месяцев и потребовавшую привлечения 17 тыс. бойцов⁹¹⁴.

25 июня Мухтар-паше удалось остановить наступление русских на Соганлы, что вынудило Лорис-Меликова ненадолго отступить и перегруппироваться. В целом, с самого начала боевых действий Мухтар-паша смог зарекомендовать себя как высокопрофессиональный командир, способный планировать и осуществлять эффективные операции. Однако одной из ключевых проблем для него стало то, что кроме него на Кавказском фронте имелось лишь крайне небольшое число генералов с подобным уровнем подготовки.

Ситуация усугублялась в том числе тем, что командиры снимались со своих должностей за любые неудачные действия, что не позволяло им предпринимать активных действий и проявлять инициативу. Имелись в том числе случаи, когда *сердар* Кавказского фронта не мог снять с должности недостойно зарекомендовавших себя младших командиров ввиду того, что у них имелись влиятельные покровители

⁹¹³ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 193.

⁹¹⁴ Ibid. P. 194.

в Стамбуле. На это не влияли даже факты прямого саботажа приказов Мухтар-паши. Наиболее ярким в этом плане стали действия Исмаила Хаккы-паши, которому сердар приказал осуществить налет на русские подразделения у Арарата. Он провел вылазку и сумел застать русских врасплох, однако после первого удара решил остаться на позициях и отказался от дальнейшего продвижения вперед, хотя именно это от него требовалось. Кроме того, он отказался посылать подкрепления на главные участки фронта, к примеру, к Алагёзу и Янгилер⁹¹⁵.

Это продемонстрировало, что Кавказский фронт воспринимался в столице не полноценным театром военных действий, ход событий на котором мог оказать огромное влияние на судьбу государства (как это показала Крымская война), а скорее, как место политической ссылки для неугодных султану генералов. Этот тезис подтверждают в том числе и обстоятельства назначения Мухтар-паши на свою должность⁹¹⁶.

В целом же, паттерн действий османской стороны практически ничем не отличался от того, что происходило в предшествующих войнах с Россией. Имея возможности нанести значительный урон наступающей русской армии, Османская империя не могла реализовать их в полной мере. Локальные успехи, которых она периодически достигала, например у Кызылтепе 25 августа, или у Янгилер 2 октября, не получали закрепления и развития. В тех обстоятельствах, когда требовалось развивать контрнаступление, османские командиры оставались на ранее занятых позициях, не преследуя отступавших. Каждый раз это позволяло русским подразделениям перегруппироваться и адаптироваться к сложившейся обстановке. Такая тактика в результате привела к тому, что Мухтар-паша потерпел тяжелое поражение в Авлияр-Аладжинском сражении 15 октября, где он потерял половину своих бойцов низама, после чего обратились в бегство в том числе иррегулярные формирования⁹¹⁷. Это поражение привело к отказу османских командиров подразделений

⁹¹⁵ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 195.

⁹¹⁶ Karadaş Y. Op. cit. P. 209.

⁹¹⁷ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 195.

от любых наступательных манёвров, после чего османская сторона перешла в глухую оборону, передав тем самым инициативу в руки русского командования.

Османская оборона на Кавказском фронте была сокрушена заключительными тремя ударами русской армии, после которых продолжать сопротивление стало невозможно. Так, 18 ноября 1877 г. русские войска сумели взять Карс, в результате чего в плену оказались 17 тыс. османских бойцов. После этого русские подразделения смогли перенаправить усилия на взятие Батуми и Эрзерума. Батуми при этом смог выстоять в первом штурме, однако Эрзерум пал 8 февраля 1878 г., уже после подписания перемирия⁹¹⁸. Его заключение стало единственной причиной, по которой не был предпринят второй штурм Батуми – война на Кавказском фронте также была окончена.

Нельзя сказать, что русско-турецкая война 1877-1878 гг. обнаружила какие-либо новые изъяны военной машины Османской империи. Она в большей степени обострила те проблемы, которые уже в ней присутствовали, а также продемонстрировала, что может произойти при недостаточно быстрых и комплексных реформах армейских структур. Как османские историки и офицеры, так и современные исследователи увидели основные причины поражения Османской империи в специфике подбора высшего военного командования султаном Абдулхамидом II, обусловленного в большей степени политическими причинами, чем сугубо военными.

Нерасторопность, безынициативность и невнимательное отношение к целому ряду важнейших аспектов ведения военных кампаний со стороны Абдулкерим-паши сперва стоили османам поражения в одном из определяющих сражений с русской армией – на Дунае, а затем и Балканах, после чего уже практически ничего не осталось между русскими подразделениями и Стамбулом. Наиболее ярко это проявилось в заметках сослуживцев *сердара*. К примеру, Ахмед Эйюб-паша отметил, что действия Абдулкерим-паши в период дислокации в Четырёхугольнике свелись к одной лишь строевой подготовке двух дивизий. Другие аспекты войсковой организации, к примеру, налаживание разведывательной деятельности,

⁹¹⁸ Uyar M., Erickson E.J. Op. cit. P. 196.

размещение солдат, их распределение, налаживание путей снабжения, совместные обсуждения обстановки и выработка актуальных планов действий с другими генералами и офицерами были пущены на самотёк и фактически отсутствовали⁹¹⁹. При этом невозможно утверждать, что османский генералитет целиком состоял из неподготовленных и недееспособных высших офицеров. Среди них имелись достойно и ярко проявившие себя в боях командиры, к примеру, Осман Нури-паша и Ахмед Мухтар-паша, к тому же происходившие из среды *мектебли*. Однако они не занимали достаточно высоких постов, чтобы определять глобальный ход кампании, не располагали необходимым для этого влиянием. Максимум того, что они могли сделать в ходе войны, ограничился лишь рядом локальных тактических успехов. Они, безусловно, замедлили наступление русской армии и даже нанесли ей довольно ощутимые потери, но остановить его, а тем более обратить вспять они оказались неспособны. Во многом этому способствовал тот факт, что они оказывались фактически изолированы от других крупных османских подразделений, действовали без поддержки и подкреплений, отсутствовала координация между различными корпусами, ввиду чего вопрос поражения каждого из них становился лишь делом времени.

Важность наличия достаточно подготовленных и образованных офицеров и генералов можно назвать, пожалуй, наиболее очевидным уроком, который преподала османской военной машине русско-турецкая война 1877-1878 гг. Однако невозможно свести все факторы, повлиявшие на её исход к одним только личностям командиров и их промахам. Для всей османской армии типичными были слишком медленные сборы и приготовления к войне, сказывался недостаточный уровень подготовки личного состава ввиду отсутствия учений на уровне крупных подразделений⁹²⁰. Широко распространены были проблемы со связью – в случае если телеграфные линии разрывались, их уже не восстанавливали, и единственным способом связи между подразделениями оставались добровольцы, выступавшие в

⁹¹⁹ Fuad. A. Op. cit. P. 187.

⁹²⁰ Hale W. Turkish Politics and the Military. Padstow, 1994. P. 29.

качестве посыльных⁹²¹. Наконец, весомым фактором поражения османской стороны стало то, что её военнотружующие, как рядовые, так и члены офицерского корпуса, недостаточно хорошо ориентировались на местности, в то время как это было совершенно необходимо для офицеров снабжения, а также тех, кто принимал участие в боевых действиях непосредственно на передовой. У них не имелось карт местности, лишь некоторые офицеры располагали географическими атласами Генриха Киперта. Другие же были вынуждены перерисовывать их для личного пользования у тех сослуживцев, у кого они были. Этими атласами пользовались, несмотря на то что составлены они были в первой половине XIX в. на немецком языке⁹²². Османская разведка не вела деятельность в мирное время, ввиду чего к началу войны её данные оказались устаревшими. Узнавать о передвижении русской армии и её замыслах османам нередко приходилось из донесений послов, иностранных газет, порой от местных жителей, не всегда дружелюбно к ним настроенных⁹²³. Кроме того, все приказы отдавались османским подразделениям в устной форме, журналы боевых действий, на манер тех, что имелись в русской армии, не велись, что ещё больше дезорганизовывало османские войска⁹²⁴.

Поражение Османской империи в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. следует рассматривать как результат, к которому привела совокупность негативных факторов. Их постепенное накопление привело к многочисленным тактическим и стратегическим просчётам османского командования, что в конечном счёте привело к катастрофе⁹²⁵. Таким образом, несмотря на наличие потенциала для эффективного противодействия наступавшей русской армии, о наличии которого пишут как османские, так и современные турецкие⁹²⁶ и западные исследователи, Османская империя не смогла его реализовать ввиду ряда крайне существенных факторов, отрицательно сказывавшихся на боеспособности её военной машины.

⁹²¹ Muhtar A. *Sergüzeşt-i hayatımın cild-i sanisi*. S. 27.

⁹²² Bayıl Y. 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı'nda Osmanlı Ordusunun İkmal ve İaşesi // *History Studies*. 2013. Vol. 5. № 1. S. 23.

⁹²³ *Ibid.* P. 24.

⁹²⁴ *Ibid.*

⁹²⁵ Quataert D. *The Ottoman Empire, 1700-1922*. New York, 2005. P. 58.

⁹²⁶ T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. *Türk silahlı kuvvetleri tarihi*. S. 492.

Наиболее ярко среди них выделились структурные изъяны, а также нехватка инициативы и порой профессионализма со стороны высшего командного состава османской армии⁹²⁷.

Выводы главы III

Османская военная машина в течение XIX в. прошла через целый ряд комплексных реформ, которые должны были превратить её в современную, равную сильнейшим государствам Европы силу. Они кардинально изменили облик османских вооружённых сил в нескольких аспектах их жизни – в области структурной организации, командно-административного аппарата, технического оснащения. При этом постоянно обновляемая и перестраиваемая османская армия по-разному показывала себя на полях сражений – наиболее масштабные вооруженные конфликты всё равно оканчивались поражением Порты, хоть и с некоторыми исключениями. Следует обратить внимание на то, что османская армия оказывалась в состоянии войны на различных этапах своего реформирования.

Исход русско-турецкой войны 1828-1829 гг. во многом являлся очевидным и объяснялся общей неготовностью османских войск к боевым действиям. Обновленные подразделения на тот момент были еще только в стадии формирования, структурный облик армии также не был определен, а командный состав не имел необходимой квалификации для ведения удачных военных кампаний.

В ситуации, когда системообразующие элементы обновлённой военной машины либо отсутствовали, либо только начинали создаваться, Османская империя практически ничего не смогла противопоставить действиям русской армии на обоих фронтах, Балканском и Кавказском. Войска были вынуждены действовать в

⁹²⁷ Kara H. Sultan II. Abdülhamit devrinde Osmanlı harp okulunda modernleşme: “Modernist-gelenekçi subaylar arasındaki üzerine bir değerlendirme” // Turkish Studies. 2016. Vol. 11. № 21. S. 555.

рамках устаревшей практики выжидания противника, они были ограничены в совершении оперативных манёвров, а отсутствие каких-либо систем коммуникации не позволяло слаженно управлять подразделениями.

Первые плоды трудов османских реформаторов были продемонстрированы только двадцать пять лет спустя, в Крымской войне 1853-1856 гг. Завершение ключевых организационных реформ и повышение уровня подготовки части командного состава начали качественно изменять облик османской армии и показали, что преобразования развивались в правильном направлении. Ряд успехов на Балканском фронте и противодействие закреплению войск оппонента на Дунае в целях дальнейшей переправы через реку продемонстрировали боеспособность новой османской армии на деле.

Однако ход данного конфликта свидетельствовал о том, что качественные изменения начались не во всей задействованных войсках Османской империи, а лишь в некоторой их части. Наиболее боеспособные подразделения были переброшены на Балканы, где они смогли действовать достаточно эффективно. Однако на втором фронте, часто открывавшемся в столкновениях с Россией – Кавказском – ситуация приняла прямо противоположный характер. Несмотря на то, что османам удалось защитить Дунай, русская армия компенсировала это существенным продвижением вглубь османской территории на Кавказе, что обернулось также разгромом одного из османских армейских корпусов. Дальнейшим успехам русского оружия на данном направлении смогли помешать только действия османских союзников.

После Крымской войны османы начали уделять повышенное внимание подготовке офицерского корпуса, уровень которой среди большинства командиров, задействованных в ходе конфликта, не соответствовал требованиям времени и новым армейским стандартам. При султанах Абдулазизе были предприняты попытки увеличить количество выпускников ведущих высших военных учебных заведений, тогда же началось распространение модернизированной системы образования на средний и начальный уровни. Данные мероприятия проводились с целью снижения количества офицеров, назначавшихся из солдат и не получавших необходимого

образования, что впоследствии сказывалось на боеспособности вверенных им подразделений.

Грамотно распорядившись боевым опытом солдат и офицеров, принимавших участие в Крымской войне, османские власти могли детальнее изучить свои промахи на определенных участках фронта и предпринять меры по их недопущению в дальнейших конфликтах. Однако новая политика, направленная на планомерную замену состава офицерского корпуса и увольнение бойцов, успевших принять участие в войне, кратно снизила положительный эффект от изучения их боевого опыта.

В результате ряд проблем, обнаружившихся в предшествующих войнах, вновь дал о себе знать в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. К числу таковых можно отнести, например, весьма ограниченную маневренность османских подразделений на обоих фронтах, а также очередное обращение к выжидательной тактике в надежде на то, что противник сам дислоцируется возле наиболее укрепленных районов.

При этом необходимо отметить тот факт, что облик османской армии ко второй половине XIX в. претерпел существенные изменения. К моменту начала войны османы уже сумели завершить основные технические преобразования и перевооружить регулярные войска практически полностью, причём грамотное использование нового оружия оборачивалось тактическими успехами османской армии на некоторых направлениях и участках фронта. Укрепление организационных принципов также положительно сказалось на боеспособности подразделений.

Однако ряд факторов выступил в качестве противовеса сильным сторонам османской военной машины и практически нивелировал её достижения, оформившиеся к началу войны. Главным среди них стало то обстоятельство, что действия командно-административного аппарата османской армии не претерпели практически никаких изменений. Опора на устаревшую тактику, низкий уровень взаимодействия между отдельными полками и корпусами, конкуренция между генералами, преобладавшая над кооперацией, не позволили проводить успешные операции. Причиной этого во многом стали сохранявшиеся кадровые проблемы среди османского офицерства. Личные предпочтения султана Абдулхамида II, назначавшего

командиров по своему усмотрению и не обращавшего внимание на их пригодность к службе на своих должностях, включение в корпус высших офицеров османской армии лиц, не получивших специального образования – все эти факторы негативно повлияли на планирование военных кампаний и стали весомым вкладом в поражение Османской империи в данном конфликте.

Наконец, следует отметить и тот факт, что османские власти не обратили должного внимания на инфраструктурные проблемы, ранее уже дававшие о себе знать в ходе прошлых военных столкновений. Это было особенно актуально в случае Кавказского фронта: сложный и пересечённый рельеф местности, отсутствие полноценных дорог и затруднённое снабжение региона уже было известно Порте ещё в русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Боевые действия на данном фронте требовали от османской стороны особой слаженности и организованности, а также готовности командиров отдельных подразделений координировать свои действия и быть осведомленными и перемещениях друг друга. Однако спустя почти пятьдесят лет эти проблемы так и не были решены, что обернулось поражением османских войск на данном фронте.

Данные проблемы сохранялись параллельно продолжавшемуся процессу реформирования османских войск. Новые преобразования осуществлялись как в области войсковой организации, так и в сфере технического оснащения армии. Продолжала развиваться успешно выстроенная система военного образования, обеспечивавшая стабильный приток офицеров, получивших современное европейское образование, хоть и не таких масштабов, какие предполагались. Тем не менее, нестабильная экономическая ситуация и пошатнувшееся финансовое положение Османской империи ограничивали темпы проведения намеченных реформ. Качественные изменения, являвшиеся целью султанов, лишь начинали происходить в османской армии, однако их завершение являлось делом значительно более долгосрочной перспективы. Преобразования проводились в максимально возможном для Порты темпе, однако он оказался недостаточным для того, чтобы османская военная машина смогла эффективно отвечать на вызовы времени. В результате магистральные цели военных преобразований к концу столетия оказались достигнутыми лишь

частично. Эффективное реформирование требовало еще больших темпов внедрения новшеств, однако это обстоятельство выходило за рамки того, что могли осуществить султаны и их советники.

Заключение

Масштабные реформы XIX в. открыли совершенно новую главу в истории вооруженных сил Османской империи. На руинах традиционных воинских институтов постепенно выстраивалась обновленная военная машина, имевшая принципиально иное устройство. Продолжение преобразований способствовало дальнейшему расширению и модернизации этой структуры. Все изменения, через которые она проходила, носили комплексный характер и затрагивали все сферы жизни армии. Среди аспектов, реформируемых в первую очередь, можно выделить организацию войск, полную перестройку военного образования и системы подготовки кадров (главным образом это касалось офицерского корпуса), а также попытки формирования собственной военной промышленности и проведение перевооружения армии наиболее современными западными образцами оружия.

С точки зрения перемен в области организации, османская армия претерпела эволюцию от компактного столичного формирования до структуры, распространившейся на всю империю и способной защитить ее границы в случае необходимости. Процесс модернизации был фактически непрерывным, однако в нём можно выделить три ключевых периода. Так, промежуток с 1826 по 1843 гг. являлся начальным этапом формирования обновленных войск Османской империи. В это время закладывались основные структурные принципы функционирования военной машины, велись поиски наилучшим образом отвечающей требованиям времени модели. Это был постепенный и достаточно медленный процесс, преобразования во многом осуществлялись методом проб и ошибок. При этом в начальном этапе жизни новых вооруженных сил также можно выделить два значимых подэтапа. Первый – с 1826 по 1829 гг. – стал одним из самых сложных и болезненных периодов для новой армии. Она переживала критическую нехватку средств и кадров, особенно подготовленных офицеров. Османские власти в тот момент не имели иного пути, кроме как постараться выстроить войско по устаревшему образцу *низам-ы джедид* эпохи султана Селима III. При этом продолжались поиски пути для

проведения дальнейших преобразований и перехода к более современному европейскому устройству, однако русско-турецкая война 1828-1829 гг., ставшая тяжелейшим испытанием для османов, затянула реформы. На втором этапе – с 1829 по 1843 г. – преобразования возобновились. В это время войсковую организацию удалось значительно модернизировать, а также избавиться от наследия султана Селима III. Кроме того, структура новых вооруженных сил начала включать в себя все остальные воинские формирования Османского государства, ранее же она де-юре являлась лишь заменой янычарского *очага* войск *капыкулу*. К числу наиболее важных достижений этого периода стоит отнести создание резервных войск, после чего начала выкристаллизовываться наиболее боеспособная часть новой османской армии. Завершением данного этапа стало появление структуры военной машины Османской империи, без значительных изменений просуществовавшей вплоть до её падения – была создана армия, поделенная на корпуса, которые были распределены по территориальным округам и имели регулярные и резервные части.

Период с 1843 по 1869 гг. ознаменовал новую фазу модернизации османской армии. Основной её функционал уже сформировался, однако нуждался в важных дополнениях и корректировке, что и определило содержание данного этапа. Одним из ключевых направлений, по которому продолжились реформы, стала проработка законодательной базы, процедур и критериев для проведения рекрутских наборов в армию, продлившаяся в течение всего указанного времени. После разделения войск на территориальные округа их структура также продолжила дорабатываться. Например, резервные формирования были прикреплены к тем же округам, что и регулярные, также был образован новый армейский корпус со штабом в Багдаде. Нововведения, принятые в 1869 г., дополнительно уточнили категории военнослужащих и сроки службы, действующая армия получила свой отдельный резерв, а в составе резервных войск появилось новое формирование – *мустахфыз*.

Заключительным этапом структурных реформ стал период 1869-1880 гг. К этому времени формирование организации османских вооружённых сил можно считать завершённым. Однако дополнения и менее значительные изменения продолжали вноситься. Главной задачей султанов Абдулазиза и Абдулхамида II при

этом стало дальнейшее распространение устройства армии на отдалённые от столицы регионы империи. С этой целью осуществлялись попытки проведения наборов в войска на арабских территориях, формировались полки *низам* в Боснии и Герцеговине, проводились сборы резервистов. Но кульминацией данного этапа стала неудачная для Османской империи русско-турецкая война 1877-1878 гг., вскрывшая ряд недостатков устройства армии, которые, несмотря на все преобразования, устранить не удалось. Одним из следствий поражения османов стало расформирование *мустахфыза*, обслуживать который власти были не в состоянии. Также в этот период шесть османских армий были дополнены последней – Седьмой (Йеменской).

Армия Османской империи прошла длительный путь и претерпела значительные изменения. В целом, наиболее важными достижениями реформаторов следует считать создание резервных войск, без которых невозможно было нарастить численность вооруженных сил, формирование военных округов, способствовавших упорядочению регулярной армии, а также разработку механизмов призыва на воинскую службу. Всё это также определило и функционал армии, выходящий за пределы одной лишь военной службы. Он дополнился в том числе и гражданско-административными обязанностями, к которым относились сбор и хранение информации о численности населения, контроль и защита ключевых объектов гражданской инфраструктуры, например, больниц. Порой высокопоставленные офицеры исполняли обязанности администрации целых населённых пунктов. Крайне важным стало принятие законов, наладивших работу командно-административного центра вооружённых сил. Командный аппарат был разделён на три основных ведомства, в совокупности регулировавших все аспекты жизни армии при сохранении главенствующего положения *сераскерата*. Усложнявшие систему дублирующие структуры были ликвидированы, в частности, это коснулось параллельно существовавшего командования Гвардейской армии, которое утратило свой статус. Кроме того, была регламентирована работа командных центров всех военных округов.

Со второй половины 1860-х гг. стало возможным говорить о повышении внимания властей, прежде всего султана Абдулазиза, к вопросам воинской подготовки. Из отчетов российских военных осведомителей видно, что начали проводиться сборы батальонов *редифа* по всем регионам империи, в их рамках были задействованы десятки тысяч человек. Регулярные воинские формирования создавались на территориях, где они ранее отсутствовали, из-за чего приходилось растягивать имевшиеся силы.

Впрочем, несмотря на все достижения, результаты структурных преобразований в османской армии в эпоху реформ XIX в. оказались противоречивыми. Создание новых воинских подразделений, обновление уже созданных, введение и корректировка их организации казались логичными, необходимыми и стройными на бумаге, при обсуждении и подготовке штатной документации. В действительности же власти столкнулись с рядом препятствий и проблем, порой тормозивших ход реформ, а порой вынуждавших полностью от них отказаться.

Наиболее существенной и непреодолимой проблемой оказалось хроническое недофинансирование всех военных ведомств империи. Оно сильно ограничивало потенциал предпринимаемых реформ. Власти были вынуждены считаться с дефицитом бюджета, а потому предприняли ряд шагов, которые привели к неоднозначным результатам. Одним из них стал акцент реформ на резервные подразделения, причём эта тенденция лишь укрепилась после того, как прусская военная машина, неотъемлемой частью которой являлись контингенты резервистов, продемонстрировала свою эффективность и стала образцом для османских реформаторов. Причиной расширения османского *редифа* стала не столько необходимость дополнения подразделений регулярных войск, достигших пиковой численности и боевой эффективности, сколько в целом невозможность достижения этих параметров ввиду нехватки ресурсов. Резервные войска для османов образовали особую, «бюджетную» армию: в условиях невозможности усиления *низама* из-за дефицита средств приходилось наращивать численность резерва. Однако рос он только количественно, а не качественно, что негативно сказывалось на боеспособности армии.

Резервисты численно превосходили бойцов регулярных отделений, но в плане выучки и знания военной науки существенно им уступали. Полки *редифа* никак не могли продублировать регулярную армию ещё и по той причине, что значительная часть их подразделений существовала исключительно формально – кавалерия и артиллерия *редифа* имелась только на бумаге, в действительности же для них не было ни инструкторов, ни снабжения, а бойцы проходили обычную подготовку пехотинцев. Попытка дополнить резерв *мустахфызом* была обречена на провал ещё на этапе формирования, поскольку обслуживать, организовывать и снабжать такое количество людей государство не могло себе позволить, а без должной выучки территориальное ополчение практически ничем не отличалось от уже имевшихся жандармов и *башибозуков*.

По всей видимости, осознавая необходимость, но также и невозможность масштабного увеличения численности и повышения качества *низама*, власти пытались превратить его в подобие элитной армии, чья немногочисленность должна была компенсироваться большим резервом. Таким образом, в случае войны войска *низама* должны были оперативно прибывать в места, где оборона *редифа* начинала прорываться, и при этом именно *редиф* становился основным орудием отражения угрозы, поскольку по такой логике ему приходилось принимать на себя первый удар и сдерживать атаки неприятеля до подхода контингентов *низама*. Однако для реализации такой схемы в действительности уровень обученности и вооружения *редифа* должен был быть практически аналогичным регулярным войскам, но достичь этого оказалось невозможно.

Другим следствием финансовых проблем империи стала растянутость армейских подразделений по большим территориям, а также формальное существование больших тактических звеньев. Структура подразделений уровня полка и выше в мирное время не поддерживалась, их сбор предусматривался только во время войны. Однако в течение этого времени их контингенты свободно перемешивались друг с другом, так что при необходимости сбор, к примеру, одной бригады становился едва ли возможным. Как продемонстрировали материалы российских военных советников и осведомителей, рассредоточенность османских подразделений

была столь высокой, что части одного полка могли оказаться в разных концах империи. При сборе крупных подразделений, таким образом, пришлось бы ждать прибытия, например, тех частей Четвертой армии, которые ранее оказались передислоцированы в округ Третьей армии на Балканах. Стоит подчеркнуть, что введение и закрепление стройной штатной структуры в ходе нескольких этапов военных реформ никак не решило эту проблему, а батальон так и остался высшим тактическим звеном османской армии.

Ещё один существенный изъян османской военной машины проистекал не только из бюджетного дефицита, но также из несвоевременной и недостаточно тщательной проработки механизма пополнения личного состава армейских подразделений. Следствием этих проблем стал критический некомплект воинских контингентов. Таблица численности и расположения османских батальонов показала, что их численность, по штату составлявшая не менее 800 человек, на деле в редких случаях достигала хотя бы 600 человек. Необходимость держать крупные силы на границах империи вкупе с нехваткой людей вынуждала растягивать войска, так что внутренние регионы государства оказывались фактически беззащитными. В случае прорыва обороны и проникновении неприятеля, к примеру, вглубь Анатолии, остановить его для османов оказывалось крайне затруднительной задачей.

Эта проблема усугублялась неспособностью османских султанов интегрировать в военную машину подданных из числа немусульман, составлявших почти половину населения империи. В свою очередь, это вынуждало перебрасывать в регионы с немусульманским населением подразделения из мусульман, набранные на других территориях, которые из-за этого оказывались менее защищенными. Непрестижность военной службы в глазах гражданского населения, отсутствие способов её регулирования в течение длительного времени, а также бесконтрольные рекрутские наборы привели к дополнительному сокращению источников живой силы среди мусульман в том числе. Затруднения при распространении системы призыва на арабские территории империи вынуждали принять на себя основные тяготы службы мусульман Анатолии, что также грозило дальнейшим экономическим ущербом.

Таким образом, с одной стороны, военные реформы позволили создать новую армейскую организацию, с другой, – насущная задача её качественного развития и дальнейшего усиления решена была лишь отчасти, по большей мере оставшись в нереализованных планах. Качество выучки, уровень снабжения и боеспособность османских солдат были недостаточны для того, что Османская империя смогла противостоять мощнейшим государствам Европы.

Одним из важнейших направлений реформ, нацеленных не только на количественное, но и качественное усиление новой османской армии, стала область военного образования. Преобразования в этой сфере должны были решить одну из главных проблем османской военной машины, связанной с недостатком квалифицированных кадров. Нехватка образованных офицеров, способных обучать других солдат, ограничивала потенциал наращивания силы армии наряду с нехваткой средств. Османские султаны осознавали эту проблему и прикладывали большие усилия, чтобы её решить. Примером этому служит деятельность Генерального штаба, отправлявшего своих специалистов для обучения в Европу, а также открытие высших военных учебных заведений. Падишахи осознавали и то, что требованиям времени должны были отвечать не только организация армии и квалификация её офицеров, но и её техническое оснащение. По этой причине они пристально следили за развитием не только европейской военной науки, но и инженерно-конструкторской мысли, будучи готовыми интегрировать в свои армии перспективные западные образцы оружия.

Преобразования в сфере военного образования и технического оснащения армии Османской империи стали беспрецедентными по своим масштабам и сложности. В ходе реформ параллельно шло формирование важнейших элементов османской военной машины, каждый из которых при этом являлся разветвлённой системой, имевшей прямое влияние на состояние всей армии. Реформы военного образования, как и организационные преобразования, осуществлялись путём проб и ошибок, а ход их также можно разделить на три основных этапа.

На первом этапе власти постарались реконструировать традиционную систему подготовки высших армейских кадров, воссоздав и обновив дворцовую

школу Эндерун. Однако неэффективность такого образования и несоответствие подобных мер требованиям времени наглядно продемонстрировало поражение османской армии в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., после которого было принято решение распустить не оправдавшее ожиданий учебное заведение. Следуя последним европейским нововведениям и контактируя с западными военными деятелями, османские власти не могли проигнорировать необходимость создания собственных высших военных учебных заведений, задачей которых впоследствии стала подготовка офицерского корпуса, способного управлять современной армией и вести современную войну.

На втором этапе, начавшемся после создания высших военных училищ, стало заметно, что военная образовательная система в течение этого периода не только не пришла в состояние упадка, но и вполне успешно трансформировалась, опираясь на европейский опыт, старалась принимать нововведения и развиваться дальше. В рядах османской армии появились офицеры, не только получившие образование в лучших военных училищах, но и прошедшие дополнительные стажировки и обучение в военных академиях государств Европы. В дальнейшем именно они оказались в авангарде военных преобразований и обновления военной науки в государстве.

Наконец, на третьем этапе османская военно-образовательная система, поначалу ограниченная рамками высшей школы, была расширена в том числе и на сферы начального и среднего образования. Медленное распространение общего образования на гражданском уровне побудило армейское командование создать собственную систему современных школ в противовес традиционным *mektebam*. Хотя в них по-прежнему присутствовали религиозные предметы, их количество было существенно сокращено ради изучения основ точных и естественных наук. Без них невозможно было эффективно и в относительно сжатые сроки подготовить столь необходимых офицеров. Военная составляющая, таким образом, проникла во все сферы образования: свои собственные подготовительные школы получили крупнейшие высшие военные училища, для распространения современного

образования в провинциях армейские корпуса обязали открывать школы во вверенных им округах, причем эта система в дальнейшем продолжила развиваться.

Реформы военного образования, с одной стороны, можно считать успешными. В течение всего XIX в. османские султаны закладывали основы современного военного образования, они создавали важнейшие учебные заведения, впоследствии сыгравшие судьбоносную роль в том числе в истории современного Турецкого государства. Дальнейшее распространение реформ в том числе на начальный и средний уровни обучения сделали современное образование значительно более доступным для широких масс населения. С другой стороны, результаты преобразований отличались от целей, изначально поставленных властями. Главной из них являлось скорейшее насыщение османской армии по-европейски образованными офицерами. Однако темпы реформ не позволяли её реализовать. Новые школы появились и распространились по империи лишь спустя тридцать лет, в течение которых высшим училищам приходилось работать со студентами, не имевшими никакого образования. Об успешности османских образовательных реформ можно говорить только в контексте закладывания фундамента системы подготовки кадров. В остальном же преобразования имели в том числе и негативные результаты.

К числу таковых относилось, к примеру, отсутствие унтер-офицерского корпуса, а также расслоение офицерской среды на *мектебли* и *алайлы*. Главная проблема, изначально ставшая катализатором реформ в этой сфере – критическая нехватка подготовленных офицеров – сохранилась, несмотря на создание множества учебных заведений. Образовательные реформы, безусловно, стали крайне важным этапом развития османской военной машины. Однако магистральная цель, ради которой они проводились, так и не была достигнута, а ее реализация могла быть завершена лишь в долгосрочной перспективе. В таких обстоятельствах власти оказались вынуждены использовать любой источник для увеличения численности и повышения качества офицерского корпуса, одним из которых стало привлечение на службу иностранных офицеров, пользовавшихся широким спектром возможностей в османской армии и ставших вместе с тем одной из значимых движущих сил модернизации османских войск.

Реформы военной промышленности и технического оснащения османской армии имели в значительной степени более противоречивые результаты, чем преобразования в области подготовки кадров. С одной стороны, османские производственные центры были обновлены и поначалу находились в лучшем состоянии относительно того, что они представляли из себя до начала реформ. С другой стороны, несмотря на все средства, вложенные в обновление технического состояния османской армии, определяющее влияние на него оказали не собственные предприятия, а заказы из-за рубежа, без которых ни одно из начинаний в этой сфере не могло быть успешным. Османская промышленность не смогла выбиться в авангард технического прогресса, а процесс модернизации главным образом состоял из анализа распространённого в Европе оружия и поиска наиболее удачного образца, который можно было бы производить на своей территории. О развитии собственных предприятий и конструкторской мысли не шло речи.

Каждый новый виток технического прогресса вынуждал османских султанов начинать всю процедуру по поиску удачного оружия и перестройке под него всей производственной базы сначала. В конце концов, с одной стороны, цель властей по снабжению войск наиболее современным вооружением была достигнута. С другой стороны, другая их цель – избавиться тем самым от зависимости от импорта из стран Запада – была полностью провалена. Результат оказался прямо противоположным, эта зависимость стала только сильнее. Стремительное ухудшение финансового положения империи обернулось быстро растущим государственным долгом. Он также продемонстрировал полное отсутствие у Османской империи необходимой для развития военной промышленности экономической базы. Погоня за новейшим оружием без учёта расходов на его производство и закупки превратило империю в заложника западного технического прогресса, обреченного на постоянные попытки догнать Европу в технической области и постоянно терпящего крах в своих начинаниях. Наглядным подтверждением этому является тот факт, что после пяти перестроек промышленных центров власти вовсе отказались от собственного производства оружия. Техническая модернизация османской военной машины, таким образом, стала примером того, как преобразования, изначально нацеленные на

усиление армии и государственного суверенитета, принесли противоположные результаты, ослабив государство в экономической и, как следствие, политической сферах.

Наиболее наглядным показателем степени успешности и неудачи проводимых реформ может являться то, как обновленные вооруженные силы показывали себя на поле боя. В течение XIX в. Османская империя трижды оказывалась в состоянии войны с одной из Великих держав Европы – Российской империей. Анализ этих столкновений позволяет подвести черту под всеми предшествующими усилиями по модернизации османской военной машины. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на весьма существенные перемены в устройстве армии, из трёх крупнейших конфликтов Османской империи и России в XIX в. два закончились разгромными поражениями первой, и лишь одно – весьма условной победой, в результате которой положение государства стало хуже довоенного. Тем не менее нельзя утверждать, что все три вооруженных конфликта развивались по одному и тому же сценарию. Напротив, каждый из них имел свою специфику и свой особенный набор факторов, результатом которых стало поражение Османской империи.

Османская армия, вступившая в войну с Россией в рамках конфликта 1828-1829 гг., находилась в зачаточном состоянии. Направление военных реформ на тот момент было едва намечено, вследствие чего печать неорганизованности и неготовности лежала на всех действиях Порты в ходе этого столкновения. Ряд критически значимых изъянов пронизывал все сферы жизни армии и касался структуры армии, только выработывавшейся на момент начала войны, отсутствия централизованного и отлаженного механизма принятия решений, а также достаточного количества подготовленных командиров, планов, неудовлетворительного уровня подготовки личного состава, путей снабжения. Незавершенность военных преобразований достаточно скоро дала о себе знать, османская армия оказалась в состоянии, при котором победа над столь грозной силой, как русская армия, оказалась невозможной. Наконец, османская армия 1828-1829 г. была слишком подвержена влиянию невоенных факторов, к числу которых относились опасения султана

Махмуда II относительно поддержания порядка внутри империи в период боевых действий. Это вынудило его существенно ограничить спектр подразделений, задействованных на передовой. Новейшие, на тот момент недавно созданные по европейским стандартам полки, таким образом, оказались удалены от тех участков фронта, где они могли себя проявить и изменить ход боевых действий.

Однако дальнейшее течение войны показало, что османское командование было совершенно не готово к стремительным манёврам и марш-броскам, предпринятым сперва Паскевичем на Кавказе, а затем Дибичем на Балканах. Стремление русских обойти османскую оборону вместо того, чтобы её штурмовать, требовало от османского командования как можно скорее перебрасывать армейские подразделения на их пути наступления. Однако положение войск Османской империи, уровень их подготовки и взаимодействия соединений друг с другом не позволяли осуществить требовавшиеся от них манёвры.

Несколько по-иному себя проявили османы в ходе Крымской войны. Впервые за столетие османская армия смогла не просто нанести ряд поражений на Балканском фронте русской армии, но и полностью остановить её наступление, вынудив снять осаду с ряда крепостей на Дунае. Использование новых тактических приёмов, направление на фронт наиболее подготовленных войск и применение современного оружия свидетельствовали о том, что военные реформы начали качественно изменять османскую военную машину и повысили её боевую эффективность. Развитие событий на Балканах продемонстрировало важность сочетания готовой к боевым действиям армии с относительно умелым командованием, способным адаптироваться к текущему моменту, а также с подготовленным в плане линий коммуникации и снабжения театром военных действий. Важность такого сочетания была ещё более убедительно подчёркнута не только успехами на Балканах, но и катастрофой на Кавказе, где условия оказались прямо противоположными.

Крымская война также обострила вопрос с нехваткой по-современному образованных офицеров-мектебли. Их ограниченное число, особенно ощущавшееся на Кавказе, также подрывало боеспособность османской армии. Отрицательно на ней сказывались не только проблемы офицерского корпуса, но и изъяны в области

подготовки личного состава, оказавшегося неспособным к проведению военных операций, требовавших более высокого уровня знаний военного дела. Наконец, для Крымской войны было характерно большее количество офицеров из числа иностранцев, которые не всегда оказывались благосклонно приняты своими османскими сослуживцами. Их появление в рядах армии также обострило проблемы, связанные с языковым и культурным барьерами и в целом принятием военного дела в том виде, в каком оно имелось в Европе. Особенно актуально это было в отношении офицеров-алайлы.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала прямым следствием того, о чём писали учёные, изучавшие ход и последствия событий Крымской войны. За период с 1853 по 1856 гг. османская военная машина накопила крайне ценный боевой опыт, особенно на Балканском фронте. Его анализ и последующее применение в рамках преобразований могло существенным образом изменить облик всей османской армии и в конечном счете исход войны. Однако политика властей, способствовавшая уходу из армии наиболее способных представителей офицерства, а также широко распространенная демобилизация ветеранов Крымской войны привели к тому, что весь её опыт оказался проигнорирован и учтён лишь в минимальной степени.

Война 1877-1878 гг. обострила хронические проблемы османской военной машины и продемонстрировала, что при наличии одного или нескольких слабых мест в ней в критический момент они неминуемо дадут о себе знать и приведут к непоправимому развитию событий. Так, например, при сопоставлении хода событий на Балканах можно обнаружить сходства в поведении османской стороны в войну 1828-1829 гг. и 1877-1878 гг. Они заключались в полной неготовности османской армии к быстрым и внезапным броскам русских войск через османские оборонительные рубежи. В 1828 г. подобный манёвр предпринял генерал Дибич, а в 1878 г. – генерал Гурко, и несмотря на то, сколь разительно изменилась османская армия за промежуток между этими войнами, она не смогла ничего противопоставить таким действиям русских.

Среди особенностей, отличавших османскую армию в войну 1877-1878 гг. от предшествующих конфликтов, следует выделить наиболее современное техническое оснащение. Мероприятия султана Абдулазиза, с одной стороны, существенно подорвали экономическое положение государства, но с другой стороны, позволили провести полное перевооружение воинских подразделений новейшим британским и американским оружием. Более того, оно смогло хорошо себя проявить в ходе сражений, например, осады Плевны. Технический аспект османской военной машины можно считать единственным, где вложения властей смогли продемонстрировать реальный эффект. Тем не менее дальнейшее развитие событий показало, что новейшее вооружение не являлось панацеей, а победа в войне зависела не только от того, насколько новое оружие использовалось, но и от того, как именно оно применялось.

В этом плане наиболее ярко себя продемонстрировали изъяны, связанные с состоянием офицерского корпуса. Назначения генералов и командиров на высокие должности, связанные с их политическими позициями, а не фактическими способностями, передача командования слишком возрастным, либо же недостаточно образованным генералам стали первыми в достаточно большом списке факторов, повлиявших на поражение османской армии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Однако можно выделить также и черту, присущую османской военной машине во всех трёх ключевых войнах XIX в. – это полное пренебрежение Кавказским фронтом. В течение рассматриваемого периода практически ничего не изменилось ни в плане отношения Порты к этому региону, ни в плане организации дислоцированных в нём подразделений. Для каждой из трёх войн на Кавказском фронте характерно присутствие большого количества иррегулярных формирований и нехватка бойцов действующей армии. В каждой войне можно обнаружить отсутствие достаточного числа образованных офицеров, назначенных на этот фронт. Для каждого конфликта на данном участке характерно практически полное отсутствие путей снабжения и дорожной сети, причём с течением времени это никак не менялось, хотя, к примеру, события Крымской войны продемонстрировали, насколько опасным мог быть прорыв неприятеля на этом фронте. Наконец,

поведение османских командиров на нём в ходе каждой из войн также имеет ряд сходств. Главным из них является крайне осторожное и медленное продвижение в ходе первоначального наступления, за которым следовало замедление его темпов, невозможность закрепить успехи, а затем, после первых поражений от русской армии, уход в глухую оборону и передача всей инициативы неприятелю. Следует подчеркнуть, что реформы XIX в. не изменили такого положения дел на Кавказе.

При этом парадоксальным является тот факт, что на фоне данных весьма противоречивых результатов, которые демонстрировала османская военная машина на поле боя, нельзя сказать, что власти отказались от продолжения военных реформ и вступали в войны с неподготовленной армией. Напротив, реформы шли достаточно активно. Практически каждое десятилетие вводились различного рода нововведения, касавшиеся организации войск, их оснащения, или механизма управления ими. Накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. османская армия прошла через период наиболее активных преобразований, осуществлявшихся под руководством султана Абдулазиза. Османская военная машина продолжала модернизироваться в таком темпе, который был возможен в текущей обстановке. Однако фактические результаты показывали, что предпринимаемых реформ было недостаточно. К концу XIX в. магистральные цели преобразований, поставленные ещё в начале столетия, оказались либо не достигнуты вовсе, либо выполнены лишь частично. Это показывало, что армия Османской империи нуждалась в гораздо более стремительных и масштабных реформах, чем Порта могла осуществить.

Список источников и литературы

Архивные материалы на русском и османском языках:

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 4367: Военные сведения (1865). Л. 10-37.
2. АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 4368: Военные сведения (1866). Л. 6-26.
3. АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 4369: Военные сведения (1867). Л. 11-20.
4. АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2, дело № 4370: Военные сведения о вооружённых силах Турции, Молдовалахии, Сербии, Черногории, Греции, расположение войск, сбор редифов (1871-1876). Л. 13-56.
5. 15000 adet tüfek ve 5000 adet Winchester marka karabina siparişi // Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (далее – DABOA). Fon: Hariciye Nezareti İdare (далее – HR.İD). Dosya 1150. Gömlek 28.
6. 1877 Rus Harbi sırasında sipariş edilen silah ve harp mühimmatı // DABOA. F. HR.İD. D. 1164. G. 23.
7. Fabrikatör Winchester'e sipariş olunan Henry Martini tüfenklerine dair tahrirat // DABOA. F. Hariciye Nezareti Tercüme Odası (далее – HR.TO). D. 115. G. 90.
8. Harp silah ve mühimmatı ithali; Avrupa'ya siparişler // DABOA. F. Hariciye Nezareti Siyasi Tahriratı (далее – HR.SYS). D. 1049.
9. İsmine kura isabet etmiş olan, talebeden Süleyman Efendi'ye icra-yı imtihanı hakkında sahte olarak tezkire veren Manisalı Mehmed Efendi'nin Rodos'ta kalebend edilmesi // DABOA. F. Sadaret Mektubi Kalemi'nin Meclis-i Vala Evrakı (далее – A.}MKT.MVL). D. 126. G. 49.
10. İstanbul Büyükşehir Belediyesi. Atatürk Kitaplığı Sayısal Arşiv ve E-Kaynaklar. Evrak № 02078.

11. Mekteb-i Harbiye için Brüksel'den iki muallim getirilmesi // DABOA. F. Hariciye Nezareti Tahriratı (далее – HR.TH.). D. 14. G. 42.
12. Mr. Winchester'e yapılan 200000 adet Henry Martini tüfekleri sipariş sözleşmesinin Providence Tool Kumpanyası'na havale edilmesi ile Londra'dan Martini tipi tüfekler Talebi // DABOA. F. HR.İD. D. 1150. G. 51.
13. Mr. Winchester'e yapılan 200000 adet Henry Martini tüfekleri sipariş sözleşmesinin Providence Tool Kumpanyası'na havale edilmesi ile Londra'dan Martini tipi tüfekler talebi // DABOA. Fon: HR.İD. D. 1150. G. 75.

Мемуарная, историческая и военная литература на османском языке, османские периодические издания, османские источники, переведенные на современный турецкий язык:

14. Celâlettin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / Mehmet Celâlettin Paşa; [fransızcadan çeviri ve açıklamalar Beker G.]. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2014. – 311 s.
15. Celâleddin Paşa M. Mir'ât-ı Hakikat. Cilt I-III / Mahmut Celâleddin Paşa; [haz. Miroğlu İ.]. – İstanbul: Berekât Yayınevi, 1983. – 739 s.
16. Cemal A. Plevne'nin müdâfaası / Ahmet Cemal. – Kustantiniye: Kitaphane-yi İslam ve Askeri, 1899. – 160 s.
17. Cevdet Paşa A. Ma'rûzât / Ahmet Cevdet Paşa; [haz. Halaçoğlu Y.]. – İstanbul: Çağrı Yayınları, 1980. – 292 s.
18. Cevdet A. Tarih-i Cevdet. Cilt 12 / Ahmet Cevdet. – Dersaadet: Matbaa-i Osmaniye, 1884. – 332 s.
19. Çoban A.H. Ahmet Cevat Paşa'nın Tarih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbi') adlı eserinin transkripsiyonlu metni. Yüksek lisans tezi. – Afyonkarahisar: Afyon Kocatepe Üniversitesi, 2009. – 186 s.
20. Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye / Mehmet Esad. – İstanbul: Artyan matbaası, 1893. – 828 s.
21. Esad M. Mirât-ı Mühendishâne-i Berrî-i Hümayûn / Mehmet Esad. – İstanbul: Karabet Matbaası, 1895. – 398 s.
22. Esad M. Üss-ü Zafer / Mehmed Esad. – İstanbul: Matbaa-i Süleymaniye, 1876. – 259 s.

- 23.Fevzi. 1853-1856 Türk-Rus Harbi ve Kırım Seferi. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1927. – 161 s.
- 24.Fuad A. Musavver 1877-1878 Osmanlı-Rus seferi / Ali Fuad. – İstanbul: Kitaphane-i İslam ve Askeri, 1907. – 947 s.
- 25.Hulusî M. 1877-78 Osmanlı-Rus seferi. Avrupa cihetindeki harekât. – İstanbul: Sancakçıyan matbaası, 1908. – 126 s.
- 26.İhsan. Askerî tarih. 3. cilt. – İstanbul: Mekteb-i Harbiye Matbaası, 1927. – 131 s.
- 27.Kânunnâme-i Asâkir-i Mansûre-i Muhammedîyye. – İstanbul, 1830. – 191 s.
- 28.Keleş H. Asâkir-i Mansûre-i Muhammediyye Kânûnnâmesi. // Kastamonu Eğitim Dergisi. – 2006. – Vol. 14 (1). – s. 227-240.
- 29.Lûtfî Efendi A. Vak'anüvîs Ahmed Lûtfî Efendi Tarihi / yeni yazıya aktaran Hezarfen A. Cilt 1. – İstanbul: YKY, 1999. – 302 s.
- 30.Muhtar A. Külliyyât-ı fenn-i esliha / Ahmet Muhtar. – İstanbul: Bağdadliyan Matbaası, 1889. – 304 s.
- 31.Muhtar A. Sergüzeşt-i hayatımın cild-i sanisi. 1878 Anadolu-Rus muharebesi / Ahmet Muhtar. – Dersaadet: Mekteb-i harbiye matbaası, 1910. – 390 s.
- 32.Muhtar A. Türkiye Devleti'nin en mühim ve meşhur esferinden 1828-1829 Türkiye-Rusya seferi ve Edirne muahedesi / Ahmet Muhtar. – Ankara: Büyük Erkân-ı Harbiye Reisliği Ankara Matbaası, 1928. – 293 s.
- 33.Nûrî O. Abdülhamîd-i Sâni ve devr-i saltanatı. Hayât-ı husûsiyye ve siyâsiyyesi / Osman Nûrî. – İstanbul: Kitâphâne-yi İslam ve Askeri, 1909. – 400 s.
- 34.Nûrî-paşa M. Netâyicü'l-Vuku'ât. Cild-i Rabi' / Mehmet Nûrî-paşa. – İstanbul: Uhuvvet Matbaası, 1909. – 586 s.
- 35.Refik A. Türkiye'de mülteciler meselesi / Ahmet Refik. – İstanbul: Matbaa-yı Âmire, 1926. – 259 s.
- 36.Rifat-pâşâ M.S. Rusya Muhârebesi Târihi / Mehmet Sadık Rifat-pâşâ. – İstanbul: Takvimhane-i Amire, 1858. – 332 s.
- 37.Şevket M. Mükerrer ateşli tüfenkler / Mahmut Şevket. – İstanbul: Karabet Matbaası, 1891. – 93 s.

- 38.Şevket M. Osmânî teşkîlât ve kıyâfet-i askeriyesi / Mahmut Şevket. – İstanbul: Mekteb-i Harbiye Matbaası, 1907. – 218 s.
- 39.Tabûr talimi. – 1831. – 188 s.
- 40.Tahsin H. Rehber-i Fenn-i Esliha / Hasan Tahsin. – İstanbul: Mekteb-i Fünûn-u Harbiye-i Şâhâne Matbaası, 1909. – 199 s.
- 41.Tahsin R. Mirât-ı Mekteb-i Tıbbiyye. Birinci kitap / Rıza Tahsin. – Dersaâdet: Kadr matbaası, 1910. – 238 s.
- 42.Tahsin R. Mirât-ı Mekteb-i Tıbbiyye. İkinci kitap / Rıza Tahsin. – Dersaâdet: Kadr matbaası, 1910. – 272 s.
- 43.Takvîm-i Vekâî'. 1831. Defa 1.
- 44.Takvîm-i Vekâî'. 1832. Defa 21.
- 45.Takvîm-i Vekâî'. 1834. Defa 80.
- 46.Takvîm-i Vekâî'. 1835. Defa 87.
- 47.Takvîm-i Vekâî'. 1835. Defa 92.
- 48.Takvîm-i Vekâî'. 1843. Defa 258.
- 49.Takvîm-i Vekâî'. 1845. Defa 289.

Мемуарная, историческая и военная литература на русском, французском, английском и польском языках, источники, переведенные на русский язык:

- 50.Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Том 1 / М.И. Богданович. – С.-Петербург: в типографии Ф. Сущинскаго, 1876. – 333 с.
- 51.Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Том 4 / М.И. Богданович. – С.-Петербург: в типографии Ф. Сущинскаго, 1876. – 525 с.
- 52.Военная энциклопедия в 18 томах. Т. 14 (Круковский – Линта) / под ред. В.Ф. Новицкого. – СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 348 с.
- 53.Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 6 (1848-1849 гг.) / сост. Князь Щербатов. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1899. – 422 с.
- 54.Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Часть 1. Подготовка к походу / Н. Епанчин. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1905. – 488 с.

55. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. 2 / А.Н. Куропаткин. – СПб.: Склад Б.А. Березовского, 1910. – 552 с.
56. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том 1 / под ред. Чернявского. – С.-Петербург: Издание Военно-Исторической Коммисии Главного Штаба, 1904. – 632 с.
57. Очерк Венгерской войны 1848-1849 годов / пер. Богдановича и Лебедева. – СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. – 170 с.
58. Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855 / Н.И. Пирогов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1856. – 33 с.
59. Письма о событиях и приключениях в Турции Гелльмута Мольтке, капитана Генерального штаба, ныне генерал-фельдмаршала. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1877. – 95 с.
60. Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. – М.: Русская книга, 1992. – 432 с.
61. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 3. Журнал военных действий IX армейского корпуса. – С.-Петербург: Военная типография, 1898. – 427 с.
62. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 32. Переправа у Зимницы, утверждение на правом берегу Дуная и Западный фронт. Период с 15 июня по 31 июля 1877 г. – С.-Петербург: Военная типография, 1902. – 463 с.
63. Ушаков Н.И. История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Часть первая / Н.И. Ушаков. – Санкт-Петербург: в типографии Эдуарда Праца и Ко, 1836. – 439 с.
64. Chesney R.A. The Russo-Turkish Campaigns of 1828 and 1829 with a View of the Present State of Affairs in the East / Chesney R.A. – New York: Redfield, 1854. – 360 p.

65. Chudzikowska J. Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach. – 1980. – № 11. – P. 211-232.
66. Dictionary of National Biography (ed. by Lee S., Sir). Volume 3 / ed. by S. Lee. Sir. – London: Smith, Elder & Co., 1912. – 728 p.
67. Engelhardt É. La Turquie et le Tanzimat / Édouard Engelhardt. – Paris: A. Cotillon et Co., 1882. – 283 p.
68. Girard A. Le fusil Chassepot, son emploi comme arme de jet, comme arme de main / A. Girard. – Paris: Amyot, éditeur, 1872. – 50 p.
69. Jules G. L’Afrique du Nord – description, histoire, armée, populations, administration et colonisation / Girard Gules. – Paris: Librairie de la Société des Gens de Lettres, 1861. – 403 p.
70. Mac Farlane C. Constantinople in 1828 / Charles Mac Farlane. – London: Saunders and Otley, 1829. – 500 p.
71. Morris E.J. The Turkish Empire, embracing the religion, manners and customs of the people / Edward Joy Morris. – Philadelphia: Lindsay and Blakiston. 1855. – 216 p.
72. Pardoe J. The City of the Sultan and Domestic Manners of the Turks, in 1836. Vol. II / Jane Pardoe. – London: Henry Colburn, 1837. – 500 p.
73. Rawita-Gawroński F. Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // Życiorysy sławnych polaków. № 14. – Petersburg, 1901. – 102 s.
74. Ubicini M.A. Aperçu économique et statistique sur la principauté de Serbie // Journal des Économistes. Numéro du 15 décembre 1866. – Paris: Librairie Guillaumin et Co, 1867. – 24 p.
75. Walsh R.R. A Residence at Constantinople during a Period including the Commencement, Progress and Termination of the Greek and Turkish Revolutions / R.R. Walsh. – London: Frederick Westley and A.H. Davis, 1836. – 587 p.

Научная литература

Научная литература на русском языке:

- 76.Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. / Н.И. Беляев. – М.: Вече, 2019. – 512 с.
- 77.Богданович Б. Холодное оружие Османской империи и Албании / Б. Богданович. – М.: Фонд «Русские витязи», 2011. – 152 с.
- 78.Дворянинов В.Н. Боевые патроны стрелкового оружия. Книга 1. От изобретения пороха до середины XX столетия / В.Н. Дворянинов. – Климовск: Издательство «Д’Соло», 2015. – 784 с.
- 79.Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе / С.М. Иванов. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. – 356 с.
- 80.Клейнман Г.А. Армия и реформы. Османский опыт модернизации / Г.А. Клейнман. – М.: Наука, 1989. – 159 с.
- 81.Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие / В.Е. Маркевич. – СПб.: Полигон, 2005. – 496 с.
- 82.Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса / М.С. Мейер. – М.: «Наука», 1991. – 260 с.
- 83.Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. / А.Ф. Миллер; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М.; 1947. – 508 с.
- 84.Новичев А.Д. История Турции. Т. 2: Новое время. Часть первая (1792-1839) / А.Д. Новичев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 280 с.
- 85.Новичев А.Д. История Турции. Т. 4: Новое время. Часть третья (1853-1875) / А.Д. Новичев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978. – 272 с.

- 86.Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.) / И.Е. Петросян, Ю.А. Петросян. – М.: «Наука», 1993. – 186 с.
- 87.Русско-турецкая война 1877-1878 / под ред. И.И. Ростунова. – М.: Воениздат, 1977. – 263 с.
- 88.Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2 / А.А. Свечин. – М.: Военгиз, 1928. – 621 с.
- 89.Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1: развитие ручного огнестрельного оружия от заряжания с дула и кремнёвого замка до магазинных винтовок / В.Г. Фёдоров. – М.: ГВИНО СССР, 1938. – 200 с.
- 90.Фёдоров В.Г. История винтовки / В.Г. Фёдоров. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940. – 124 с.
- 91.Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Выпуск 12 (98). – Часть I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/>.

Научная литература на английском языке:

- 92.Achtermeier W.O. The Turkish Connection. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // Man at Arms. – 1979. – Vol. 1 (2). – P. 12-21.
- 93.Aksan V. The Ottomans (1700-1923) / Virginia Aksan. – New York: Routledge, 2022. – 400 p.
- 94.Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828-1921 / William Edward David Allen, Paul Muratoff. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – 614 p.
- 95.Alloul H. “Me among the Turks?”: Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // European Review of History: Revue européenne d’histoire. – 2020. – Vol. 27 (1-2). – P. 88-110.
- 96.Anscombe F. Islam and the Age of Ottoman Reform. // Past and Present. – 2010. – Vol. 208. – Oxford: The Past and Present Society. – P. 159-189.

97. Bennett J. The “Aynalı Martini”: The Ottoman Army’s First Modern Rifle // *Anatolica*. – 2018. – Vol. XLIV. – P. 229-255.
98. Cox M., Lenton J. *Crimean War Basics. Organisation & Uniforms. Part two – Russia & Turkey* / Michael Cox, John Lenton. – Leeds: Raider Books, 1988. – 45 p.
99. Çalışır M.F. Decline of a “Myth”: Perspectives on the Ottoman “Decline” // *The History School*. – 2011. – № IX. – P. 37-60.
100. Gábor A. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500-1800 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2011. – Vol. 12. – No. 2. – P. 281-319.
101. Hacısalıhoğlu M. Inclusion and Exclusion: Conscription in the Ottoman Empire // *Journal of Modern European History*. – 2007. – Vol. 5. – No. 2. – P. 264-286.
102. Hale W. *Turkish Politics and the Military* / William Hale. – Padstow: Routledge, 1994. – 384 p.
103. Heinzelmann T. Changing recruiting strategies in the Ottoman army, 1839-1856. // *The Crimean War (1853-1856)* / ed. by Jerzy W. Borejsza. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2011. – P. 19-38.
104. Karakoç E., Mete A.S. The Effects of the Firearm Purchasings on the Ottoman Financial Structure during the Military Modernization (1853-1908) // *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. – Ağustos 2020. – № 49. – P. 293-312.
105. Kołodziejczyk D. Whose Nation? Mustafa Djelaleddin between Ottomanism and Turkism // *The Crimean War, 1853-1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals* / Ed. by J. Borejsza. Warszawa: Neriton, 2007. – P. 115-128.
106. Köksal Y. *The Ottoman Empire in the Tanzimat Era* / Yonca Köksal. – New York: Routledge, 2019. – 208 p.
107. Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteen Century // *Middle Eastern Studies*. – 1982. – Vol. 18. – No. 3. – P. 227-249.

108. Levy A. The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826-39 // *International Journal of Middle East Studies*. – 1971. – Vol. 2. – No. 1. – P. 21-39.
109. Lewis B. Some Reflections on the Decline of the Ottoman Empire // *Studia Islamica*. – 1958. – № 9. – P. 111-127.
110. Palmer A. *The Decline and Fall of the Ottoman Empire* / Alan Palmer. – New York: Barnes & Noble, 1994. – 308 p.
111. Peirce L. Changing Perceptions of the Ottoman Empire: The Early Centuries // *Mediterranean Historical Review*. – 2004. – Vol. 19. – No. 1. – P. 6-28.
112. Quataert D. *The Ottoman Empire, 1700-1922* / Donald Quataert. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 238 p.
113. Shaw S.J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808-1975* / Stanford J. Shaw. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 548 p.
114. Shaw S.J. Ottoman Expenditures and Budgets in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *International Journal of Middle East Studies*. – Oct. 1978. – Vol. 9. – No. 3. – P. 373-378.
115. Şimşek V. The First “Little Mehmeds”: Conscripts for the Ottoman Army // *Osmanlı Araştırmaları*. – 2014. – Vol. XLIV. – P. 265-311.
116. Taki V. *Russia's Turkish Wars. The Tsarist Army and the Balkan Peoples in the Nineteenth Century* / Victor Taki. – Toronto: Toronto University Press, 2024. – 321 p.
117. Talnamy Y. Conscription among the Nusayris ('Alawis) in the Nineteenth Century // *British Journal of Middle Eastern Studies*. – April 2011. – Vol. 38. – No. 1. – P. 23-40.
118. *The Cambridge History of Turkey. Vol. 3: The Later Ottoman Empire, 1603-1839* / Ed. by Faroqhi S.N. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 619 p.
119. *The Turks. T. 4: Ottomans* / editors: H. Celâl, O. Cem, K. Osman. – Ankara: Balkan Ciltevi, 2002. – 1023 p.

120. Trenk R.T. The Plevna Delay: Winchesters and Peabody-Martinis in the Russo-Turkish War // *Man at Arms*. – 1997. – Vol. 19 (4) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.militaryrifles.com/theplevnadelay>.
121. Urbanik A.A., Baylen J.O. Polish exiles and the Turkish Empire, 1830-1876 // *The Polish Review*. – 1981. – Vol. 26 (3). – P. 43-53.
122. Uyar M., Erickson E.J. *A Military History of the Ottomans* / Mesut Uyar, Edward J. Erickson. – Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2009. – 413 p.
123. Zürcher E.J. The Ottoman Conscription System, 1844-1914. // *International Review of Social History*. – 1998. – № 43. – P. 437-449.

Научная литература на турецком языке:

124. Aksu C. *Dâr-ı Şûrâ-yı Askeri (Kuruluşundan 1876 yılına kadar)*. Yüksek lisans tezi. – Ankara: T.C. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2004. – 123 s.
125. Ayan D. Kırım Savaşı'nda Görev Alan 1849 Macar Mültecileri // *İnsan Hareketliliği Uluslararası Dergisi*. – 2022. – Vol. 2 (1). – S. 38-71.
126. Aydın F. *Tanzimat'tan sonra askeralma kanunları* / Aydın Faruk. – Ankara: Genelkurmay basımevi, 1994. – 73 s.
127. Bayıl Y. 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı'nda Osmanlı Ordusunun İkmal ve İşesi // *History Studies*. – 2013. – Vol. 5 (1). – S. 17-38.
128. Bayrakdar B. Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. – 2019. – Vol. XIX (39). – S. 759-778.
129. Berkes N. *Türkiye'de Çağdaşlaşma* / Niyazi Berkes. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2012. – 598 s.
130. Beşirli M. II. Abdülhamid Döneminde Osmanlı Ordusunda Alman Silahları // *Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. – 2004. – Vol. 16 (1). – S. 121-139.
131. Çadırcı M. Anadolu'da Redif Askeri Teşkilâtının kuruluşu. // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. – 1963. – Vol. 8 (14). – S. 63-75.

132. Çavdar N., Budak B. Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzecki) (1826-1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. TTK Yayınları. – 2022. – Vol. VIII (35). – S. 375-396.
133. Çelik Y. Serasker. // TDV İslâm Ansiklopedisi. C. 36. – İstanbul: TDVİAM, 2009. – 590 s.
134. Çetin B. Osmanlı İmparatorluğu'nda Askerî Teknolojilerin Takibi (1700-1900) // Türkler. C. 13. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – S. 812-821.
135. Dinç G. Antalya Redif Taburu'nun Kuruluşu ve İşleyişi // XVIII. Türk Tarih Kongresi. C. 6. – Ankara: TTK Yayınları, 2018. – S. 191-211.
136. Dumont P. 1865 tarihinde Güney-Doğu Anadolu'nun ıslahı. // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Enstitüsü Dergisi. – 1979-1980. – Sayı 10-11. – S. 369-394.
137. Gölen Z. Jozef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // Türkiye-Polonya ilişkilerinde “temas alanları” 1414-2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı. TTK Yayınları. – 2017. – Vol. VIII (20). – S. 155-180.
138. Gümüş M. Mehmed Sadık Paşa (Michal Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvarî alayı // Turkish Studies. – 2010. – Vol. 5 (3). – S. 1362-1375.
139. Kara H. Sultan II. Abdülhamit devrinde Osmanlı harp okulunda modernleşme: “Modernist-gelenekçi subaylar arasındaki üzerine bir değerlendirme” // Turkish Studies. – 2016. – Vol. 11 (21). – S. 551-564.
140. Karadaş Y. Osmanlı Ordusunda Modernizasyon ve Demodernizasyon, 1826-1918 / Yücel Karadaş. – İstanbul: Doğu Kitabevi, 2016. – 448 s.
141. Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 5: Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789-1856) / Enver Ziya Karal. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2007. – 327 s.
142. Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 6: Islahat Fermanı Devri (1856-1861) / Enver Ziya Karal. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2007. – 340 s.
143. Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. 7: Islahat Fermanı Devri (1861-1876) / Enver Ziya Karal. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2007. – 395 s.
144. Karal E.Z. Zarif Paşa'nın Hatıratı (1816-1862) // Belleten. – 1940. – Cilt 4. – S. 443-496.

145. Karaman K.K., Pamuk Ş. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500-1914 // The Journal of Economic History. – September 2010. – Vol. 70. – №. 3. – P. 593-629.
146. Köktaş A.M., Gölçek A.G. Endüstri Devrimi ve Osmanlı İmparatorluğu: Askeri Fabrikalaşma Örneği // Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. – Ekim 2016. – Vol. 9 (4). – S. 95-105.
147. Köprülü O.F. Fuad Paşa, Keçecizade. // TDV İslâm Ansiklopedisi. C. 13. – İstanbul: TDVİAM, 2009. – 560 s.
148. Kurt M., Kuzucu K. 19. Yüzyılda Osmanlı Sanayileşmesi Sürecinde Kurulan Devlet Fabrikaları: Bir Envanter Çalışması // OTAM. – 2016. – № 40. – S. 245-277.
149. Nuri Y. Fırka-yı Islahiye Ordusunun Özellikleri ve Faaliyetleri // Akademik Bakış. – 2012. – Vol. 5 (10). – S. 113-127.
150. Ortaylı İ. İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı / İlber Ortaylı. – İstanbul: Timaş, 2008. – 335 s.
151. Özcan T. 1828-1829 Osmanlı-Rus Savaşı Sırasında Yaşanan Sağlık Sorunları // History Studies. – 2010. – Vol. 2/3. – S. 257-271.
152. Sakaoglu N. Osmanlı'dan günümüze eğitim tarihi / Necdet Sakaoglu. – İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2003. – 402 s.
153. Sarıbal İ. Pertevniyal Valide Sultan'ın El Konulan Hazinesine Dair Tutulan Bir Defterin Analizi // Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi. – 2018. – Vol. IV (1). – S. 131-154.
154. Soyuler S. Tüfenkhane-i Âmire'yi Mamur Kılmak: Osmanlı Tüfek İmalatında Avrupalı Uzmanların Rolü // Osmanlı Araştırmaları (The Journal of Ottoman Studies). – 2018. – № LII. – S. 267-309.
155. Şahin H. Kırım Harbi'nde (1853-1856) Doğu Anadolu Cephesi'nde cereyan eden muharebelerde başı-bozuk birlikleri // A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2013. – № 49. – S. 343-358.
156. T.C. Genelkurmay harp tarihi başkanlığı. Türk silahlı kuvvetleri tarihi. – III Cilt. – 5. Kısım (1793-1908). – Ankara: Genelkurmay Basımevi, 1978. – 858 s.

157. Tunalı A.C. Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839-1876). Doktora tezi. – Ankara: T.C. Ankara Üniversitesi, 2003. – 253 s.
158. Ünal U. Sultan Abdülaziz devri Osmanlı kara ordusu (1861-1876) / Uğur Ünal. – Ankara: Türk Tarih Kurumu yayınları, 2016. – 278 s.
159. Ünal U. Sultan Abdülaziz döneminde Bosna Nizâmiye alayları (1861-1876). // TTK Belleten. – 2017. – Vol. 81 (290). – S. 227-242.
160. Yıldız A. Osmanlı Devleti'nin Borçlanmasında Osmanlı Bankası'nın Rolü ve Önemi // Elektronik Sosyal Bilgiler Dergisi. – 2011. – Vol. 10 (36). – S. 318-330.

Научная литература на польском и черногорском языках:

161. Adrović A. Mustafa Dželalettin Paša // MATICA Časopis Matice crnogorske. – 2018. – № 73. – S. 115-144.
162. Chudzio H. Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // Studia z historii społeczno-gospodarczej. – T. 9. – 2011. – S. 153-172.
163. Dopierała K. Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // Studia Historyczne. – 1997. – № 5. – S. 51-61.
164. Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku, tom VII / pod red. Piłatowicza J. – Warszawa: Polskie Towarzystwo Historii Techniki, 2001. – 285 s.
165. Kaim A.A. Konstanty Borzęcki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // Studia Migracyjne Przegląd Polonijny. – 2020. – Vol. 2 (176). – S. 281-306.
166. Karbownik K. Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853-1856 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – 2012. – Vol. 13 (64). – S. 215-233.
167. Skałuba P. Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysockiego w latach 1853-1855 // Bezpieczeństwo. – 2010. – № 3-4. – S. 211-218.
168. Zlatanov A. Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. – 2019. – Vol. LIII (2). – S. 111-130.